СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Приокские зори

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1

2019

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:

Орден Гаврилы Романовича Державина — знак литературно-общественной премии «Живи и жить давай другим...» (Г. Р. Державин «На рождение царицы Гремиславы» Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову» — в честь 300-летия со дня рождения великого русского ученого-энциклопедиста и основоположника современной русской поэзии

Медаль к 190-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова — знак лауреата Некрасовской литературной премии

Приокские зори

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ

2019 — 1(54)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Свобода человека: несотворенность или осознанность? (К 145-летию со дня рождения выдающегося русского философского писателя Николая Александровича Бердяева (1874—1948)..... 3
КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ
Виталий Ковалев, Олеся Янгол. Ночи Дианы: из книги «Побережье наших грез» (продолжение)..... 24
Геннадий Маркин. Шахта плюсует: из повести «Звезда над копром»..... 35
Николай Тютюнник. Кот по кличке Заба. Почти невероятная история (повесть)..... 44
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ
Михаил Смирнов. Дачный сезон..... 61
Алексей Яшин. Отголоски ленд-лиза..... 68
Владимир Десятников. Как вкусно пахло хлебом..... 82
Ефим Гаммер. Родом из Одессы (эссе)..... 85
Александр Шерстюк. Из цикла «Сказы-коротышки»..... 96
Яков Шафран. «Живите с драйвом!» (фельетон)..... 105
Николай Макаров. Краснознаменные афганцы. Верность присяге..... 108
Федор Ошевнев «Штопор»..... 115
Анатолий Коновалов. Крошки хлеба..... 129
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ
Анатолий Аврутин. Новые стихотворения..... 138
Владимир Корнилов. Случай в аэропорту..... 143
Валерий Демидов. *Personalia*..... 149
Ирина Васильева. Февраль..... 157
Сергей Филиппов. Новые стихи..... 164
Елена Гусева. Золотистая пыль..... 170
Кристина Ашуркова. Заиндевевший храм..... 174
Сергей Никулов. Открытое письмо... 178
Владимир Шугля. Отцовской тропой..... 182
Виктор Мызников. Десять лет спустя..... 189
Елизавета Баранова (Весина). Поэма Боль..... 191
Александр Конопля. Записки охотника..... 195
Александр Дивеев. Звездный букет..... 200
Виталий Кузнецов. Зимнее солнцестояние..... 204
Олег Лузанов. У окна..... 207

Элина Ульянова. «Ты помнишь первый поцелуй?»..... 212
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
Игорь Карлов. Писатель против пипа..... 215
Валерий Румянцев. Дождемся ли мы нового Достоевского?
(О рассказах Федора Ошевнева и не только)..... 226
Евгений Трещев. Все преходяще. Небо — вечно... 230
Олег Сешко. Витебский листопад — 2018..... 233
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ
(Материалы авторов и об авторах: Евгений Скоблов, Ольга Карагодина, Борис Рябухин, Федор Ошевнев, Владимир Корнилов, Валерий Румянцев, Сергей Сенин, Николай Иванов, Алексей Яшин, Леонид Иванов, Л. Н. Лапина, Людмила Авдеева, Анна Барсова, Валерий Акимов, Николай Макаров, Игорь Карлов, Евгений Асташкин, Анатолий Коновалов)..... 235

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — markingennady@yandex.ru; поэзия — timohin@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — зав. отделом прозы Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Игорь КАРЛОВ (Эль-Кувейт, Кувейт) — зав. отделом международных связей
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом литературы Поволжья
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
Николай МАКАРОВ (Тула)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Тула)
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Сергей СЕНИН (Тула)
Евгений СКОБЛОВ (Москва) — первый зам. председателя Правления АРЛ
Валентин СОРОКИН (Москва)
Николай ТИМОХИН (Семипалатинск, Казахстан) — и.о. зав. отделом поэзии
Вадимир ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом критики и литературоведения
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:
— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Истоки» (Красноярский край)
— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
— журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)
— «Общеписательская литературная газета» (Москва)
— газета «Тульская правда»
— газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы, Тульского госуниверситета и ТРО СПР

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: http://www.pz.tula.ru (в PDF формате). См. также на сайте «Русское поле»: http://priokskie.ruspole.info и на сайте «Мегалит: евразийский журнальный портал»: http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html

Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» публикуется в электронном виде на сайтах: http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html, http://www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html и http://priokskie.ruspole.info

Адреса журнала «Приокские зори» и альманаха «Ковчег» в «Журнальном мире» — едином ресурсе русскоязычных литературных журналов и альманахов: http://журнальныймир.рф/zhurnaly/priokskie-zori http://журнальныймир.рф/zhurnaly/kovcheg

Адреса страниц журнала «Приокские зори» и «Ковчега» в Фэйсбуке: https://www.facebook.com/PRIOKZORI2017/ https://www.facebook.com/groups/830445600458209/?fref=ts

© «Приокские зори», 2019

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА: НЕСОТВОРЕННОСТЬ ИЛИ ОСОЗНАННОСТЬ?

К 145-летию со дня рождения выдающегося русского философского писателя Николая Александровича Бердяева (1874—1948)

Никакого умственного влияния я не мог воспринять иначе, чем получив санкцию от моей свободы. Поэтому я самый нетрадиционный человек на свете. Мне даже не нужно было разрывать с какими-либо авторитетами, я их не имел. Но были философы и писатели, которые особенно питали мою любовь к свободе духа, подтверждали ее и помогали ее развитию во мне. В этом отношении огромное значение для меня имела «Легенда о Великом инквизиторе» и вообще Достоевский (С. 58).*

Философия русского космизма. В отличие от классической немецкой философии (Кант, Гегель, Шеллинг, Фихте и Фейербах, на котором, говоря словами Энгельса, эта классическая философия и заканчивается), французского просветительства (Вольтер, Дидро, Руссо, Дешам, Кавеньяк, Ламетри и др.), английского эмпиризма и объективного идеализма (Юм, Бертран Рассел — и все, кто «между ними»), русская философская мысль шла своим собственным, ни на чей не похожим путем. Укрупненно этот путь можно охарактеризовать двумя ведущими тенденциями-направлениями. Во-первых, выраженная литературная эманация (это не литературоведческая трактовка), что сразу бросается в глаза с первых страниц чтения произведений С. Н. Булгакова (отца Сергия), Н. А. Бердяева, В. В. Розанова, да и всех других русских философов-космистов. Во-вторых, воистину космическим ареалом мышления; отсюда и принятое наименование «русский космизм»: Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский, П. А. Флоренский, А. Л. Чижевский, В. И. Вернадский; из сегодняшних современников — наши старшие научные коллеги (то есть автора коллеги), в определенной степени и учителя — В. П. Казначеев (к сожалению, недавно покинувший этот не из лучших миров...) и А. И. Субетто; с предисловиями последних уже свыше десятка лет выходят наши научные книги серии «Живая материя и феноменология ноосферы». Несомненно, что и названные выше классики русской философии также относятся к числу космистов.

Вне всякого сомнения, Н. Ф. Федоров и Н. А. Бердяев стоят у самых вершин философии русского космизма. Тем не менее в отношении Бердяева в философском литературоведении, как «заказном от идеологии», так порой и наивно-искреннем — от неофитов, порой возникают сомнения в космичности его мышления. При этом те, кто стремится «быть святее папы римского», ссылаются собственно на утверждения

* Здесь и далее указание страниц относится к изданию: Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии).— М.: «Книга», 1991.— 446 с.

самого Бердяева, навроде: «*Растворение личности, неповторимой индивидуальности в безликой божественности, в отвлеченном божественном единстве противоположно идее о человеке и о богочеловечности. Это всегда означает победу космоцентризма над антропоцентризмом. Для меня нет более антипатичной идеи, чем идея растворения человека в космической жизни, признанной божественной. Это космическое прельщение прельщало и соблазняло многих в начале XX века*» (С. 181).

...И при этом еще добавляют, что автор подобных утверждений суть «религиозный и политический философ» и «представитель русского экзистенциализма и персонализма». Но против такого «приговора» выступает, причем неизмеримо намного мощнее, само содержание книг Бердяева: выступает *концепция* против «удачно» вырванных цитат. Но об этом чуть ниже пойдет речь.

Литература о русских космистах необъятна, поэтому вряд ли мы впервые определим их, в первую очередь Бердяева, Розанова и Булгакова, как *философских писателей*. Это нисколько не умаляет, тем более не уничижает, фундаментальность их собственно философского наследия. Просто они были русскими людьми, в смысле — носителями русского мироощущения, потому их философия творческого порыва ближе к литературной форме *изложения мысли*, нежели четкая логическая упорядоченность мышления европейских философов «сумрачного германского гения», «острого галльского ума» и протестантского утилитаризма английской философии (см. выше).

В определении философских писателей русские космисты в некотором смысле схожи разве что с представителями французской философской мысли. Весьма характерно, что выдающийся представитель последней, наиболее влиятельный участник философского общемирового процесса конца XIX — начала XX вв., причем философ-естественник, близкий к биологии и физике движения жизни, Анри Бергсон в 1927 году за свой труд «Творческая эволюция» стал лауреатом Нобелевской премии по *литературе*. И сам Н. А. Бердяев семь раз номинировался Шведской академией в 1942—1948 гг. на Нобелевскую премию по *литературе**. Правда, сам он, как и Лев Толстой в аналогичной ситуации, относился к его выдвижению достаточно спокойно. В автобиографии только раз как-то высказался на этот счет в том смысле, что вот выдвинут на Нобелевскую премию, но вряд ли ее когда получит, ибо для этого ему следует предпринять некие действия, что он делать, конечно, не будет. У Толстого и Бердяева это вовсе не снобизм, но нежелание заниматься нарочитыми «лавроностными» устремлениями...

Но в молодой Советской России философы-космисты оказались невостребованными. Да они и сами прекрасно это понимали, когда в сентябре 1922-го года, накануне пятилетия Октябрьской революции, двадцать пять (с семьями семьдесят пять) наиболее видных представителей русской общественной и философской мысли, преимущественно религиозной и «космической», были высланы из страны, причем «за свой счет», то есть изгоняемые вскладчину наняли пароход «*Oberburgermeister Haken*», вошедший в историю как «философский пароход», на котором и прибыли из Петрограда в немецкий Штеттин. В своей философской автобиографии Н. А. Бердяев пишет: «*Высылалась за границу целая группа писателей, ученых, общественных деятелей, которых признали безнадежными в смысле обращения в коммунистическую веру. Это была очень странная мера, которая потом уже не повторялась. Я был выслан из своей родины не по политическим, а по идеологическим причинам. Когда мне сказали, что меня высылают, у меня сделалась тоска. Я не хотел эмигрировать, и у меня было отталкивание от эмиграции, с которой я не хотел слиться*» (С. 241).

---

* В нынешнее время идея этой премии по литературе потерпела окончательное фиаско: после присуждения ее политизированной (антисоветской) публицистке из Белоруссии и американскому рок-певцу сам себя оконфузивший Нобелевский комитет в текущем году решил ее вовсе не присуждать...

И чуть ниже Бердяев пишет на этот же счет: «*...Мне сказал любопытную фразу мягкий и сравнительно культурный коммунист К. ...«В Кремле надеются, что, попав в Западную Европу, вы поймете, на чьей стороне правда». Это должно было значить, что я пойму неправду капиталистического мира. Фраза эта могла быть сказана в Кремле лишь представителями старой коммунистической интеллигенции, ее вряд ли бы сказали коммунисты новой формации... Я всегда понимал эту неправду, я всегда не любил буржуазный мир*» (С. 243—244).

...Здраво и безэмоционально рассуждая, «философский пароход» достаточно мирно «развел» молодую советскую власть и плеяду русских философов-космистов в том смысле, что в плане эволюции социально-философской мысли последние намного, слишком намного, опередили текущие общественно-научные интересы данной власти, потому их дальнейшее развитие в Советской России явилось бы нонсенсом. Их время так и не пришло до окончания существования СССР. И сейчас ох как далеко от пришествия этого времени! С другой стороны, в той или иной степени русские космисты и за пределами своей родины свое учение развивали, а советская власть освободилась от условной занозы, мешавшей ее движению. Словом, как всегда прав «острый галльский ум»: «*Laisser faire, laisser passer*»*.

Но в Советской России остались и плодотворно развивали свои учения представители русского космизма нового поколения. Здесь важен момент: все они имели естественное образование и были по нему востребованы в СССР, то есть их космическая философия проходила в глазах властей «вторым планом», а потому и не привлекала (исключая П. А. Флоренского) сколь-либо пристального внимания властей. Ладно калужский учитель математики К. Э. Циолковский, будущий основоположник космонавтики, еще никому не известный, печатал за свой счет (это как сейчас...) в губернской типографии свои философские «Очерки о Вселенной», но ведь П. А. Флоренский уже в 1914 году издал свой основной религиозно-философский, почти 1000-страничный, труд «Столп и утверждение истины»... и не попал восемь лет спустя на борт «философского парохода»! — А потому что, как и Циолковский математик по образованию, Павел Александрович, вскоре ставший священником отцом Павлом, служил в советских учреждениях по линии науки и искусства, преподавал, писал и издавал сугубо светского, научного характера книги: математическую «Мнимости в геометрии», искусствоведческую «Обратную перспективу», прикладную, физико-техническую работу о свойствах диэлектрических материалов... И если он погиб в «ежовщину» тридцать седьмого года, то причина этого кроется в его священстве по преимуществу.

Что же касается академика В. И. Вернадского, то именно в год «философского парохода» он читал в парижской Сорбонне курс лекций по биогеохимии Земли, основам теории биосферы и новаторскому учению о грядущей ноосфере, воспринимался в Советской России прежде всего как выдающийся биогеохимик. Опять же в научных и властных кругах помнили его докладную записку 1910 года императору «О необходимости исследования радиоактивных минералов Российской империи», в которой он предвосхитил дальнейшие работы в СССР и на Западе по военному (атомная бомба) и мирному (электростанции) использованию атомной энергии. Таким же научным пиететом были представлены работы А. Л. Чижевского по гелиоэнергетике и гелиобиологии.

...Задача настоящей пространной преамбулы к очерку состоит в показе преемственности русской и советской научных школ философии космизма, в которой проблематика свободы человека является неотъемлемым звеном.

---

* Принято переводить этот французский фразеологизм как «предоставьте вещам идти своим ходом».

Онтогенез жизни, виртуальная реальность и свобода мысли в русской философии космизма. Договоримся в части терминологии, коль скоро она имеет свойство достаточно скоро меняться во времени. Это не относится к онтогенезу, как к общенаучному базовому понятию. Виртуальная реальность — современный термин: и в науке, и, что называется, «на слуху». У классиков русской философии космизма данное понятие явно не проступает, но обычно соотносится с определенным сближением вещи в себе и <рационального, реального> явления, хотя бы Кант в своей метафизике их сугубо различал. Таковая неопределенность для названных классиков понятна: в их время виртуальная реальность еще — назовем это так — «не технизировалась», не стала собственно явлением, понятным, как это наличествует сейчас, любому образованному <да и не очень...> человеку. Ближе всех из философов-космистов к понятию виртуальной реальности опять-таки подошел Н. А. Бердяев: «*...Но бытие рационально лишь потому и потому лишь выразимо в понятии, что оно предварительно рационализировано и что само оно есть понятие. По усовершенствованной мной впоследствии терминологии бытия, с которым имеет дело рациональная гносеология и онтология, е с т ь у ж е п р о д у к т м ы с л и (выд. нами.— А.Я.)*» (С. 99).

Суть высказывания — см. выделенные нами слова. Наконец, свобода мысли ≡ свобода духа ≡ свобода человека (≡ есть знак тождественности) — в этих терминах нет разночтения, но каждый из них употребляется в имманентном ему контексте.

Онтогенез, виртуализация и свобода суть в современном понимании троякое основание философии космизма, о чем и пойдет ниже речь.

Русские философы-космисты, как классики, так и воспоследователи их в XX—XXI вв., есть, вне всякого сомнения, уникальное явление во всемирной истории философской мысли человечества. Еще классики космизма (см. выше), отдаленные от нас сравнительно небольшим временным отрезком, тем не менее, они за сотню лет до наших реалий и впервые создали достоверные сценарии, которые мы воочию «проигрываем» сейчас в ожесточенной схватке с уставшей от человеческой тирании природой. Девиз «*капитализм есть затянувшаяся болезнь человечества*» начертан на знаменах как классиков, так и их последователей, включая современных, философии русского космизма (см. выше цитату из «Самопознания» Н. А. Бердяева, где речь идет о контингенте «философского парохода»).

Именно философы-космисты заложили основу науки о <свершающемся сейчас «через глобализацию»> переходе биосферы Земли в *новую биогеохимическую оболочку* — термин В. И. Вернадского, о соотношении онтогенеза жизни, виртуальной реальности и свободы духа. Попробуем разобраться в этих вопросах по теме настоящего очерка. И еще один существенный момент. Диалектика и прогноз в части онтогенеза жизни на Земле также — и естественно! — применимы в действии тех же законов в гипотетических явлениях жизни на других объектах Вселенной: неважно, в белково-нуклеиновом варианте, как у нас, в каком-либо другом, даже... в полевом виртуальном. Законы же физики и химии едины для всего Мироздания. Здесь «пальму первенства» в среде философов-космистов, конечно, отдадим К. Э. Циолковскому с его «Очерками о Вселенной».

Самое существенное, что человечество Земли *именно сейчас*, вступив в новый век и тысячелетие, переживает тот этап эволюции *homo sapiens*, который В. П. Казначеев называет *коэволюцией*, что, в свою очередь, означает: *а*) выраженное ускорение в своей эволюции; *б*) осознание своей роли в биогеохимической трансформации Земли; *в*) взаимоприспособление самого себя к биосферно-ноосферной системе (по В. И. Вернадскому и В. П. Казначееву). Последний момент, пожалуй, является наиболее существенным в феномене коэволюции. Именно в нем — исток <а сейчас и поток!> искусственно конструируемой человеком виртуальной реальности в онтогенезе продолжающей развиваться жизни.

Прочувствовать особенность мышления философов-космистов из числа классиков в самой прямой связи с феноменом виртуальной реальности можно, например, на основе анализа работы «Обратная перспектива» П. А. Флоренского, в которой он сравнивает обычно понимаемую «прямую» перспективу, то есть *уменьшение* размера объекта по мере удаления его от глаз, и так называемую «обратную» — наоборот, *увеличение* размера,— характерную, например, для русской иконописи XIV—XVI вв. и, добавим мы, для живописи флорентийской школы Брунеллески, но особенно <и демонстративно> для творчества художников-примитивистов: Марк Шагал и Иван Генералич (Югославия), в частности. Флоренский делает вывод: «*И перспективность (здесь и далее выд. П. А. Флоренским.— А.Я.) изображений отнюдь не есть свойство вещей, как мыслится в вульгарном натурализме, а лишь прием символической выразительности, один из возможных символических стилей, художественная ценность коего подлежит особому обсуждению, но именно как таковая, вне страшных слов о своей правдивости и притязаний на запатентованный «реализм»*.

Таким образом, в современной терминологии в анализе Флоренского прямую и обратную перспективы можно трактовать как «реальность» и «виртуальную реальность». Определяющие термины взяты нами в кавычки, учитывая данное Флоренским определением перспективы *вообще*, как приема символической выразительности. Из приведенного частного экскурса видно, что русским космистам, при всей литературной выразительности их текстов, присуще глубинное проникновение в суть вещей и их отношений. Анализируя — в сопоставлении с классической и современной (неопозитивизм — утилитаризм) западной философией — работы русских космистов, можно определенно утверждать, что у них на одно из первых мест выдвигаются вопросы динамики онтогенеза жизни на Земле. Это их принципиальное отличие, о чем столь же определенно говорит В. П. Казначеев.

Согласно его утверждению, в современном понимании коэволюции человека в рамках формирования ноосферы все человечество объединяет мысль, интеллект *homo sapiens*. Такая коллективная мысль материализуется в вещественно-полевых объектах — продуктах направленной деятельности человека. Возникают естественные вопросы: *а*) о сущности (направлении) векторизации неутомимой работы мысли и рук человека; *б*) о том, каким образом учитываются в этой деятельности условия антропности, то есть условия для (гарантированного) самосохранения человечества — и как животного вида, и как движущей силы ноосферного строительства; *в*) ...и вопрос *о свободе (воли) человека*, что особенно важно при доминанте в ноосфере *коллективной* мысли (см. выше).

Эти вопросы во многом остаются открытыми в современной оценке онтогенеза жизни, о чем пишет В. П. Казначеев в работе «Общая патология: Сознание и физика»: «*Эта проблема XXI века стоит, наряду с другими глобальными проблемами, на том же уровне, что и проблема коэволюции человечества к своему собственному обобщенному интеллекту, своему познанию, к своей мысли, культуре. Если его планетарный интеллект попадет в виртуальный мир и будет отражать в искаженном виде процесс эволюции Вселенной и своей планеты, то, конечно, он последовательно будет нас вести к катастрофам, несоответствию нашего бытия тем условиям и процессам, которые реализуются в пространстве бытия*».

Таким образом, свобода (воли) человека в эпоху <современного> биосферно-ноосферного перехода напрямую коррелирует с виртуальной реальностью. Определим ее в данном контексте.

Онтогенез сознания и виртуальная реальность. Итак, нынешний человек все более осознает собственную коэволюцию. Отсюда непреложно следует: мы вступили в некоторую предкритическую стадию онтогенеза человека. Точно так же, как изрядно уставший путник, преодолевший множество невзгод и трудностей торения тропы

в неведомой местности, почувствовав, что важный и сложный участок пути близок к завершению, но впереди еще более неизведанные дали и чащобы, с которыми он ранее и близко не соприкасался, устроил дневку, подводя итоги пройденного и раздумывая о грядущих испытаниях, так и современное человечество — в лице мыслящей его части — призадумалось на рубеже веков и тысячелетий.

Виртуальная реальность — важный аспект таких раздумий. Вот почему современный русский ученый и философ-космист В. П. Казначеев, признанный продолжатель учения В. И. Вернадского о ноосфере, ставит во главу угла вопрос о векторизации движения «суммарного» интеллекта планеты Земля: интеллекта, воплощенного и реализующегося в культуре, духовных устремлениях (это только, на наш взгляд, о «реликтовой» России), научном и техническом прогрессе и так далее. Симптоматично, что В. П. Казначеев особо оговаривает информационные и астрофизические составляющие научной и прикладной мысли. Поясним последний тезис, как мы его понимаем.

Это не случайный выбор в переплетении приоритетов современной науки и практики. Не будем останавливаться на роли информационных технологий — это всем самоочевидно. Недаром последнюю четверть XX и начало XXI веков обоснованно ассоциируют с информационным взрывом. Не в смысле (как это «понимает» и внушает масс-медиа) пресловутого «потока информации». Нет, это скорее поток информационного шума, зацикленного объема информации, а чаще — прямой дезинформации. Речь идет о качественном скачке *в средствах* обработки, передачи и внедрении информации.

Другой акцент — астрофизический — менее понятен масс-медиа и окормляемой ими человеческой массе, которая к началу XXI века практически обрела статус *мелкобуржуазной биомассы*. А как раз именно фактор астрофизический, то есть космизм, выступает на первое место при осмыслении уже свершившегося перехода биосферы в ноосферу. Фактор этот имеет две стороны: *а*) извечная проблема и мечта человека о выходе в космос; *б*) осознание антропности космоса и планетарной жизни — как неотделимого от космоса компонента.

С учетом сделанных пояснений и следует анализировать векторность движения суммарного разума человечества в <настоящий> момент перехода *homo sapiens* в качество *homo noospheres*. Существенно — по анализу В. И. Вернадского и В. П. Казначеева,— что векторизация антропности в период наступающей ноосферы характеризуется высвобождением биогенной энергии в форме дальнейшей эволюции мышления, то есть раскрытия человеком тех составляющих *фундаментального кода Вселенной* (термин наш), которые дают полезную, с позиции коэволюции человека, информацию. Здесь мы придерживаемся ранее высказанного тезиса о том, что человек *не создает* информацию, но *открывает* ее, уже заложенную в фундаментальном коде — физическом инварианте идеи Бога — в форме матрицы, конкретное наполнение которой определяется условиями и формой (белково-нуклеиновой) существования жизни на Земле.

Именно на этапе ноосферы ожидается количественный, может и качественный, рост активности мышления человека.— Имеется в виду коллективное мышление на базе биологического человеческого мышления и создаваемой человеком виртуальной реальности. Поэтому мы определяем суть и категории виртуальной реальности исключительно по их объективизации. Заметим, что если (классики) философы-космисты создали онтологическую основу соотнесения индивидуального и коллективного мышления, то естественники-космисты, то есть В. И. Вернадский, Э. С. Бауэр, А. Г. Гурвич, К. Э. Циалковский, А. Л. Чижевский, Н. А. Козырев, В. П. Казначеев и другие, в том числе ныне активно работающие, строили свои теории и учения на

конкретной исследовательской базе — не только в рамках современного им знания, но далеко опережая его порой. Так феномен Н. А. Козырева о синхронном существовании материи в различных временных «точках» определяет время как физическое явление и тем самым доразвивает теорию И. Пригожина (жившего в Бельгии, но по своей «русскости» явно тяготевшему к космизму) о векторизации времени и обратимости временны́х процессов в иерархически сложных, неустойчивых структурах <с фазовыми переходами второго рода>, то есть в биосистемах.

В то же время обратимость времени, как физического явления, прямо указывает на двойственность процессов, *что есть обоснование фундаментальности феномена виртуальной реальности*.

Коль скоро виртуальная реальность *вневременна*, то имманентным будет данное В. П. Казначеевым <см. названную выше работу> определение сознания: «*Синхронно существуют прошлое, настоящее и будущее. В механизмах этой «голограммы», вероятно, содержится тайна научного сознания, научной мысли, того интеллекта, о которых говорил В. И. Вернадский. Ставится вопрос о том, что указанное «совмещение» прошлого, настоящего и будущего является базисным механизмом того явления, под которым мы сегодня понимаем сознание (выд. В. П. Казначеевым.— А.Я.)*».

С позиций рассматриваемых определений, данных философами и естественниками школы русского космизма, в части соотнесения онтогенеза сознания и виртуальной реальности далее рассмотрим замыкающее звено триады (см. выше), а именно свободу (воли) человека.

Несотворенность и осознанность свободы человека. Перейдем в рассматриваемой тематике от преимущественно естественно-научных категорий к сугубо философским. На современном уровне *системного* знания они коррелируют по сути и почти что терминологически...

Предварительно поясним термин «несотворенность» и коренное, онтологическое отличие понятий несотворенности свободы и осознанности свободы. Поясним на понятном примере теологического характера. Если в иудаизме и в христианстве канонические тексты священных книг этих религий, Ветхого и Нового заветов, соответственно, полагаются *сотворенными*, то в исламе принят догмат о *несотворенности* Корана. То есть Ветхий завет — его книги — создавались в разное время ветхозаветными пророками и иными авторами, а Новый завет — апостолами Христа по преимуществу. Догматические учения обеих этих религий не только не отрицают сотворенности своих священных книг, но подчеркивают этот факт самими названиями книг, составляющих корпуса названных заветов. Более того, иерархами иудаизма и, особенно, христианства приветствуются археологические находки (пещеры Наг-Хаммади, Египет, 1945 г. и др.) с текстами заветов: исходными, с каноническими и неканоническими (апокрифическими) разночтениями. В исламе же догмат о несотворенности Корана не предполагает наличия — в период создания и посейчас — каких-либо разрозненных исходных, «черновых», канонических и апокрифических текстов. Утверждается, что текст Корана боговдохновенный, единожды раз и навсегда, без каких либо изменений, изъятий и дополнений, записан пророком Магометом (Мохамедом), что называется, аутентично со слов аллаха. Время написания определяется по подзаголовкам сур (глав): «меккская» или «мединская» — по названиям местопребывания Магомета: Мекка или Медина.

По данной аналогии несотворенность свободы человека понимается в том смысле, что она имманентна самой сущности и назначению человека, являющегося вершиной эволюции живого мира. В таком определении несотворенности свободы последнее есть совершенно иное, отличное от свободы осознанной, в отношении кото-

рой однозначно действенно утверждение гегелевской диалектики: свобода <человека> есть осознанная необходимость. Логическое ударение здесь ставится на определении «осознанная», то есть данное утверждение является ограничительным: человек ограничен в чувствованиях и проявлениях свободы (действий, убеждений, устремлений и так далее) *осознанно* в силу действия необходимости <бытия>, не допускающей некой абсолютной свободы. То есть — поясняем для исключения разночтения — не свобода, как таковая, является необходимостью для человека, но осознанная необходимость дает человеку допустимый ареал свободы. Гегелевское определение осознанной свободы без какой-либо трансформации перешло в философию диалектического материализма; оно же, если убрать терминологические наслоения, действенно и в философии утилитарного позитивизма — идеологии современного капитализма-империализма... и добавим: глобализма, но со множеством оговорок.

От определенных выше несотворенной и осознанной свобод, как семантически содержательных, имманентных соответствующим философиям и философским категориям, следует «отсечь» полностью ненаучное, демагогическое понимание «свободы личности» в современном буржуазном западном обществе. Его демагогия, выражаемая в пресловутых толерантности, политкорректности, признании общечеловеческих ценностей и пр. и пр., в эпоху глобализации является «рабочим инструментом» обезличивания человека и собственно трансформации человеческого социума в *человейник* (термин А. А. Зиновьева) с полным *расчеловечиванием* составляющих его индивидов. Пресловутая «свобода личности» мотивационно и содержательно суть видимая свобода выпущенного на «вольный» выпас домашнего скота, на ночь возвращающегося в свой хлев: в тепло и к дополнительной пайке кормежки... Такой суррогат свободы предельно точно определил очень умный немец Бисмарк: «Говорите что хотите, только слушайтесь».

Основы такого понимания свободы заложил Руссо в «Общественном договоре». Его религиозно-философский предшественник — Мартин Лютер: трактат «О рабстве воли».

В философии русского космизма наиболее полное обоснование несотворенности свободы принадлежит Н. А. Бердяеву.

Философия несотворенной свободы Н. А. Бердяева. Прежде всего заметим, что данное нами выше пояснение к гегелевскому определению осознанной свободы во многом коррелирует с аналогичным пояснением Бердяева: «*Не свобода есть создание необходимости (Гегель), а необходимость есть создание свободы, известного направления свободы*» (С. 57).

...Символично и атрибутивно сходство определений, данных в различное время и с разных философско-познавательных позиций. Во всяком случае оба они не соотносятся с буржуазной *arbitrium brutum**.

С учетом вот этого-то различия времени, то есть уровня мирового знания, и позиций авторов двух определений, сразу оговоримся: Бог в философии Н. А. Бердяева адекватен упомянутому нами выше фундаментальному коду Вселенной, а его развертывание во времени и в пространстве, то есть объективизация, материализация целеуказания кода, суть собственно эволюция Мироздания. Полагаем, что такое определение не вызовет возражений как теологов, так и сугубых материалистов.

А сейчас вернемся к «философу свободы» Бердяеву. Поскольку же он не отрицал своего определения «живого и страстного религиозного искателя и борца» (Г. П. Федотов), одновременно неформально входя в когорту русских философов-космистов самой «золотой» поры их творчества — конец XIX — первая половина XX вв., то, вообще говоря, было бы и излишним приводить предыдущее определение <Бог ≡

* Животная свобода выбора (лат.).

фундаментальный код>. Здесь различие только терминологическое, обусловленное все тем же отличием уровней естественно-научного знания в философии времени Бердяева и настоящего времени.

Итак, исходная позиция в философии свободы Бердяева его же словами: «*Я изошел от свободы, она моя родительница. Свобода для меня первичнее бытия. Своеобразие моего философского типа прежде всего в том, что я положил в основание философии не бытие, а свободу*» (С. 56).

В этом утверждении заключен весь катехизис несотворенности свободы. Еще раз отметим: имеется в виду не «бытовая» свобода буржуазного толка, не свобода винтика глобалистской машины человейника вращаться безостановочно — это и есть «свобода», причем только в заданном резьбой правом или левом направлении — это уже «осознанная необходимость», но свобода, имманентная эволюции Мироздания, в отношении человека — биоэволюция до недавнего времени, до технизации виртуальной реальности. В таком понимании свобода действительно несотворенная: раз она есть развертывание матрицы фундаментального кода Вселенной ≡ Мироздания, то как она может быть сотворена, если само Мироздание извечно и бесконечно во времени и в пространстве (τ, ν) — как во взгляде на прошлое и на будущее: $(\tau, \nu) \in (-\infty, \infty)$? У Бердяева то же самое в ипостаси Бога: «*В свободе скрыта тайна мира. Бог захотел свободы, и отсюда произошла трагедия мира. Свобода в начале и свобода в конце... У меня есть основное убеждение, что Бог присутствует лишь в свободе и действует лишь через свободу*» (С. 56).

Но здесь появляется и тема трагедии мира. Как она связана с несотворенной свободой? — Очевидно, что Бердяев в определении такой связи не то что солидарен, но прямо указывает (см. эпиграф к этому очерку) на Достоевского, его «Легенду о Великом инквизиторе»: «*...Я всегда знал, что свобода порождает страдание, отказ же от свободы уменьшает страдание. Свобода не легка, как думают ее враги, клевещущие на нее, свобода трудна, она есть тяжелое бремя. И люди легко отказываются от свободы, чтобы облегчить себя. Эта тема особенно близка Достоевскому*» (С. 56).

(К Достоевскому в контексте «Великого инквизитора» мы с достаточной полнотой его содержания обратимся далее в очерке). И далее Бердяев делает пояснение, созвучное приведенному выше, что свобода у него понимается не в упрощенной трактовке «свободы воли» (у нас «свобода бытия»), но в глубоком, кантовском, метафизическом смысле.

То есть, переходя из метафизики в материализм, что к настоящему времени есть основа философии познания (буржуазный неопозитивизм этого лицемерно-стыдливо не признает, он сам еще более «материалистичен», являясь философией утилитаризма...), определение свободы сохраняет свою сущность: *осознанная необходимость ограничивает ареал несотворенной свободы*.— Будем считать данное утверждение базовым. И хотя Бердяев явно не сформулировал это определение, но вся его философия является подтверждением и развитием сказанного выше. «*Все в человеческой жизни должно пройти через свободу, через испытание свободы, через отвержение соблазнов свободы. В этом, может быть, смысл грехопадения*» (С. 57).

Кроме Достоевского, Бердяев именно Канта, а с литературной «стороны» Ибсена, полагает источником своего понятия свободы: «*Из философов же наибольшее значение имел Кант. Философия Канта есть философия свободы, хотя, может быть, недостаточно последовательно, не до конца развитая. Еще Ибсен имел для меня большое значение, хотя и позже. В Ибсене видел я необыкновенно сильную волю к свободе*» (С. 58).

И приведем еще одну цитату из «Самопознания» Н. А. Бердяева, где он, спускаясь с философских высот мышления, говорит о своем, личностном осознании

свободы: «*Свобода не есть самозамыкание и изоляция, свобода есть размыкание и творчество, путь к раскрытию во мне универсума. Но размышляя о своей борьбе за свободу, я должен признать, что эта борьба часто увеличивала мое одиночество и мой конфликт с окружающим миром. Пафос свободы создал во мне и внутренний конфликт, прежде всего конфликт свободы и жалости, который я считаю основным*» (С. 63).

...Не следует людям советского, то есть выраженно коллективистского, воспитания настороженно относиться к самодовлеющему у Бердяева индивидуализму, или персонализму по другой треминологии. Ведь речь не идет о воспитательной ипостаси. Это как философ Владимир Соловьев (не путать с историком С. М. Соловьевым...) настоятельно призывал изъять из программ гимназий и училищ... изучение произведений Лермонтова (?!), как сугубого индивидуалиста. И это при всей любви Владимира Соловьева к Лермонтову. То есть образование человека есть его подготовка к восприятию идеологии, философии, наконец, социумной морали и выработки мировосприятия. Последнее же <выработка...> всегда следует за образованием и воспитанием. Именно поэтому индивидуалистическое, персоналистическое мировоззрение Бердяева не следует прямо соотносить с его философией свободы. Данный дидактический момент, что называется, к слову.

Итак, свобода есть несотворенность или осознанность? Этот вопрос не к философскому наследию Н. А. Бердяева, но к нашему современнику, самодостаточно (то есть не зомбированному оглупляющей машиной «информации от Великого глобализатора») мыслящему. Но и знающему о философии свободы нашего выдающегося космиста не только понаслышке... хотя бы прочитавшему написанное выше. Кстати говоря, сам Бердяев и подсказывает: в каком направлении следует искать ответ на этот вопрос. Подсказывает утверждением, суммирующим его более чем полувековые размышления о соотнесении несотворенности и осознанности в философии свободы. Вряд ли мы ошибемся, если это утверджение прочитаем в следующем виде: свобода человека не есть ипостась сугубого индивидуализма (персонализм самого Бердяева другого корня), но имманентна человеку в социуме, как субъект человека социального, при этом *во всех своих аспектах действенности свобода должна рассматриваться не в статике, но обязательно в динамике*.

Непосредственно из сформулированного утверждения следует правомочность высказанного выше о соотнесении несотворенности и осознанности, а именно: несотворенность свободы есть императив <можно прибавить и определение «категорический»> эволюции, в нашем случае человека, а осознание необходимости, в основном социумного характера, ограничивает действенность несотворенной свободы.

...В таком определении сходятся взгляды на свободу в философии «практического разума» Канта, диалектике Гегеля, персонализме Бердяева и современного самодостаточно мыслящего человека, от лица которого автор, может несколько самонадеянно, и пишет настоящий очерк.

И вкратце вернемся к обозначенному выше «треугольнику»: <онтогенез> жизни → свобода → виртуальная реальность → <замыкание> → <онтогенез> жизни. О причинах, побудивших нас к введению звена «виртуальная реальность», кратко, но вполне информативно, было сказано выше. Желающие же подробнее ознакомиться с нашей концепцией <роли> виртуальной реальности на новейшем — глобализм, ноосферизация Земли — этапе эволюции жизни могут обратиться к монографии*, почти в каждом томе которой рассматриваются различные аспекты виртуальной реальности.

---

* Яшин А. А. Живая материя и феноменология ноосферы: многотомная монография; на сегодняшний день изданы тт. 1—15 (различные изд-ва Москвы, Твери, Тулы: URSS, «Московский Парнас», «Триада», изд-во ТулГУ); в электронной форме размещены на различных сайтах Интернета — см. по поисковику.

Итак, самодовлеющая и все возрастающая роль виртуальной реальности на современном этапе эволюции жизни есть констатация фактора завершения сугубо биологического периода эволюции человека (от чисто животной тупайи до *homo noospheres*) и переход к технически (информационно) воплощаемой в виртуальной реальности эволюции человеческого мышления. Понятно, что на начальном этапе ноосферизации, то есть в наступающем глобализме, уже наблюдается предельное сужение несотворенности свободы до сверхминимально достаточной в человейнике осознанной — точнее директивно предписанной — осознанной необходимости. Все это укладывается в философии свободы Канта, Гегеля и Бердяева, особенно в утверждение последнего в части рассмотрения свободы не в статике, но в динамике.

Роль бессознательного, как носителя несотворенной свободы, в художественном познании. Уже в эпиграфе мы обратили внимание читателя на «Легенду о Великом инквизиторе» Достоевского — по признанию Н. А. Бердяева исходном движителе его философии <несотворенной> свободы. Как нам представляется (и далеко не только нам!), если сознательное (СЗ) в мышлении человека ассоциируется с осознанной свободой, то бессознательное (БСЗ) есть «носитель» свободы несотворенной.

В качестве своего рода литературной иллюстрации соотнесения несотворенности и осознанности свободы, о чем достаточно было сказано выше — в безотносительных к объектам категориях,— рассмотрим на примере «Легенды» роль БСЗ в художественном творчестве. Также введем понятие «вторичной идеи» (термин наш) как метода художественного познания, что позволит в проводимом ниже анализе существенно дополнить оценку роли БСЗ, а тем самым опосредованно утверждать: любая вторичная идея есть проявление той самой динамики, о приоритете которой над статикой в определении свободы говорил Бердяев (см. выше).

Зигмунд Фрейд в своей работе о Достоевском замечает*, что «*Братья Карамазовы» — величайший роман из всех, когда-либо написанных, а «Легенда о Великом инквизиторе» — одно из высочайших достижений мировой литературы, переоценить которое невозможно*».

Отзыв выдающегося психолога побуждает внимательно проанализировать главу пятую второй части романа — «Великий инквизитор» — и проанализировать в ракурсе основного интереса Фрейда: роли бессознательного в человеческом поведении и деятельности. Так возникает гипотеза о вторичной идее, как методе художественного познания, доминантой которого являются установки БСЗ.

Что есть понятие вторичной идеи? — Это не диковинка, не отыскание, не придумывание малосущественного нюанса художественного творчества, это явление хорошо знакомое всякому читающему, воспринимающему тексты равно и наивно, и контекстуально.

Древнейшие библейские книги Торы рассказали о полной падений и взлетов, несчастий и земных радостей судьбе Иосифа из времен египетского пленения Израиля. История Иосифа стала в европейской и европоцентристской культуре символом, идеей судьбы еврейского народа, обреченного на тысячелетнее повторение переменчивой судьбы Потифарова раба. А Томас Манн, воспользовавшись легендой об Иосифе, препарировал эту первоначальную идею, дав ей в «Иосифе и его братьях» вторичное истолкование: жизнь человека в ее целостности, как противоборство воли к жизни и стихийности ее фатума.

Джон Мильтон в «Потерянном рае» библейскую идею неотвратимости наказания за попытку бунта против единого бога, единовластителя, препарировал как идею бо-

---

* Встречающиеся в тексте цитирования (кроме «Братьев Карамазовых») взяты из книги: Яшин А. А. Художественная эвристика (Роль чувственного познания в творчестве): Петровская академия наук и искусств.— Тула: «Тульский полиграфист», 2001.— 411 с.

гоборства, искупления трудом и любовью всякого греха человеческого — игрушки в руках слепой судьбы.

Речь идет не о вторичном использовании сюжета, о чем обычно говорится в исследованиях по рассмотрению мифов, хотя здесь оно налицо. Речь идет именно о вторичности идеи. Это намного сложнее, чем повторное использование сюжета, ибо если последнее есть просто рабочий инструмент художественного мышления, то вторичность идеи суть трансформация идеи первоначальной, как правило, дающая более универсальное решение художественно-философской задачи, создаваемая субъектом мышления по законам, не всегда (зачастую — почти всегда) явно осознаваемым самим творцом.

...И довольно трудно нащупать подход к раскрытию закономерностей оформления вторичной идеи.

«*Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола. И, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему искуситель, и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих»* (Второз. 8, 3). *«Потом берет Его диавол в святой город, и поставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: «Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею»* (Псал. 90, 11—12). *«Иисус сказал ему: написано также: «не искушай Господа Бога твоего»* (Второз. 8, 16). *«Опять берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, падши, поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана; ибо написано: «Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи»* (Второз. 6, 13). *«Тогда оставляет его диавол; и се, Ангелы приступили и служили Ему*» (Матф., 4, 1—11).

Одно из центральных, выразительнейших по силе логики, мест христианских Евангелий; постулат самосмирения, свободы духа и апостольского аскетизма. От него пришли к нам через две тысячи лет христианского примата закон и этика, все мышление современного человека: вера в силу духа, горение души, их конечная и личная победа над плотью, духовного над мирским, обыденным, идеализм веры в будущее, раскрепощение личности, самозабвенный патриотизм, смирение гордыни, равенство перед инстанциями императивных категорий бытия, скромность души и потребностей тела, бескорыстие, любовь к ближнему и человечеству и пр.

Два источника лежали в основе выработки канонов христианства и воплотившихся в диалоге духа-искусителя пустыни и Христа: монотеистическая идея иудаизма, где вся мораль, этика и законы растворяются в едином корне: боге духа, исходя от него же, идея, полно выражаемая словами: «*Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе... Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий чрез Иисуса Христа*» (Посл. к Галатам апостола Павла, 3, 28; 4, 7).

Другим же источником явился исторический процесс финала рабовладельческой формации позднего античного мира, по духу движущих сил совпавшим с европейским распространением морали иудаистского монотеизма.

...И еще одно предварение: человечеству свойственно поверять современную ему реальность, отстраняя себя мысленно в философских или художественных фантазиях на определенную историческую дистанцию: в будущее, либо в прошлое, либо используя иное их сочетание; вариантов масса, это хорошо известно: Этьен Кабэ в «Икарии» оставил героя в его времени, но перенес саму Икарию из будущего в то же самое время; Фрэнсис Бэкон сопоставил две параллельно разворачивающиеся, но

изолированные цивилизации («Новая Атлантида»), Мерсье и В. Ф. Одоевский перенесли героев, соответственно, в третье («2440-ой год») и в пятое («4448-ой год. Петербургские письма») тысячелетия. Известно, что сделали Томас Мор, Кампанелла... Михаил Булгаков перенес Ивана Грозного в период НЭПа, а Уэллс в «Машине времени» дал картину динамичного процесса перенесения, а устремив его по времени в бесконечность, доказал ту простую истину, что, удаляясь в прошлое ли, в будущее, обнаружим, что они в конце концов смыкаются. Прекрасный образец художественного обоснования замкнутости пространственно-временной эволюции мироздания.

«*...В великолепных автодафе*
Сжигали злых еретиков».

Достоевский производит сложную трансформацию первичной идеи европейской цивилизации: от испытания Христа духом пустыни, Сатаной,— помещая объект испытания в XVI-й век, век преломления христианских догматов, когда к христианским заповедям и именем Христа, но уже от Сатаны, присовокупляются, а на деле полностью переворачивают их, новые идеалы, которые с тех-то пор, полярно заповедям первоначального христианства, составляют существенную часть современного бытия человечества.

Тайну из тайн открывает Великий инквизитор Христу, явившемуся народу в Севилье и схваченному святой инквизицией: уже давно, много веков тому назад апостольская римско-католическая церковь отпала от Бога и стала земным учреждением Сатаны.

Христос вновь посещает землю, внимая полуторатысячелетнему ожиданию человечества. Что вынуждает его прийти к людям не в виде предсказанного пророками Ветхого завета мессии, время которого еще далеко, но в прежней своей ипостаси: укрепить дух веры и, возможно, еще раз принять на себя накопившиеся грехи людей? Иван Карамазов полагает причину в усилившихся кознях Сатаны, в помощь которому вступила и Лютерова ересь, и усталость ожидания, жажда чуда человечества.

Иисус вправе был ожидать легкого закрепления своей той давней победы над духом сомнения: посеянные им зерна в землю добрую умерли, но дали много плодов (Иоан. 12, 24 — эпиграф к «Карамазовым», любимейшие евангельские стихи Достоевского и Толстого): мировую по значимости и распространению христианскую религию. Именно поэтому он начинает со стереотипа: повторяет над семилетней девочкой «талифа куми» — чудо воскрешения Лазаря. Но это остается его единственным подвигом; более могучая сила, чем прокуратор Понтий Пилат, книжники, фарисеи и иудейские первосвященники, противостоят Сыну Божьему: ему противостоят его наследники духа на земле: церковь, созданная его идеологом-апостолом Петром, и ее святая инквизиция. Первое и последнее чудо вновь вочеловечившегося Христа наблюдает Великий инквизитор и «*...он все видел, он видел как поставили гроб у ног его, видел, как воскресла девица, и лицо его омрачилось. Он хмурил седые густые брови свои, и взгляд его сверкает зловещим огнем. Он простирает перст свой и велит стражам взять его. И вот, такова его сила и до того уже приучен, покорен и трепетно послушен ему народ, что толпа немедленно раздвигается пред стражами, и те, среди гробового молчания, вдруг наступившего, налагают на него руки и уводят его. Толпа моментально, все как один человек, склоняется головами до земли пред старцем инквизитором, тот молча благословляет народ и проходит мимо*».

Сдержанная экспрессия этих слов Достоевского в сочетании с глубокой идеей всепокорности массы, толпы кажутся той канвой, на которой впоследствии были построены притчи Франца Кафки, и наиболее последовательной — притчи о чужаке, захватившем власть над кораблем.

И повторяется сцена суда Христа, но совсем в иной ипостаси, уже не Пилат вопрошает его: что есть истина? Но его сурово не судит, осуждает 90-летний аскетичный монах и уже близко-близко, к утру время, когда второй раз сбудется для Сына Божия то страшная минута, когда «*подняли вверх и третий крест, несколько непохожий на другие, с большой доской, на которой виднелась надпись: «Царь Иудейский!*». То страшное *qui pro quo*, недоразумение, о котором просит брата Алеша Карамазов; глубокая религиозность его сопротивляется адогматичности мышления Ивана.

А вот дальше начинается собственно вторичная идея Достоевского: словами Великого инквизитора он трактует, раскрывает, буквально разжевывает — что в его характерной манере — то, что ум его прочитал между строк; для ума тонкого, пытливого, склонного к развитию темы до бесконечности выводов и обобщений зашифрованных Евангелий. Что же принципиально нового, даже диаметрально противоположного — а это именно и сделало «Легенду» исключительным явлением мировой художественно-философской мысли — сказал Достоевский в толковании образа Христа? Что Сын Божий, вообще говоря, своим вочеловечением принес людям только беспокойство, что он лишний в среде людей? Но это ясно и из Евангелий; ведь в Иудее его осудили не только суд первосвященников, суд религиозный, но и суд народа: ведь это народ, учимый и любимый Христом, кричал: распять, распять его, а разбойника помиловал. И только Пилат, человек посторонний, чужеродный и рациональный разумом римлянин, видел нелепость приговора над Христом, но именно этот рационализм, соблюдение иерархии начальников земных, а не небесных, и позволил хитроумному синедриону запугать его.

И точно так же в Севилье народ рукоплескал бы на «великолепном автодафе» сожженного Спасителя. В том-то и грустная истина, что провозвестники духа всегда лишние, ибо о них сказано как о зерне, павшем в землю и погибшем, но давшем много плода. В этом смысл искупления грехов многих личным страданием.

Это все истины настолько известные, что ни о какой вторичности идеи у Достоевского речь бы не шла, коль скоро речь Великого инквизитора осталась бы повторением сказанного уже Христу пятнадцать веков назад Пилатом и Анной.

Великим открытием Достоевским истинного содержания Евангелий* была идея о врожденном в человеке примате телесного над духовным, символами которых являются предпочтение хлеба перед свободой, жажда чуда перед верой в личного духовного бога, стремление идти в стаде, лишь бы не знать мук выбора. Не зря католические средневековые теологи именно в свободе выбора полагали гибель христианского начала в человеке. Не следует забывать, что этому учила «сатанинская» — по Достоевскому — апостольская римско-католическая церковь.

Именно это откровение Достоевского, слившись с религиозной и пессимистической установкой философии Кьеркегора, создали основу новейшего экзистенциализма: от Льва Шестова и ранней франкфуртской школы до Камю, Сартра, Хайдеггера, *конечно же Н. А. Бердяева*.

Кардинал Великий инквизитор сам есть земное повторение Христа; как и последний, он был искушаем страшным духом пустыни, он был аскетом, как и Сын Божий, но он понял ту истину, которую Христос постичь не мог, ибо он только послание *целенаправленного Духа*, возвеститель истины, оставшейся для людей чуждой абстракцией. А Великий инквизитор был человеком по плоти и познал устремления человека. *Он познал, что Сатана был побежден Богом в духе, но оказался победите-*

---

* Здесь используется прием ретроспекции; разумеется, апостолам, писавшим канонические Евангелия, или тем авторам, которыми гиперкритика замещает апостолов, мировоззрение Достоевского было бы чуждым, да и не под силу, однако; откровением вторичной идеи называем именно органический и единственно верный вывод из никогда еще не сказанного, но требующего полной договоренности...

лем в теле, низвергнут падшим ангелом в преисподнюю, а преисподней оказалось телесное в человеке. Итак, не дано духу оторваться от плоти и воспарить над нею — вот существо человека. Вот оно — соотнесение осознанного и несотворенного в свободе!

Каждый из собеседников понимает и читает мысли другого дословно. Им неинтересно и совсем не нужно что-либо говорить, если только... для читателя, а потому Христос, уже все сказавший полтора тысячелетия тому назад, может уступить место высказываниям последователю его по словам, но последователю Сатаны по духу. И оба они понимают, что второе пришествие Христа абсолютно излишне, это все равно, как войти в храм Сатаны, это почти неприлично, почти назойливость. Молчание Христа есть и согласие со всеми словами инквизитора.

Как изменилось положение Христа с евангельских времен? Торжествующий дух правоты и предчувствия искупляющего жертвования сменился на дух сознания своей ненужности. Христос, уже не нужный людям, становится тенью и, если бы он сказал хоть слово в разговоре с Великим инквизитором, то вместо царственного, божьего, торжествующего: «Ты сказал!»— в севильской тюрьме прозвучало бы: «Да, ты так сказал».

«— А пленник тоже молчит? Глядит на него и не говорит ни слова?— Да так и должно быть во всех даже случаях,— опять засмеялся Иван.— Сам старик замечает ему, что он и права не имеет ничего прибавлять к тому, что уже прежде сказано».

Христос не может ничего прибавить к ранее сказанному, ибо изменить что-либо в духе христианского учения будет чудом, а чудеса были отвергнуты им самим, ибо они отвергают свободу веры — камень, на котором он построил все здание христианства. Так говорил инквизитор. А свобода? Она осталась иллюзией, ибо свобода людям противопоказана, и люди дождаться не могли, пока эту свободу духа не взял у них Сатана, действительно освободив их для свободной жизни тела, что только и нужно человеку. И что может на это сын Божий возразить? Он увидел людей пятнадцать веков спустя и понял всю тщетность своего борения за свободу духа, веры их... А самое главное, все это имеет прецедент в самой истории вероучения свободы духа: не может быть счастлив бунтовщик: не был им небесный протестант Сатана и земная пара родоначальников человечества. Так чем было искушение Христа великим духом в пустыне, «*страшным и умным духом, духом самоуничтожения и небытия*»? — до каких откровений и прозрений священной истории доходит писатель: Христос был послан Богом на землю, чтобы на себе подтвердить ту истину, что дух, несклоняемый императивом тела, плоти есть иррациональность, абстракция, мечта и сказка.*

Христос, идеальная богова модель человека, не понял своего предназначения и до конца выполнил свою роль подопытного, лакмусовой бумажки. А искушения Сатаны, эти три его вопроса, и были проверкой идеализма богосына, ибо заключали в себе великое: *«Уж по одним вопросам этим, лишь по чуду их появления, можно понимать, что имеешь дело не с человеческим текущим умом, а с вековечным и абсолютным. Ибо в этих трех вопросах как бы совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человеческая и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле».*

Итак, нет, не было и не будет ничего более невыносимого для человека, чем свобода. Ибо в силу законов природы, сложных социально-экономических законов бы-

---

* Сюжетное (романическое) воплощение идеи проверки неидеального образа человека находим в «Новом Нечистом из Самого пекла» Антона Таммсааре, где посланный на землю в образе человеческом апостолом Петром Нечистый из преисподней для искупления своих грехов и дарования райской жизни, не может выполнить условия праведной жизни, ибо сама жизнь среди людей неотвратимо приводит к греху — условию выживания и сохранения личности

тия, для всех людей, кроме одного, да и то отчасти — Робинзона Крузо — существует альтернатива: хлеб или свобода, первым живет плоть, дух вторым, и доколе дух живет в теле, а не наоборот, до тех пор человек выбирает хлеб. Христос гордо и наивно отверг искушение Сатаны дать людям хлеб, ибо считал, что любое чудо, даже столь гуманное, как превращение камней в хлеб, снизит престиж бога-духа и отнимет у людей свободу. А зачем она: на камнях голодной пустыни?— «*Ты возразил, что человек жив не единым хлебом, но знаешь ли, что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на тебя дух земли и сразится с тобою и победит тебя и все пойдут за ним...*». К сожалению, слишком человеческое: «*Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!*» Потому-то трудно искать добродетель в голоде и нищете тела; в голоде и нищете духа она, серенькая мышка добродетели, куда более частая гостья.

Вересаев в «Живой жизни» упорно подчеркивает метафорическую, стилистическую бедность Достоевского, но исключение ли это?— речи-обличения Великого инквизитора, расцвеченные необычайными цветами литературных тропов; быть может, вдохновение раскрытия больнейшего во всю творческую жизнь писателя вопроса, подстегивало его перо? Кто и что можно сказать определенно. А на всякую догадку есть свой, еще более страшный «дух отрицания» — гиперкритика...

Но даже не то самое страшное, что предлагал не понимающий внутренней сущности человека земного Христос, говоря: не хлебом единым жив человек. И не только говоря, но содействовав этому в первое свое посещение земли. Это — создание элитарности духа. Ибо миллионы и миллионы слабых духом откажутся от свободы, если в обмен им предложат хлеб, всегда найдется элита духа, те, от силы десятки тысяч, что презреют хлеб земной и пойдут за духовным вождем ради хлеба небесного. И тогда произойдет самое страшное: пренебрежение миллионами ради тысяч, хорошо если не десятков, а то и единиц. Так Достоевский предугадал элитарность духа: идеологический тоталитаризм — реальное пугало XX века, так «блестяще» подтвердившийся в германском нацизме. А что приуготовил нам век XXI?

И Великий инквизитор говорит о выходе, который подсказала человечеству сама история эволюции человеческой души и человеческого общества и что легло в основу управления этим современным обществом: обман масс великими идеалами, создание иллюзии свободы при наличии хлеба для всех. Это то, что называется демократией. Но управлять обманутым народом будет не элита духа, а элита страдающих ложью ради них, песчинок, миллионов...

Весь Ницше заключен в нескольких страницах легенды о Великом инквизиторе: «*...Приняв «хлебы», ты бы ответил на всеобщую и вековечную тоску человеческую как единоличного существа, так и целого человечества вместе — это: «пред кем преклониться?». Нет заботы беспрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться*».

Чудо, тайна и авторитет — вот силы, способные сделать массы послушными, и, по-своему, счастливыми: иметь хлеб, отдать ненужную свободу и совесть управляющей элите, чувствовать, что вожди их есть единственно достойные и надежные субъекты власти над ними, «миллионами счастливых младенцев».

Христос отверг все три искушения Сатаны, не дал людям ни чуда, ни тайны, ни авторитета.

Легенду о Великом инквизиторе легче всего объяснить как логическое обоснование Достоевским своих воззрений, их сущности, мировой истории и роли масс и вождей в ней, роли и предназначений императивных идеологий. И объяснение будет совершенно верное; говоря же о истоках подобного мировоззрения писателя, понятно, будет уместно упомянуть о ненависти его ко всему нероссийскому, неправославному и особая ненависть к римско-католической церкви, западному рационализму —

в противовес русской карамазовщине.* Будет упомянуто о Достоевском, как о психопатологе психологии массовой души, его неприятии идей социального равенства и пр.

Все это, конечно, будет верным и справедливым... но, если бы мы говорили о «Легенде», как о философском трактате, а о Достоевском, как о мыслителе-моралисте. Но мы-то говорим о художнике, художественном произведении — легенде об инквизиторе, *художественном воплощении вторичной идеи*.

В современной психологии искусства художественное творчество, познание и самовыражение, рассматривается как возможное сочетание восприятия, эмоционального переживания и художественной фантазии:

$$[\text{Худ.творчество}] = \text{mod}_2\ \{\text{восприятие; чувство; фантазия}\}. \qquad (1)$$

Как видим, любая из реализуемых здесь схем является неявной относительно роли БСЗ, оперируют только понятиями активного СЗ. Ибо формула (1) есть формула сочетаемости факторов художественного творчества, активно осознаваемых, предполагающих значительную, но неявную роль БСЗ:

$$\{[\text{Худ.творчество}];\ \text{БСЗ}\} = \text{mod}_2\ [\{\text{восприятие; чувство; фантазия}\};\ \text{БСЗ}]. \qquad (1a)$$

Поскольку же (1а) в рамках классической психологии искусства не разрешимо относительно роли БСЗ, не представимо в виде

$$[\text{Худ.творчество}]\,|_{\text{БСЗ}} = \text{mod}_2\ [\text{восприятие}\,|_{\text{БСЗ}};\ \text{чувство}\,|_{\text{БСЗ}};\ \text{фантазия}\,|_{\text{БСЗ}};\ \text{БСЗ}], \qquad (2)$$

то оценка влияния БСЗ на художественное творчество остается лишь догадкой. Именно трудность разрешения (1а) относительно БСЗ и продиктовала Фрейду отступничество от исследования художественного творчества методами психоанализа.

Желая представить (1) в явной относительно БСЗ форме (2), установить *прямое* влияние неосознаваемой психической деятельности художника на его творчество (тем более, конкретного произведения), мы должны найти тот исходный момент, который, подобно Розетскому камню Шамполиона, позволит нам перекинуть прямой мостик от БСЗ к образам и идеям, активно осознанными и выраженными в творчестве.

Отличающийся от теории Фрейда большей логической систематичностью и своего рода структурностью метод установки Д. Н. Узнадзе дает определенные пролегомены к осознанию путей решения (1*а*). Он исходит из следующего: признавая неявный характер (1*а*) относительно БСЗ, отыскание решения типа (2) предполагается в преодолении рамок активно переживаемых фаз художественно-творческого процесса и поиске смысла их исходных посылок в области БСЗ.

Теория Узнадзе ищет эти исходные посылки (основу конкретной и индивидуальной творческой активности) в соответствующей установке БСЗ; другие теории полагают их в физиологии высшей нервной деятельности, в биологических инстинктах и пр. Цитируем Узнадзе: «*В момент инспирации мы действительно имеем дело только с актом созревания установки; и когда художник, стимулируемый этой последней,*

---

* Карамазовщина — суть стихийная, ищущая, неорганизованная еще воля русского народа. Проницательный Ницше удивительно верно понимал это и писал в унисон Достоевскому, что сильнее и изумительнее всего воля в России, «*в том огромном промежуточном государстве, где Европа как бы впадает обратно в Азию*». А посему Ницше ратует за предотвращение русской опасности, введение в нее европейского рационализма: «*Нужны не только войны с Индией и осложнения в Азии, чтобы Европа освободилась от величайшей опасности, нужны внутренние перевороты, распадение государства на мелкие тела и прежде всего введение парламентского идиотизма и еще обязательства для каждого читать за завтраком свою газету*».

приступает к работе по ее выражению, он осуществляет творческую, а не просто репродукционную работу... Все это нетрудно понять, если мы вспомним, что в основе художественного творчества лежит установка. Она подготавливается заранее и, прояснившись, внезапно проявляется в сознании. Внезапно потому, что установка не является феноменом сознания».

Итак, выход бессознательно подготовленного решения есть своего рода «созревшая установка», подготовленная в БСЗ комбинацией некоторых первоначальных, элементарных установок, которые суть сочетание фиксированных и импульсивно возникающих установок — вытеснением в область БСЗ из СЗ. Так вот, вроде совсем пустячок: услышанная фраза-фабула, какой-либо отличительный звук или запах, вид, тип лица, фигура рождают идею в голове художника, а потом и переносят на бумагу, полотно, нотные листы... законченную художественную композицию: с образами, красками, смыслом и тенденцией. Но даже интуитивно мы понимаем, что то был толчок, а дело гораздо сложнее: всплыла под действием его и сцепилась в нужном порядке цепь ассоциаций, а звенья ее были фиксированными установками. Психическое состояние, физическое здоровье и нездоровье, предчувствия и все восприятие окружающего мира в момент толчка, все это зацепилось дискретами-микроустановками за зародившуюся *художественную мысль*.

Следующий этап: вывод ее из БСЗ в активное сознание для реализации в нем структуры (1). Это и есть существеннейший момент, ибо для перехода рубежа БСЗ-СЗ сложившаяся цепь первичных установок должна принять форму, *осознаваемую активно*. Эта переходная форма есть *прообраз*, одно из центральных понятий в психологии творчества. «*Прообраз является таким возникшим в сознании художника специфическим феноменом, в котором впервые (и в целом) находит свое разрешение его «созревшая установка» или, что то же самое, в котором еще не реализовавшаяся, но уже выяснившаяся установка художника получает «выход» в сознание*» (Узнадзе). Далее прообраз получает форму, словесный образ, таким образом наблюдается последовательность двух родов фантазий: прообраз и словесное представление.

Представляется продуктивным рассмотреть формирование художественного образа от вторичной идеи в свете определения прообраза в теории установки.

Идея христианского искупления личным жертвованием общих грехов лежит в основе евроцентристской культуры; она же — идея победы духа над плотью, смирения под властью, реально осознаваемой необходимости чуда и пр. интерпретации. Все это есть для человека, мыслящего категориями христианской по духу происхождения и развития цивилизации, врожденными фиксированными установками. Индивидуальность Достоевского привнесла ряд специфических фиксированных установок; о них говорилось выше. Наконец, следует иметь в виду, что «Легенда» есть лишь одна из глав обширного произведения, поэтому на формирование цепи «микроустановок» в БСЗ налагалась императивная система разработанных образов и идей романа, своего рода частая сеть, накинутая на формирующийся прообраз. Глава о Христе и инквизиторе не жесткая, наоборот, зыбкая, изгибаемая во всех направлениях, но ограничивающая заключенный в ней объем «микроустановок».

Обычно, при рассмотрении формирования прообраза, как выхода художественного из БСЗ в СЗ, ограничиваются иллюзией простейшего метафорического образа; так, например, вполне объяснимо формирование образа: «*хотел бы птицею навечно поселиться на персиковой ветви наслаждений*»,— пришедшего ранним, солнечным утром, когда человек идет с полным комплексом положительных эмоций по свежему после ночи бульвару среди деревьев и щебечущих птиц, а восточная аранжировка образа — от читанных на ночь стихов Хайяма или сказок «Тысячи и одной ночи», или просто воспоминаниями о персиках, сорванных с ветки.

А сложный прообраз у Достоевского в «Легенде»? А между тем, как это не парадоксально, на уровне прообраза *безразлично*: есть ли это прообраз «Легенды о великом инквизиторе», или прообраз птички на персиковой ветке. В этом и дело, что осознание прообраза, независимо от распространенности (объемности, значимости и пр.) образа, происходит мгновенно, в совокупности. Это есть тот же континуальный поток образов, воспринимаемый в их целостности, недетерминированности.

И лишь после факта, вневременного, не имеющего протяженности, осознания прообраза, когда дается установка активному мышлению, начинается развертывание образа. Вот здесь-то и выявляется его идейно-образная объемность, значимость: птичка остается на ветке и все; красивое сравнение, а прообраз у Достоевского развертывается в «Легенду», всеобъемлющую всю историческую психологию масс.

Есть прямое доказательство сказанному, хорошо знакомое каждому: просыпаясь, человек запоминает лишь некоторое общее, порой словесно не выражаемое, но *всеобъемлющее* впечатление от посетившего его сна. Это есть не что иное, как осознание прообраза сна при переходе от сна (БСЗ-установки) к бодрствованию, включению активного мышления. Только в данном случае этот переход от БСЗ к СЗ совершается довлеюще, по физиологическим причинам, при просыпании, в случае же художественного творчества — по причинам более сложным, более статистического порядка, но в сути своей, также по довлеющим над активным СЗ.

В родственности этих двух процессов и состоит причина того, что часто процесс сон — просыпание — активное мышление у художественных натур совпадает с творческим процессом; наиболее хрестоматийный пример — творчество Кафки, Томаса Манна. Проблема соотношения работы БСЗ во сне и творческого процесса требует отдельного рассмотрения, поэтому здесь на этом вопросе более не задерживаемся. Он и так является вспомогательным в очерке о сущности свободы человека.

Итак, гипотеза о вневременном осознании прообраза представляется довольно убедительной. В заключении попробуем реконструировать прообраз «Легенды» у Достоевского; учитывая, что нижеприведенное не имеет временной протяженности, этот прообраз выглядит так.

Иван Карамазов — Алеша Карамазов; рационально-логическое и духовное начало; два типа из трех крайних воплощений русского характера. Плотское и духовное — диалектика противоречия в христианстве. Христос и Пилат, но... Пилат неорганично вписывается в конфликт, ибо он прокуратор и судья чужой и нелицеприятный, остраненный. Нужен заинтересованный апологет. Наивысшая идея католического христианства: власть от Бога — Христу, от него Петру, от Петра царям земным и духовным, Папе. Перерождение идеи христианства и идеи искупления: от искупления духа к искуплению плоти. Страдающий дух избранников и торжествующая бездуховная плоть. Когда счастливы миллионы?— Хлеб, бездушие, поклонение. Массой. Идеалы Христа — для избранников. А во имя чего? Созидания. Искушение — испытание свыше. Опыт. Полная капитуляция Христа. Бедный Христос. Поцелуй — дань традиции. Не Иуды. Нет, тема Иуды не здесь. Он излишен. Но поцелуй есть.

Завершение темы: о свободе творчества. Проведенный анализ «Легенды о Великом инквизиторе» с приложением к нему метода вторичной идеи выполнен в сочетании двух планов, каждый из которых есть автономно самодовлеющий, а именно: *а*) раскрытие метода вторичной идеи, как проявление динамики свободы <творчества>; *б*) собственно свобода творчества. Последнее и рассмотрим в завершении темы. Исходная посылка суть утверждения: если БСЗ участвует в творческом процессе «со стороны» несотворенной свободы, то СЗ есть ограничение несотворенности, контроль необходимости, то есть элемент свободы, как осознанной необходимости.

Категоричность такого утверждения вряд ли кто возьмется оспаривать из собст-

венно творцов и владеющих аппаратом анализа в рамках психологической науки, а сужено — психологии творчества. Даже сам Зигмунд Фрейд со *своим* <в смысле психологической установки, конечно, не личностно-физиологическим, позволим себе невинную шутку...> либидо вряд ли что мог возразить.

Мы же свои рассуждения ограничиваем рамками литературного творчества, как наименее всего сдерживаемого сугубо материальной *необходимостью*. Писателю не требуется, как композитору, концертный рояль, аранжировщик для симфонического оркестра и собственно оркестр — все материально затратное. Уже не говорим о творчестве архитектора, который по определению должен ориентироваться на целую строительную индустрию. Для него, даже будь он Оскаром Нимейером, творчество ориентировано в наибольшей степени на осознанность, а несотворенная свобода стеснена до самой общей творческой манеры, что и позволяет ему выделиться в своей среде. В книге «Литература и революция» Л. Д. Троцкий (мы отделяем здесь Троцкого-литературоведа от политического «иудушки» по ленинскому определению...) на данный счет прозорливо и метко замечает, что из всех творческих профессий писатель наиболее мобилен в означенном выше смысле. То есть для художника слова — это уже не Лев Давидович говорит — парциальный «вклад» несотворенной и осознанной свободы в создаваемое произведение определяется (в части ограничения первой) минимально-достаточной возможностью донести свое творчество до читательской аудитории — иначе какой смысл писать?

Что входит в такую возможность? — Естественно, степень таланта, одаренности, способности, адекватная усредненной читательской восприимчивости. В последнюю, в свою очередь, входят <опять же усредненные по читательской аудитории> общая и литературная образованность, степень самодостаточности мышления в смысле способности «сопереживания» и так далее вплоть до морального климата социума. Читательская восприимчивость, с одной стороны, совершенно автономна от таланта писателя, с другой — сам художник слова просто обязан, хотя бы интуитивно, ориентироваться на ее <восприимчивости> вариабельность, которая, в свою очередь, управляется *status quo* конкретного социума.

Другие аспекты возможности, уже не зависящие обычно от читательской аудитории: цензура и особенно самоцензура; культурная политика и, тем более, реальная политика управляющих социумом сил; социумная этика и эстетика. При желании читатель дополнит это перечисление факторами второго и более конкретизированного порядка. Все сказанное без затруднений в памяти и мышлении ярко иллюстрируется во времени переходом в нашей стране от социально ориентированного общества (СССР) к нынешнему государству, тем более подпавшему в поток глобализации. Как, впрочем и без исключения, все другие государственные образования. На то он и глобализм — от латинского корня *globus* (шар), то есть относящийся ко всему земному пространству, всемирный.

Из такого сопоставленного анализа, в отношении globus и к творчеству вообще, можно сделать следующий вывод. Свобода творчества, понимаемая как раскрытие индивидуального природного (генетического по преимуществу) дарования, развитого воспитанием и образованием, постоянно совершенствуемого практикой творческих занятий, есть в плане психофизиологии мышления соотнесением «загруженности» СЗ и БСЗ, правого и левого полушарий головного мозга, причем первое (СЗ и БСЗ) определяет парциальный вклад осознанности и несотворенности свободы творчества, а второе — преобладание в мышлении логики или художественности (в самом широком ее понимании), при этом несотворенность свободы имманента исходному целеуказанию фундаментального кода Вселенной — Мироздания в части эволюции человека, понимаемому как достижение предельного (финального) уровня творче-

ского мышления человека, а осознанная свобода суть практика такого мышления на конкретном этапе эволюции, но по мере глобализации и перехода человечества в качество человейника (аналогично пчельнику, муравейнику, термитнику...) парциальный вклад несотворенной свободы экспоненциального уменьшается по сравнению со все возрастающим вкладом осознанной свободы, что свидетельствует о приближающейся исчерпанности биологического этапа эволюции человека и переходе ее <эволюции> на ноосферный этап, в котором биологическое уступает место технократической виртуальной реальности.

...Что мы, увы, даже «записные» оптимисты и видим вокруг: каждый в свое окошко... или в щель.

Группа основателей «Союза освобождения» в 1902 г. в Германии (слева направо): Петр Струве, Нина Струве, Василий Богучарский, Николай Бердяев и Семен Франк (внизу).

Фото из Википедии©

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ

Виталий Ковалев
Олеся Янгол
(г. Юрмала, Латвия).

НОЧИ ДИАНЫ*
(из книги «Побережье наших грез»)

Наши постоянные авторы.

История вторая
ВИШНЕВОЕ ВАРЕНЬЕ С КАПЕЛЬКОЙ ДОЖДЯ

МЫС

Диана неторопливо катит перед собой по дороге коляску. Короткие темные волосы теряются на фоне сосен, светлое лицо с горячим взглядом карих глаз совершенно непроницаемо. Она, как Сфинкс, думает Яна. Странное чувство вызывает она. От нее исходят волны непредсказуемости, и в то же время чувствуется сила и уверенность во всем, что она делает. Яне хочется сказать Диане, что надо искать укрытие, уже несколько капель упали на ее приоткрытые ветром колени. Ветер закачал вершины деревьев, вдоль стволов посыпалась древесная шелуха. Солнечный свет погас, словно его выключили на огромной сцене, стало сумрачно и зябко от прохлады.

— Дианка, Дианка, вот мы и попали,— взволнованно произнесла Яна и вдруг услышала шум мотора и увидела, как впереди, у развилки дорог, остановился синий автобус.

Дианка быстро покатила коляску к нему и с тротуара, который был вровень со ступенькой, вкатила Яну в салон автобуса. Шипение закрывающихся дверей перекрыл оглушительный раскат грома и тут же бешеные потоки обрушились на стекла и крышу. Яне показалось, что это не дождь, а огромная морская волна накрыла, и нет конца падающему на них потоку.

— Янка... Давай я тебя закреплю тут у окна, а сама смогу сидеть рядом.

— Диана, но мы же так можем очень далеко заехать!

— Посиди, я сейчас приду.

Диана встала и пошла по проходу к кабине водителя.

---

* Продолжение. Начало в № 4, 2018 «ПЗ».

Яна смотрит в окно на ливень, на редких, бегущих под цветастыми зонтами людей и не может опомниться, до того все быстро и неожиданно произошло.

Она почувствовала, как Диана бухнулась в кресло возле нее. Глаза ее сияют, губы улыбаются.

— Янка, тебе повезло! Ты знаешь, куда мы едем?

— Диана... Куда?..

— На край света.

— Не далековато ли?

— Янка, ты же сама говорила, что в твоей жизни все было так предсказуемо и размерено, вот, я и подумала, а не окунуться ли нам в жизнь, полную непредсказуемых и захватывающих приключений.

— Ты сумасшедшая! — нервно рассмеялась Яна.— Ты хоть... немного пожалей меня.

— С тобой будет полный порядок.

— Так... Ты что, знала про этот автобус? Он что-то подозрительно вовремя подкатил.

— Знала. Я на этом автобусе сто раз моталась... В общем, потом сама увидишь, куда.

— Конец света... Ну, ладно, будь по твоему.

Яна смотрит на Дианку, покачивает головой, и не может сдержать улыбку.

— Но ведь Женя и Ник думают, что мы дома,— говорит она.

— Ник меня хорошо знает. Уверена, что он так не думает.

Диана достает из сумочки телефон, набирает номер и подмигивает Яне.

— Ник, это я... Ага... Мы тут с Янкой в автобусе,— довольно улыбаясь, говорит она в трубку.— Нет, как у вас дела? Поймали что-нибудь?

Наклонившись к Яне, шепнула на ухо:

— Ник сразу почуял что-то. Он меня знает,— и снова в трубку: — Ник, мы тут подумали, что нам дома сидеть в такую погоду? А у вас что, дождь? Ха! У нас тут солнце вовсю. Очень Янке захотелось Латвию посмотреть, так что мы едем туда, где я люблю бывать. Полный порядок. Веселимся вовсю! Ой, Ник, жаль, вас с Женькой нету с нами. Было бы еще веселее. Да... Но вы там осторожнее. И не купайся... Слышишь? Змей там нет, на этом берегу? Будь осторожен!.. Давай... И звоните нам тоже.

Диана отключила телефон и довольно откинулась на спинку.

— У Женьки там клюет во всю. Потом они еще позвонят... Ну, как ты? Не проголодалась еще? Мы, когда приедем, перекусим. Дотерпишь?..

— Хорошо,— Яна взяла Диану за руку и крепко ее пожала.

— Мы все время сейчас будем ехать вдоль моря. Оно будет справа за деревьями. Иногда мы будем подъезжать к нему совсем близко. Смотри, впереди, бывший рыбацкий поселок.

У края дороги показались домики, море синеет прямо за деревьями. На небольшой площади, возле крытых соломенными крышами рыночных рядов, стоит с десяток машин. Дождь кончился, и солнце снова светит в чистом голубом небе (как быстро тут все меняется,— думала Яна,— да, Диана просто порождение этих мест), с трудом верилось, что только что была гроза, и было прохладно. Солнце жарко припекает руку Яны через стекло.

— Смотри, Яна, здесь с древнейших времен сохранился рыбный базарчик. Как-нибудь приедем сюда все вместе. Тут продают морскую копченую рыбу. Вкуснятина!.. Тут тебе и засоленный лосось, и камбала, а какие морские окуни, а есть еще копченая рыба lucis. Она похожа на угря, только поменьше. А еще...

— Диана, у меня уже аппетит разыгрался.

— Янка, а какие там угри! Берешь кусок угря, а жир аж по локтям течет!..

— Дианка, прекрати, а то у меня будет голодный обморок.

— А... А говоришь, что не голодная. Ничего, скоро... Там... мы тоже рыбу купим. Устроим пикник на свежем воздухе. Смотри, какая красота!

Домики поселка остались позади, теперь автобус, увеличив скорость, несся среди полей. Вдали, на горизонте, голубели полосы далеких лесов. Иногда, среди полей, под купой высоких деревьев, виднелись постройки хуторов. Автобус пронесся мимо стада коров, маленькие мальчик и девочка стоят у края дороги с велосипедами, щурясь от солнца. Мальчик что-то говорит девочке, а она, наклонившись вперед, откусывает от скибки арбуза, которую он держит в руках.

— Яна, вот, смотри,— придвинулась к ней Диана.— Взгляни на коров. Ничего странного не замечаешь?

Яна посмотрела на поле, по которому, гонимые ветром, ходят зеленые волны трав, взглянула на коров, щиплющих траву, на цепочку белых облаков над горизонтом...

— Странного? Да, вроде, нет.

— Видишь, Яна. Люди умничают, философствуют, решают судьбы человечества и при этом, не могут понять простых коров. Посмотри, все коровы, что щиплют траву, стоят, повернувшись головой к востоку. Все, без исключения, повернуты в одну сторону. Никто не знает, почему они это делают. И так по всему миру! А!.. Коров человек понять не может, а умничает, философствует... Разве не смешно.

— Никогда не обращала на это внимания. И вправду, в одну сторону.

— Или лесные поляны. Стоит лес, густой, непролазный, и вдруг в нем — поляна. Ничего, кроме травы, на ней не растет. У нас за домом в лесу видела такую поляну? Что с этими местами такое? Почему на них не растет ни одно дерево?

— Погуглить не пробовала?

— Гуглила. Набила — «причина возникновения лесных полян». И высыпало — «причина возникновения лесных пожаров». То-то и оно!..

Автобус пересек мост через небольшую реку, внизу, среди ивовых деревьев, показалась живописная водяная мельница.

— Ух, ты! И колесо крутится. Вот бы тут порисовать! — восхищенно воскликнула Яна.

— Тут можно в любую сторону рисовать.

— Да и писать тоже. Куда ни посмотри — тема для книги.

— Думаешь, обо всем можно написать? — спросила Дианка.

— В мире нет ничего, что не было бы темой для рассказа, повести или романа.

— По-твоему, обо всем, что мы видим, можно написать историю?

— Да,— ответила Янка.

— И ты, видя все вокруг, знаешь, что об этом можно написать?

— Я просто не думаю об этом. Я бы сошла с ума, если бы видела во всем скрытые идеи. Видишь ли, мы окружены вещами, но все они подобны ларцам, которые надо уметь раскрыть. Иногда это приходит как озарение, а иногда надо все же немного подумать... В Библии тоже проходит эта мысль, что мир, это книга. Ее можно читать. Все, что мы видим, все, что происходит — это символы, которые что-то значат. Все имеет свой смысл. Но я, с некоторых пор, полюбила просто вот этот видимый нами мир и его красоту. Просто в красоте есть тоже свой смысл, но он недоступен никаким объяснениям. Мне стало интересно невыразимое.

— Я понимаю, но про сюжеты... Ты меня заинтересовала. Давай я тебе покажу что-нибудь, а ты скажешь, какую историю видишь в этом.

— Давай, если хочешь.

— Хорошо, я выберу сейчас что-нибудь потруднее.

— Выбери,— чуть улыбнулась Яна.

— Смотри, мы притормаживаем. Все, что сейчас увидим за окном, это и будет тема. Давай, пока красный свет. Видишь, что-нибудь интересное?

— Так, мужчина идет по дороге. Впереди него женщина... Как думаешь, на вид ей лет шестьдесят. Чуть прихрамывает. Одежда у нее простенькая. Сумку несет с трудом... Тяжелая сумка. Босоножки старенькие, разбитые. А вон, девушка идет им навстречу. Как сказал бы Женя — хороша штучка! Итак, что же у нас получилось? Неброская женщина, от которой так и веет усталостью от жизни, мужчина и девушка... Мне кажется, это интересная история.

— Ты видишь историю?

— Да. Эта история может называться «Дорога». Итак... Идет по дороге мужчина, и видит впереди себя женщину. Люди смотрят друг на друга оценивающе, и он тоже не может не заметить и ее невзрачность, усталость, и эти сбитые босоножки. Для мужчин внешность много значит. Да еще на фоне вон той девушки.

— И что же дальше?

— А дальше... Молоденькая проходит мимо них, женщина входит в одну из калиток и идет к дому, в котором живет. А мужчина продолжает идти по дороге теперь уже один. И тут, вдруг...

— Да, я чувствую, что пора чему-то произойти,— придвинулась к ней Диана.— И вдруг...

— Внешне ничего не произошло. Если бы кто-то увидел этого человека, идущего по дороге, он бы и не догадался, что что-то случилось. Продолжая идти по пустынной дороге, он вдруг подумал: а ведь, когда ему было лет семь-восемь, эта женщина была такой же молодой, как та девушка, что прошла сейчас мимо него. И он, наверняка, встречал ее тогда, но только не обращал внимания. Несомненно, иногда они оказывались очень близко. Он же целыми днями носился по этим дорогам на велосипеде, и каждый раз проезжал мимо этого дома. И тут он вспомнил те дни, своих друзей и их летние игры на полянах. Да, поляна... Перед домом, куда зашла женщина, сразу через дорогу, стоит большой дом, но раньше на этом месте была поляна. На ней они тоже часто играли в футбол. Да, он хорошо помнит поляну. И даже, кажется, он припоминает и дом. И мужчина, продолжая идти по дороге, стал вглядываться в ту даль, в которой нет ни пространства, ни времени. Все то, о чем он вспоминал, было очень близко, но подернуто дымкой, как бывает в туманный день, и нужно усилие, чтобы вглядеться в детали. Но именно детали ему сейчас и хотелось припомнить. И он ясно увидел тот летний вечер. Уже темнеет, сонно стрекочут цикады, носятся над поляной летучие мыши и зажигаются огни в окнах домов. Играть уже трудно, мяча не видно, но уходить не хочется. Сейчас самое чудное время, когда в темноте, каждый звук, каждая проступающая в небе звезда, порыв ветра, приносящий волнующие ароматы из леса, все это создает то, что называется — ночью. Ночь для него, это не просто тьма, а далекий шум поезда во тьме, шелест листвы во тьме, чей-то тихий разговор... На дороге он видит парней постарше. Один из них перебирает струны гитары, а другие кого-то зовут, стоя у забора перед домом. И тут на большой балкон вышла девушка. Лица ее в сумерках он не мог разглядеть, но ясно помнит, как она вышла и остановилась, опершись руками о перила. Кажется, она улыбалась. И волосы были у нее темные, а платье светлое. Парни звали ее гулять, но она ничего не отвечала им, и только отрицательно покачивала головой. Светлое платье, балкон, приближающаяся ночь, звон цикад, звезды в темнеющем небе. Она казалась волнующе прекрасной в сгущающихся сумерках. Пойдет или не пойдет она с ними? Было в ожидании этого что-то волнующее, но что — он в те годы еще не понимал, хоть и чувствовал что-то щекочущее в груди. Пойдет она с ними или нет? Очень хотелось это узнать.

Но он так этого и не узнал. Надо было идти домой. И он ушел по той же самой дороге, что идет сейчас. И тут он снова подумал о той женщине, что шла сейчас перед ним по дороге. Поблекшая, чуть прихрамывающая. С плечами, поникшими от усталости. Он продолжал идти по дороге и вдруг подумал о безжалостном времени, что пронеслось сквозь его жизнь. А может, жизнь его пронеслась сквозь время... И еще он подумал, что он ведь и сейчас не разглядел ее лица. Он оглянулся, но дорога была пустынной. Все прошло...

Какое-то время они ехали молча, Яна ничего не говорила, смотрела в окно, но Диана, глядя на ее лицо, чувствовала, что за окном она сейчас ничего не видит.

— Грустная история,— сказала Диана.

— Ну, это всего лишь одна из историй. Поверь, на самом деле их очень много.

— Но выбрала ты именно эту.

— Первое, что пришло в голову.

— Здорово! Можно я напишу этот рассказ?

— Конечно! Зачем ты спрашиваешь. Все мои идеи — твои.

— Слушай, но почему ты бросила писать? Папа в восторге от твоих текстов.

— Потянуло к тому, что нельзя выразить словами. Только красками и линиями. Может, когда-нибудь я снова захочу писать. Мы не знаем, что будет дальше.

— И тогда мы вместе напишем книгу.

— Может быть.

Яна улыбнулась и ехала так некоторое время, с легкой полуулыбкой, слегка покусывая нижнюю губу.

— О чем же такая книга могла бы быть? — задумчиво произнесла Диана.

— Мы могли бы написать книгу о том, как мы пишем книгу о том, как мы пишем книгу.

— Янка, ты гений! — Дианка расхохоталась.

— Все гении. Может быть, это и есть то, последнее, что каждый человек понимает в последнюю минуту своей жизни. Но только... время закончилось.

— Да,— кивнула Диана и посмотрела в окно.— Смотри, какие просторы! Мы сейчас едем по серединной части Латвии — огромные луга, хутора, далекие леса на горизонте. Все совсем не так, как в наших местах, но скоро мы снова повернем к морю.

— Куда же ты, все-таки, везешь меня, Диана?

— Не устала?

— Нет. Это так непривычно, но мне нравится вот так ехать «туда, не знаю, куда и найти там то, не знаю, что».

— Все приключения, Янка, впереди. Хотя, если честно, я и сама не знаю, что будет дальше.

— То есть, финала не видишь?

— Не люблю финалы! Все финалы такие грустные. В нашей с тобой истории финала не будет.

Широкие поля по обеим сторонам дороги. Высокие травы у обочины согнуты ветром. Ветер с моря, а значит, дождя не будет. Яна достала блокнот из сумки и гелиевой ручкой (только гелиевые ручки она любит) стала рисовать облако в небе, пронзенное, словно стрелой, вертикальным, прямым следом самолета. Диана решила сфотографировать рисующую Яну, но, когда достала телефон и включила его, увидела, что Яна на новом листе рисует салон автобуса, уходящий в перспективу, ряды кресел и заполненные легким штрихом силуэты людей на фоне залитых солнечным светом окон.

Диана сделала снимок, посмотрела на него. Снимок удался. Ей удалось снять го-

рящую золотом прядь волос, закрывающую светлое лицо Яны. Диана смотрит на волосы Яны, зачарованная их отливом... Загадочная Яна. Она совсем ничего не рассказывает о себе. А может, и вправду ей нечего особо рассказать.

— А как вы там живете? — спросила Диана.

Яна откинула волосы с лица и посмотрела на нее... Как-то очень строго. Почему у нее бывает такой строгий взгляд. И тут же улыбка, совсем детская. Она вздохнула, задумалась.

— Ничего особо интересного. Жду Женьку, рисую. Хорошо, что он устроил мне работу для журнала. По выходным стараемся выбираться. В Лондоне были несколько раз, но в основном мы там, у нас. В общем-то, там красиво, но... все это временное. Это не дом. Все равно как в зале ожидания. Мне очень нравится тут, у тебя. Может, и вправду когда-нибудь получится жить поближе к тебе. Может, случится, когда-нибудь, такая «утерянная книга», рассказанная своими словами.

Диана повертела телефон в руках и положила в сумочку.

— Я заметила, что в жизни сбывается все, о чем мечтаешь,— сказала она.

— Если только это входит в Божий промысел. Мы же так и молимся — «да будет воля Твоя».

— У меня твоя история все не идет из головы. Ну, та, про мужчину и женщину. Интересно, а как бы она могла называться...

Дианка вздохнула, словно некая чудесная мысль посетила ее.

— Рассказать тебе, Янка, об одном моем способе находить названия? Смотри, сейчас у меня с собой книги нет, так что воспользуемся Интернетом. Давай выберем какую-нибудь из хороших книг... Вот, у меня в закладках книга Маркеса «Любовь во время чумы». Сейчас великий Габриэль Гарсия Маркес название нам и посоветует. Обычно я беру книгу, раскрываю в любом месте, веду, не глядя пальцем по строчкам, останавливаюсь и смотрю, что выпало...

И Диана, прогнала текст романа на экране смартфона, остановила его и прочитала вслух:

— «Вечером того же дня...». Так начинается абзац. Потрясающе! Начало той истории, когда они просто идут по дороге, тоже может происходить вечером и потом он вспоминает поздний вечер из детства. Времени, Янка, нет... Я этого не понимаю, но его нет. И если это так, то название — «Вечером того же дня» становится полным глубочайшего смысла. Разве это не грандиозно!.. Знаешь, я напишу этот рассказ. Считай, что он уже написан.

— Ох, Диана, ты такая забавная! Но я согласна — с Маркесом действительно стоит советоваться.

— Не обязательно с ним. Можно взять любого великого писателя... Янка, видишь, мы сворачиваем постепенно вправо, в сторону моря. Скоро будет что-то интересное.

— Диана, с тобой быть вместе — это все равно, что читать интересную книгу.

— Я вообще думаю, что жить, это — читать интересную книгу. Или скучную. Все зависит от автора. Знаешь, о чем я однажды подумала...

— О чем?

— Смотри... Возьмем какой-нибудь великий роман. Любой. Пусть это будет «Война и мир».

— Хорошо, только честно скажу, до самого конца я его не читала. Да и перелистывала некоторые места.

— Неважно. Представление об этой книге ты имеешь. И теперь представь, что на Земле произошла катастрофа. Вся цивилизация погибла, все разрушено, сгорело, не осталось ничего. Но многие выжили. В том числе и ты. Люди пытаются выжить, до-

быть еду, кров, тепло. И тут кого-то может заинтересовать судьба великих произведений искусства. Что-то сохранилось, а что-то и исчезло бесследно. В том числе, на всей Земле не осталось ни одной книги «Война и мир». Представь, что ни одной страницы не уцелело... Люди помнят, в общих чертах и героев книги и какие-то события, но текста нет, и никогда не будет. Даже по памяти никто не может восстановить ни одного фрагмента. И тут происходит удивительная вещь — история, которую мы помним по книге, становится просто одним из наших воспоминаний. И, как и любое наше воспоминание, мы можем рассказать ее своими словами. Шедевра не стало, но книга стала жизнью. Ведь жизнь — это и то, о чем остается память. Но то же самое происходит и наоборот — все, что происходит с нами в жизни, без каких-либо исключений, это великая литература. Вот, только тексты утеряны. Мы можем рассказать эти истории только своими словами.

— Все это интересно. Никогда не думала с этой стороны о жизни.

— Видишь, опять справа пошли сосны, дюны. Там, за деревьями, море. Еще немного и мы приедем.

— Домов совсем не видно.

— Да, мы на самом краю Латвии. Раньше тут проходила граница СССР. Тут была закрытая зона. В те времена мы бы с тобой тут не покатались.

Высокие сосны, тянувшиеся по обеим сторонам дороги, сменились лиственными деревьями и высокими, густыми кустами. Небо было пронзительно голубым, а белый след самолета, который рисовала Яна, размытый ветром, стал похож на изогнутое птичье перо.

Яна спрятала блокнот в сумочку и стала вглядываться в деревья за окном автобуса.

Диана довольно улыбаясь, чуть прикусила губу.

— Ну, как, Янка, как тебе... тут?

Яна, продолжая вглядываться в деревья и в высокое небо, посмотрела на Диану.

— Да как-то странновато тут.

— Вот! — торжествующе воскликнула Диана.— Я давно ждала этого момента. Я так и думала, что ты почувствуешь это...

— Что почувствую?.. Дианка, не тяни, тут действительно как-то странно.

— Смотри, вот мы знаем, что люди могут видеть, слышать, различать запахи, что-то там еще могут. Но... люди могут еще и чувствовать. Они могут чувствовать то, что нельзя ни увидеть, ни услышать, ни потрогать.

— Но что это? Я точно чувствую что-то странное.

— Яна,— Диана взяла Яну за руку,— ты знаешь, с какой стороны море?

— Там, справа. Оно же там все время было.

— Да, так и есть. Оно справа. Но слева, за деревьями, тоже море! И представляешь, ты, не видя этого, чувствуешь...

— И слева и справа море? Так разве может быть? Мы что, едем по мосту?

— Мы приближаемся к самому концу мыса Колка. Он далеко выступает в море. Оно сейчас и слева, и справа, и впереди.

— Боже, хорошо, что сзади его нет. Здорово! Но моря не видно.

— Оно тут, вокруг. Сейчас... Вот уже и остановка.

Автобус выехал на широкую площадку среди невысоких сосен, проехал мимо стоящих машин и остановился у кафе. Среди сосен виднелись столы, лавки, а чуть дальше еще кафе и еще машины в тени леса.

Диана выкатила Яну из автобуса. Тугая волна прохладного ветра прошла по вершинам деревьев, и они зашумели над их головами. Яна поежилась.

— Тут будет сильный ветер, особенно там, у моря. Ведь это не залив, как у нас. Тут открытое море и всегда дует ветер.

— Как на мысе Горн.

— Вот-вот,— усмехнулась Дианка.— Сейчас отдохнем. Вон там туалет. Думаю, это актуально, а то не знаю, когда он опять будет поблизости. А потом я достану тебе какую-нибудь ветровку, отдохнем за столиком и перекусим. Угощу тебя здешней копченой рыбкой. Знаешь, мы даже выпьем сейчас какого-нибудь хорошего пива. Под рыбку, самое то. Ну, что, Янка, живем! Добро пожаловать на мыс Колка!..

Оглушительный шум хаотично сбивающихся волн ошеломил и напугал Яну. Порывы ветра доносили до них водяную пыль и аромат солоноватой свежести. Яне непривычно было чувствовать себя на самом конце выступающего в море мыса. Слева, справа, спереди — всюду хаотичное сталкивание огромных валов.

— Вот там я и буду рисовать. Но дальше я пойду сама,— сказала Яна, с восторгом оглядывая берег.

Коляска и вправду завязла в глубоком песке на вершине дюны. Диана помогла Яне подняться, сойти по пологому песчаному спуску и дойти почти до самой воды.

Берег усеян светло-серыми обломками дерева. Некоторые из них море и песок отполировали до идеальной гладкости. Просушенные солнцем, просоленные морем, даже самые большие из них были почти невесомы, словно гигантские, ломкие крекеры.

Но особенно поразил Яну левый поворот мыса, где весь берег был завален стволами деревьев. Они лежали вповалку друг на друге, делая берег непроходимым, выступали темными змеевидными ветвями из воды. Яна устроилась на стволе одного из деревьев, выброшенного волнами далеко на берег. Сюда чуть меньше долетали брызги волн, и шум их не так будоражил душу, как на самом кончике мыса.

Диана устроилась рядом. Разложила на широком стволе пакеты с купленной в кафе «вкуснятинкой» — пирожки со шпеком, копченая камбала, кусочек угря и кружок янтарно-желтого сыра с тмином.

— Ты не думай, Янка, у нас и горячий кофе есть. Пиво я не стала покупать. У нас еще немалый путь впереди.

— Боже, неужели, немалый? — удивилась Яна, разглядывая изгибы ветвей, покачивающиеся на волнах. Здесь, за левым поворотом, море было спокойнее, и волны лишь ритмично набегали на берег. Здесь слышался стук сталкивающихся в воде стволов, да крики чаек далеко в море.

— Янка, давай перекусим, потом дорисуешь. А то кофе остынет. Посмотри, как много здесь стрекоз!

— Тут все поразительно. Здорово, что ты придумала эту поездку.

— А я и не придумывала ничего. Она произошла совершенно неожиданно. Если бы не та гроза, то... вернулись бы домой и, как две клуши, варили бы варенье. Представляешь, как неинтересно.

— Мы и про мужей своих совсем забыли.

— Фу, слово такое смешное — мужья!.. Ага. А они про нас. Очень это, иногда, полезно в семейной жизни.

— Ты так мне и не рассказала, как вы с Ником познакомились.

— Там целая история была. Можно книжку об этом написать. Как-нибудь расскажу... Попробуй сыр. Это настоящий Янов сыр, его на Лиго с пивом едят.

— Говоришь, вкусно?.. Да, классно,— кивнула Яна, откусив кусочек потеплевшего на солнце сыра.

— Все это надо слопать, Янка,— сказала Диана, жмурясь на солнце и оглядывая море.— Хорошо тут, правда?

— Мне очень нравится.

— Мы с Мишкой тут сто раз были.

— Мишку я помню.

— Они летом с отцом все время в путешествиях проводят.

— Жениться не собирается?

— Пока нет.

— Думаю, он в тебя влюблен.

— Не знаю.

— Да ладно, не знаешь ты...

— Налегай, налегай, Янка... Фу-ф!.. Как тут и вправду хорошо — на краю земли. Но, ничего, вернемся из нашего великого путешествия, доварим варенье и, как—нибудь, дождливым вечерком, посмотрим классный фильм Бергмана.

— Как называется?

— М-м-м, это будет сюрприз. Очень страстный фильм. А страсть — единственное, что придает жизни смысл.

— Ой, Дианка... Смешная...

— Да уж поверь моему опыту, дитя мое... Страсть, она ведь может быть разная. Может быть страсть к еде, а может к вину. Ну и естественно,— Дианка лукаво взглянула на Янку,— чего скрывать, может быть и страсть к сажанию картошки...

— Эх, Дианка, была бы я парнем, точно бы в тебя влюбилась.

— Уже замужем. Забито... Ну, как, накормила я тебя?

— Диана, обалдеть, как вкусно. Вот только руки помыть хотелось бы.

— Сейчас зачерпнем.

Диана закатила чуть повыше шорты и вошла в воду. Волны плещутся у ее ног, таких светлых, изящных. Странно,— думает Яна,— ведь и спортом она не занимается, а такая красивая. Просто, такая она есть...

— Дианка, ты очень красивая! — крикнула ей Яна и помахала рукой.

Дианка улыбнулась и, набрав в полиэтиленовый пакет воду, вышла на берег. Пакет светится на солнце, словно шар, полный огня, ослепительные капли срываются с него и падают снова в море.

— Представляешь, как сейчас мы далеко,— сказала она, сливая воду на руки Яны.

— От чего далеко?

— Ну, хотя бы от Женьки.

— Это уж точно. Я ведь в жизни никогда не была «далеко». Далеко можно быть от дома, от родных, друга... В интернате, в больницах, в санаториях я всегда чувствовала себя как дома.

— Интересно,— произнесла Диана, садясь рядом; она поддела ногой песок и посмотрела, как тот полетел по ветру,— где-то я слышала, и какой-то смысл в этом есть, что человеку, в общем-то, и нужно только три вещи — кров, пища, тепло. Интересно, какой была бы жизнь, если бы человеку и этого бы не требовалось? Все время было бы тепло, спи под любым кустом, кругом полно еды, только руку протяни.

— Видела я такое в одном фильме про африканское племя. Мужик там именно так и спал под кустом, в теньке, потом вдруг падает с дерева какой-то фрукт. Он руку протянул, поел, на другой бок перевернулся и дальше спит.

— М-да... Фильм, наверное, назывался «Сдохнуть в Раю». Нет, идея мне уже не нравится.

— Дианка, нам бы подумать об обратном автобусе.

— Рассудительная моя сестричка, обратного автобуса сегодня не будет.

— Будем спать под кустом?

— Нет, спать будешь на широкой постели. Но сегодня нам всюду будет дом. Янка, ты уж доверься мне. Ты говорила, что жизнь твоя была монотонная и предсказуемая...

— Все-то ты подметишь. Я и не помню, как это сказала.

— Было, было... Вот я тебя теперь приключениями и завалю. После сегодняшнего дня и, особенно, ночи, ты уже такие слова не скажешь.

— Ну вот, совсем напугала. Ты не лесбиянка часом? — Яна рассмеялась.

— Мы ничего не можем знать, знаю одно — будет чистый дзен, чистое существование. Когда японский мастер дзен по имени Доген, вернулся из путешествия по Китаю, его спросили, что он привез? И он ответил — «глаза по горизонтали, нос по вертикали...». Вот, и все его учение. Чистое осознание. Вот осознай этот миг, Янка. Ведь пока мы говорим, ты перестала слышать, как шумит море, перестала чувствовать ветер. Почувствуй все это...

— Я чувствовала, что за твоими безумствами всегда что-то есть. Что-то такое, что я не могла понять. Теперь ты это прямо сказала. А?.. Что улыбаешься?..

— Просто смотрю на тебя и улыбаюсь. Мы такие разные. Ты рассудительная, и, не спорь, гораздо умнее меня.

— Понимаю, понимаю, а ты гораздо мудрее меня. Понимаешь, Диана, мы жили разные жизни. Я бы не выжила, если бы была другой. Я зверек, который знает, что такое голод и холодная нора.

— Но ты сегодня просто доверься мне. Поверь, я знаю, что хочу... показать тебе. Ладно?..

— Доверяюсь тебе, Диана.

— Зови меня Дианка.

— Ди... ан... ка. Дианка... Знаешь, я тебе скажу то, что чувствую, может, ты и не писатель вовсе, а что—то другое, под видом писателя.

— Может, я и не Дианка вовсе, а что-то другое под видом Дианки.

— Да, так лучше.

— Знаешь, давай купаться. Там так классно, вода теплая, кругом колышутся эти поваленные деревья. Прямо какой-то «остров затонувших кораблей». Это незабываемо! Давай!..

— У нас же нет купальников.

— А ты видишь людей? Все уже ушли на последний автобус. Раздеваемся и в воду.

— На маньяков не нарвемся?

— Здесь их нет. Сюда слишком долго добираться. Давай, Янка.

И Диана, встав, скинула шорты, майку и в одних узких, черных трусиках шагнула к воде, остановилась и протянула Яне руку. Яна оглянулась вокруг себя. За спиной замер лес, освещенный теплым светом солнца, справа берег, заваленный стволами деревьев, словно обломками сотен кораблей, потерпевших кораблекрушение. А слева, за песчаным выступом мыса, бушует море, вздымается водяная пыль, кружат огромные водовороты. Но здесь тихо, безветренно и волны с мягким плеском выкатываются на берег.

Яна, с трудом поднявшись, расстегнула джинсы, и они упали к ее ногам. Сняла блузку и, поискав глазами, куда бы ее положить, махнула рукой и просто кинула на ствол дерева.

— Яна,— Диана протянула ей руку.— Держись за меня. Здесь очень гладкий берег. Не бойся, я крепко тебя держу. Я, хоть и хрупкая, но знаешь, какая гераклистая.

Они медленно вошли в воду по пояс... Потом еще чуть дальше, и плечи Яны окатила теплая, покатая волна. Диана держит ее за руки и смотрит куда-то далеко за горизонт. И в этот миг, ощущая всем телом свежесть моря, Яна вдруг почувствовала, что времени и вправду нет. Понять это нельзя, но можно почувствовать, что иначе быть не может. Море, ветер, чайки, и еще она слышит свое дыхание. А ведь никогда

она к нему не прислушивалась. Дышит... И разве может быть иначе?.. Только сейчас она и поняла, что всего лишь дышать и есть уже чудо. Целое небо воздуха над ней и зеленовато-голубой простор моря, и все это наполняет сердце такой радостью. И все вокруг так чудесно! И можно стоять в воде, и не бояться, что упадешь. Вода держит и дарит свободу движения, которую Яна давно уже позабыла.

— Так бы и жила в воде, как Ихтиандр,— тихо произносит она.

Диана плавает рядом, и колышутся вокруг выступающие из воды ветви деревьев, с плеском постукивают друг о друга скользкие стволы.

Как радостно ни о чем не думать. Да стоит сейчас о чем-то подумать, и все пропадет... Зачем думать?.. Не хочу,— думает Яна. Зажмурившись, она повернула лицо в сторону солнца и почувствовала его тепло лбом, щеками, даже кончиком носа. Приоткрыла глаза и радостно содрогнулась, ослепленная блеском воды. И тут же прохладные брызги окатили ее плечи и шею.

Это Диана подплыла сзади, подхватила подмышки руками и она, поддерживаемая Дианой, расслабилась и легла на спину на поверхности воды. Маленькие волны перекатываются через ее колени, живот, и голую грудь... Море ласкает ее, солнце греет и целое небо чистого воздуха над ней.

— Не холодно? — у самого ее уха произнесла Диана.

— Очень хорошо! Я ни о чем не думаю.

— Чувствуешь? — спросила Диана.

— Что?

— Что мы с тобой на краю света...

— Да... И последний автобус ушел.

— И пусть. Мы дома, Янка.

— Да, Диана... Мне так хотелось бы, чтобы Рай, если он когда-нибудь будет, был бы хоть капельку похож на этот миг.

Диана ничего не говорит и только смеется. Ее короткие мокрые волосы растрепались, она похожа сейчас на чудесного мальчишку, гораздо более сильного, чем она, Янка.

— Помнишь, как когда-то в детстве я писала тебе, что однажды мы будем вместе,— сказала Диана.— Все сбывается. Вон сколько прошло времени, но ведь сбылось. Может, мы и вправду нужны для чего-то в этом мире, раз какие-то силы нам помогают. Я чувствую, что это так...

(Продолжение следует)

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ШАХТА ПЛЮСУЕТ
(глава из повести «Звезда над копром»)

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Несмотря на позднее возвращение, Иван проснулся рано. Как только первые солнечные лучи пробились сквозь не зашторенное окно, он открыл глаза. От яркого солнечного света, а еще больше от приятных воспоминаний о Маше он улыбнулся и с удовольствием потянулся на постели. День был воскресным и выходным, а потому Иван никуда не спешил. Встал с кровати и на цыпочках, чтобы не топать и не разбудить спавших племянников, прошел на кухню. Матвей Кузьмич разжигал печь.

— Здорово, батя,— поздоровался Иван и прошел на двор.

— Здорово, здорово,— нехотя ответил на приветствие сына отец, подкладывая в печь поленья дров.— Замерз? — спросил он, когда Иван вернулся на кухню.

— Да, холодновато,— ответил тот поеживаясь.

— Сейчас тепло пойдет,— сказал Матвей, подталкивая кочергой поленья в огонь.

Иван умылся под рукомойником, вытер полотенцем лицо и поставил на печь чайник.

— Давай чайку попьем,— произнес он.

— Попей, попей чайку,— кивнул головой Матвей.

— Что-то ты, бать, не веселый какой-то, не заболел ли? — спросил Иван.

— Я-то не заболел, а вот ты, видать, после вчерашнего прибаливаешь.

— Наверное, опять будешь меня допекать за то, что поздно пришел? — ухмыльнулся Иван.

— Поздно-то ладно, я уже привык к твоему позднему возвращению, а вот что под хмельком пришел — это уже плохо,— с сожалением в голосе изрек Матвей Кузьмич.

— Так я, батя, взрослый уже, мне не пять годков-то, чтобы ты меня все опекал.

— Ну ладно, об этой твоей выпивке мы еще поговорим, но у меня к тебе еще одна претензия имеется.

— Это какая же? — неподдельно удивился Иван.

— Что же ты не скажешь, что шахта плюсует? Клавка Митина вчера ходила в Горняцкий и видела там, что на шахте звезду зажгли. А ты что же помалкиваешь?

— А тебе-то зачем это нужно знать?

— Как же зачем?! Теперь составы с углем пойдут огромные, вагонов-то с углем теперь к паровозу прицепят много, и он их еле-еле тащить будет...

— Собираешься опять набеги на поезда делать? — перебивая отца, спросил Иван.

— Уголек-то он нынче на вес золота будет, не накупишься его,— ответил Матвей.

— Нам же, как семье шахтера, летом уголь бесплатно выдавали, неужели не хватило? — пожал плечами Иван

— Много они дали?! — недовольно переспросил Матвей Кузьмич.— Два раза по-хорошему избу протопить. Дали они… курам на смех,— ухмыльнулся он.

— Летом еще дадут, или думаешь, не хватит нам угля до лета?

— Я не думаю, я знаю, что до теплых дней угля не хватит.

— Так зима-то уже заканчивается, вон уже март на дворе,— улыбнулся Иван.

— Ну, зима еще не закончилась, а ночи они и в марте холодные. Хватит об этом разговор вести, надо Татьяну будить с ребятами, да идти на чугунную дорогу,— произнес Матвей Кузьмич, прикрывая в печи заслонку и, покряхтывая, вставая с колен.

— Ну, что же, коль ты так решил, давай пойдем поезда грабить.

— Ты мне это брось… поезда грабить… тоже мне, грабителей нашел! — недовольно изрек Матвей.— А уголь в три дорога продавать — это что? Не грабеж?! А одну телегу угля шахтерам давать на всю зиму, на раз избу протопить — это тоже не грабеж? А мерзнуть зимой — это как, по-твоему, получается?! Грабить… отца родного в грабители записал!

— Ну ладно, ладно, батя, завелся,— миролюбиво проговорил Иван. Он и сам осознал, что своим неосторожным высказыванием обидел отца,— Да ты сам-то не ходи, мы одни без тебя сходим,— предложил Иван отцу.

— Вы в прошлый раз без меня сходили, одну угольную пыль принесли. Сам пойду,— тоном, не терпящим возражения, проговорил Матвей.

В это время в кухню вошла Татьяна, поздоровалась со всеми и взглянула на висевшие на стене ходики.

— Время-то уже почти восемь! — ужаснулась она.

— А ты что, ай собралась куда? — взглянул на нее Матвей Кузьмич.

— Да никуда я не собралась.

— А чего же тогда на часы смотришь?

— Завтрак мне пора на стол собирать, вас кормить,— ответила Татьяна. Затем, умывшись, она повязала на голову платок, подвязала фартук и, подойдя к печи, загремела посудой.

— Вчера вечером Клавка Митина ходила в Горняцкий в магазин, говорит, что на шахте звезду зажгли, это потому, что шахта план перевыполнила. Теперь потащат паровозы уголек-то! — заговорил после недолгого молчания Матвей, поглядывая на сноху.

Татьяна молчала. Она прекрасно знала, к чему Матвей Кузьмич завел разговор о перевыполнении шахтой плана. Она не любила ходить на железную дорогу и воровать с проходящих поездов уголь. Ей всегда в такие моменты хотелось задать свекру вопрос: как же он может воровать у государства уголь и ходить при этом в церковь молиться?! Она всегда была внутренне категорично против того, что Матвей Кузьмич, идя на линию за углем, берет с собой своих внуков, ее детей, приучая их, таким образом, к воровству. Татьяна всегда была против этого, но она никогда не позволила бы себе задать свекру такие вопросы, потому что уважала Матвея Кузьмича за трудолюбие, за доброту, за любовь к родным и близким ему людям, уважала его за супружескую верность. И когда посадили в тюрьму ее мужа Мирона, как бы тяжело ей не было, она ни разу не предала его. Потому что примером любви и верности для нее всегда был свекор, овдовевший и один растивший детей. Так больше и не женившись, хотя многие одинокие женщины и хотели сойтись со спокойным и уравновешенным, непьющим и трудолюбивым вдовцом. «Мы же венчаные с Настасьей, как же я потом там, на небесах, ей в глаза-то глядеть буду, если тут, на земле, изменю ей?» — ответил как-то Татьяне Матвей Кузьмич на ее вопрос о нежелании повторно

жениться. И больше она ему таких вопросов никогда не задавала. А вот она со своим Мироном так и не обвенчалась, хотя и мечтала о том, но на дворе уже были другие времена, и венчаться стало уже не модным, да и к тому же опасным делом. Как ни уговаривал Матвей Кузьмич сына обвенчаться с Татьяной, но тот всегда отвечал отказом. Очень переживал из-за этого Матвей, жалел Мирона, но еще больше жалел и переживал за Татьяну. «Мужику в блуде жить нельзя, а бабе вдвойне нельзя. Баба, она обязательно должна под венец идти, потому что детям своим должна пример христианский подавать, а не дурной»,— говорил он сыну, но Мирон оставался непреклонен. Чувствовала Татьяна своим женским чутьем, что беспокоится и переживает за нее, как за родную дочь, Матвей Кузьмич за то, что она в супружестве своем не по-христиански живет, да поделать ничего не могла. А потому и она его любила своей дочерней любовью и уважала. И никогда она ему не выскажет претензий за то, что он ходит на железную дорогу воровать уголь, да к тому же знала она, что в дни перевыполнения шахтой плана, на железную дорогу за углем приходили почти все жители окрестных деревень. Угля не хватало всем.

— Там, на чугунной дороге, теперь уже, наверно, вся деревня собралась, паровозы с углем ждут,— вывел Татьяну из грустных раздумий голос Матвея Кузьмича.— И нам тоже поторапливаться надо, а то сейчас через часок морозец оттает, земля-то она вон в поле уже из-под снега показалась. Боюсь, снег сойдет, земля расквасится и грязно будет. Ты, Татьянушка, буди ребятишек, позавтракайте и давайте собираться. А ты, Ванька, допивай свой чай, да иди на двор лошадь запрягай, и мешки с корзинами возьми. Да у скотины не забудь почистить, а то пока мы вернемся, скотина полдня в навозе стоять будет.

— Сам-то сядь за стол, поешь, у меня уже все готово,— проговорила Татьяна, обращаясь к свекру и накрывая на стол.

— Я не хочу, я давеча немножко перекусил,— махнул он рукой.

Разбуженные матерью Колька с Васькой, узнав, что им предстоит идти на железную дорогу за углем, так обрадовались, что, не обращая никакого внимания на мать, начали прыгать на постели, кричать от радости и бить друг друга подушками. И чтобы их успокоить Татьяне пришлось повысить на них голос. Наконец-то они успокоились, быстро встали с кровати, и даже с удовольствием поели кашу, что в другие дни делали с большой неохотой.

— Дюже тепло-то их не одевай, а то им неловко будет уголь собирать,— проговорил Матвей, глядя на то, как Татьяна кутает детей в пальто и валенки.

— Ничего, как-нибудь соберут,— ответила она, повязывая детям поверх пальто шарфы. Те, услышав дедова слова, заупрямились и начали высказывать недовольство, сопротивляясь матери. Татьяна прикрикнула на них и предупредила, что они никуда не пойдут, если не наденут шарфы.

— Дед сказал, что нам в шарфах и варежках будет неудобно уголь собирать,— запричитали они в два голоса.

— Все будет удобно, а если вы не наденете шарфы и варежки, то останетесь дома, и будете делать уроки, а я приду и проверю их у вас,— строго сказала Татьяна и Колька с Васькой подчинились.

На улице было солнечно и морозно. Иван, держа в руках поводья, уже давно ожидал домочадцев.

— Все взял? Ничего не забыл? — строго спросил у него Матвей Кузьмич, забирая из рук Ивана поводья, давая понять, что лошадью будет управлять он.

— Все положил. И мешки, и корзины, и канистру с водой. Вон все в санях лежит,— ответил Иван, указывая кивком головы на сани.

— Ты там мылом-то особливо не намыливай, его у нас немного осталось,— про-

изнес Матвей,— Надо бы за мылом как-нибудь на днях на стройку съездить,— вздохнул он.

Иван усадил в сани племянников, помог сесть Татьяне, затем поставил канистру с водой, положил рядом хозяйственное мыло и только после этого сел сам.

— Ну, с Богом! — произнес Матвей Кузьмич, усаживаясь в сани.— Но-о! Пошла-а! — прикрикнул он на лошадь и начал слегка подстегивать ее вожжами. Та пофыркала для приличия и пошла медленно, кивая при каждом шаге головой. За деревней, в чистом белоснежном поле, словно почувствовав простор, побежала рысцой, вызвав восторг не только у Васьки с Колькой, но и у Ивана с Татьяной. Матвей Кузьмич подстегнул лошадь и, умело объезжая выступившую местами из-под снега землю, направил ее к небольшому оврагу, в то место, где железная дорога немного поднималась в гору, и где паровоз, с трудом волоча за собой несколько десятков вагонов с углем, терял скорость. Этим обстоятельством и пользовались деревенские жители. Они из-за тихого паровозного хода смело запрыгивали на вагонные подножки, а затем лезли вверх к углю, где хватали каменья побольше, а затем сбрасывали их вниз ожидавшим родственникам. Нередко сразу двое, а то и трое находящихся на вагоне мужчин, заприметив огромный угольный булыжник, хватали его одновременно и тогда между ними возникали нешуточные ссоры, которые всегда заканчивалась мирными вечерними застольями.

У железнодорожного полотна в ожидании очередного состава с углем уже находилось несколько семей деревенских жителей, среди которых Иван увидел и мужиков, работающих вместе с ним на шахте. Поздоровавшись со всеми, он достал из саней канистру, взял мыло и направился к полотну.

— Ну что, начнем? — улыбнувшись, спросил он, оглядывая всех. И не ожидая ответа начал поливать водой из канистры рельсы, а затем усиленно намыливать их мылом. Вскоре рельсы покрылись мыльно-ледяной коркой.

— Поменьше, поменьше мыло расходуй,— прокричал ему отец, вытаскивая из саней корзинки и мешки.— И так уже хорошо намылил.

Стоявшие рядом люди заулыбались.

— Ох, и скуп ты, дядя Матвей,— засмеялась одетая в подпоясанную веревкой телогрейку, валенки и платок деревенская красавица Ефимова Наталья, которая, в ожидании поезда, чтобы не тратить время понапрасну, лузгала семечки. Рядом с ней стоял работавший с Иваном на одной шахте ее муж Валерий, он курил папиросу, и лишь одними губами улыбнулся словам жены.

— А скупость, Наташка, не глупость,— отреагировал Матвей на слова Натальи, после чего та засмеялась в голос, показав при этом свои ровные белые зубы и обозначив ямочки на раскрасневшихся от мороза щеках.

Их запряженная в сани лошадь стояла здесь же, а в санях сидели трое их детей погодков: Петька, Пашка и Варька. По возрасту они были почти ровесники Ваське и Кольке, и, увидев их, оживились, заулыбались. Слезли с саней и наперебой начали им что-то рассказывать. Вернулся с полотна Иван.

— Хорошо намылил? — спросил у него Валерий, докурив папиросу и щелчком откинув ее в сторону.

— Нормально. Думаю, что буксовать будет,— весело ответил Иван, кладя в сани канистру и измыленный кусок мыла.

— Ну что, мужики, шахта план выполнила, теперь, наверно, премию хорошую получите? — обращаясь к Валерию и Ивану, спросил колхозный пенсионер семидесятисемилетний Николай Авдеевич Горюшкин.

— Как начальство решит. Захотят дать, то дадут, а нет, то, как говорится, и суда нет,— ответил ему Валерий.

— Дадут, дадут,— утвердительно кивнул головой Николай Авдеевич.— Шахта — она богатая, деньги имеет. Уголек-то, небось, за границу повезут, за золотишко продавать будут, государство — оно и себя не обидит, и вам глядишь, что-то достанется. А вот я всю жизнь в колхозе проработал за гроши и никаких нам премий никогда не давали.

— Ты сравнил, Авдеич, шахту с колхозом. Ты на своей работе свежим воздухом дышал, а мы там, в преисподней, от угольной пыли задыхались, лопатой уголек гребли; бери больше — кидай дальше. Уголек-то он просто так не дается,— вступил в разговор Матвей Кузьмич.

— Так я что, Кузьмич, не понимаю что ли?! — развел руками Горюшкин.

— Ой, дядя Коля, да о чем вы говорите?! Все равно они эту премию свою если и получат, то пропьют всю,— вступила в разговор Наталья, посмотрев при этом укоризненно на мужа. Тот промолчал.

— А как же ты, Наталья, хотела? И выпить мужикам тоже надо,— ответил ей Горюшкин.

— А я бы хотела, чтобы мужья всю премию женам отдавали, а не пропивали,— отреагировала Наталья. И сама же громко засмеялась своим словам, вновь обнажив ровные зубы и обозначив ямочки на щеках.

— Идет, идет! — крикнул кто-то, и все приготовились к самому главному и волнующему моменту — к захвату вагонов с углем.

Паровоз, отфыркиваясь удушливым черным дымом, тащил за собой больше двух десятков груженых под завязку вагонов. Доехав до того места, где железнодорожная насыпь немного уходила в гору, да к тому же, где на рельсах была мыльно-ледяная корка, паровоз беззащитно завертел по скользкой глади колесами, и резко сбавил и без того медленную скорость. В это время стоявшая вдоль полотна одна группа мужчин в один миг влезли на вагоны и начали сверху кидать в снег угольные каменья. Другая группа, состоявшая из стариков, женщин и детей, собирала уголь в приготовленные мешки, корзины и ведра. Машинист паровоза, предупреждая людей об опасности, которой они себя подвергают, стал усиленно подавать длинные и короткие гудки, но, видя, что это действие не возымело результата, открыл окно паровозной будки и выставил лицо. Шевеля злобно усами, он начал что-то кричать людям и грозить им кулаком, но его слова тонули в шуме работавшего паровозного двигателя. Вскоре он вновь закрылся в будке и в тот же миг паровоз вновь начал издавать длинные гудки, а затем, словно обозлившись на людей, зафыркал и еще быстрее завертел беспомощно колесами. В то время, пока паровоз продолжал буксовать, Иван, спрыгнув с вагона в снег, быстро подбежал к будке машиниста и, нырнув под паровоз, начал открывать вентиль тормозной магистрали. От увиденного Матвея Кузьмича охватил дикий ужас, и он закричал на Ивана, что было силы, замахал руками и затопал по снегу валенками, но его голос, так же, как и голос машиниста, из-за шума был не слышен. Наконец, не выдержав, он бросился к Ивану, чтобы вытащить его из-под паровоза, и в тот же миг с громким фырчащим шипением из-под будки машиниста вырвался пар, окутав своею белою пеленою стоявших рядом с паровозом людей. Оказавшись под парами и ничего не видя вокруг себя, Матвей Кузьмич еще больше испугался за Ивана. Ему показалось, что паровоз тронулся с места и его вместе с Иваном сейчас разрежет пополам огромными железными колесами. В ужасе он обхватил грязное и засаленное паровозное колесо и, пытаясь остановить его ход, пытаясь спасти сына и себя, понимая абсурдность своих действий, изо всех своих сил начал его сдерживать. «Господи, спаси нас и помилуй»,— прокричал он и приготовился к самому худшему. Но с тем, как из-под паровоза исходил пар, его колеса все сильнее и сильнее стали сжиматься тормозными колодками. Наконец, схваченные

мертвой хваткой, они замерли, и паровоз перестал сопротивляться, попыхивая успокоительно черным, закопченным дымом. После того, как пар рассеялся, Иван выскочил из-под паровоза и с удивлением увидел рядом с собой ругавшегося отца. Не обратив на это никакого внимания, он схватил на руки племянников и влез вместе с ними на вагон.

— Держите! — крикнул он и начал кидать вниз уголь, но ни Матвей Кузьмич, ни Татьяна не смогли прийти в себя от пережившего ужаса.

— Держите! — тонким детским тенором прокричали сверху Васька с Колькой и, подражая дядьке, так же начали скидывать с вагона уголь.

Вскоре Матвей Кузьмич и Татьяна пришли в себя и стали собирать уголь. Машинист тем временем открыл окно, закурил папиросу и молча стал наблюдать за происходящим. Спешить ему теперь было некуда, паровоз медленно закачивал воздух. Спустя полчаса, когда вдоль железнодорожного полотна уже стояли наполненные углем мешки и корзины, паровоз зафыркал. Державшие колеса тормозные колодки ослабли, и машинист, чтобы паровоз больше не буксовал, подал на рельсы к колесам из песочницы специальный просеянный песок. Затем, извещая всех о том, что он начинает движение, дал длинный гудок, и колеса с грохотом завертелись. Паровоз резко дернул вагонами и медленно поехал. Сидевшие на вагонах люди стали спускаться вниз.

Иван помог племянникам слезть с вагона, и после того, как убедился, что они находятся от состава на безопасном расстоянии, спрыгнул сам. Прогрохотав колесами на стыках рельс, паровоз уехал, а люди все еще продолжали собирать раскиданный вдоль полотна уголь.

— Ты чего это хватаешь чужой уголь? Это мы его с Колькой сбросили,— прикрикнул Васька на Ефимова Петьку.— А этот камень дядя Ваня сбросил, он тоже наш.

— Это мой папка сбросил, я помню, отдай! — воскликнул в ответ Петька, и начал отнимать у Васьки уголь.

— Ах, ты так?! — разозлился Васька и с силой оттолкнул от себя Петьку. Обидевшись, тот дал Ваське в ухо.

— Ах, ты драться?! — воскликнул Колька и, подбежав к Петьке, свалил его в снег. На него сзади навалился Пашка, а на Пашку навалился Васька.

Стоявшая рядом с дерущимися Варька завизжала.

— Папа, мама, а Петька и Пашка с Петровыми дерутся! — закричала она визгливо.

К ребятам подбежал Ефимов Валерий и, схватив Ваську за шиворот пальто, отшвырнул его в сторону. Тот заплакал.

— А ну, цыть, мелюзга! — прикрикнул он.

— Ты чего это мальца за шиворот хватаешь? — прикрикнул на Ефимова Матвей Кузьмич.— А то вот я тебе сейчас самого палкой огрею вдоль спины! — В доказательство своих слов Матвей стал потрясать палкой.

— Я вот не посмотрю, что ты, дядя Матвей, в годах, и твоею палкой тебя самого огрею! — резко ответил ему Ефимов.

— Ты чего это там на моего отца тявкаешь, как пес из подворотни? — Или тебе пасть твою собачью заткнуть? — подбежал к Ефимову Иван, но Матвей Кузьмич преградил ему путь.

— Не сметь! Не сметь! — тоном, не терпящим возражения, приказал он сыну, и Иван не стал перечить отцу, только злобно сверкая глазами смотрел на Ефимова.

— Только попробуй! Пасть он заткнет! Нашелся тут, деляга! — вступилась за мужа Наталья.— Я тебе сейчас сама пасть заткну! — пригрозила она Ивану, но тот не стал с нею связываться.

— Ну, хватит вам, прекратите! — глядя на скандалистов, проговорил Горюшкин.— Ну ладно эти — молодые, но тебе-то, Кузьмич, не стыдно ссору затевать?

— А ты меня не стыди! Это не я ссору затеял, а он,— ответил Матвей Кузьмич, указывая пальцем на Валерия.

— Да это ты на меня палкой намахиваться начал,— гневно ответил тот. От волнения он тяжело дышал.

— Дык как же мне не намахиваться, коли ты сказал, что палкой меня огреешь! — возмутился Матвей.

— И ты, Валерка, на кой мальца обидел? — обратился Горюшкин к Ефимову.

— А ты, Авдеич, не лезь в наш разговор. Тебя не трогают, а значит стой и молчи! — прикрикнула на Горюшкина Наталья. Она раскраснелась еще пуще прежнего, глаза у нее заблестели, платок сбился с головы.

— Ишь ты, командирша какая нашлась! Мужем своим командуй, а не мной!

— А это не тебе, Авдеич, решать, кто у нас в семье командовать будет! — вступился за жену Валерий.— Ты если пришел за угольком, то собирай себе потихонечку, да иди домой.

— А ты меня не попрекай, можно подумать, что ты пришел не за угольком,— парировал Николай Авдеевич.

— А я за своим угольком пришел! Это я его оттуда достал! — вскипел Валерий, и стал указывать пальцем на землю, имея в виду шахту.

— Да вам, шахтерам, и так уголь бесплатно выписывают, а вам все мало! Все побольше ухватить норовите! — возмутился Горюшкин.

— А мы тебе, Авдеич, чего — уголь не даем брать? — вступил в разговор Матвей Кузьмич.— Бери столько, сколько унести сможешь! — Но Авдеевич завелся не на шутку.

— Нате, берите! — прикрикнул он и стал расшвыривать из мешка собранный уголь.— Забирайте! Все вам мало, все не нахапаетесь никак! — кричал он. Руки у него от волнения дрожали, глаза горели гневом, щеки пылали.

— Вот чудак-человек! — примирительно заговорил Матвей, оглядывая окружающих и ища у них слова поддержки, но Горюшкин не успокаивался.

— Все вы тута супротив меня настроенные. Как же, мы-то — шахтеры! А ты, Николай Авдеевич, никто! Ты — колхозник, а значит дурак супротив нас! — не унимался он.

— Да успокойся ты, дядя Коля,— проговорил Иван.— Никто тебя дураком никогда не считал и не считает.

— Знаю я вас всех! — проговорил Горюшкин и, бросив в салазки опустошенный мешок, пошел домой.— Я с вами, ворюгами, в другом месте разговаривать буду! — пригрозил он напоследок.

— Это мы-то ворюги?! — вскипела Наталья.— Да это ты, когда работал, весь колхоз разворовал! Думаешь, я не видала, как ты по ночам домой зерно со свеклой таскал?! Видала! Я все видала!

— Да ты-то хоть угомонись! — прикрикнул на жену Валерий.— Видишь, человек не в себе!

Наступила неловкая тишина. Всем было неудобно друг перед другом.

Многие другие жители Озерок в ссору не вступали. Они молча собирали уголь и лишь изредка, кто серьезно, а кто с ироническими улыбками на лицах, смотрели на ссорившихся людей.

— А ну-ка, быстро в сани! — приказала Татьяна Ваське с Колькой.— Дай домой приедем, я вам всыплю по первое число! Вы у меня надолго запомните, как драться! — пригрозила она детям. Те понурили головы.

— И вы тоже шагом марш домой! Сейчас у меня дома тоже получите! — прикрикнула на своих детей Наталья. Те так же склонили головы, и побрели к своим саням.

Расходились соседи молча, потупив от стыдливости глаза. Загрузили мешки с углем, уселись в сани и, не взглянув друг на друга, стеганули лошадей.

По возвращении домой Петровы распрягли лошадь, сложили в сарае уголь, мешки с корзинами, и спустя час собрались за обеденным столом. Самыми последними за стол уселись Васька с Колькой, отстояв положенное время в разных углах за драку с Ефимовыми ребятами.

— Неловко с Авдеичем получилось,— проговорил Матвей, тщательно пережевывая пищу.— В последнее время он какой-то нервный стал.

— Пьет много. Почтальонша говорила, что пенсию ему на неделю не хватает, всю пропивает,— проговорила Татьяна.— Одинокий, потому и пьет,— вздохнув, подытожила она.

— Это он не от одиночества пьет,— возразил Матвей.

— А от чего же еще?

— От дури своей, вот от чего,— со знанием дела ответил Матвей.

— Да нет, батя, тут Татьяна права. Конечно, он пьет от одиночества. Вспомни, когда тетка Нюшка его была жива, он не так сильно пил, как сейчас пьет,— вступил в разговор Иван.

— Да пил он и раньше,— возразил Матвей.

— Пил, да не так,— махнул рукой Иван.

— А ты руками-то не махай! Размахался! — неожиданно прикрикнул на сына Матвей Кузьмич, и все с недоумением на него взглянули.

— Ты чего это, батя? — Иван отложил в сторону ложку, с удивлением взглянул на отца.

— А того! Ты давеча зачем под паровоз полез?

— Нужно было, вот и полез. Пар спустил, чтобы паровоз остановился, а то бы он продолжал ехать. Что мы на ходу, много угля набросали бы?

— А если бы он в тот момент, когда ты под него залез, поехал бы?

— Да никуда бы он не поехал, он буксовал,— ответил Иван.

— Как не поехал бы?! Как только лед из-под колес повылетал бы, так он сразу бы и поехал! Колеса крутятся, а он лезет под них, герой нашелся! Ты мне прекращай такой ерундой заниматься! — продолжал ругаться Матвей.

— Ладно, ладно, больше не буду,— пообещал Иван.

— Ты мне не говори, как ребенок: больше не буду — больше не буду, а пообещай, что больше так поступать не будешь! — потребовал отец от сына.

— Батя, хватит уже! Ты, наверное, с Валеркой Ефимовым не наругался, и теперь на меня напал?!

— Я тебе правильно говорю: под паровоз чтобы больше никогда не лез! — стукнул Матвей Кузьмич рукой по столу.

— Ваня, и вправду так нельзя! Я думала, что сознание потеряю от страха из-за тебя, когда ты под паровоз прыгнул, а он пар выпустил! Отец правильно говорит, и ты должен с ним не спорить, а согласиться,— вступила в разговор Татьяна.

— Ну, а ты ему объясни — этому долдону бестолковому! — проговорил Матвей, обращаясь к Татьяне.

— Ладно, все уже! Сказал, что больше такого не будет! Слово даю!

— Дядь Вань, а как ты паровоз остановил? — спросил у Ивана Васька.

— Вентиль открыл и из паровоза пар сошел. А без пара он ехать не может. Ему пар нужен, как нам воздух.

— Чтобы дышать? — спросил Колька.

— Да, чтобы дышать. Паровоз тоже, как и мы, дышит. Только мы дышим воздухом, а он паром.

— Ух ты! — неподдельно обрадовался Колька.— А меня так научишь паровозы останавливать?

— Учись в школе лучше, там тебя всему научат,— улыбнулся Иван.

— И паровозы останавливать? — не унимался племянник.

— И не только останавливать, но и водить паровозы. Вот вырастите большими и будете паровозы водить.

— В школе не учат паровозы водить, там учат только примеры с задачами решать и по письму писать,— со знанием дела ответил Васька, и после его слов все улыбнулись.

— Ну, правильно. Это пока вас учат примеры с задачами решать, а вот подрастете немного и паровозы научат водить,— произнес улыбающийся Иван и потрепал Ваське волосы.

— Лучше ты нас, дядь Вань, научи паровозы водить, чем в школе,— поддержал брата Колька.— Нам обязательно надо сейчас научиться паровозы останавливать, а не потом, когда подрастем.

— Вот видишь, какой ты дурной пример ребятам показал?! — то ли спросил, то ли констатировал Матвей Кузьмич. Иван промолчал. После этого все разговоры прекратились сами собой, ели молча.

После обеда Иван вышел на улицу, вслед за ним, накинув на плечи тулуп, вышел Матвей Кузьмич, облокотился об изгородь. Мороз ослаб, в воздухе стоял запах весны, скотины и прошлогодней прогорклой соломы. Ветви деревьев под теплыми солнечными лучами оттаяли и кое-где вперемешку со снегом покрылись весенней влагой, на ветвях раскачивались и кричали грачи.

— Вот и грачи прилетели,— вполголоса проговорил Иван, взглянув на росшую во дворе дома березку с сидящими на ней грачами.

— Да, Герасим-грачевник пришел и грачей к себе созвал,— сказал Матвей Кузьмич и тоже взглянул на березку.— С Настасьей своею, матерью вашей, березку эту сажали еще до войны. Тоненькая была, хиленькая, что ребенок малый, думали, что не приживется она, погибнет. Однако выдюжила, вон какая здоровенная вымахала! — Матвей Кузьмич задрал голову вверх, взглянул на верхушку дерева и улыбнулся.— А весна нынче ранняя, скоро с полей ручьи побегут,— проговорил он, смахивая с лица улыбку. Затем, словно невзначай, спросил: — Опять к Машке собрался? — Иван кивнул.— Не будешь ты счастлив с ею. Вот попомнишь мое слово — не будешь,— с грустными нотками в голосе сказал Матвей.

— Ты-то почем знаешь? — Иван взглянул на отца.

— Знаю,— ответил тот, глядя сыну в глаза.

— Ну, поживем-поглядим,— Иван отвел взгляд в сторону и нахмурил брови.— Я ненадолго,— сказал он и, скрипнув калиткой, вышел со двора. Пошёл медленной походкой в сторону дома Семихвалынских, задвигая ногами потемневшую снежную кашицу. Матвей Кузьмич долго смотрел ему вслед, затем вздохнул глубоко и, поправив на плечах сползший тулуп, направился в избу.

Николай Тютюнник
(г. Каменское Днепропетровской области, Украина)

КОТ ПО КЛИЧКЕ ЗАБА
почти невероятная история
(повесть)

Родился в Белгородской области, в шестилетнем возрасте переехал с родителями в Донбасс, где в молодые годы отработал 17 лет под землей. Позже много лет отдал журналистике и литературе. Член Союза писателей СССР с 1988 года, автор более тридцати книг стихов, повестей, рассказов, поэтических и прозаических романов, которые отмечены многочисленными литературными премиями. За перевод книги стихов Николая Рубцова на украинский язык отмечен литпремией «Золото переводов. Мастерство переводчика». Произведения переводились на болгарский, польский и литовский языки. Полный кавалер «Шахтерской Славы».

1

Заба появился на божий свет не в уютной квартире и не в частном доме, где бы могли проживать любящие животных люди, и даже не в теплом подвале многоэтажки, как результат любовных похождений обитающей здесь бездомной мамы-кошки, а на шумной территории угледобывающего предприятия, а проще — шахты. Появился в каком-то полузакрытом и неглубоком каменном «колодце», где проходила большая и теплая от горячей воды труба, отчего здесь можно было даже спокойно переносить зиму. Но Заба и его братья и сестрички были мартовскими, поэтому про зиму еще ничего не знали, и удивленно смотрели широко раскрытыми глазенками на освещенные жгучим летним солнцем здания, на высокую гору террикона, по которой то взбиралась вверх, то опускалась вниз маленькая вагонетка. Впрочем, вагонетка была заметна разве что людям (да и те не обращали на нее никакого внимания), маленькие же темные комочки рассматривали то, что поближе: те же здания, те же вагонетки, которые одна за одной катились рядом с легким стуком и, конечно же, людей. Больших людей, иногда смирных и ласковых, когда те подсовывали котятам кусочки хлеба или колбасы, и шумных, крикливых, пугающих и котят и кого-то еще своими криками:

— Сто-ой! Тормози-и! Забури-ились!

Что такое «забурились» ни Заба, ни его братья-сестры, конечно, не знали. Но знали, что после этого люди начинали кричать еще громче, злее, начинали материться и успокаивались только тогда, когда сошедший с рельсов вагон снова становился на место. Люди после этого снимали свои кепки, вытирали ими мокрые лбы. Иногда закуривали, лихо сплевывая слюну.

Как правило, вагонетки, которые направлялись к стволу, были загружены крепежным «лесом», то есть деревянными стойками, распилами, столбами,— всем, что необходимо для закрепления подземных выработок, чтобы ничто не падало, не валилось на голову, и можно было далее добывать уголь или углубляться к его новым пластам.

Ни Заба, который еще не имел никакой клички и только откликался на ласковое женское «кис-кис», ни его братья-сестры, ни даже их мама-кошка, исхудавшая в материнских заботах, не знали — что такое шахта. Да, конечно, и не узнают. Туда строго-настрого запрещен спуск какой-либо животине, будь то кошка, коза или собака. Исключением были только лошади, да и те еще совсем недавно опускались под землю не для прогулок, а для тяжелого каторжного труда. Но теперь под землей нет и лошадей. Их заменили электровозы. Озорные же парни-коногоны переучились на машинистов, сменив свои красиво плетеные кнуты на специальные рогообразные ключи от своих новых стальных «коней». Переучились, но характером не изменились, оставшись такими же весельчаками и скалозубами, готовыми в любой момент освистать и отбрить каждого, кто попытается подколоть их. Иногда машинисты сами, еще на поверхности, просматривали загруженные «лесом» вагоны, которые им предстояло сегодня доставлять в разные выработки. Заметив явно «бракованные», с плохо вращающимся колесом, бежали на лесной склад, ругались. Как было и сегодня.

— Куда ж вы грузите, гады такие?! Не видите, что бракованный?! Я ж потом задолбусь с ним, пока доставлю!

Грузчики лесного знали, что виноваты. Но кто же в этом признается?

— А нам некогда рассматривать,— огрызались,— бракованный он или не бракованный! У нас тоже наряд!

— Наряд у них... Враги какие-то!

Кляня и ругаясь, машинист бежал назад, готовый собственноручно выгрузить сейчас тот вагон, чтобы не пришлось под землей портить с ним нервы. Но пока добежал, гнев поутих. Кому охота выполнять дурную работу! Пусть опускают. Там, внизу, под стволом что-то придумаем.

Ближе к стволу перешел на шаг, и чуть было не наступил сапогом на темного, почти черного котенка.

— Тьфу ты, черт! А ты откуда еще взялся? Да еще черный.

Наклонился, взял Забу в руки, машинально посадил его на пахнущие смолой сосновые стойки, лежащие вровень с бортами вагонами. Посадил, убрав с дороги, чтобы кто-то случайно не задавил. А дальше что?

Забе так и не довелось испытать ласку человеческих рук. Над ним не сюсюкались с первых его дней взрослые тети, не визжали от восторга детишки, не брали его со временем на ладошки, не подносили к своим губам... Парень-машинист, кажется, был первым из людей, кто взял Забу на руки, но всего лишь на несколько секунд, чтобы убрать с дороги и посадить в вагон. Тот самый вагон, который, в числе других, будет отправлен в шахту.

2

Оказавшись в незнакомом месте, да еще и на невиданной для него высоте, Заба заволновался, начал вертеть головенкой, выискивая маму. Но мамы нигде не было, даже не слышался ее голос. Да и как тут услышишь, если вокруг столько шума: где-то перекрикиваются люди-человеки, где-то тарахтит на рельсовых стыках большая металлическая коробка, именуемая электровозом, где-то, опуская вагоны под землю, шумят натянутые в струнку канаты, где-то... Заба покрутился на месте, ощущая теплым животиком легкую сырость и прохладу еще не высохших стоек, которые прибывают на шахты из далекой сибирской тайги, попищал, но таким тонким голоском, что его никто не услышал. Он попытался перебраться со скользкой стойки на борт вагона, откуда можно было бы спрыгнуть вниз, на землю, но вагон неожиданно дернулся, зазвенел сцепкой и вместе с другими вагонами покатился к стволу. Рывок был не сильный, но много ли Забе нужно! Он оскользнулся и упал в щель между стойками, почти на самое дно вагона.

Кричал ли он? Пищал? Наверное, кричал. Но кто услышит? Кто поможет? Может, услышала его мама, или, скорее всего, сердцем почуяла, что с одним из ее сыночков случилась беда, но и она не могла ему помочь. Женщины-рукоятчицы, отправлявшие вагоны в шахту, видели, как прибегала, мяукая, перепуганная кошка, как бегала вдоль вагонов, но понять ее, почувствовать ее материнскую боль так и не смогли. Отломили кусочек колбасы, положили подальше от рельсов, но бедная животинка на предложенную ей еду — ноль внимания. Если бы не непрерывный шум и лязг, которые стоят здесь при загрузке вагонов в клеть, если бы хоть на минуту воцарилась тишина, люди бы услышали, вернее — могли бы услышать из вагона жалобное мяуканье и вытащили бы несчастного Забу из вагона и отдали его встревоженной маме, но шум и звонкий металлический лязг не прекращались, вагон с котенком затолкали в клеть и дали сигнал опускать.

Даже люди, здоровые и задорные донбасские парни, впервые опускаясь под землю, испытывают страх. Когда набитая людьми клеть, покачиваясь на канате, начинает все ощутимее набирать скорость, которая через десятки секунд почти сравняется со свободным падением, когда внезапно «закладывает» уши и голоса стоящих рядом начинают казаться отдаленными, когда металлический пол, кажется, вот-вот уйдет из-под ног, не много найдется храбрецов, которые не обратят на все это внимания, которые не заволнуются, крепко хватаясь за специальные поручни. Это уже со временем все они привыкнут к таким вот спускам и подъемам в клети и будут при этом безостановочно болтать, рассказывая анекдоты или какие-нибудь забавные истории. И если при подходе к поверхности клеть начнет сбавлять скорость и неприятно дергаться, обязательно найдется какой-нибудь остряк и выдаст:

— Как так тянуть, так лучше б оборвалась!

Кто-то засмеется, кто-то в душе ругнется, а кто-то и осадит балбеса.

— Оторвало бы тебе, дураку, голову!

— Ха-ха-ха!

— Ги-ги-ги!

Выехав же на поверхность, кинутся, опережая друг друга, к ламповой и — в баню. Отработали — и слава Богу! Ведь могли бы и не отработать, и не выехать на поверхность, а если и выехать, то на носилках...

Догадавшись, что с ним случилось что-то страшное и непоправимое, Заба перестал пищать, закрыл глазенки и уткнулся носом в пахучую древесину. Вокруг что-то звякало, гремело, потом послышались отрывистые и неприятные звонки, после чего вагон полетел куда-то вниз, да так быстро, что у Забы помутилось в голове и сразу же исчезли все желания. Пусть уже не будет ни мамы, ни братиков и сестричек, пусть уже не будет ласкового солнышка, под которым они всем семейством грелись по утрам. Пусть ничего этого уже не будет, только бы исчез парализовавший его страх! Только бы исчез он сам.

Сколько длилось такое состояние — Заба не знал. Но через неопределенное время он вроде бы снова ощутил себя, почувствовал свои лапки и отчего-то замерзший нос. Почувствовал, что вагон, в котором он находился, снова оказался на рельсах и снова застучал на стыках. Из глубины вагона он не мог ничего видеть, только чувствовал, что его снова куда-то везут, но уже не по земле, а по какому-то полу мрачному, отдающему сыростью коридору.

3

Лебедчик Тихонович, который уже потихоньку собирал документы для оформления пенсии, в последнее время обслуживал в шахте два уклона: грузовой и люд-

ской, точнее — опускал по грузовому материалы, а по людскому — людей. Даже для него, некогда травмированного под землей забойщика, эта двойная нагрузка была не в тягость. В начале смены он «катал» по уклону людскую вагонетку, именуемую «козой», а когда все люди были опущены, а предыдущая смена выдана наверх, брал свою лампу и, прихрамывая, переходил на соседний, грузовой, уклон.

На грузовом работать было спокойнее, потому что туда никто не звонил, не требовал немедленно подать вниз «козу», не грозил, в случае задержки, наказанием, не желал... Ох, чего ему только не желали, узнав, например, что на лебедке какая-то поломка и людям придется топать пешком! Или узнав, что «коза» где-то забурилась, то есть сошла с рельсов. Правда такое случалось довольно редко, потому что «путевые» серьезно следили за состоянием колеи в людском уклоне, по которому им приходилось опускаться и подниматься самим. Случалось, что на «козе» срабатывали «парашюты», такое себе приспособление, которое при порыве каната может спасти людей от гибели. Правда, иногда срабатывали эти «парашюты» и безо всяких порывов, стоило только лебедчику слишком быстро «раскочегарить» и напустить канат. Ох, и носят же тогда горнячки неумелого лебедчика, ох, и таскают же, как собака тряпку! А потом берут и накрепко прикручивают эти «парашюты» стальной проволокой! Теперь хоть обрыв, хоть что — полетит вагонетка «орлом», нигде не зацепившись, пока не врежется во что-нибудь внизу уклона!.. И если в ней будут люди, то... оставшиеся калеками позавидуют погибшим.

Тихонович был опытным лебедчиком, его эта шахтерская чаша миновала, но если случалась поломка механизма, то и он получал... не по заслугам.

Сегодня утренний спуск-подъем прошел без происшествий, и теперь Тихоновичу, худощавому, рано поседевшему и слегка сгорбившемуся, что наводило людей на невеселые мысли о его здоровье, предстояло заняться спуском на нижний горизонт вагонов с «лесом». Вот только машинисты подгонят эти вагоны к уклону.

В помощниках лебедчику, как правило, состоят такие же пожилые шахтеры. Оклад здесь не велик, но и работа, что называется, не пыльная. Правда, покуда — тьфу-тьфу-тьфу! — вагоны не сойдут в уклоне с рельс. Особенно — груженые! Вот тогда-то и пыли понюхаешь, и горло надорвешь. Да и вообще можешь остаться без головы, если окажешься не слишком расторопным. «Сигнал» ведь на лебедку с места аварии подается... ударом молотка по металлической воздушной трубе! Иных сигнализаций нет. Стукнул два раза — значит, вниз. Стукнул три — вверх. Если нужно остановить — бей один раз. Стоп!

А если лебедчик за сотню метров не расслышал?!

Вот и лазят прицепщики под колесами забурившихся вагонов, вот и подкладывают под них разной толщины распилы, которые и должны вывести эти колеса на рельсы. И бьют молотком по трубе — сигналят. Увидели бы такую «сигнализацию» европейские шахтеры — сознания бы лишились!

Тихонович взял свою лампу, отбрасывающую на выработку мягкий синеватый свет, и пошел в сторону соседнего уклона. Еще издали заметил, что машинисты успели подогнать несколько груженых «лесом» вагонов, и решил сосчитать их, чтобы поделить потом состав на ровное количество груза. «Лес» — не горная порода, «лес» намного легче. Можно будет прицеплять по несколько вагонеток.

Передвигался не спеша (с его-то ногой!), старательно переступая валяющиеся куски этой самой породы. Обходя лужу, почти прижался к борту одного из вагонов. И неожиданно услышал жалобное мяуканье. Сначала даже не поверил, приподнял насунувшуюся на лоб фибровую каску, повертел головой. Вроде тихо. Потом снова: мяу... мяу... мяу... Мать честная, да неужели кошка?! И где — в вагоне? Поднял над головой свою лампу, высветил ровно уложенные стойки, присмотрелся. Так и есть —

котенок! Сидит в узкой щели между деревянными стойками и передним бортом вагона. В уклоне (потому и уклон, что наклонный) стойки сдвинутся и раздавят несчастного, как муху. Да как же ты там оказался, дурашка такой?! Как же ты мог туда забраться на своих слабеньких ножках? А ну, погоди-и, сейчас мы тебя-я...

Тихонович встал на сцепку, наклонился, пытаясь достать снова умолкнувший комочек. Котенок не сопротивлялся и оказавшись второй раз в руках человека, только комично тыкался своим розоватым носом в шершавые от мозолей ладони своего спасителя.

Да-а, история... Сколько лет проработал Тихонович под землей, но такого случая еще не было. Даже не слышал о таких случаях. Что же с тобой, горемыка ты наш, делать? А ну, давай-ка отнесу тебя к девчатам. Они что-нибудь придумают.

Женщин к тому времени специальным постановлением правительства из шахт уже вывели. Некоторые плакали: да мне же осталось полтора года до семи лет, а теперь потеряю весь подземный стаж!

Весь стаж не теряли. Но все равно размер пенсии теперь будет ниже. Как тут не заплакать. Тихонович тоже занял тогда после травмы «женское» место — место лебедчика. Пожалело, значит, правительство лучшую половину населения, отобрало у них металлические ручки управления, вывело из шахт и всучило им в руки... лопаты! Машите ими, дорогие вы наши, до пятидесяти пяти лет, дышите здесь, на поверхности, свежим воздухом. А то, что воздух пропах едкими парами горячего асфальта, который вам приходится укладывать,— эт ничаво-о! Работайте.

После ухода женщин мигом захирели их прежние рабочие места, в лебедочных камерах появился мусор, обрывки газет... Да и какой спрос с мужиков! Посмотрит, шмыгнет носом. «А кому оно здесь мешает?»

И все же было место, где по-прежнему работали женщины. Это был подземный медпункт, который располагался рядом с диспетчерской. Вот туда-то Тихонович и направился.

Углубление в выработке, где располагались медпункт и диспетчерская, и площадка перед ним были, наверное, самыми оживленными в шахте местами. За исключением, может быть, околоствольного пространства, где круглые сутки то опускали-поднимали людей, то принимали или выдавали на поверхность пустые вагонетки.

У диспетчерской находилось место сбора машинистов электровозов и десятников внутришахтного транспорта (со временем их станут именовать горными мастерами). Сюда же, на крепко сколоченные лавки, стекались и десятники вентиляционной службы, и взрывники-«запальщики», ранее времени поднявшиеся с нижних горизонтов. Здесь же, ожидая составы с крепежным материалом, дремали пред пенсионного возраста сцепщики. Особенно шумно и весело было в начале смены, когда появлялись демонстративно шумные машинисты, вечно веселые, заводные, жившие, в основном, в общежитии, где что ни день,— то какое-нибудь приключение! Вот и обсуждали теперь эти приключения громкоголосо, на всю шахту, матерясь и разряжаясь дурашливым смехом.

В соседнем медпункте иногда не выдерживали. Открывалась дверь, и на пороге появлялась раздраженная этой мальчишеским бесстыдством медсестра.

— Ну, и долго вы будете? Долго мне ваши матюги слушать?

Замолкали, неловко хихикая и смущенно переглядываясь. Но — не на долго. И тогда принимались уже другие меры. Снова распахивалась дверь, и молодая женщина выплескивала кружку воды на головы охальников. Но таким хоть ты им это... в глаза — им все Божья роса! Отскочили, заржали и, получив чертей от диспетчера, шли «седлать» своих железных «коней».

Когда Тихонович подошел к медпункту, на лавках уже никого не было. Поднявшись по двум ступенькам, по привычке постучал.

— Заходите, заходите! Кто там?

Тихонович, непривычно улыбчивый и загадочный, переступил порог.

— Я так и подумала, что — вы,— поднялась ему навстречу медсестра.— Только вы можете сначала постучать... Что случилось, Тихонович?

Тихоновичу почему-то захотелось поинтриговать, чего за ним никогда не замечалось.

— Вам тут не скучно? — спросил бодро, явно чего-то не договаривая.

Медсестра удивилась. К заигрыванию шахтеров ей не привыкать. Но Тихонович всегда такой степенный, пожилой...

— Да пока что не-ет,— неуверенно произнесла она, приглядываясь к лебедчику.

— Тогда вот,— не выдержал он и вытянул из-за отворота куртки котенка.— Принимайте!

— Ой! Что это? Котенок? Откуда он у вас? Где вы его взяли?

Тихонович потоптался. Передал маленького горемыку в руки взволнованной женщины.

— В вагоне нашел. Сидел там, пищал. Пусть побудет у вас, а то у меня работа.

— Хорошо!

— А я потом, под конец смены, зайду.

— Заходите, заходите.

Передав найденыша в женские руки, Тихонович протяжно вздохнул и, улыбаясь своим мыслям, направился к грузовому уклону. Там, наверное, уже его кинулись искать.

4

Заба (он вскоре и получит эту кличку) терялся в догадках: еще совсем недавно у него была мама, были братья-сестрички, были одетые в рабочую спецовку женщины, которые просто не могли пройти мимо их кошачьего семейства, поэтому всегда останавливались, делились своим, завернутым в газеты, завтраком... Наконец, было теплое ласковое солнце, под которым они грелись каждое утро. И вдруг — этот вагон, это страшное чувство, словно тебя бросили в глубокую яму, и ты летишь, летишь, не в силах даже мяукнуть. Потом еще какие-то резкие и неприятные звуки, которых кошачья порода вообще не способна переносить. Даже взрослые коты, услышав такое, прижимают уши, да и сами прижимаются к земле. А что было делать ему, еще не отвыкшему от маминого молока?

Теперь же снова смена обстановки: какое-то светлое, теплое помещение, какая-то женщина, гладящая его своими мягкими нежными руками. Положила в уголок, подсунула под самый носик что-то вкусно пахнущее... Что это — тоже колбаса?

Заба, успев проголодаться, тут же накинулся на угощение, по привычке стараясь прикрывать этот кусочек от братьев-сестер, однако, кроме него, здесь никого не было, никто не прибежал, откликаясь на приглашение — «кис-кис», никто не мог выхватить у Забы из-под носа.

— Ешь, ешь,— ласково сказала медсестра.— Не бойся, никто не заберет.

Она подошла к рукомойнику, тщательно вымыла руки с мылом. Чисто профессиональная привычка. Ведь в любую минуту может зайти кто-то из горняков, кому необходима медицинская помощь. Чаще всего это бывают легко травмированные — с ушибами, порезами, которые необходимо зафиксировать в специальном журнале. Потому что до завтра так может опухнуть, разнести, что человек не в силах будет выйти на работу. Такое случается нередко и считается дело обычным. Но бывают случаи и пострашнее. Тогда никто в медпункт не заходит, а просто раздается телефонный звонок...

Медсестре особенно запомнился прошлогодний случай, когда ее вызвали на не такой уж отдаленный участок, и она побежала туда пешком. Бежала, прихватив всегда оснащенную всем необходимым медицинскую сумку, бежала, даже не представляя, что придется увидеть. Только и услышала взволнованный голос какого-то рабочего: «человека затянуло...» Он даже назвал тот механизм, куда затянуло несчастного. Но назвал по-своему, по-шахтерски, применив какое-то придуманное ими же название. И у молодой женщины оно не отложилось в голове. Беда,— значит, надо бежать и хоть чем-то помочь. Помощь эта всегда называлась первой необходимой. Нужно было делать обезболивающие уколы, бинтовать, накладывать «шины», сопровождать носилки с травмированным до самого ствола, даже выезжать с ним на-гора. Туда же подскакивала и машина «скорой помощи», увозила очередного пострадавшего в больницу, в травматологию.

Но в тот раз никаких ее медицинских услуг уже не требовалось. Каким-то образом цепь транспортерного конвейера, по которому движется уголь, захватила и затянула в узкое пространство механизма молодого рабочего. Услышав его крик, нажали на кнопку «стоп», но было поздно. Изуродованный, теряющий последние силы, он понимал, что это смерть и молил глазами подползшего к нему на коленях друга: включи, чтобы затянуло дальше, чтобы скорее отмучаться...

Друг все видел, все понимал, но снова включить механизм не поднималась рука.

Тогда медсестре впервые довелось сопровождать на-гора не травмированного, а погибшего. Молодой, по моде, длинноволосый, он лежал на батарее электровоза и встречный поток воздушной струи развевал его белесые кудри. Она же шла рядом, держа в руках уже ставшую не нужной его каску, шла и вытирала холодные на ветру слезы...

Подкрепившись, Заба аккуратно облизнулся, чтобы на губах не оставалось ни единой крошки такой вкуснотищи, и вдруг заволновался, забегал из стороны в сторону, жалобно мяукая, словно заранее прося прощения, потом застыл и оставил после себя маленькую лужицу. Тут же принялся «зарывать» свои следы, старательно потирая лапками в сухом месте.

Но, как видно, опасался Заба напрасно, никто его за это не ругал, никто на него не кричал. Он даже сам удивился своим опасениям, не понимая — откуда эти страхи, ведь ему до этого не приходилось жить среди людей, не приходилось доставлять им дополнительных хлопот.

Медсестра взяла половую тряпку, вытерла лужицу. Поискав, нашла невысокий картонный коробок, поставила в тот же угол, где Заба так замечательно пообедал.

— Вот теперь твое место. Запоминай.

Покормили, погладили, уложили спать. В помещении уютно, тепло, сверху светит немного непривычное «солнце». Чем не жизнь? Но и засыпая, вспомнил про маму и братиков-сестер. Куда же они все делись?

5

Проснулся Заба от стука входной двери.

— Ну, как он здесь? — спросил Тихонович.

— Да ничего,— довольно отозвалась медсестра,— покушал и спит до сих пор.

Но Заба уже не спал. Он поднялся на все четыре лапки и, прогибая спину, потянулся.

— А-а, вот мы и проснулись! Так как вы его нашли, Тихонович?

— Да я же говорю: проходил мимо вагона и услышал писк. Заглянув внутрь, а он там на самом дне. Запросто могло стойками придавить.

— Неужели сам залез?

— Не похоже. Скорее, кто-то сверху посадил, а он вниз свалился.

— Ох, ты, горюшко маленькое!

Тихонович склонился над своим найденышем, начал рассматривать, словно перед ним была какая-то невидаль.

Медсестра только наблюдала.

— Что ж вы решили, Тихонович,— рассчитываетесь?

Тихонович понимал — о чем речь и всегда был готов к такому разговору.

— А что нам, молодым, не женатым! — выпрямившись, бодро ответил он.— Для кого мне дальше работать? На одного мне и пенсии предостаточно.

Тихонович жил один. Ни детей, ни жены. Жена, правда, была. Была, да сплыла. И так не по-людски, так бессовестно, что по сей день не проходит горечь.

Выжив после травмы, Тихонович все равно потерял здоровье. Разумом понимал, что, как мужчина, Галину теперь не сможет устраивать (он стеснялся слова «удовлетворять»). Поэтому постепенно настраивал себя на любые неприятности, хотя жена никогда не казалась ему жадной до любовных утех и не требовала от него мужских сверхспособностей. И все же, как говорится, живой человек, молодая, не достигшая сорока лет женщина. Случись, сорвется, придется закрыть глаза. А что делать?

И как-то, вернувшись с работы, застал у себя в квартире незнакомого мужика,— коротконогого, белобрысого, с заметно выпирающим брюшком.

— Знакомься, брат приехал,— без тени смущения сказала Галина.

— Какой брат? — неуверенно улыбнулся Тихонович. Знал же, что никакого брата у его жены отродясь не было.

— Двоюродный брат,— уточнила она.— Хочет устроиться на шахту, а пока у нас поживет.

Двоюродный брат оказался веселым и смешливым. Тут же подскочил к «родственнику», начал трясти протянутую руку. Он и сам постоянно трясся от своих же шуток-прибауток, успев еще до застолья рассказать десяток анекдотов. Галина молодо, по-девчоночьи, смеялась, не понятно отчего горя глазами. Тихонович тоже не считал себя красавцем, но все-таки, как говорится, вышел и ростом, и лицом, хоть и получил в наследство от родителей задумчивый, даже стеснительный характер. И если поставить их рядом, то «двоюродному братцу» наверняка расхотелось бы веселиться. Однако, веселился и, что-то рассказывая, подскакивал к Галине и толкал ее пальцем чуть повыше груди. Она это замечала, но воспринимала все «по-родственному», даже не пытаясь слегка отстраниться.

Нехорошее что-то поселилось тогда в душе Тихоновича, какие-то неясные подозрения. С тяжелой душой уходил он на работу, оставляя жену с ее родственником. А возвращаясь назад, задерживал тоскливый взгляд на сверх аккуратно убранной постели. И через неделю, отработав и вернувшись домой, увидел записку: «Это не брат, это мой новый муж. Прощай».

Тихонович не повесился и не спился. Только стал обходить соседний доминошный столик, где раньше любил забивать с мужиками «козла». Чувствовал, что при его появлении даже им становилось неловко, перестали шутить на любовные темы и старались не встречаться с ним взглядом...

С тех пор Тихонович переключился на рыбалку, почти все свободное время, если, конечно, позволяла погода, проводил с удочкой на местном пруду, ничуть не тяготясь одиночеством и, как правило, бедным уловом. Да и тех несколько карасиков всегда скармливал по дороге встречным котам.

— Так что доработаю и — хватит! — тем же бодрым голосом повторил Тихонович, словно боялся, что ему не поверят.— Буду сидеть себе с удочками... Красота!

Придешь, бывает, а на ставке еще туман, легкая сырость... Я люблю легкую сырость, когда хочется закутаться в теплую куртку, согреться. А потом туман постепенно редеет, поднимается солнце. Птицы вокруг! И так приятно, так радостно на душе от всего этого покоя, от этой благодати и красоты! И уже не важно — поймал ли ты рыбешку, или даром просидел,— ничего не важно. Важно, что ты еще жив, любуешься всем этим. Радуешься жизни. И думаешь: а кто-то же сейчас под землей, дышит газом и пылью, надрывая себе жилы. А кто-то из ровесников и не дожил, уже давно покоится под крестом... У каждого своя судьба. И каждый по-своему радуется жизни.

Медсестра, заслушавшись, молчала. Будто впервые видела его.

6

В тот день они решили на время оставить Забу в медпункте. Пусть немного окрепнет. А вскоре он и получил эту, необычную для животных, кличку.

— У, какой черный, — засмеялся диспетчер,— впервые увидев маленького новосела.— Как забойщик!

Забойщик,— и забойщик. (То есть шахтер основной подземной профессии, добывающий уголь). Так и прозвали они нового подземного жителя Забойщиком, а для удобства произношения — Забой.

Заба, на удивление, быстро освоился, и уже через неделю самостоятельно гулял не только на «пятачке», где располагались диспетчерская и медицинский пункт, но начал интересоваться и более дальними «просторами». Медсестра и ее сменщицы, обнаружив его исчезновение, выходили из своего помещения, оставляя дверь открытой, и начинали кликать:

— Заба! Заба! Кис-кис-кис!

Заба не важничал и не умничал: зовут — надо идти! Тот час же возвращался, доверчиво терся о ноги своих хозяек.

— А ну, пошли домой, бесстыдник!

Когда выпадала смена, всегда заходил и приносил угощение Тихонович. Заба сразу же узнавал своего спасителя и, комично подняв хвост, мчался ему навстречу. Вообще, надо признать, он за короткое время стал тут всеобщим любимцем и если бы смог поедать все его каждодневные угощения, то уже через месяц превратился бы не просто в огромного кота, а целого тигра. Но Заба пока оставался в возрасте котенка, поэтому и съестные припасы поглощал по мере требования маленького организма, и все же начал круглеть, заметно поправляться, удивляя всех густой и лоснящейся шерстью.

Вкусная и полезная пища (а такой колбасы, которая продавалась в те годы в Донбассе, не видели ни в одной области тогдашнего Союза!) придала Забе не только красоты, но и сил. При нынешнем изобилии он, наверное, смог бы самостоятельно выбраться из того вагона и даже залезть на самое высокое дерево. Жаль только, что под землей нет никаких деревьев, одни темные угрюмые «коридоры», по которым ходят люди и ездят вагоны. Признал нашего Забу и парень-машинист, который без злого умысла посадил его тогда в вагон со стойками. Признал и прояснил ситуацию, рассказав, как случилось, что нынешний всеобщий любимец оказался в шахте.

— Разве ж я мог тогда подумать... Посадил и побежал. Ничего, я хоть сегодня вывезу тебя на-гора!

Однако под землей уже привыкли к потешному, быстро взрослеющему котенку. Да и будет ли ему лучше там, на земле, на территории шахты, где круглые сутки не прекращается работа, где так и снуют опасные для животных вагоны и куда забредают бродячие собаки. Это уже вопрос.

А здесь маленький путешественник — словно сыр в масле! Все его кормят, все гладят. Вот только с мышами, которых и под землей достаточно, особенно в тех местах, где шахтеры устраиваются завтракать, у Забы дружбы не было. Да и какая может быть дружба между потенциальным хищником и его жертвой? Правда, на роль хищника Заба никак не подходил: ласковый, мягкий и доверчивый. От изобилия еды у него так и не прорезался инстинкт охотника, которому изначально надлежало бы истреблять этих мышей. Он не желал с ними возиться даже ради забавы. Мыши это быстро поняли, перестали убегать, и только с интересом поглядывали из щелей на прогуливающегося рядом зверя, каких под землей никогда не было.

И спустя месяц Забу невозможно было узнать — так вырос, так округлился и так освоился в своем подземном царстве. Он уже самостоятельно добирался до одного и другого уклонов и без происшествий возвращался назад. Вечной темнотой Заба, по всему видать, тоже нисколечко не тяготился. Ведь каждому известно, что для семейства кошачьих самое удобное время для охоты — ночь. А стало быть, и темнота. И Заба лучше любого шахтера ориентировался теперь в подземной темноте, за десяток метров уступая дорогу спешащим на-гора шахтерам или постукивающему колесами составу. Он все меньше времени проводил в медицинском пункте и медики к этому привыкли, хотя, приходя на смену, первым делом интересовались:

— А Заба где?

— Шляется где-то! — с напускной обидой отвечала сдающая смену.— Совсем от рук отбился!

— Ничего, есть захочет — прибежит.

И Заба всегда возвращался, легонько скреб укрепившимися когтями дверь.

А то как-то забрел в лебедочную камеру, где работал Тихонович. И старый шахтер обрадовался ему, как радуются внукам! Перво-наперво покормил, хотя Заба и без того уже плотно позавтракал, но для приличия обнюхал кусочек колбасы, съел половину. Тихонович не обиделся, знал, что его найденыша кормят все желающие. Странновато, конечно. Многие из тех, кто ухаживает сейчас за этим котиком, не замечают его сородичей, бегающих там, наверху, на поверхности. Не замечают, а то и обижают, отталкивая при случае ногой от своей двери. А здесь, в шахте, становятся такими внимательными и добрыми! А может, ничего странного и нет. Обыкновенное человеческое сочувствие: тоже ведь «шахтерик», подземный житель, давно не видевший солнца.

Еще раз подзаправившись, Заба начал обследовать помещение. Нет, здесь не так светло и уютно, как в медпункте. Там чистота и яркое освещение. Там коробка с мягкой подстилкой и блюдце. Здесь же, как и на уклоне, грубые металлические крепления да еще огромный «барабан» подъемной машины, на котором многочисленные витки крепкого каната. Заба уже начал присматриваться к этому «барабану», рассчитывая, что Тихонович позволит его обследовать, но тут зазвонил телефон, который всегда пугал Забу, и Тихонович на звонок включил свою машину. И огромная, по сравнению с маленьким Забой, махина «барабана» начала понемногу крутиться, набирая и набирая обороты. Да если бы молча, а то ведь с каждой секундой все возвышая и возвышая гул, переходящий в свист!

Заба запрыгнул к Тихоновичу на сиденье, прижался к нему, закрыв от страха глаза. Тихонович накрыл его своей, пропахшей машинным маслом, ладонью и начал поглаживать. Гладил, пока не опустил груз на нижний горизонт, пока не выключил свою лебедку. И уже догадывался, что после такого испытания Заба вряд ли покажется здесь хотя бы еще раз.

Заба действительно всерьез перетрусил (разве он виноват, что все коты и кошки не переносят резких звуков!) и как только лебедка умолкла, задал стрекача! И не ку-

да-нибудь, а прямиком в медпункт, ловко ориентируясь в полутьме и даже обегая редкие лужи просочившейся из трубы воды. Прибежал, поскреб в дверь и его с радостью впустили.

7

Шло время. Заба настолько привык к своему положению подземного жителя, что уже не мог вспомнить свои предыдущие дни и месяцы, проведенные там, на земной поверхности, не мог вспомнить свою маму-кошку и братиков-сестричек. Ему теперь и в голову не могло прийти, что где-то существует совсем иной мир, где под огромным синим небом, в котором купается ласковое теплое светило-солнце, много света, много зелени, много травы и деревьев... Да и как могло прийти, если он начисто забыл, что все это существует в природе. Он был полностью доволен своей жизнью и не представлял себе никакой иной. Обследовав все мало-мальски интересные места вблизи своего медпункта, он, сам не зная почему, заинтересовался высокими креплениями рядом с диспетчерской и не понятно каким образом забрался наверх. Теперь с высоты ему хорошо было видно всю «площадку», где периодически собирались машинисты и другие шахтеры, видно было, как внизу, прямо под ним, проносились вагоны, которые теперь ему были не опасны, и Заба остался этим очень доволен. Тем более что снизу он был не заметен, и медсестра тщетно звала его, поглядывая в разные стороны.

— Заба, Заба-а! Кис-кис-кис!

С тех пор, с каждым днем взрослея, Заба частенько забирался на свою «смотровую площадку», ложился на живот и довольно наблюдал за происходящим внизу. Соседние мыши, разгадав его добродушие, чуть ли не ходили по нему пешком и уже начинали сомневаться: действительно ли это животное — тот самый страшный зверь, кот? Когда Забе надоедало их топтанье, он приподнимался на лапы, мыши падали с него и с восторженным писком бросались прочь! Они словно дразнили его, как порой детишки дразнят захмелевшего прохожего.

Но в один день все изменилось.

В этот день, Заба это хорошо запомнил, сосед-диспетчер был особенно строг, заставил своих подчиненных, машинистов, навести вокруг диспетчерской чистоту, убрать все бумажки, все валяющиеся кусочки породы. Даже вынес из своей диспетчерской довольно потрепанный веник и приказал «площадку» подмести.

Забе не понравилась поднятая парнями пыль. Он несколько раз мучительно чихнул и, минуя поборников чистоты, привычно взобрался на свое полюбившееся место: вы работайте, а мы полюбуемся.

Быстро управившись, машинисты дружно разъехались по своим участкам, и Заба решил, что на этом все интересное и закончится. Но вскоре, со стороны ствола, показались длинные яркие лучи ламп, которые именуются «надзорками». Заба еще не знал, что такие лампы бывают только у начальства, которое и впрямь надзирает за рабочими. Потянуло с той стороны и одеколоном, указывая, что среди надзора есть и женщины. Но такие тонкости Заба, конечно, знать не мог. Поэтому только умостился поудобнее, чуть ли не свесив голову вниз.

Лучи «надзорок» плясали по всей выработке, снизу вверх, словно что-то выискивая, пытаясь выявить то ли нарушения паспорта крепления, то ли недопустимое расположение электрических кабелей. На то он и надзор, или даже комиссия, чтобы «выявить и наказать»!

Заба замер и неотрывно следил за этими, до синевы яркими, лучами. Следил, словно завороженный, широко открыв глаза. Столько яркого света в шахте ему еще не приходилось видеть. И тут один из этих лучей больно полоснул ему по глазам!

— Ой! — вскрикнула какая-то женщина.— Господи, что это?!

Теперь Заба попал уже в перекрестные лучи, словно вышедший на цель бомбардировщик. Он вздрогнул, зажмурился, вжался в металлическую балку. А ведь уже думал, что в шахте для него все знакомо, все изведано, и бояться теперь здесь совершенно нечего!

Испугалась не только женщина. Видать, слегка перетрусили и мужчины. Поди, догадайся,— что это?! Неужели таких размеров крыса? Так... не похожа! В густой шерсти!

— Эй, диспетчер! — позвали издалека.— Это что у вас за звери здесь... находятся?

Выскочил диспетчер, даже забыв предварительно надеть каску. Кинулся, чуть ли не кланяясь, навстречу обещанной высокой комиссии. Поймал взгляд начальника шахты.

— Кот, Константин Петрович! Обыкновенный кот, задержался... значит... тут...

Начальник вытаращил глаза.

— Да вы что, мать...— но вовремя сдержался, оглянулся на женщину, которая до сих пор не могла прийти в себя.— Да вы что здесь, зверинец мне развели?! Ну, я с вами еще... — погрозил кулаком.

Заба сидел не шевелясь, только водил своими, горящими в свете ламп, глазами.

Начальнику шахты, видно, было неловко перед комиссией. Нечего сказать,— прославился! Теперь пойдут разговоры и насмешки, что на «Глубокой» под землей обитают коты. Комиссия из области, стало быть, слухи дойдут и до министерства. Специально, конечно, никто об этом докладывать не станет, а вот за столом, за рюмкой, наверняка вспомнят и посмеются.

— Ладно,— махнул начальник рукой, словно не придал случившемуся серьезного значения,— давайте к делу! Где мехдоставка?

— На верхней площадке,— услужливо и скороговоркой ответил диспетчер.— Ждет вас.

— Ждет... — буркнул начальник.— Мы на нижний горизонт. И пусть ожидает, пока не справимся.

— Конечно, Константин Петрович! — чуть ли не откозырял диспетчер.— Будет ожидать. А кота мы сейчас... спровадим!

Уж лучше бы и не вспоминал! Начальник снова прожег его взглядом и повел комиссию к людскому уклону.

Бедный Заба, всеобщий любимец! Правду говорят люди, что от любви до ненависти — один шаг! Что ему только не пришлось теперь услышать!

— Заба, черт паршивый! Где ты, сука, на мою голову взялся! Чтоб ты сдох на пузе! А ну, иди сюда! А ну, слазь оттуда! Я кому сказал!

Перепуганный Заба не знал, что делать. Поэтому даже не пошевелился, только прижал уши. Видя это, диспетчер начал искать хоть какой-то кусок породы. Все подмели, чертовы «коногоны»! Все подчистили. По его же указанию.

Пришлось махать руками, затем снятой курткой.

— А ну, слазь оттуда, тебе говорю! Слазь!

На эти крики вышла медсестра, догадавшись, что высокая комиссия прошла мимо.

— Где ты там сидишь?! — набросился диспетчер и на нее.— А ну, забирай своего обормота и чтоб духу его здесь не было! Через пару часов будут возвращаться, и мы вместе с твоим котом вылетим с работы!

Перепуганная медсестра не знала что отвечать.

— Заба! Заба! — сдерживая волнение, позвала она.— Кис-кис-кис!

Но Заба уже догадался, что случилось что-то непредвиденное и надо быть осторожным, не доверяя никому. Поэтому не откликнулся, только попятился назад, по стальной балке, откуда его и так никто бы не смог достать.

— Не надо на него кричать,— все же осмелилась возразить медсестра.— Он испугается и вообще забежит куда-то.

— Пусть забегает! Глаза бы мои его не видели!

Выкрикнув это, диспетчер побежал в диспетчерскую. Не дай Бог, еще лебедчика не окажется на месте, тогда начальник уж точно выгонит его с треском.

Прибежал, позвонил, успокоился. Даже пожалел бедного кота. Знал же, что не по своей воле тот оказался в шахте.

8

Да, такого поворота дела Заба, конечно, никак не ожидал. Носились с ним, как с человеческим ребенком, наперебой подкармливали, гладили. Никто и ни разу не прикрикнул, не обругал, не оттолкнул с дороги. Ходил себе, гулял, где хотел, ни у кого не спрашивая на то разрешения, и уже решил, что вся эта территория принадлежит ему. И вдруг появились в сиянии множества лучей какие-то пахнущие одеколоном люди, сначала испугались сами, а затем напугали тех, кто здесь работал. И напугали так, что один из них, диспетчер, стал с Забой невыносимо криклив и груб, добрая же и всегда ласковая медсестра, наоборот, почти потеряла от страха голос. Теперь вот стоит, зовет. А голоса нет.

Не дозвавшись своего приемыша, молодая женщина тоже вспомнила о своих первейших обязанностях, повернулась, ушла в медпункт, но дверь оставила приоткрытой. Чтобы Заба, одумавшись, мог в любую минуту прибежать, проскользнуть внутрь помещения, где ему всегда было очень тепло и уютно. Но Заба продолжал сидеть на прохладном, укрытом легкой ржавчиной металле, и не знал, что делать дальше. Поймать его здесь никто не сможет. Даже если кто-то из машинистов залезет наверх. Заба все-таки кот, а про кошачью ловкость слышал каждый. Один короткий прыжок — и по-ойдет гулять поверх многочисленных креплений, где столько разных щелей и лазеек, что не обследуешь и за год! Правда, все это не безопасно. Все-таки шахта, можешь не только хвост, но, как говорят сами шахтеры, и голову там оставить. А как потом Забе без головы?

Оставшись один, Заба, против обыкновения, не задремал, мирно мурлыча, а, наоборот, навострил свои уши. Куда это звонил по телефону диспетчер? Кому это он приказывал срочно приехать? И чей это электровоз резервным ходом приближается сюда?

То, что электровоз подходил резервом, то есть, без вагонов, Заба уже мог определить. Значит, диспетчеру нужен был сам машинист. И очень срочно, иначе бы не звонил, не отрывал от работы. И у Забы неприятно похолодело в животе. Он минутку поразмыслил,— что делать дальше. Лучше бы, конечно, спуститься — да в медпункт, на отведенное ему место. Но ведь там рядом обозленный чем-то диспетчер! Чем Заба не угодил ему?

Непонимание своей вины удручало более всего. Выходит, можно было и впредь нарваться на неприятность. И какое затем последует наказание — одному диспетчеру известно.

Тем временем подкатил электровоз. Резко затормозив, закачался, словно морской катер, носовой качкой. Машинист привычно щелкнул ключом, выскочил из кабины и прямиком в диспетчерскую. Видно, еще не знал — зачем так срочно понадобился.

— Поймать, и с первой же клетью его на-гора! — послышался зычный, переходящий на крик голос диспетчера.— Бегом!

Теперь все ясно! Забе даже не нужно было понимать человеческую речь, чтобы его тут же осенило: по его душу! Значит, нужно рвать когти! Он не стал дожидаться,

когда молодой, проворный паренек, желая мигом угодить начальнику, взберется на верхнюю балку крепления и стащит Забу за шкирку вниз. Вот вы, значит, какие, друзья хорошие! Тогда прощайте! Он и без вас проживет!

Пока парень бегал внизу, пытаясь высветить место, где обычно располагался ставший неугодным кот, смышленый Заба спокойненько покинул свое лежбище, перепрыгнул с плоской балки на верхняк полуовального крепления, откуда его нельзя было высветить даже лучом лампы-«надзорки», и мог бы затаиться там хоть до конца смены, когда вредный командир машинистов отправится на-гора. Но каким-то чутьем догадался, что ему теперь и впредь не видать покоя, что преследовать и ловить его будут и другие, пришедшие на смену и этому диспетчеру, и этому машинисту.

И, без малейшего звука, без малейшего шороха, как умеет только кошачья порода, полез дальше, с крепления на крепление, между каменными выступами и влажным от сырости металлом, где местами почти не было никакого пространства. Его запах тут же уловили незнакомые Забе мыши, поэтому тревожно запищали, попрятались в совсем уж крошечные расщелины. Заба испугался, что эти пискуны могут выдать его своими тревожными голосами, поэтому спустился ниже, выглянул наружу. Полутьма, рядом никого, лишь в стороне диспетчерской мелькают огоньки ламп.

Заба успокоился, спрыгнул вниз и легкой тенью побежал дальше. Побежал, куда глядят его горящие в темноте глаза...

9

Каждый день, приходя на смену, Тихонович заходил в медпункт.

— Ну, что,— не было?

— Не было,— вздыхала медсестра.— Как в воду канул.

— Да-а...

На этом «да-а» их разговор и заканчивался. Медсестра знала, что Тихонович дорабатывает последние дни и даже подал заявление на расчет. В связи, так сказать, с выходом на заслуженный отдых.

Что заслуженный,— то заслуженный. Как спустился под землю в восемнадцать лет, так всю жизнь здесь и проработал. Даже получив тяжелую травму. А теперь — все! Теперь прощай, шахта! Прощай, кормилица. Можно было бы, конечно, пару годков прихватить, работа не тяжелая, на кнопках. Да надоело все-таки каждый день надевать эти «шахтерки», опускаться под землю... И, главное,— для чего ему лишние деньги? Для кого?

Еще неделю назад Тихонович не прочь был поговорить об этом с каждым, кто интересовался его планами. Теперь же и медсестра не спрашивала, и ему самому не до разговоров о пенсии. Не выходит из головы этот чертушка Заба. Неужели где-то придавило? В шахте ведь опасностей хоть отбавляй. Не под колеса, так... где-нибудь за креплением прижмет. Или привалит.

— Да-а,— словно в раздумье, повторил Тихонович и, не поднимая глаз, вышел.

Пошла уже вторая неделя, как Заба исчез. Неужели вправду обиделся или почувствовал какую-то для себя неприятность? Так не зла же ему хотели, а всего лишь вывезти на поверхность. Оно ведь и вправду непорядок: домашнее животное, а разгуливает по шахте!

Диспетчер не осмелился сказать начальнику шахты правду, наплел, что машинисты поймали, вывезли на-гора и отнесли за террикон. Пускай, дескать, теперь погуляет в чистом поле! А что, если Заба объявится да снова попадет на глаза начальнику?! Даже не начальнику шахты, а кому-то из более мелкого руководства? Сразу побегут и заложат, что диспетчер соврал. Ведь про кота этого, будь он неладен, знает теперь вся шахта!

Диспетчер нервничал, наказывал своим машинистам смотреть во все глаза. Может, где-то и заметят беглеца. Не здесь, так на нижнем горизонте. Он, зараза, шустрый, может оказаться и там. Если еще живой.

10

Старая полуслепая крыса тяжело доживала свои, отмеченные одиночеством, дни. Когда-то, еще при лошадях, которые находились в соседней подземной конюшне, у нее была большая и шумная семья. И что только ни делали с ними: и подбрасывали отраву, и швыряли в них кусками тяжелой породы, и проклинали, кто как мог, а они жили себе семьей и не тужили. Да и то спросить: за что такая немилость к ним, подземным старожилам? За то, что иной раз уворуют чей-то завернутый в газету завтрак? Или напугают лошадь? Зато никто, кроме их, крыс, не сможет заранее почувствовать обвал, никто не подаст знак: ребята, бежим! Вот как только крысы побегут, так сразу же срываются с места и люди, шахтеры. А не прислушаются, не побегут следом, оставляя опасное место,— запросто угодят под обвал. А там уж как кому повезет. Одному только ногу прибьет, другому по голове достанется, а кого-то и с головой накроет! Покуда откопают, а человек уже и не дышит.

И никакой же тебе за такое предупреждение от людей благодарности! Мало того, что вывели из шахты лошадей и крысиное семейство почему-то пошло на убыль. Так нашли еще какой-то особый яд, от которого вымерла потом, считай, вся семья. Старая крыса тогда была совсем молоденькой, прошаталась где-то целую ночь, а когда вернулась к своей норе, увидела мертвыми всех своих сородичей. У нее хватило ума не тронуть валяющиеся остатки отравленного мяса, поэтому и осталась жива. Полуживой оказалась и одна из ее сестер. Долго болела, но все же выздоровела, и они, считай, до последнего жили вместе, вместе старясь и ненавидя людей.

В оставленной лошадьми конюшне был оборудован склад взрывчатых материалов. Поэтому вход на его территорию был огорожен решеткой, за которую пропускали далеко не всех. Не пропустили бы и старую крысу. Но она знала другие проходы, или лазы, совершенно с другой стороны. И страстно мечтала о мести, которую ей подсказала когда-то еще ее бабка. Где-то под утро людей, не занятых делом, буквально сваливает сон. Тогда они ничего не видят и не слышат. И можно незаметно подобраться и отгрызть у них... подушечки пальцев!

Почему именно подушечки пальцев,— бабка-крыса не уточнила. Может, это самое вкусное у людей место, а может, и самое болезненное. Но, по ее словам, крысы так поступали всегда. И мысль о такой мести не покидала старую никогда.

Она даже приметила одного из дежурных в этом складе, выдававшего проходчикам взрывчатку. Старый такой, шаркающий подошвами. Наверняка до утра не выдерживает, засыпает в ночное время. Будет знать, как травить крыс! Даже если травил не он — другие. Все эти люди одним миром мазаны.

Старая крыса дождалась, когда дежурный старик появится в ночную смену, потому что время суток определяла безошибочно. Дождалась, когда он выдал по сумке взрывчатки двум шахтерам, а затем надолго застыл, сидя на деревянном топчане. Скорее всего, ждал, что придут и другие бригады, которым тоже предстояли взрывные работы. Когда придут, - никому не известно. Все зависит от того, насколько быстро обурят забой. Поэтому старик долго не ложился, сидел, слегка покачиваясь, готовый в любую секунду откликнуться на чей-то насмешливый крик:

— Эй, дед! Что там — спишь?!

Старая крыса могла бы себе спокойненько пробраться в склад лишь ей известными путями, проверенными норами, но захотелось побравировать, зайти через ре-

шетку, чтобы той же дорогой выскочить назад. Крыса уже злорадно представляла, как после ее укуса старина дернется, вскрикнет, начнет махать рукой, разбрызгивая во все стороны капли крови, и спросонья не сразу догадается, что произошло. А она за это время успеет выскочить, спрятаться в свою нору. Но спрятаться неглубоко, чтобы слышать, как старый ругается, топая от бессилия ногами и проклиная и без того всеми «трижды проклятых крыс». Старая крыса даже с удовольствием бы засмеялась, но смеяться она не умела. Оскаливать зубы — это пожалуйста! Злобно пищать — тоже без труда. Даже почувствовать какую-то, таящуюся в выработках, опасность,— все ей под силу. И... и вдруг почувствовала ее.

Нет, это был не обвал, способный запечатать огромными камнями, именуемыми в шахте породой, всю выработку. Здесь была опасность иного рода. Опасность от присутствия... живого существа. Снова лошади? Так нет, лошадей ни одна крыса не боится. Огромные, сильные, способные своими копытами размазать любую крысу, они все-таки побаиваются ее сородичей, побаиваются их острейших зубов.

Нет, это была не лошадь. Но что?!

Уже приблизившись к решетке, за которой почивал старый шахтер, крыса остановилась, повертелась во все стороны, стараясь не пропустить никакой мелочи, таящей в себе неожиданную опасность. И тут увидела... его! Что-о это-о, неужели кот?!

Как она, родившаяся и прожившая свою жизнь под землей, могла догадаться, что это кот, извечный недруг наземных крыс,— никому не известно. Но генетическая память подсказала, что это — враг, и враг опасный, которого крысе нужно атаковать первой. Старая, подслеповатая, но хорошо чувствующая врага, она приняла свою извечную боевую позицию, нервно пошевелила торчащими, как у кайзеровского фельдфебеля, редкими, но жесткими усами, и кинулась на откуда-то взявшегося кота. Кинулась на Забу.

11

В тот день Тихонович тоже работал в ночную смену. И это была его последняя смена в шахте. Он специально подсчитал так, чтобы утром выехать на-гора, сдать на склад еще не потрепанную спецовку, каску. Сапоги, еще добротные, кирзовые, он не сдавал, потому что они были его домашние, купленные в магазине. Будет в чем ходить осенью на рыбалку.

Что еще предстоит ему сделать в последний день его пребывания на шахте?

Вот только подумал об этом, и такой тоской обволокло душу! И чего — казалось бы! Всю рабочую неделю шахтеры ждут того выходного, чтобы не опускаться в шахту. Весь год считают месяцы до желанного отпуска, даже если придется провести его не на морском курорте, а на клочке земли, именуемом дачей. А тут тебе бессрочный отпуск, до конца твоих, не таких уж и долгих, лет. Отдыхай и радуйся, благодари Бога за каждый новый день. И вдруг эта тоска! По этой, пропахшей шахтой спецовке, что ли? Или по самой шахте, с ее пылью, газом и всевозможными опасностями, которые постоянно подстерегают человека? Да пошло оно все к такой матери!..

Можно, конечно, и ругнуться, и послать все это куда подальше. Но тоска от этого не пройдет. Потому что это тоска по юности, которая прошла под этими подземными сводами, тоска по всей твоей шахтерской жизни, которая уже покатилась под крутой уклон, тоска по верным друзьям, которых и забрала эта шахта. Да и вообще: что такое — эта шахтерская льготная пенсия. Колхозник проработает до шестидесяти, а потом еще лет двадцать-тридцать проживет. Шахтер же выйдет на пенсию в пятьдесят, а сколько лет еще протянет — самому Богу известно. Может, пять, а может и год...

Передав смену, Тихонович попрощался со сменщиком, пожал ему руку. Потом еще раз зашел в диспетчерскую и под конец — в медпункт.

— Ну, что — не приходил? — уже безо всякой надежды спросил медсестру и скривил в полуулыбке сухие губы. Будто извинялся за ежедневный вопрос. И по глазам понял, что Заба так и не нашелся.

— Тогда до свиданья, оставайтесь здесь с добром, а я уж свое оттрубил,— покачал головой.— Не поминайте лихом.

Медсестра быстро подошла к нему, коротко чмокнула в щеку.

— Если найдется, мы вам сообщим.

И Тихоновичу эти слова были приятнее любых добрых пожеланий...

Подойдя к стволу, Тихонович увидел знакомого с юности старика, который в последние годы выдавал на складе взрывчатые материалы.

— Что это ты с сумкой? — спросил его с легкой иронией.— Сухари собираешь?

— Ага, сухари! — почти выкрикнул тот, как всякий плохо слышащий человек.— Это ж у вас там, на уклоне, кот прижился? Который потом исчез?

Тихонович от неожиданности замер, уставившись на мешок своего давнего приятеля.

— Ну, так и что?!

— Крысу у меня на складе задушил! Я как раз придремал малехо, потом слышу визг, писк...

— Так, а сам он, кот, живой?! — перебил его нетерпеливо Тихонович.— Живой?!

Старик развязал сумку.

— На месте еще дышал. Но весь покусанный!

— А ну, дай-ка мне!

Тихонович развернул сумку, поднес ее повыше к электрическому светильнику. Заба, весь в ранах и засохших пятнах крови, лежал неподвижно, и только веки закрытых глаз его нервно подергивались.

* * *

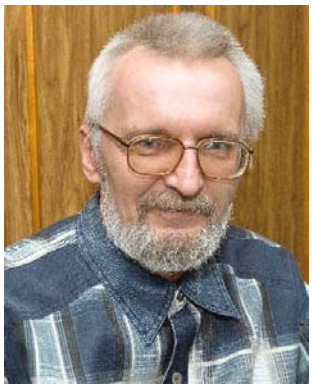
Заба поправился довольно быстро, и Тихонович чувствовал себя по-настоящему счастливым человеком. Теперь они жили вместе, вместе по вечерам смотрели телевизор, вместе сидели на лавочке у подъезда, на удивление и зависть словоохотливым соседкам. Но более всего Забе понравилось рыбачить. И как только Тихонович начинал обувать свои кирзовые сапоги, которые в те годы были самой удобной обувью как под землей, так и в работе по хозяйству, Заба подскакивал к нему, терся мордашкой о ноги хозяина, мурлыкал. Дескать, смотри же, не забудь и меня!

Да кто ж тебя, дурашку, забудет! Ведь как бывает Тихоновичу радостно, когда он вытаскивает из воды очередную рыбешку и, сняв с крючка, бросает мурчащему от нетерпения другу! Смотрит, улыбается и... тихонько вздыхает. О чем? Да мало ли — о чем...

В обиде теперь на Тихоновича только бродячие коты, которые раньше встречали его по дороге с пруда. Вся рыбка теперь уходит на угощение вот этому, со шрамами на мордашке, коту.

Случается им проходить и мимо шахты. Тогда Тихонович с тоской поглядывает на вертящиеся колеса копра, которые подтверждают, что она все-таки еще живет и, как прежде, трудится, шахта-кормилица. А Заба с интересом присматривается к стайке бродящих у столовой кошек и всегда пытается что-то вспомнить. Но, так и не вспомнив, проходит мимо.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ



Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

ДАЧНЫЙ СЕЗОН

Наш постоянный автор.

Петрович выбрался из трамвая на конечной остановке и закрутил головой в поисках знакомых, никого не приметив, махнул рукой и неторопливо пошел вдоль длинного заводского забора. С одной стороны высоченный забор, за которым мрачные цеха и оттуда постоянно доносился шум и грохот, а напротив забора, через дорогу начинаются дачные участки. Здесь, возле проходной, в основном получило заводское начальство. Все под рукой: работа, гаражи и дачи. Правда, между ними затесались простые работяги. Этих сразу отличишь по заборам. У начальства-то металлические, высокие или из кирпича выложили, а поверх колючую проволоку натянули, чтобы никто не залез, а рабочие строили из всего, что под руки попадало. У одних из штакетника, у других забор из разнокалиберных досок, а вот Иван Елисеевич умудрился сделать из старых дверей. Да-да... И где достал столько дверей, никому не говорит. Даже небольшую будочку из них смастерил, а потом обшил рейкой, и получилось довольно-таки симпатичный домик. Но больше всех удивил Кузьмич, который работал столяром или плотником — Петрович не помнил. Этот Кузьмич построил будку из обрезков древесины. Выписал двадцать или тридцать кубометров отходов, напилил, как кирпичи, все под один размер и выстроил будку, а остальной хлам к баньке перетаскал. Безотходное производство, так сказать. Все посмеивались, когда начинал строить. А когда отгрохал будку, да резные ставенки приладил, да крылечко резное, с других улиц на его теремок приходили полюбоваться. Особенно женщины приходили. Охали, ахали, а потом мужикам экскурсии устраивали и плешь проедали, чтобы такой же теремочек поставили, а может и получше. А Кузьмич сидел на крылечке и посмеивался, а сам думал, что еще эдакое смастерить. Правильно говорят, что голь на выдумки хитра...

— Петрович, меня подожди,— донесся голос и, оглянувшись, он увидел, как по дороге, торопливо перебирая коротковатыми ногами, шагает мужичок, с рюкзаком на плечах.— Здорово! С прошлого года не виделись.

— А, Володька, здорово, коль не шутишь,— приостановился Петрович.— Давно сезон открыл?

— Сегодня впервые пошел, а что? — догнал мужичок и сунул ладошку, здороваясь.— А ты когда открыл?

— Я уж раза три или четыре был,— нахмурив густые бровищи, сказал Петрович.— Еще по снегу приходил. Кое-как пролез. По крышу замело, заборов не было видно. В емкость снегу набросал, бочки набил...

— А, правду говорят, что опять по огородам лазили? — быстро перебирая коротковатыми ногами, сказал мужичок.— Егоровну встретил на прошлой неделе, она сказала, будто Мамай по участкам прошел. Все подчистую выгребли. Сволочи! — и заматюгался.

— Да, Вовка, почистили наши огороды,— завздыхал Петрович.— Каждый год налеты делают, а милиция ворон ловит. Под носом дачи, а они сидят и будто не видят, что здесь чужие машины мотаются. Все видят, но палец о палец не ударят, чтобы выйти и остановить. Ну, ты приподними задницу-то, шагни за порог, останови машину, да в кузов загляни и спроси, откуда вещички-то? И все, можно брать под белы рученьки и в тюрьму его. Так нет, сидят и не шелохнутся, потому что им лишняя головная боль не нужна. Зато, как недавно говорили, случайно поймали какого-то алкашонка или бомжа, на него повесили все кражи и отправили в тюрьму. Наверное, бомж до сих пор радуется, что туда попал. Не надо башку ломать, где взять жратву, а в тюрьме накормят, напоят и спать уложат. Для него зона — это дом отдыха, по-другому не назовешь.

— Ага, твоя правда, что ворон считают,— вскинулся Володька, и подпрыгнул, поправляя тяжелый рюкзак.— Зато охрана умеет дачи начальников караулить. Близко не подпустят, сразу подмогу вызывают и за оружие хватаются, а на простых работяг им наплевать. Работнички, мать вашу так, так и еще разэтак! — и длинно, витиевато заматерился.

— Татьяна, привет! — приостановившись, Петрович громко крикнул женщине, которая граблями собирала мусор на участке.— Готовишься к посевной?

— А, ребятки, здрасьте! — она разогнулась, держась за поясницу, и вытерла тыльной стороной ладони лоб.— Да, нужно убраться. Осенью, перед снегом прибралась, а сейчас пришла и будто ничего не делала. Весь участок в мусоре. Откуда принесло, не понимаю. Земле нужно кланяться, тогда урожай будет. Слышь, Петрович, нашего председателя не видел?

— А зачем тебе? — сказал Петрович.— Что случилось?

— Да узнать, когда воду станет давать,— опершись о черенок, сказала женщина.— А то получится, как позапрошлый год. Высадили, а поливать нечем. У многих половина урожая пропала. Да еще труба прохудилась. Пусть сварщика пришлет, чтобы заварил, а то всех соседей затоплю.

— Нет, Алешку не встречал,— покачал головой Петрович.— Наверное, работает. Может к вечеру появится. Ты поглядывай. Скажи, пусть к нам заглянет.

И неторопливо пошел по разбитой дороге.

— Ладно, скажу,— крикнула вслед женщина и опять склонилась, работая граблями.

Петрович опять остановился. Закрутил головой, прислушиваясь. Стал внимательно всматриваться в яблоньки, а потом ткнул пальцем.

— Слышь, Володь, как птички заливаются? — он стоял, улыбаясь.— Весна пришла. Радуются. Я несколько скворечников повесил. Наверное, скворушки заняли. А воробьишки так и прыгают, так и прыгают...

Мужичок тоже остановился. Долго стоял, прислушиваясь, потом захекал, махая рукой.

— Скажешь тоже — птички,— он засмеялся.— Это же воробьи! А воробей, как известно, не птица...

— Дурак, это курица — не птица, как говорят,— заворчал Петрович.— Воробей — это самая главная из птиц. Я уже не первый год подкармливаю их и заметил, что воробей — это единственная птичка, которая не станет в одиночестве кушать, а всегда позовет свою семью. Хоть крошку хлеба найдет, или пригоршню семечек. Все делят на всех. Людям нужно поучиться у них, как должен жить человек. А мы привыкли, что каждый за себя и для себя, и все на этом, а они последней крошкой делятся. А ты — воробей — не птица... Дурак набитый!

И постучал скрюченным пальцем по Володькиной голове.

— Сам дурак,— буркнул мужичок и, подпрыгнув, опять поправил тяжелый рюкзак.— Воробьи наглые. Помню, в детстве всегда били их из рогаток. Еще спорили, кто больше других собьет за день.

— Точно — дурак, да еще какой,— буркнул Петрович и, не удержавшись, шлепнул Володьку по затылку.— Вон, я где-то читал, что в Китае какой-то умник, наподобие тебя, решил вывести всех воробьев. Будто они весь урожай истребляют. Вывели... И что? Урожай сожрали всякие мошки-блошки-козявки-букашки. Китайцы чуть с голоду не перемерли. Ага, исхудали, кожа да кости остались... И тогда, чтобы спасти урожаи и истребить насекомых, им пришлось покупать воробьев в других странах. Представь, сколько пришлось вкладывать труда и денег, чтобы уничтожить птиц, а еще больше потратили, когда закупали и опять разводили. Вот и получается, что воробей — это самая главная и ценная птица на планете. А ты — рогатка! Руки бы обломать вам, когда стреляли, а рогатку сунуть в одно место, чтобы присесть не могли...

Они шли по дороге, переругиваясь. Иногда останавливались, отдыхали, и снова шагали по краю разбитой дороги. Оборачиваясь, Петрович видел, как изредка по дороге мелькали такие же дачники, как они. Правда, были и такие, кто мчался на машинах. Ехали одни, никого с собой не брали. Не останавливались, когда встречались старушки или старики. Проезжали, словно не замечали. А другие, наоборот, сами притормаживали, звали подвезти и тогда дачники садились в машину и облегченно вздыхали — все не пешком в гору подниматься.

Добравшись до поворота, Петрович опять устроил перекур. Стоял, поглядывая на высокий забор, а через дорогу чернело поле. Огромное. Вдали темнела лесополоса, а еще подальше тонкой ниткой тянулась дорога и исчезала за горизонтом. Вздохнув, он посмотрел на подъем. С каждым годом все тяжелее и тяжелее добираться до огорода. А раньше бывало...

— Володька, помнишь, как участки получили? — сказал он и кивнул на едва заметные сады на склоне горы.— Ух, как мы радовались!

— Ага,— закивал головой мужичок.— Я несколько лет простоял в очереди.

— А я тоже стоял, потом смотрю, многие, кто после меня был, уже получили, а я все жду,— задумавшись, сказал Петрович.— Пошел к начальству. Говорю, что за ерунда? Другие получили, а я с места не сдвинулся. В общем, сильно поругался. Даже матюги пускал. А после обеда подходит ко мне наш профсоюз и сует бумажку, где был написан номер участка. Не поверишь, чуть не заплясал. Жене сказал. Помчались смотреть. Кое-как нашли. Стоим посредине участка и радуемся — наша земля, наша! Глядим, там знакомые, и вон там стоят, и тут уже костер развели и чайник поставили, а эти бросили куртку на землю, уселись и пускают стакан по кругу — землицу обмывают, чтобы на ней все росло-плодоносило. Считай, многие с завода получили. И почти все знакомые. Так и начали потихонечку строиться и обживаться...

— Да, что ни говори, а раньше было лучше, чем сейчас,— вздохнул Володька.— Люди другими были, проще, что ли... Мы снаружи поставили забор, а внутри не стали размечать. Посадили смородину и все — это весь забор между соседями. Они зай-

дут к нам, мы заглянем. Посидим, поболтаем. Бывало, пузырек раздавим на праздник. А вот наши нижние соседи быстро построились. Кирпич навезли, плиты. Домик поставили. Потом баньку сделали. И каждый выходной парились. Да еще гости приезжали. Мы между грядок ползаем, каждый сорнячок выдираем, а они напарятся, потом устроят застолье, глядишь, к вечеру все на бровях ползают, и бабы — тоже. О, жизнь! Для кого-то участок — средство для выживания, для поддержки штанов, а для других, чтобы на природе отдохнуть да водки нажраться...

И, правда, кто-то приезжал, чтобы отдохнуть на даче, а многие добирались, чтобы весь сезон пропахать на участке, тогда зимой будут соленья-варенья на столе, а это очень хорошее подспорье, как к зарплате, так и к пенсии. А были такие, кто на продаже участков зарабатывал деньги. Они умудрялись достать сразу несколько участков. Ставили жиденькие реденькие заборы, туалеты, похожие на скворечники, а потом продавали почти готовую дачу, как они называли. И в те времена люди покупали! Потому что не хватало этих садов-огородов, и желающие всегда находились. На рынке не накупишься, там втридорога дерут. Зарплаты такие, что плакать хочется, а уж про пенсии и говорить нечего. Чтобы чинушам до конца дней своих жить на такие деньги, что старикам начисляют. Сволочи! Вот старикам и приходится выживать, копаясь на своих грядках, а без садов и огородов давно бы повымирали. Не у всех же есть дети, кто может помочь...

Петрович взглянул на склон горы. Ужас, сколько участков побросали! А почему? Да потому что некому стало работать на них. Раньше, когда он был моложе, многие ездили с детьми. Сами работали на земле, а ребятишки в песке возились или по проулкам бегали, все в прятки да в войнушку играли. Но, подрастая, детям скучно стало возиться на участках, да и времени не было. Школа, уроки, да еще с друзьями нужно встретиться и куда-нибудь сходить. В общем, молодежь слишком занята, чтобы тратить время на дачу. Это родителям нечего делать, вот они и возятся в земле... Петрович вздохнул, приложил ладонь и взглянул вдаль. Вон виднеется здоровенный особняк за забором. Не дом, а картинка. На участке все, что душе угодно. Почти каждый вечер оттуда шум и гам доносились. Вереница машин стояла, гости туда-сюда сновали, а потом хозяина не стало и дача никому не нужна. Жена не работала. Все на травке отдыхала или за столиком в беседке сидела, чаи да кофе распивала, а дети раньше-то не приезжали, а теперь тем более не станут. Вот и стояла дача, никому не нужная. И никто не покупал — дорого. А весной добрался по сугробам, глядь, с особняка все железо воры поснимали. Раньше дорого было, а теперь вообще никто не купит.

А вот там, неподалеку от водокачки, много лет пустует недостроенная дача. Мужик надрывался, хоромы намеревался поставить, чуть ли не на половину участка. Для детей старался. Говорил, поставит родовое гнездо и отдаст ребятам. Ага, поставил... Мужика прямо на участке парализовало. В больнице помер. И оказалось, что его родовое гнездо никому не нужно. Зачем на земле пахать, когда все овощи и фрукты можно купить на рынке. Вот молодежь и отказывается от всего, что им родители готовили, жилы рвали, надрывались. Плевали они...

— Володька, зараза такая, когда мою лопату отдашь? — донесся резкий протяжный голос.— Как взял по осени на минуточку, так до сей поры не отдаешь,— и ехидно так.— Видать, лопатка привыкла к новому хозяину, да, Вовка?

— Да отдам я, отдам,— заворчал Володька, то и дело поправляя рюкзак.— Забыл. Ей-Богу! Осенью приткнул в уголок за дверь, будку закрыл и уехал. Если бы ты, дед Митрич, не напомнил, я бы даже не вспомнил.

— Вот и давай таким оглоедам,— из-за забора выглянул старик в фуражке, в старой телогрейке и вытер вспотевшее лицо.— Здорово, Петрович! Говорят, по вашей улице жулики прошлись. Много забрали?

И с любопытством уставился на Петровича.

— Как сказать, дед Трофим...— Петрович поставил сумку на землю.— И украли много, а напакостили еще больше. У нас почти каждый год воруют. Сволочи, знают, что никто не станет искать, вот и пользуются этим. Я взял и вкопал емкость и бочки в землю. Глубоко опустил, чтобы не выдернули. Они же что стали делать... За машину цепляют и выворачивают, а потом грузят и поминай, как звали. В будку залезли. Ничего не нашли. Взяли, все поразбросали, стекла повыбивали и рамы сломали, хотя сами в дверь зашли. Я же на зиму не стал закрывать будку. Пусть заходят. Все ценное давно вывез оттуда. А они, сволочи, если ничего нет, значит, напакостим... Эх, люди-людишки, сволочи — воришки!

И махнул рукой.

— А вот у Ермохиных, что через проулок,— старик кивнул, показывая.— Ты знаешь их, Петрович. Сколько дачу держат, столько лет и строят. А сейчас, как на пенсию вышли, так и живут участком. Вот к ним залезли. Вывезли все, что можно было. Даже столбы украли. Как? Да очень просто! Видать, заранее присмотрели. Воду залили в трубы и оставили. Земля стала мягкая. Ночью подъехали, зацепили и выдернули. Один штакетник валяется. А у стариков ни детей, ни родственников. Где они возьмут деньги, чтобы новый забор поставить? Скорее всего, воры знали, что здесь старики обитают. И у них украли. Гады последние! Как только этих тварей земля держит...

И старик принялся материться: сильно, громко и обиженно.

— Ладно, у нас только металл воруют,— Володька закурил и махнул рукой.— А вот у моего брата дача на берегу речки. Да какая дача — одно название. Клочок земли, будочка в углу и все на этом. Так у них не только металл крадут. Как весна наступает, туда, на берег речки, бомжи перебираются и почти каждый день рыбаки бывают. Не успеют посадить, не успеет проклюнуться, а эти шакалы уже лезут на участок. Выдирают все, что можно сожрать или продать.

— А мне жена рассказывала,— к ним подошел еще один дачник: в подвернутых штанах, в рубахе нараспашку и женской шляпе с веселеньким бантиком на боку.— Говорит, у них на работе мужик есть. Осенью собрался картошку копать. Приезжает. Глядь издалека, кто-то на участке мелькает. Подходит, а там несколько здоровенных парней картошку выкапывают. Он испугался. Если скажет, что хозяин, могут голову оторвать, тут же закопают, и никто не найдет. Он постоял, посмотрел, а потом сказал, мол, мужики, а мне можно с вами покопать? Чуточку для себя набрать, а? Они смеются. Говорят, заходи, все равно чужое. Вот сколько мужик успел выкопать — это для него оставили, а остальное загрузили в машину и увезли. Вот и сажай для чужих...

— Не говори, сосед... Все они: сволочи, гады, твари последние, потому что последние крохи у людей забирают,— сказал дед Трофим.— Я говорю сыну, давай капкан поставим, враз отучим лазить, а он отвечает, не дай Бог, если вор попадет в капкан, сразу тебя посадят. Лет пять дадут за посягательство на жизнь и отправят кедры окучивать в тайгу, вот так прямо и сказал. А какое покушение, если я свое защитить хочу? Да уж, законы...

И старик задумался, навалившись на забор и, поглядывая на соседей.

— Вот оно — наше правосудие,— вздернув брови, сказал Володька.— Вора поймаешь в капкан, за это срок намотают. Что же получается, братцы? Получается, что у воров полная свобода действий, так сказать. Тащи все подряд. И тащат! Машинами воруют, а их словно не замечают. Странно...

— Правильно говоришь, Вовка, но самое интересное, если разложить по полочкам, что приезжают воровать не бомжи, а люди с машинами,— кивнув, сказал Пет-

рович.— Люди, которые уже все просчитали на много шагов вперед. А вот так! Они мотаются, все высматривают и высчитывают, а может им говорят, когда и куда нужно нагрянуть, и потом в один прекрасный день приезжают на машинах да еще кран с собой тащат. А вы подумайте, как они огромную емкость могут погрузить на машину. Ее вдесятером с места не сдвинешь — пупок надорвешь, а они грузят. Это можно краном поднять и никак иначе. И считайте, сколько техники привлекается для воровства. Машины, на которых воры приезжают, машины, на которые грузят и еще кран пригоняют. И воруют не с одного участка, а сразу несколько улиц грабят. Спокойно воруют, не боятся, что поймают. А почему не боятся? Сами думайте... А потом еще металл сдать нужно. Тоже подумайте, как они груженые всяким железом проезжают по дорогам, а потом сдают в пунктах приема, где сразу же видно, что это ворованное, но никто не интересуется, где взяли. И сами приемщики не боятся, когда берут украденный металл. Кто объяснит, почему так происходит? Ага, молчите! Вот и я не могу найти ответ на этот, казалось бы, легкий вопрос. Хотя, если поглубже копнуть, есть догадки, есть...

Петрович поморщился, махнул рукой, поднял сумку и стал подниматься в гору. Володька подхватил рюкзак и засеменил за ним, стараясь догнать.

— Слышь, Петрович,— крикнул Володька.— Что хочу спросить... А что ты свою дачу не бросаешь, а? Говоришь, что воруют, а самого не выгонишь с дачи. Ты глянь, сколько участков пустует. Умные люди давно на диванах лежат и в потолок плюют, а ты каждый год мотаешься, с утра и до ночи пашешь на участке, а урожай с гулькин нос собираешь, потому что все, или почти все украли. Глянь, сколько побросали...

И Вовка ткнул пальцем, показывая на склон горы.

По склону горы, там и сям были видны заросшие квадраты... Даже не квадраты, а словно неведомая болезнь расползалась по дачкам. Где люди ухаживали, там участки чистенькие видны, а на остальные взглянуть страшно. Хозяин оставляет участок и земля начинает умирать... Нет, не сама земля умирает, а участок заполоняют сорняки, кустарник разрастается, яблоньки дичают и все оплетает вьюнок, словно паутиной... Пройдет несколько лет и вместо дачного участка появляется зеленое пятно. И таких пятен становится все больше и больше. Точно неизвестная болезнь захватывает землю, вытесняя оттуда людей, а может, наоборот — это не хвороба, а природа возвращается, залечивая раны, что люди нанесли. И многие люди не в силах бороться с природой, и с теми бедами, что сваливаются на них, не выдерживают трудностей и отступают. И бросают свои дачи. А потом появляются бомжи, которые уносят все, что можно продать, которые будут собирать урожаи и тащить на рынки, к магазинам и отдавать за копейки. А когда уже нечего будет собирать, бомжи и воры забросят участки и переберутся на другие, где еще можно поживиться, а оставленные участки начнут умирать, покрываясь сплошным ковром сорняков. Люди, занимая земли, несут за собой всякий мусор, и туда перебираются сорняки, потому что, где живет человек, там всегда растут сорные травы, а когда люди бросают участки, крапива и репейник заполоняют, всю землю захватывают. Может, когда-нибудь, весь склон покроется зеленым ковром. Значит, дачники проиграли. И непонятно, кому проиграли: ворам, бомжам или природе. Скорее всего, что ворам и бомжам, а природа просто лечит свои раны. Все может быть...

— Говоришь, почему не бросаю дачу...— задумавшись, сказал Петрович.— Знаешь, Вовка, скучно дома сидеть. Много раз хотел бросить все к едрене фене, даже манатки собирал, а потом зиму посижу, подумаю и опять тащусь на дачу.

— А я сразу брошу, как на пенсию пойду,— подпрыгнув, поправляя рюкзак, скороговоркой сказал Володька и провел ладонью по горлу.— Вот так осточертело! Глаза бы не смотрели на эту дачу. Правда! На работе вымотаешься, на участок придешь,

к вечеру так ухайдакаешься, что не знаешь, дойдешь до дома или где-нить свалишься. Пашешь, пашешь, как папа Карло, а воры придут, урожай соберут и оставят тебя с носом. Вот и получается, что выращиваем для дяди чужого, а не для себя. А ты, Петрович, подсчитай, сколько денег тратим на всякие семена, на воду и землю, а сколько на дорогу улетает — это ужас! Знаешь, лучше лежать на диване и в потолок поплевывать, а захочу огурчики или помидорчики, на рынке куплю, все дешевле, чем самому выращивать. От пуза нажрусь и опять на диван завалюсь. Эх, красотища!

И снова подпрыгнул, поправляя рюкзак.

— Дурак ты, Вовка,— буркнул Петрович, покосившись на невзрачного мужичка.— Дело не в том, что работаешь до упада, не в том, что половину урожая своруют или калитку с бочками утащат. Понимаешь, Володь, на диване ты быстро загнешься. Да... Долго не протянешь — это факт. А здесь тебе и разминка, и свежий воздух, и овощи свеженькие, прямо с грядки, и смородинка поспевает, и яблочки наливаются, но главное — это тишина, которая заставляет думать, размышлять о жизни, а глянь, какая природа вокруг, птички поют, вон, прислушайся, как заливаются, а какое общение с соседями и знакомыми, а если еще при этом по полосочке опрокинуть... Вообще, красотища!

И Петрович, покачивая головой, причмокнул.

— Красиво говоришь, а вот по полосочке хлопнуть — это хорошо, но где взять? — не удержался, тоже причмокнул Володька и оглянулся.— Я бы сейчас не отказался начало сезона отметить. Полный рюкзак тащу, все положил, а пузырек забыл сунуть. Придется на сухую...

— Вот видишь, я прав оказался, что пора сезон открывать,— сказал Петрович и похлопал по карману.— Нет, что говоришь-то... Не сезон, чтобы пьянствовать, а дачный сезон откроем, чтобы все у нас росло, цвело и пахло, а осенью урожай соберем, дай Бог, целехонький. Да, так и должно быть, как сказал... Ладно, Вовка, угощу тебя, горемычного,— он хохотнул.— Пошли, Володь, у меня посидим. По рюмашке опрокинем, по душам потолкуем. Глядишь, кто-нибудь еще на огонек заглянет. Все веселее будет. За жизнь поговорим. Считай, с осени не виделись. Много воды утекло, когда последний раз встречались. Поговорим, а потом примемся за работу. Заждалась землица, истосковалась. И мы соскучились. Да вот... И будем до тех пор ходить на участок, покуда нас вперед ногами не вынесут с него. А вон, глянь, Николай Матвеич с нашими мужичками идет,— и крикнул.— Эй, Матвеич, зайди ко мне! И ребят прихвати. Да посидим, за жизнь покалякаем, обо всем посоветуемся, а потом за работу возьмемся. Соскучились за зиму. А сезон закончится, дружно скажем, слава Богу, отмучились, но сами всю зиму будем сидеть и ждать, когда весна наступит. А весна придет, снова пойдем на дачу и будем радоваться, что наконец-то дожили до нового сезона. Вот так-то, Вовка! Все, добрались. Заходи в гости...

И, подталкивая соседа, Петрович распахнул калитку и заторопился к будке.

Весна. Дачный сезон начинается...

Алексей Яшин
(г. Тула)

ОТГОЛОСКИ ЛЕНД-ЛИЗА

К 120-летию Города воинской славы Полярного и к 105-летию начала практики ленд-лиза в мировых войнах

Фото А. Ямаш. Комплект открыток «Полярный — колыбель Северного флота» ©

Прощайте, скалистые горы,
На подвиг Отчизна зовет!
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход.

«Прощайте, скалистые горы»
(сл. Н. Букина, муз. Е. Жарковского)

♦ Старинные знакомцы еще по инженерной работе в прославленном ракетно-пушечном Конструкторском бюро академика Гусакова, а ныне «ученые мужи» Тулуповского университета Николай Андреянович, доцент с военно-инженерного факультета, и заслуженный профессор-биофизик Игорь Васильевич Скородумов* еще с утра созвонились встретиться пополудни на «нейтральной» территории. А иначе нельзя: Игоря Васильевича суровые охранники «пентагона» с режимной пропускной системой не пропустят к приятелю. Обратный визит Николая Андрияновича на биофак осложен еще более: заслуженность и многоостепененность профессора, вкупе с вольнолюбивым характером и сатирическим складом ума, нажили ему массу завистников и доносчиков, каковые качества суть врожденные у профессиональных «преподов». Вот вошел Николай Андреянович к приятелю, тот дверь кабинета на ключ... и не успел гостевую бутылочку коньяка из заветного шкафчика достать, а преподши

* Наши постоянные персонажи, см.: Алексей Яшин. Задушевные беседы об умозамещении (восьмая книга рассказов Николая Андреяновича): Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2017.— 343 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru

уже по всем инстанциям названивают: дескать, Скородумов опять нарушает «корпоративную этику университета»!

...К дьяволу их всех, лучше в рюмочной «Наливай-ка!» — со столиками, дерматиновыми полукреслицами и даже Тонечкой-официанткой. И еще: рюмочная ближе к середине пути между биофаком и «пентагоном», расположенными в крайних пунктах огромного университетского городка,— своего рода демаркационная линия. Поди как удобно и равноправно по пешему ходу для встречи!

— За что по первой, Васильич?

— Понятно — за совсем недавнее столетие комсомола. Будем здоровы!

Нащупывая тему сегодняшней беседы, отметили затянувшуюся до третьей декады ноября холодную осень, затем по русской привычке перешли к высокой политике, в частности, к новейшим веяниям и практике увеличения возраста доступа к табаку, алкоголю и пенсиям... Здесь спохватились, припомнив, что в доме повешенного о веревке не говорят, хотя оба успели еще по прежнему «тарифу» оформить свой пенсион, и наконец-то уловили тему. Николай Андреянович краем уха расслышал, как за соседним столиком молодые доценты с располагавшейся почти напротив «Наливайки» в довоенной еще постройки учебного корпуса кафедры автомобилей и автомобильного хозяйства, что-то свое отмечающие, так и сыпят названиями импортных марок. Явно по старинному нашему принципу: на работе о бабах, после работы — о ней само́й. Слова «додж» и «студебеккер» по запутанным законам психологии мышления человека вызвали у Николая Андреяновича, крайне далекого от увлечения автомобилями и частнособственнического инстинкта, странную ассоциативную связь.

— А знаешь, Васильич, ведь в следующем, уже не столь далеком, году некруглая, но знаменательная историческая дата: стопятилетие начала практики ленд-лиза в мировых войнах. И в обоих она напрямую коснулась России, а потом СССР...

— С Великой Отечественной все понятно. Из школьной истории помним, да от отцов наших — ветеранов войны при их жизни слышали: свиная тушенка «второй фронт», кстати говоря, аргентинская, а не американская, грузовики «доджи», орудийные тягачи «студебеккеры», обилие вертких открытых джипов «виллис», ну-у, английские самолеты «аэрокобра». Но насчет Первой мировой, она же Империалистическая, как-то не на слуху особо...

— Во-во, именно не на слуху. Что ж поделаешь, и у нашего советского, замечательного в основе, образования имелись досадные изъяны. Особенно в историческом плане, ибо история есть идеологическая дисциплина. Как сейчас Европа, особенно бывшие наши «братушки» по соцлагерю, начисто стирает у своих сограждан память о разгроме Советским Союзом Третьего рейха с его союзниками и сателлитами — в основном, теми же «братушками», но тогда еще не нашими, а гитлеровскими, так и в СССР гнобили «империалистическую», только и поминая ее как движитель предреволюционной ситуации.

— Но в общем-то правильно ее советская история оценивала. У России с кайзеровской Германией, тем более с Австро-Венгрией, накануне первой мировой бойни никаких взаимных притязаний не имелось. *Drang nach Osten* у немчуры еще умный Бисмарк, создатель империи, пресек, завещав никогда не воевать с русскими. В ту же Россию излишек германского населения еще со времен царицы Екатерины мирно перетекал квалифицированными, трудолюбивыми новыми подданными. К обоюдному интересу России и Германии. Опять же империя кайзера Вильгельма Второго сумела отхватить свою запоздалую долю африканских колоний; они также требовали обустройства и достаточного числа немецкого населения. То есть правильно, не в бровь, но в глаз, в советских учебниках истории без обиняков писали: Антанта «втемную», говоря современным приблатненным языком, использовала Россию в качестве пушечного мяса, в смертельной схватке сойдясь с молодым германским им-

периалистическим хищником. Такому вовлечению России в мировую бойню, совершенно ей ненужную, способствовали первоочередно факторы: абсолютная глупость царя и его окружения, опыт всемирной интригантки-«англичанки» и капкан, в который Россию защелкнули долгами французскому Ротшильду, спровоцировав русско-японскую войну. Извини, дружище, что прописные истины напоминаю...

— Напротив, герр профессор, кратко и аргументировано для зачина. Ведь и СССР во Вторую мировую втащила та же «англичанка» с подчиненной ей Антантой, но в другом обличье: вместо упавшей на колени перед фюрером Франции — мощная Америка. Сталин до последней минуты противился такому втягиванию. Понимая, что мудрого Вождя никаким боком не взять на жертвенные вилы, «англичанка» пошла другим путем: подтолкнула в чем-то тоже умного, но в сущности неврастеника фюрера к войне... и заодно к своей могиле.

— Так как с ленд-лизом в Первую мировую, а, Андреяныч? Давай ближе к теме, водка-то стынет!

♦ — Я так полагаю, дорогой мой профессор, что поставки в Россию Антантой в первую войну, а во вторую американцами, отчасти Англией с ее доминионами, стратегических материалов и продовольствия, того же «второго фронта» и сахара, было не неким доброхотством, как наши либералы всех времен верещат, но весьма умеренной платой за столкновение Российской империи, а потом Советского Союза лбами с немчурой. Не некая «совестливость», которая у империалистов по определению напрочь отсутствует, но сугубо свой интерес: ваши солдаты гибнут в итоге за наши, Антанты, потом США и Англии, интересы. В соответствующих документах о поставках на юридическом языке это и не скрывалось. Как-то в начале двухтысячных попалась мне в руки свежеизданная — в русском переводе — книга «Ленд-лиз — оружие победы» пера Эдварда Стеттиниуса, что являлся во Вторую мировую начальником американского Управления по соблюдению закона о ленд-лизе. Так сказать, «от первого лица». В качестве же приложения — собственно текст так называемого «Большого договора о ленд-лизе» между США и СССР, в котором прямо значится: все поставки имеют целью способствовать безопасности Соединенных Штатов. И никакой лирики и прочих благоглупостей!

В Первую же мировую, насколько знаю, сам термин «ленд-лиз» еще не употреблялся, но суть поставок России все та же: отвлекайте на себя Австро-Венгрию, а на северо-западном участке Восточного фронта и собственно тевтонов, а мы вам из британской метрополии и доминионов, из Америки караванами через Архангельск оружие, боеприпасы, мотоциклы для подразделений «самокатчиков», паровозы и рельсы, стальной прокат. В ту войну, когда кроме западных частей Польши и Прибалтики, собственно на русскую землю нога врага не ступала, продовольствия хватало своего. Впрочем, и всего остального. Вот и в нашем городе стахановскими темпами за год с небольшим построили завод по массовому изготовлению пулеметов «максим», коими и обеспечивали «без дефицита» русскую, а потом и Красную армию до самой Великой Отечественной. Смех и грех: за время «империалистической» для армии русские обувные фабрики поставили... 80 миллионов пар добротных кожаных солдатских сапог! Но до «позиций» даже четверти от них не дошло: новобранцы на остановках эшелонов меняли их на самогон (в стране сухой закон!) и табак. Матерясь, интенданты вновь обували разутых ребятушек-солдатушек, а на следующей станции все повторялось. В итоге к окончанию войны все мужское население России щеголяло в несносимой солдатской обувке.

...Но все же поставки шли, причем взаимные. Из России не только сырье вывозили. Те же противогазы Зелинского для солдат Антанты поставляла Россия, очень быстро прореагировавшая на немецкий иприт и фосген: опять же за кратчайший срок

построили целую сотню (!?) заводов производства химоружия; запасов хватило впоследствии не только Тухачевскому для потравы тамбовских мужиков, но и для вооружения Красной армии... И еще Николка-царь, мол, у нас мужиков много, да бабы еще нарожают, удумал для «поднятия боевого духа» союзников послать им в подмогу две дивизии: одну во Францию, другую на Балканы, на тамошний фронт против австрияков и турок в помощь грекам. Здесь, Васильич, и я по родственной линии оказался причастен: дед мой Андрей Третьяков по материнской линии, из архангельских крестьян, призвался в «французскую» дивизию, угодившую под самую верденскую мясорубку. Контуженного и травленного газами доставили в Архангельск с караваном судов тогдашнего «ленд-лиза». Всего неполный год и прожил, не дождался рождения моей матери...

— И что, разве только через Архангельск эти взаимные поставки шли?

— Да нет, генералы в императорском генштабе, в отличии от царя с его камарильей и «всемируководящей» царицы-немки Александры Федоровны, отличались сообразительностью, помнили: Белое море замерзающее, поэтому к шестнадцатому году за восемь месяцев проложили через карельскую тайгу и кольские Хибинские горы железную дорогу от Петрограда до одновременно с этим обустроенного города-порта Романов-на-Мурмане, ныне Мурманска. Из коих мест с незамерзающими по причине Гольфстрима Баренцевым морем, как тебе известно, твой покорный слуга родом и заполярным военно-морским воспитанием.

— Как менее чем за год? Это же почти полторы тысячи километров, да по тайге, по горам, а между Петрозаводском и столицей империи — сплошь озерный край! Географию школьную хорошо помню.

— Я же говорю: наш славный Стаханов не первым в русской истории одиннадцать норм за смену выдавал... Что бы не говорили — впрочем, при разных властях разное — об отсталой России, ее якобы полной неготовности к войне, но ведь кроме, мягко говоря, недальновидного царя с немкой-царицей, туповатыми великими князьями, всякой придворной распутинщиной имелся работающий генштаб и очень расторопное управление тыла! Причем, если Брусилову, в определенном смысле повторившему суворовский переход через Альпы — здесь Карпаты,— так и не дали развить успех прорыва и занять Венгерскую равнину, как и Суворову союзники-австрияки воспрепятствовали с барабанным боем проследовать на Париж, то интендантство и управление тыла все порученное ему в войну выполнило в самые ограниченные сроки...

♦ — Перебью, Андреяныч. В памяти из школьной истории: вроде как строительство мурманской дороги связано с единственным за всю «империалистическую» восстанием в российской Средней Азии?

— Память тебя, Васильич, не обманывает. Поскольку «чугунку» к Кольскому заливу требовалось проложить в кратчайшие сроки, то работы велись не последовательно «верста за верстой», а сразу по всей означенной геодезистами трассе. Требовалась целая трудармия, а собственно в России свободных рук не оставалось: кто в окопах, а другие за плугом, у станков и так далее. Тогда-то впервые появился военный стройбат, тем более, что этих-то рук имелось предостаточно на национальных окраинах. По законам империи призыву на любую воинскую службу не подлежали подданные мусульманского вероисповедания, не очень-то давно вошедшие в состав России. Только татары и башкиры, уже за четыре сотни лет живущие вместе с русскими, такой привилегии не имели: вспомни «Поединок» Куприна. Поэтому-то желавших воевать из кавказских мусульман брали в армию только добровольцами — вошедшая в историю «Дикая дивизия» под командованием великого князя Михаила, брата царя...

— А вот это я прекрасно знаю: в отличии от тебя, Андреяныч, я в детстве застал своего деда, солдата-окопника на румынском фронте... в смысле, что Румыния в вой-

ну на стороне Антанты вступила, да тотчас под натиском мадьярских гусар покатилась к Бухаресту. Пришлось русским дивизиям их фронт держать. Вот дед и рассказывал: влетает в окопы взводный поручик и командует: «Все оземь, пригнись! Сейчас казаки и «дикари» в прорыв пойдут!» Прилегли мы, Игореха, смотрим со сна окопа в небушко, а тут через нас орда перескакивает: донцы с генеральскими лампасами на шароварах, с пиками, с матом почище матросского, а за ними «дикари», кто в черкесках, кто в халатах полосатых — с визгом, гортанными воплями, шашками кривыми машут. А мы вослед им, промчавшимся, выглядываем из окопов: на что уж мадьярские конники мужики стойкие, но и они перед ордой хвостами лошадиными замахали. Извиняюсь, Андреяныч, перебил тебя, продолжай, пожалуйста.

— Словом, велели из Петрограда туркестанскому воинскому начальству забрить в стройбат и отправить на «мурманку» за два десятка тысяч киргиз-кайсаков и других племен среднеазиатских, кто наиболее приспособлен к землекопным и строительным работам. Отсюда и тот единственный за всю войну бунт. Самое паскудное, историки склоняются к тому, что восстание-то инспирировала ... все та же «англичанка»? Значит, одной рукой помощь России, а другой — извечное ей противодействие в Средней Азии, как преддверию к «жемчужине британской короны». Помнила крепко «англичанка», как император Павел ее напугал, двинув на Индию сорок тысяч казаков с песней: «Индея, Индея, голубая Индея, будешь нашей Индея!» — за что и принял в дворцовом перевороте, организованном Англией исподволь, свою преждевременную кончину Павел Петрович...

...Восстание быстро подавили, а мурманскую дорогу в отведенный срок построили. В планах значилась и ветка ее до моей исторической родины Полярного, тогда Александровска, основанного в последний год девятнадцатого века в качестве главной базы Флотилии Ледовитого океана с флагманом — героическим «Варягом», выкупленным царем у японцев, но революция имела много других забот.

Таким вот был первый ленд-лиз, Васильич: северный, мурманско-архангельский. Сравнительно безопасный: немцы тогда не имели баз в норвежских фиоддах и гигантского подводного флота* Третьего рейха, не говоря уже об авиации.

— Про второй, уже с этим именем, ленд-лиз, Андреяныч, можно и не говорить. Ведь мы с тобой на свет этот появились, застав еще Иосифа Виссарионовича. Так что даже в сознательной жизни, не говоря о детстве — отрочестве — юности, были окружены сплошь ветеранами войны, которые восполняли в своих воспоминаниях, так сказать, «политкорректность» и идеологический, впрочем, верный, «уклон» нашего школьного и иного образования. Как помнишь, официально признанной полагалась цифра в четыре процента, как вклад ленд-лизовских поставок в общее военно-промышленное, сельскохозяйственное и всякое иное производство Советского Союза за годы Великой Отечественной. Но и это вовсе не умаляет вклад союзников, учитывая грандиозность затрат, поддержание и неуклонный рост нашего потенциала к окончанию войны. В архилиберальные и оголтело антисоветские «лихие девяностые», подмахивая, выражаясь по-солженицынски, Западу, наши «историки»-пиарщики эти четыре процента раздули аж за сто! Хотя и математик по одному из своих образований, но как-то не в силах сообразить. И общий их вывод в подметных «исторических сочинениях»: без ленд-лиза Советский Союз даже не то чтобы выиграл войну, но фюрер лично промаршировал по Красной площади в строгом соответствии с почасовым расписанием в плане Барбароссы... Даже, сукины дети, поленились даты заучить: в первый, самый трудный год войны ленд-лиз только начал набирать обороты, так что страна обходилась сугубо собственными ресурсами.

---

* За годы Второй мировой войны с германских стапелей была спущена тысяча (?!) подлодок, а к окончанию ее в Европе и вовсе каждые сутки вступала в строй новая *U-bote*, по оценке военных специалистов — лучшая подлодка того времени...

Нынешние же военные историки, приноровившись к иным указаниям власти, тотчас внесли поправку в свои размышления о ленд-лизе, не менее четырех процентов вклада и не более восьми-десяти. Кстати, упомянутый тобою Стеттиниус с чисто американских позиций какой цифры придерживается?

— Да почти такой же, умеренной.

— Ну и ладненько, как говорится, вашим и нашим. Но если в Первую мировую взаимные поставки велись только морским путем через Архангельск, а с шестнадцатого года и через Мурманск, то в Великую Отечественную, как сам прекрасно знаешь, по трем путям: двум морским, северным и тихоокеанским, и сухопутным — из Персидского залива железной дорогой через Иран, оккупированный еще в сороковом году советскими и британскими войсками. Последний, как полагаю, самый безопасный. Поэтому все габаритные грузы, те же паровозы, «доджи», «студебеккеры» и «виллисы», напрямую катились по персидской пустыне до рокадной железной дороги уже на советской территории, кстати, построенной из уже готовых плетей рельсов со шпалами, снятыми с первого сталинского БАМ'а... А далее по Турксибу и через Каспий по назначению.

— Васильич, но самым оптимальным, говоря языком *твоей* математики, путем был тихоокеанский. Не зря же, как утверждают нынешние, внезапно поумневшие, военные историки, именно через него половина всех поставок была осуществлена. Вторую же половину поделили равно Север и Иран...

— Одного не возьму в толк: а Япония с ее «вооруженным нейтралитетом», а ихние тогда Курилы, закупорившие вход в Охотское море? Ладно истребители по воздуху из аляскинского Анкориджа на Чукотку перегоняли. Через Петропавловск-Камчатку «переваливали» на другой берег и уже в наше Охотское море... Как говорится, на перекладных и половина всего огромного по объему ленд-лиза? Что-то здесь не так.

— Так тихоокеанский путь начался во все увеличивающемся масштабе после Перл-Харбора, с сорок второго года, когда уже не в советском генштабе утро начиналось в ожидании сообщения о нападении самураев на СССР, но япошки своим синтоистским божкам в душе молились, чтобы русский сосед воевал бы себе с Германией, а о них до поры до времени забыл, прекрасно понимая: Япония не та страна, чтобы вести войну на два фронта, да еще Китай с мощью генералиссимуса Чан Кай Ши и северной армией Мао Цзе Дуна... Потому и терпели прямые рейсы ленд-лизовских «либерти», правда, под советским флагом, по линии Сиэтл — Владивосток. Деваться-то некуда!

Но самым коротким, в то же время сверхопасным, был северный путь. И здесь мне есть что рассказать...

— Конечно, расскажешь. Я уже предвкушаю почти что от «очевидца» услышать!

— Напрасно иронизируешь, Васильич. Я как раз и есть очевидец... только не самого ленд-лиза, но его прямых *отголосков*.

♦ Заканчивалась последняя предшкольная, вольная весна Николки, маленького жителя маячного островка Седловатый*, что приткнулся к левому берегу Кольского залива почти на выходе его в Баренцево море, между гýбами Оленья и Сайда. Тож левобережными. На северной оконечности Седловатого высилось огромное, как иной цех завода, что Николка наблюдал из окна вагона, когда семья летом ездила в отпуск в «среднюю полосу», как это называли взрослые, здание маяка: с башней ревущей в зимние туманы «сирены», с колокольней могучего «рубинового» прожектора, всю долгую полярную ночь в неторопком вращении высвечивающем залив, оба его берега, идущие военные, торговые и рыболовные корабли и суда. В перерывах между

* О жизни дошкольника Николки см. книгу: Яшин А. А. Страна холода (Детство в Гиперборeях): Повесть / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2009.— 351 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

пробирающим до коленной дрожи утробным рычанием «сирены» сквозь кирпичные стены машинного зала доносилась стрекотня дизельных установок, каждая высотой в два Николки и многометровой длины.

...В разгар прошлого лета, в день, когда Николка пригрелся на солнце у стены замершего почти на три месяца маяка, даже щурясь от отсвечиваемых водной гладью лучей, проходивший мимо по своим делам старший брат Толька остановился, одобрительно оглядел младшего, щегольски одетого в серый американский, клетчатый «комплект», то есть в один тон костюм, матерчатые ботинки и кепи — из ленд-лизовских поставок десяти-с-лишнем-летней давности, тоже прищурился, глядя на широкий выхода залива в море, спросил Николку:

— Знаешь, что такое Северный полюс? — И, не дожидаясь ответа от разомлевшего на июньском солнце братишки, кратко и толково объяснил.— Понял, да? А сейчас вообрази: от места, где мы с тобой стоим, до самой точки этого полюса — через гирло, то есть выход, залива в Баренцево море, через него и льды океана — нет *ни единого* пятна земли!

Посвистывая на известный Николке мотив «хабара я-а-а, бродяга я-а-а», Толька направился к общему маячному жилому дому (их же семья занимала в нижней части острова отдельную избу; как многодетная, о семи душах вместе с родителями). Слова брата-семиклассника, то есть мыслящего здраво, почти наравне со взрослыми мужиками, столь крепко засели в голове Николки, что и посейчас, хотя почти год прошел, лишь только стаял снег на северном мыске острова — вниз под сопку со зданием маяка,— частенько подходил к самой воде, благо берег низменный и почти горизонтально уходил в тихую погоду под набегавшую морскую рябь, останавливался на самом краю, даже чуть замачивая подошвы ботинок, и до рези в глазах всматривался в даль, в линию горизонта, где залив переходил в море.

В эти минуты, порой затягивающиеся до получаса-часа, его совершенно не интересовал неизменный серый эсминец, что дежурил на входе в Кольский залив, утюжа эту, воображаемую Николкой, линию горизонта справа налево, разворот, слева направо. И военные корабли, гражданские суда, входящие в залив и покидающие его, не задевали интереса Николки. Он все пытался представить себе ту невидимую, туго натянутую нить, что поверх морской воды и льдов Северного океана, плавно изгибаясь над ними, связывает по кратчайшему пути его, Николку, и таинственный Северный полюс. И не единого пятачка земли, даже единой верхушки выступающей из воды скалы нет на пути этой нити! Уже дома, для подтверждения своих давешних слов, Толька раскрыл нужную страницу школьного географического атласа и карандашом, но без нажима, прочертил эту нить-линию от Седловатого, которого, разумеется, на карте не было, брат условно обозначил его точкой на самом выходе из Кольского залива, каковой и сам в атласе значился тонюсенькой линией,— до отмеченного точкой схождения меридианов Северного полюса. «Вот смотри,— пояснял Толька,— прямой путь от нас до полюса проходит как раз между Землей Франца — Иосифа справа и Шпицбергеном слева. Он норвегам принадлежит, но на деле там шишку держит наш трест «Арктикуголь», что даже свои деньги, бумажные и монеты, выпускает...» Далее старший брат отвлекся на личное: со школьной как завяжу, паспорт получу и буду на Шпицберген вербоваться. Рубль там на-а-много длиннее нашего. Опять же там собираются опыт объявления коммунизма проводить*. Это Николке малоинтересным показалось.

---

* И провели в 70-х годах; почему-то остается малоизвестным фактом, а именно: был реализован коммунистический принцип «каждому по потребности». То есть в городе Баренцбурге — столице «Арктикуголя» — в магазинах плату не требовали (вот не уточнил как с выпивкой и табаком дело было...). Знаю из «первых уст». Главное было, увидев въезжающих в город халявщиков-норвежцев, вовремя закрыть магазины «на учет»...

...Уже через пять-десять минут Николкиного всматривания вдоль невидимой тугой линии по курсу «Седловатый — Северный полюс» душу его охватывал восторженный трепет, да такой ощутимый, что щеки пылали, а ноги пониже колен становились как бы ватными, нечувствительными. Хотелось запеть, да так хотелось, что Николка до твердости сжимал губы и приклеивал язык к небу рта. Не потому что петь не умел, но Толька обучал его только хулиганским школьным песенкам. Стеснялся Николка в сторону героического Северного полюса непотребщину всякую произносить.

♦ Вот и сейчас, в окончании своей последней вольной весны Николка стоял у северной стены маячного здания, смотрел по линии «Седловатый — Северный полюс», но мысли все накатывали с грустинкой. Вот съездят летом в отпуск в родную отцову деревню на целых два месяца, вернутся, а через пару недель попутным гидроотдельским катером-«аркашкой» мать отвезет его с Толькой в Полярный в школьный интернат, куда собирают учеников со всех бесшкольных мест севера Кольского полуострова: маяков, удаленных баз подводного флота, военных аэродромов, зенитных батарей, небольших рыбопромысловых поселков, становищ по-здешнему, еще от новгородских времен. ...И на весь учебный год, до следующего лета, если не повезет на каникулы до дома добраться. И дело не в катере, который гидроотдел или иное флотское ведомство безоговорочно выделит. Здесь как высадить маленьких пассажиров? Хорошо живущим на базах и в крохотных гарнизонах, становищах рыбацких — они все в гу́бах расположены, защищены от бушующих волн, а все каникулы, как назло, от осенних до весенних и зимних новогодних посредине, приходятся на обозленные шторма, вязкие и непроглядные туманы, суточные снежные заряды и ветра, ветра... Истинно еще новгородцы об этих местах говорили: от Колы до ада три версты. И на что опытный мореман командир катера РК <номер такой-то> — отсюда и «аркашкой» называют — в честно заслуженном звании главстаршины, но и он, завидев на траверзе крутобокий островок Седловатый, взятый со всех сторон в осаду ревущими, стонущими волнами шторма высокой балльности, посылает подручного салагу в пассажирский отсек объявить, что на Седловатый высадки не будет. «Побьем катер ни про что...» — ворчит в досаде: сам понимает, каково это ребятам из интерната пройти мимо их дома, наблюдая как с каждой швартовкой катера в тихих гу́бах все меньше и меньше их однокашников остается в отсеке, а в итоге вернуться в Полярный...

— Чего, Николка, размечтался?

Это отец вышел из маячного здания, где в преддверии полярного лета с незаходящим солнцем и полного отсутствия туманов затеяли регламентные работы с многосложным оборудованием свето-звукового маяка, гордости гидроотела Северного флота — перед всеми другими флотами и флотилиями СССР, где нет ничего подобного*. Вышел же Андреян покурить свою трубку на свежем воздухе. Но сначала протер испачканные при переборке одного из дизелей руки просоляренной ветошью.

— О школе? Об интернате? — Андреян раскурил трубку. И Николка сразу повеселел: технический запах из раскрытых дверей маячного здания тотчас вытеснился медовым ароматом «золотого руна», любимого и почти низменного табака отца.— Брось! Год проучишься и попривыкнешь. Опять же защитник у тебя рядом — Толька. А там видно будет, младшие подрастают, тебя догоняют, будем иметь в виду переезд ближе к Полярному: на маяк Большого Оленьего острова или опять на Палагубский — там и вовсе на воскресенье домой рукой подать...

Но взбодренного медовым запахом Николку уже иное сейчас занимало:

---

* И сейчас маяк Седловатого в действии, но только в автоматическом режиме, с питанием от силовых радиоизотопных установок. Причина отсутствия обслуживающего маяк персонала — нет желающих работать и жить в «подобных» условиях...

— Пап, а зачем политотдельский катер с самого утра к нам причаливал? И матрос с него Федорова требовал, потом с ним на палубе какой-то офицер разговаривал?

— А я думал еще спишь. Ишь, разглядел! Это не какой-то, а подполковник Шулейка, замполит гидроотдела, мой крестник, тудыть его, еще по войне, что все в партию вступать звал и продержал за отказы в звании старшины второй статьи, едрен его... Объезжает сегодня все окрестные «точки», призывает к бдительности: завтра прямо перед нами, как в театре, между Зеленым и Торосом — отец ткнул рукой с дымящейся трубкой в сторону островов на норд-весте, где Кольский залив имел впадину в материк перед полуостровами Средний и Рыбачий — спектакль нам покажут: будут топить ленд-лизовские американские фанерные торпедные катера. Завтра с утра все сам и посмотришь. Ладно, мне пора к дизелю.

♦ О ленд-лизе Николка, впрочем, не зная даже приблизительно перевод этих слов на русский язык, слышал от отца достаточно. Особенно во время отпускных поездок семьи в родную деревню Андреяна, где тот отдыхал от десятимесячного «сухого закона», принятого на маяках и вообще во «владениях» Северного флота*, рассказывая в сельской чайной — с подачей водки — об особенностях службы в войну и нынешней мирной жизни в Заполярье. Взятый отцом с собой Николка пил без ограничения лимонад и прислушивался к рассказам Андреяна, в «сухой» маячной жизни сугубого молчуна, в свободное от маячных вахт и мужицких домашних дел время — охотник и читатель толстых книг.

Рассказать же Андреяну было чего: почти всю войну, исключая два раза по месяцу в госпитале Полярного и полгода в сорок пятом службы в Мурманске, провел он старшиной команды поста службы наблюдения и связи, СНИС'а по-флотски, на острове Торосе — на входе в Кольский залив из Баренцева моря. В том же помещении поста располагалась и команда из числа союзников, в которой состояли англичане, американцы, даже канадец и новозеландский матрос. Кто-то из них всегда стоял с биноклем на наблюдательном мостике рядом с Андреяном или кем-то из его команды, когда по заливу проходили суда «либерти» ленд-лизовских караванов. Уже через полгода совместной службы обе команды научились сносно общаться на языке, несколько похожем на английский...

Был случай: в сильнейший позднеапрельский туман командующий Северным флотом адмирал Головко позвонил из Полярного на пост и самолично приказал Андреяну — «как хочешь и сумеешь, но разыщи мне английский крейсер «Эдинбург», который вроде как у *твоего* Тороса замер в тумане», а тот взял да и простоял весь недлинный световой день на мостике с биноклем и в случайном «разрыве» тумана, густого как овсяный кисель, уловил-таки профиль крейсера.** В открытую никто не говорил, конечно, но слухи на флоте не хуже как в деревне разлетаются: ведь вокруг только свои люди! Словом, всем было известно, что на «Эдинбурге» от мурманского причала вывозят в Англию большую партию золота — расплата за вроде как «бесплатный» во время военных действий ленд-лиз...

«Эдинбург» с золотом все же не дошел до своего Скапа-Флоу***, немцы потопили — за пределами зоны ответственности советского флота, но Андреян успел получить за его обнаружение в Кольском заливе «За боевые заслуги», а сдружившийся с ним Джеймс Лэнг, переводчик из команды союзников на Торосе, и вовсе по своей линии, согласовав с кем следует, послал в Лондон представление Андреяна на орден

---

* Отменили лишь в 1966 году.

** Подробно история с «Эдинбургом» изложена в нашем рассказе «Серебряная ложка»; его легко найти (по поисковику) в Интеренете — рассказ опубликован в нескольких литературных журналах.

*** Главная база (Англия) Флота метрополии — *Home Fleet*; во Вторую мировую войну этим флотом командовали адмиралы Товей, Фрейзер, Хамильтон.

Георга. Но какие ордена за крейсер, который потопили? По другой, «слуховой» версии орден Георга все же «пришел», но «затерялся в штабах».

«Главное ведь не награда, но твое, Джеймс, дружеское внимание»,— успокаивал Андреян огорченного союзника.

...Когда же внимательно слушающие Андреяна (кто козыряет «длинной» заполярной сторублевкой, тому внимают!) в чайной деревенские мужики, сами вволю повоевавшие в пехоте, переводили разговор с личных заслуг и обид североморца на сами поставки ленд-лизовские, то Андреян почему-то, вскользь упомянув о разгрузке в мурманском порту американских танков, английских зениток, тяжелых пулеметов «кольт», прорве ящиков с «вторым фронтом», перекачке по шлангам из танкеров в железнодорожные цистерны тысяч кубов канадского льняного масла*, переходил на наиболее поразившее его воображение во время службы в Мурманске: «хеопсовы пирамиды», по его словам, сеток с какао-бобами. И далее пояснял, что этот груз на судах конвоев ленд-лиза исполнял двоякую роль. Во-первых, как сырье (Андреян до войны учился в молочном техникуме, потому говорил со знанием дела) для шоколадной промышленности, а шоколад, как сами воевавшие знаете,— наипервейший сухпаек, особенно для летунов и танкистов. Во-вторых же и в главных, полагая, что бобы эти англичанам с их колониями в Африке ничего не стоили,— все суда «либерти» шли увешанные по бортам и надстройкам, на палубах тож навалено, сетками с ними. Попадет авиабомба в судно, снаряд из пушки немецкого рейдера или эсминца — гроздь сеток рассыпется от взрыва, а судно-то цело! Только от торпед подлодок такая «броня» не защитит... А на мурманских причалах после прихода очередного каравана и вырастают «хеопсовы пирамиды». Груз не самый стратегический, потому и вывозят на Большую землю, если в составе железнодорожном образуется паратройка товарных вагонов. «Не баловали нас на фронте шоколадом-то,— возразит иной мужик рассказу Андреяна,— куда же он девался, если такая прорва бобов союзниками доставлялась?» На что Андреян отвечал: да, мол, все наши кондитерские фабрики не в состоянии были перевести эти «хеопсовые пирамиды» в разряд шоколада. Опять же кроме какао требуется сахар и сухое молоко, что в войну тоже на деревьях не росло! Кроме шоколада часть бобов шла на порошок-какао, а остальное?

Здесь в серьезный разговор мужиков влезла буфетчица чайной Агафья, из дальней, как все в одной деревне, родни Андреяна: «Ну ты-то в войну на своем Севере обетовался, а вы, мужики, разве от баб своих не слышали: чем тогда промерзшие дрова в печках растапливали? Вот этими самыми бобами. Они сухие, как порох горят! Как немца в сорок втором отогнали, в сельмаг наш окромя карточного продукта начали и бобы эти завозить: бери сколько хочешь за копейки! Что с ними делать? — Никто объяснить не берется. Пробовали эти кухтыли в порошок долбить и в пойло свиньям и коровам сыпать — так морды те воротят! Вот и приловчились зимой на растопку-то.

...Много чего малец Николка со слов отца и других маячников знал о ленд-лизе, не ведая о сем названии по-русски.

♦ Спозаранку на следующий день Николка, боясь опоздать к началу «спектакля», добежал до маяка — и был первым из зрителей: мужики все на регламентных работах в здании маяка, женщины по домам с малышней и кухонной готовкой. Ребята школьного возраста в Полярном, в интернате. Только через неделю начнутся летние каникулы, привезет их на Седловатый гидроотдельский катер-«аркашка». Жалеть будут, что такое пропустили!

Меж тем у левого берега залива, между островами Зеленым и Торосом уже стоя-

* В те времена на основе льняного масла изготавливали олифу высокостойкой краски для военной техники.

ли вроде как невпопад расставленные ленд-лизовские фанерные торпедные катера. Почему фанерные, а не стальные, как наши послевоенной постройки? — И это со слов отца Николка прекрасно знал: в боевых действиях такой корабль полагается «смертником», от силы две-три атаки переживет. Его задача — на тихом ходу, маскируясь выступами береговых мысов, подкрасться как можно ближе к вражескому кораблю, затем на курьерской скорости выйти на цель и выпустить в нее обе торпеды, что по бортам на палубе в пусковых установках-трубах находятся. Затем лихой разворот и... помогай морской бог! — успеть скрыться от снарядов пушек торпедированного, особенно если не попал, немецкого корабля. Единственная защита — это скорость и закрывающий — для противника — катер высокий бурун из-под винта. А от авиации — крупнокалиберный зенитный пулемет поверх рубки. Все одно стальной корпус слабо поможет в неравной схватке, поэтому практичные американцы и клепали сотнями торпедные ленд-лизовские катера из толстой, многослойной фанеры с пропиткой.

...Утренний прилив закончился, поэтому приговоренные катера без единой живой души на их бортах стояли на воде недвижимы, без сноса в какую-либо, северную или южную, сторону. Тем более, погода безветренная, поверхность залива зеркальная.

Уже когда действо началось и мужики вышли для любопытства из здания маяка, Федоров, как он сам оговорился, «выдал военную тайну», в свою очередь, услышанную им от потерявшего от счастья (накануне пришел приказ о производстве в «черношинельные», политотдельские полковники!) бдительность Шулейки: катера всю ночь, уже почти светлую заполярную, выводили буксирами на расстрельный рейд со снятыми на полярнинском военно-судоремонтном заводе СРЗ-6 двигателями.— В хозяйстве все пригодится! Сталин приучил с пользой для страны на всем экономить. Еще начальник маяка Федоров пояснил — уже безо всякой тайны,— по-маршальски плавно обведя рукой правый берег и выход в море Кольского залива, что сегодня «до окончания стрельб по плавучим мишеням» (явно со слов Шулейки!) гражданское судоходство приостановлено, то есть из Мурманска отплытие придерживается, а извне, с моря, суда приостановлены, в дрейфе лежат. Как понял Николка из разговора маячников, сделано это не из-за какой-либо секретности, наоборот (опять же Шулейка Федорову сказал), американские и английские наблюдатели специально привезены... мол, без дураков, всерьез топить станем, но чтобы невзначай не повредить проходящее торговое или рыболовное судно.

Сложнее Николка, которому только-только исполнилось семь лет, было понять все из тех же разговоров маячных мужиков под отдаленный грохот «морского боя»: по какой причине топят хотя и фанерные, но ведь доселе бывшие на ходу, торпедные катера? Это значит, что такое же число катеров, уже стальных, нужно будет дополнительно построить для советского флота? Получалось же из услышанного Николкой, что по ленд-лизовскому договору между нашей страной и союзниками, прежде всего американцами, какая-то часть поставок военного времени оплачивалась нами — отсюда и английский крейсер «Эдинбург» с советским золотом, оружие же всех видов — от стрелкового до самолетов и кораблей,— если оно приведено в полную негодность, уничтожено во время войны — как говорится, за счет союзников. Но все, что из поставленного союзниками, причем не только вооружения, осталось в целостности, или еще не использовано , после окончания войны — для Советского Союза этот срок продлевался до капитуляции самураев,— подлежало оплате, хотя и неполной. Понятно, платить по счетам — не в долг брать, дело неохотное. Вот и рачительный хозяин страны Сталин, а за ним хотя и нарочито дураковатый, но похохлацки прижимистый Никита расплачиваться с американцами не торопились.*

* Насколько автору помнится из шумливой прессы «лихих девяностых», окончательный долг СССР за ленд-лизовские поставки был все же выплачен в те достославные годы, когда Россию новые ее властители продавали оптом и в розницу; как же священный долг Старшему Брату не возвернуть?!

К середине пятидесятых годов, в самый разгар «холодной войны», наши власти сделали очень мудрый шаг. Поскольку поставленная в войну союзниками техника уже устарела, а советский военпром, разогнанный до курьерской скорости Сталиным, выдавал на горá все новые и новые образцы «изделий», то надобность в ленд-лизовском оружии отпала. И решено было ее уничтожить. Дескать, господа натовцы, и вашим и нашим: для вас — всегда радующее сердце <якобы> снижение боевого оснащения Советской армии, для нас — не платить на основании: а за что платить-то? За металлолом? Так самовывозом и забирайте его себе!

...Примерно в таком смысле, «переведенном» в точные словоопределения значительно позже уже старшим школьником Николаем, и понял герой нашего повествования причину расстрела на рейде фанерных американских «торпедников».

♦ Как то свойственно для неустойчивой погоды тех мест на черте весны и лета, на другой день штиль на море сменился коротким по времени, но ощутимым штормом. А здесь и катер гидроотдельский доставил из Полярного седловатовских школьников. Николке завидовали, как очевидцу-наблюдателю образцово-показательного потопления американских катеров, о котором в городе только слышали от одноклассников из семей флотских офицеров. Зато все более или менее пологие берега Седловатого, особенно в отлив, заваленные в шторм деревянными останками разбитых в щепу катеров, одинаково доступны для героя дня Николки и отсутствовавших в оный день на острове ребят-школьников. Впрочем, ничего интересного для их интереса не попадалось. Только Витьке Федорову (на то и сын начальника маяка!) повезло: завладел обломком приборной панели с непонятного назначения стрелочным прибором-индикатором.

...Уже овладевая начатками грамотности в первом классе полярнинской школы, Николка слушал в интернате бахвальство Вовки с маяка мыса Лодейного, что севернее острова Тороса, якобы нашедшего после того шторма на отмели оранжевой окраски спасательный жилет с латунной биркой *U.S.Navy*, то есть «Флот Соединенных Штатов». Мало Николка ему поверил: вряд ли такую полезную в флотском хозяйстве вещь могли просмотреть «раскулачивавшие» катера перед выводом на потопление интенданты! Но с другой стороны... откуда второкласснику с Лодейного маяка знать как выглядят американские спасжилеты и начертание букв английской надписи? Темное дело, решил Николка и далее оставил все ненужные размышления на этот счет.

В ночь за потоплением ленд-лизовских торпедных катеров Николке приснился яркий — по обилию самых мелких деталей шутейного сражения — сон, который далее несколько раз повторялся. Понятно, во сне том дневные впечатления приукрасились всякими додумками, на которые горазд мозг спящего человека, впечатлительного пацаненка тем более, но в общем-то все соответствовало картине происшедшего, на просмотре которой Николка и маячники Седловатого, как в зрительном зале, сидели на первом ряду.

Не только в снах, но и наяву воображение повторяло в голове Николки то погибельное для безлюдных американских катеров нарочитое сражение. Случалось это в часы мучительной тоски по родному дому, по крохотному островку Седловатому школьника-интернатовца. Пока к окончанию Николкой шестого класса семья-таки перебралась в Полярный.

Видение же наяву означивалось следующим образом. Узнав от интернатовских однокашников, что весь вид на выход из Кольского залива — чему в городе мешал остров Екатерининский, наглухо закрывавший для взора север,— можно получить только взобравшись на самую высокую сопку, слева отделявшую собственно Полярный с Екатерининской гаванью от губы Пала, на берегу которой располагался СРЗ-6 с его доками, цехами, кранами. Сложно, а по мнению взрослых и совершенно опасно

для младшего школьника, было Николке взобраться бездорожно, но зато по затвердевшему в феврале от нескончаемых ветров с морской солоноватой влажностью снежному насту на стопятидесятиметровой высоты сопку. С вершины же ее в тихую погоду, в свете уже поднимающегося после темени полярной ночи над горизонтом, хотя и невысоко, кирпично-красного солнца и открывался этот волнующий душу Николки вид.

Как с любой высоты все лежащие внизу «под ногами» смотрится плоским и с увеличением дальности взора уходящим как бы ввысь, так и перед Николкой за Екатерининским островом, как закопченое зеркало, иссиня-темная водная гладь поднималась все выше и выше, пока он переводил глаза от укутанного в сплошной снег Екатерининского, за ним и впритык острова Большой Олений, на маяк которого их семья вскоре переедет, далее на выход из губы Оленьей... а вот и Седловатый! — Как маленький крутобокий пирожок, щедро присыпанный сахарной пудрой, что одиноко лежит на столе, покрытом темно-синей клеенкой. И клеенка есть такая, и выпеченные матерью пирожки с пудрой... Но все это дома, на Седловатом, где мать, отец с бородой лопатой, пропахшей медовым табаком «золотое руно», двое младших братьев, еще не удостоенных звания школьников... Слезы навернулись на глаза — верно мать говорит: тоска хоть плачь.

Комки к горлу подступают. Чтобы в пугающем одиночестве на вершине заснеженной сопки не разреветься, Николка уже заученно оторвался от вида Седловатого и перевел взор выше, севернее, мористее, как это называла мать на своем поморском архангельском наречие, на водную пустошь между островами Зеленым и Торосом. Снова сделав над собою усилие, отгонял тоску по дому, представил себя в первом ряду всплывшей наяву картины сражения вооруженных кораблей с обреченными, безоружными. Уже в который, почти что бессчетный, раз прокручивал Николка в себе и для себя, для своей тоскующей по дому души, эту великолепную *картину*, уже ставшую для него как-то раз просмотренной *кинокартиной*, накрепко и нацело запавшей в память.

...Обреченные и разоруженные, лишенные матросских команд катера расставлены не как попало. Многие штабные каперанги* и командиры эскадр в Полярном** долго совещались и составляли диспозиции военных учений с поражением реальных, хотя бы и не сопротивляющихся, целей — для оттачивания мастерства нанесения ударов в приближенной к боевой обстановке.

Видел Николка своими глазами в тот последний предшкольный год, а затем в повторах во сне и в грезах наяву на вершине заснеженной сопки, как кильватерным строем, а затем рассыпавшимся флангом, на полной курьерской скорости с трехметровыми бурунами за кормой собратья обреченных — советской постройки стальные торпедные катера, маневрируя, уклоняясь от условного ответного огня, подбегали к целям, выплевывали уже настоящие, боевые торпеды, затем резко, с критическим наклоном бортов, разворачивались и уходили прочь. Опять же от условного ответного огня. В это время от удачного попадания в высоченном водяном столбе разлетались в щепу фанерные ленд-лизовские «торпедники»... хотя бы со времени войны нам верно служившие. Бей своего, чтобы чужой боялся! Стоявшие поодаль, ближе и дальнему правому берегу Кольского залива, эсминцы и крейсер вели пушечный огонь. И... то ли это в самом деле имело место быть, а может и сон Николке приукрасил и расширил действия, но мнилось ему наяву, как в середине залива выскочили из водных недр две торпеды и пошли на цели — значит, подводные лодки задействованы.

В небе со стороны аэродрома дальней бомбардировочной морской авиации (потом

---

* Капитан первого ранга (флотск.)

** В описываемое время Полярный являлся главной базой подводников и катерников Северного флота.

получит имя Сафонова) показались и самолеты. Но для них акватория сражения явно маловата, то есть просто, не бомба, отрабатывали маневры захода на морские цели.

В считанные пару часов все завершилось. Спокойные в тот день, зеркально отсвечивающие воды залива, успокоившись от взрывов, покрылись тысячами мелких, не тонущих обломков.

Уже проживая последний год на маяке Большого Оленьего, готовясь с этого лета стать жителем Полярного, шестиклассник Николай в весенние каникулы с двустволкой-«ижевкой» шестнадцатого калибра прохаживался по берегу широкой, но мелководной, с выступающими камнями, островной бухты. Без особой охотничьей цели бродил, ибо зимняя птица, те же гаги, уже улетела, а крупные береговые кулики еще не появились. Снег по берегам бухты пожелтел и прожух. Солнце явно намекало на близкую весну. Первыми это почуяли обитатели бухты: метр-полтора глубины по краям пропускали солнечные лучи до усыпанного ракушками и галькой дна. Вот и краб из своей норы выполз на свет... Надо сказать, что если на Черном море бычки свежего приготовления считаются почти что деликатесом, а на Дальнем Востоке японцы за большие деньги объедаются камчатским крабом, то на кольском Севере их ближайшие родичи (не японцев, но бычков и крабов) полагаются самыми презренными ничтожествами из водоплавающих. Если на крючок рыбака-удильщика попадет бычок, петух по-тамошнему, то летит с проклятьями обратно в воду. И северный краб потщедушнее камчатского, промыслового значения не имеет, и никому даже в голову из живущих на островах и материковых берегах не придет мысль о съедобности этого ракообразного! Истинно, в каждом монастыре свой устав.

И этот предвесенний краб только потому уловил на себе взгляд серьезного шестиклассника Николая, что полз он по береговому дну не по песку и гальке, но по полуметровому неровному обломку доски, явно когда-то окрашенной и полаченной, а с другого конца различался прикрепленный овальный шильдик, говоря по-флотски, из непокрытого коррозией белого металла — что-то навроде тех инвентарных номеров, что шурупами приворачивают на боковые стенки казенной мебели. Как у них в школе и интернате. Заинтересованный Николай не поленился, вспугнув робкого краба, подручной палкой, выступавшей из подтаявшего у самой воды снега, подвести обломок доски к берегу, ухватить его и вытащить. Явно доска с боковыми пазами была от какого-то приборного кожуха. Оттерев же шильдик полой своего ватника, Николай действительно разобрал на нем номер и надпись: *U.S.Navy*. Усмехнулся рассудительно среднестарший школьник, вспомнив виденное много лет назад с северной оконечности Седловатого образцово-показательное потопление фанерных американских торпедных катеров: *вот он, последний отголосок ленд-лиза*!*

---

* Но вот что совершенно непонятно автору: по какой такой причине, спустя двадцать лет после окончания войны, в городе Полярном во всех продуктовых магазинах на полках стояли рядами двухлитровые жестяные банки с вкуснейшим конфитюром из айвы, причем на банке написано по-русски «Конфитюр из Айовы», то есть штата, а не фрукты-ягоды... Изготовлено в США.— Каково это в самый разгар «холодной» войны? — Может чисто торговая «составляющая» ленд-лиза еще действовала? Молчит история.

Владимир Десятников
(г. Москва)

КАК ВКУСНО ПАХЛО ХЛЕБОМ

Наш постоянный автор.

Сестре Вале и брату Феликсу

Порфирьич даже опешил. Едва он открыл люк мусоросборника, как на него посыпались батоны, полубуханки и просто куски хлеба. Он даже задрал голову кверху, как будто можно было увидеть, кто же там выбрасывает хлеб в мусоропровод. «Да что они, озверели? — в сердцах выругался дворник.— И ведь это не из одной квартиры»,— убежденно заключил он про себя.

Хлеб лежал на цементном полу в грязной вонючей жиже среди огрызков, листов бумаги, картофельных очистков, сношенной обуви, бочонков детского лото. Держа в обеих руках по сухому нарезному батону, Владимир Порфирьич машинально обтер их о свой заскорузлый фартук и так стоял в нерешительности с минуту. «Куда ж мне столько хлеба девать? — подумал дворник.— Не выбрасывать же, как они». Он достал из кармана не читанную еще газету, расстелил ее на кафельных плитках крыльца и стал аккуратно, батон за батоном, кусок за куском, раскладывать хлеб. Когда газеты уже не хватило, он стал класть хлеб на гладкие плиты.

— Ну и денек выдался,— проговорил он, качая головой.

Хлеб выбрасывали каждый день, но такого он еще не видел. Порфирьич достал смятую пачку сигарет, закурил, глубоко затянувшись. Как и всегда, когда видел выброшенный хлеб, Порфирьич с горечью подумал: «А ведь этим хлебом в блокадном Ленинграде можно было жизнь спасти». Сам Порфирьич в Ленинграде в то время не был. Их семья была эвакуирована в пригород Алма-Аты. Позже, подростком, он пошел там на военный завод. Делал болванки для 82-миллиметровых мин. Но вот уже сколько лет прошло, а как увидит хлеб в грязи, так и вспоминает войну. С ним до сих пор случается: идет мимо полных витрин магазина, а потом вдруг остановится и так, чтобы не замечали прохожие, начинает считать банки со сгущенкой, сыры, пачки с вермишелью и печеньем. И все это с одной лишь целью — определить, на скольких людей можно было бы все разделить и как долго бы они продержались в голодном Ленинграде. Да, именно в Ленинграде, а не где-нибудь в другом месте, хоть голодно было в ту пору везде.

«Что с людьми произошло — не понимаю». Порфирьич провел рукой по влажной скамейке у подъезда и присел.

Мелкая водяная пыль сыпалась с неба. Работать дальше он не мог. Это дело, как говорил он в таких случаях, надо перекурить. Детское оцинкованное корыто, в котором он возил на тележке мусор, вызвало у него почему-то улыбку. Он закурил, и

мысли унесли его в прошлое. И причиной всему — выброшенный хлеб. Ведь это форменное предательство — глумиться над хлебом.

...Вот Вовка мальчиком стоит в полукилометровой очереди за хлебом. Идет дождь. Люди прижались к дому. Его очередь еще далеко. Вход за углом. А впереди, заглушая разговоры женщин, отгадывающих друг дружке сны и пересказывающих письма с фронта, стучит вода по дну проржавевшего детского корыта. На голодный желудок как-то особенно зябко стоять на ветру под дождем. Скорее бы завернуть за угол. Там не так дует, а главное — там, когда открываются двери магазина и люди партиями выходят и заходят, ноздри улавливают сытный, ни с чем не сравнимый запах хлеба...

Порфирьич вспомнил все это и подумал: «Сейчас хлеб для меня так не пахнет. А что они? — Порфирьич думал уже о тех, кто выбросил хлеб.— Они наверняка и вовсе не ведали ни голодухи, ни вкуса, ни запаха хлеба. Потому и выбрасывают, что не знают ему цены.— Порфирьич взглянул на хлеб в грязи.— А ведь и я не стал бы сейчас, даже голодный, есть этот хлеб. Сытый стал,— зло подумал он про себя.— В войну цену хлеба ой как знали!»

Он снова, как бы со стороны, увидел себя в очереди за хлебом. Вот уже и долгожданное крыльцо. Со следующей партией войдет в магазин и он.

Хлеба ему тогда не дали. Продавщица посмотрела его карточки, положила их на прилавок и как-то по-особому сочувственно сказала:

— У вас все съедено. За четыре дня вперед дать никак не могу.

Стоя в очереди, он и сам знал, что хлеба не дадут. И все-таки выстоял, дошел до прилавка. Дома его ждут младший брат и сестренка. Они тоже знают, что хлеба могут и не дать. Прошло четыре часа. Фелька с Валькой еще надеются. Вовке так жалко стало их, что он чуть не заплакал. Закусив губу, с глазами, полными слез, он, не поднимая головы, вышел на улицу. Когда был в магазине у прилавка и волновался, глядя на аккуратно отрезанные ножницами карточки, хлеб так не пах. А чуть сошел с крыльца, опять ноздри защекотал сытный запах ржаного, с добавлением отрубей и кукурузы, хлеба. Вовка отошел от очереди и долго стоял, как будто можно было досыта надышаться тем воздухом.

«Нет, сейчас уже хлеб так не пахнет,— снова подумал Порфирьич, окидывая взглядом начавший мокнуть на дожде хлеб.— Ведь раньше даже сухой хлеб для меня имел запах...»

И снова он вспомнил себя мальчишкой. Едущим на полуторке. Машина шла в Аксай. Это была первая в его жизни поездка на работу. В кузове — несколько таких же, как он, подростков. Ехали молча. Думалось об одном: как встретят на работе? Вдруг машина резко затормозила. Встав на баллон и держась рукой за борт, в кузов вскочил белобрысый лейтенант в пилотке. Ребята сидели на полу, прячась от ветра. Их попутчик стал в полный рост, упершись в кабину и широко расставив ноги. И тоже молчал, тоже думал о своем. Потом он достал из-за пазухи краюху черствого хлеба и стал есть. Вовка почувствовал запах хлеба и поднял голову. Ему тогда было видно снизу, как у лейтенанта движется кадык на шее. Но не запах хлеба удивил его. С изумлением и какой-то щемящей жалостью Вовка вдруг увидел и понял — лейтенант беззвучно плакал, грызя черствый хлеб. Почему? Вовка даже представить себе не мог причину этих слез. Лейтенант был молод, силен и красив. Но слезы его были вовсе не от ветра.

«Жив ли тот лейтенант? — подумал Порфирьич. Думы его совсем были невеселые.— Эх, человеки, человеки, какие мы стали... До чего дожили... Хлеб в помойку выбрасываем».

Парадная дверь стала непрестанно стучать — люди пошли на работу. Порфирьич

подошел к двери мусоропровода. За трубой у него был спрятан мешок. Он положил его на пол, расправил. «Хлеб убирать не буду,— твердо решил он.— Пусть все видят, до чего мы дожили». Он бережно наполнил мешок бутылками, приберегавшимися на случай. Поднявши мешок, Порфирьич прикинул стоимость стеклотары и неспешно опустил его в корыто. Решительно захлопнул дверь мусоросборника, два раза щелкнул ключом.

— Все... полна чаша,— негромко вслух сказал он.— На такой работе молоко за вредность надо получать.

Домой он вернулся поздно вечером, с песнями.

— ...Все-о равно-о война! — звучным аккордом закончил он последнюю, уже в подъезде. Она громким эхом прокатилась по всем этажам большого дома.

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

РОДОМ ИЗ ОДЕССЫ
эссе

Член редколлегий израильских и российских журналов «Литературный Иерусалим», «ИСРАГЕО», «Приокские зори», автор 25 книг стихов и прозы, лауреат Бунинской и многих других российских премий.

1

22 июня 2016 года, в день 75-летия начала войны с фашистами, мою маму Риву доставили на скорой помощи в ашкелонскую больницу «Барзелай». Я с сестрой Сильвой были последними, кто застал ее еще живой. Она умерла 23 июня в 18.40.

Часы живых, прошу,
с часами мертвых сверьте.
И вслушайтесь, и вслушайтесь
в их слитное звучанье.

Что ж, остается вслушиваться. И вглядываться. А сверяя часы живых с часами мертвых, волей-неволей вернешься в то время, когда никто не думал о скоротечности жизни, и вольно чувствовал себя в настоящем, не догадываясь, что оно стремительно превращается в прошлое.

Но какое это прошлое, если разразилась шестидневная война и каждая еврейская семья внезапно заразилась Израилем? Какое прошлое, если старшая дочка Сильва с мужем и детьми подала документы на выезд на историческую родину? Какое прошлое, если и она сама, моя мама Рива, дождавшись выхода на пенсию мужа, тоже устремилась в Израиль. Какое прошлое, когда это наше настоящее!

Мне же и брату Боре выбраться из Союза нерушимых республик по вызову сестры Сильвы советская власть не разрешала, пока не получим вызов по «прямому родству» — проникнетесь этой казуистикой! — не от родной сестры, а от родителей. Посему мама выехала раньше, чтобы не подрывать интересы страны, в которой родилась, выросла, получила медицинское образование и носила передачи своему папе в одесский ДОПР до его отправки из тюремной камеры в концлагерь. А затем война.

Эвакуация. Работа в две смены на авиационном заводе № 245 в Чкалове (Оренбурге) на Урале. Холод и голод. Направление на лесоповал, куда по логике убойного времени решено было отправить работающих на заводе женщин. Но не отправили. Женщины сообразили, чем для них может закончиться работа в лесу и житье в бараках под присмотром бригадиров-уголовников, разумеется, не женского пола, и разом забеременели. Все. Оттого я вырос в заводском доме, уже в Риге, куда передислоцировали после войны наше предприятие. В 15 лет меня взяли на работу в бригаду жестянщиков моего папы. И давай вкалывать, попутно став чемпионом Латвии по боксу и поступив в институт, откуда ушел в армию, чтобы по возвращению, соскучившись по маме, написать в день ее рождения:

Мама, вот и сорок восемь.
Годы возраст теребят.
В бабье лето, а не в осень,
Время занесло тебя.

— Зачем про бабье лето? — смеялась мама.— Мне больше по нраву весна. Пиши про нее.

— Какая же у тебя была весна? Как мне знать?

— А ты пиши. И — увидишь — напишется.

Как бы это ни звучало парадоксально, но она была права. Написалось.

Что же получилось? А вот что!

В незапамятном году, когда юная Рива Вербовская закончила Одесский медицинский техникум и обзавелась дипломом, к ней на прием в поликлинику пришел за уколом знаменитый баянист Арон Гаммер, играющий на концертах и танцах в парке Шевченко. Укол был настолько удачным, что Арон Гаммер пригласил Риву Вербовскую в ЗАГС. И что? Она таки согласилась. А почему бы и впрямь не расписаться, если любовь, как поет Утесов, «нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждут».

Любовь нагрянула, они расписались, и Арон Гаммер стал не только музицировать в парке Шевченко, но и петь куплеты собственного изготовления:

В понедельник я влюбился,
Вторник я страдал.
В среду с нею объяснился,
А в четверг ответа ждал.
В пятницу пришло решенье,
А в субботу разрешенье.
В воскресенье свадьбу я сыграл.

Свадьба пела и плясала, как это принято в Одессе. В том же доме на улице Средней, где когда-то мама Ривы Вербовской выходила замуж за ее папу — Ида Гинзбург за Аврума Вербовского, героя и инвалида Первой мировой войны. На той свадьбе 1917 года, проходящей под аккомпанемент залпов «Авроры», гулял король Молдаванки Мишка Япончик.

На свадьбе Ривы, теперь уже Гаммер, гуляли другие звезды Одесского неба, больше имеющие отношение к искусству, чем к налетам. На столе было не так, чтобы очень. Но и не так, чтобы ничего. И картошечка, и селедочка, и выпить, и добавить под «горько». И надежды, что юношей питают. Одна из таких питательных надежд квартировала в Москве, где на студии грамзаписи предполагали издать пластинку фрейлехсов Арона Гаммера. Вторая, подобно бессонной кошке, гуляла по

оцинкованной крыше Первого Артиллерийского училища. Почему? Эта загадка легко разрешима, если прикинуть, как Арон Гаммер, представляясь гостям со стороны невесты, говорил:

— Я закончил Первое Одесское артиллерийское училище.

— О! — отвечали гости на доступном разумению языке восхищения и искали на отвороте пиджака Арона петлицы, а в них лейтенантские кубари. Искали чего-то хорошего, как это принято в Одессе, и не находили, что тоже присуще городу Соньки — Золотой ручки.

Бедные на воображение, они не догадывались, что Арон — известный для них в качестве музыканта, композитора сочинителя стихов, был заодно и потомственным жестянщиком — сыном великого мастера кровельных работ Фроима Гаммера. Вот в качестве кровельщика и закончил он военное училище, то бишь, в переводе с одесского на русский, закончил крыть крышу военного училища, за что и получил похвальную грамоту от армейского комиссара 1 ранга Яна Борисовича Гамарника (настоящее имя-отчество Яков Пудикович).

Сильва родилась, как это принято в Одессе, через девять месяцев после свадьбы. Подсчитать это легко на пальцах. Ходили в ЗАГС 1 августа 1937 года, а в родилку 13 мая 1938. Радости было много, света прибавилось в небе и воды в Черном море. Так что на радостях Сильвочка росла не по дням, а по часам, словно предчувствуя, что вскоре разразится война, и уже, кроме голода и холода, не будет никаких достойных приобретений.

Бомбежки. Одесса на колесах. Эвакуация. Бесконечные перегоны. Южный Урал.

В первый класс Сильвочка пошла в Чкалове, так назывался в ту пору Оренбург — родина «Капитанской дочки» А. С. Пушкина. Портфель ее разбухал от пятерок, переполнявших тетради по чистописанию, и мама Рива смотрела на малюсенькую дочку с удовольствием, полагая, что Сильвочка тоже поступит в медицинский техникум и станет дипломированной медсестрой, а то и врачом. Лично ей, по вине обстоятельств, пришлось отказаться от продвижения по медицинской стези. Война шла не только на фронте, но и в тылу, и для разгрома врага страна потребовала переквалифицироваться из медсестер в жестянщики, что Рива Гаммер и успешно сделала. Благо под боком — в прямом и переносном смысле — находился ее муж Арон Гаммер. В данный исторический момент он возглавлял бригаду жестянщиков, которая вкалывала в три смены на 245-ом авиационном заводе, изготовляя подогревы для бомбардировщиков дальнего следования, утюживших крыши Берлина.

Подогревы были личным изобретением Арона Гаммера, и это радовало Риву, так как на бригаду полагалась в заводской столовой одна тарелка стахановского супа, где крупинка крупинку догоняла, не давая сдохнуть с голода. Словом, набирались сил для трудовых рекордов. И что? Думаете, не ставили их? Ставили, и еще как, выполняя на триста процентов производственные нормы. Рива при этом успела и забеременеть. Раз, потом второй раз. Сначала она родила Эммочку. Но Эммочка, так и не дождавшись, когда ее отлучат от груди, чтобы жить впроголодь на «хлебных карточках», умерла от воспаления легких. И тем самым выправила для меня вакансию. Я не задержался и появился на свет в ночь начала штурма Берлина 16 апреля 1945 года, ровно в тот час, когда вспыхнули сотни прожекторов и войска двинулись в атаку, в ритме которой я и живу до сих пор.

Самое удивительное со мной было в том, что я не плакал. Родился без плача, и дальше — все первые дни не подавал ни звука. Наверное, ждал, чем окончится битва за Берлин. Мама Рива бегала по врачам, спрашивала:

— Что же будет? Он ни слова не говорит ни на каком языке. Будто не из Одессы.

— Мы тут все не из Одессы,— отвечали врачи.

— Но вы ведь говорите,— донимала их мама.

— Говорим, потому что вы нас спрашиваете.

Мама поняла и спросила меня:

— Фимочка! Ты уже будешь один раз говорить?

Я сказал:

— Угу! — и с тех пор рот не затыкаю.

Мама была счастлива: Фимочка говорит!

Папа был счастлив: Фимочка говорит еще нечленораздельно, никто его слов не извратит и не напишет донос.

Дедушка Аврум, папа моей мамы Ривы, был тоже счастлив: ему было теперь с кем поговорить по душам.

Только что его, инвалида Первой мировой войны, попросившегося добровольцем на фронт, освободили из ГУЛАГа, куда он попал, как и многие, ничего преступного не совершив — просто по оговору. В лагере, когда он ковал Победу подручными средствами — пилой и топором, уголовники обрушили на него подрубленное дерево, сломали ногу, и теперь он едва ковылял. Но все же был рад: ковылял ведь на свободе, а не за колючей проволокой. И охотно вышел бы на парад Победы, если бы его пригласили.

Но дедушку на парад не пригласили, вместо этого его направили вохровцем на охрану 245-го авиационного завода, в слесарном цеху которого работала вся наша семья. И он вместе со всеми нами отбыл в Ригу, где 245-й авиационный завод был переименован в 85-й ГВФ и разместился в корпусах бывшего винно-водочного предприятия, адрес: ул. Анри Барбюса, 9.

Здесь, в районе концлагеря смерти Саласпилса и на товарной станции Ошкалны прибывшие с Урала рабочие разбирали штабеля дров, с вмерзшими между бревен трупами людей, тех, кого фашисты не успели сжечь перед бегством из Риги.

Здесь, в большой нашей одесской семье, уже имевшей в моем лице урожденного уральца, появился и первый рижанин. Им, к собственному недоумению, оказался Леня Гросман, весь из себя чернявый, как смуглянка-молдаванка. Очевидно, в память о Черном море его и сотворили на берегах Балтийского. Мы с ним представляли разительную пару — я блондин, он брюнет, мои глаза — пронзительно голубые, его — отборный чернослив. Не похожи, но братья — не разлей-вода. Впрочем, эта привязанность объяснима. Он мне не только двоюродный брат, но и брат молочный. Ленина мама Беба Гросман умерла в Риге в феврале 1947 года, и моя мама Рива, ее старшая сестра, отлучив уральского молодца от груди, выкормила рижского младенца своим одесским молоком, чтобы он был здоровым.

А, выкормив, стала следить, чтобы в учебе он не отступал от меня. Он и не отступал. Учился, учился и выучился в инженеры. У нас все выучились. Причем стахановскими методами, досрочно. Я, допустим, на один год раньше положенного срока закончил Латвийский государственный университет, отделение журналистики, установив своеобразный рекорд нашего высшего учебного заведения: за один день однажды сдал восемь экзаменов и зачетов. Вы спросите: к чему такая спешка? Отвечу: в моих ушах с первого класса стояли мамины слова:

— Пока ты донесешь до меня свою пятерку, я уже умру от ожидания.

А теперь представьте: я заболел скарлатиной. Эта неприятность произошла в 7 лет, когда ребенок практически безоружен для великовозрастных пацанов, с кем его поместили лежать в одной палате. Воспитанники улиц бросались на меня с криками, что я другого рода-племени, и мне приходилось героически отбиваться от их численного преимущества, кусаясь и царапаясь, на подобии Маугли. Исходя из этого, мое лечение шло с переменным успехом, прибавляя к высокой температуре многочис-

ленные синяки и ушибы. Но тут младший братик Боря, следуя примеру Лени, который захворал, собираясь ко мне на выручку, тоже подхватил скарлатину. В результате мама Рива, настойчиво демонстрируя докторам-специалистам болезни грудного Бори и четырехлетнего Лени, добилась разрешения лечь ко мне в больницу. И тем самым закрыла амбразуру хулиганского дзота, проделанную драчливыми кулаками мелких антисемитов.

При зачислении в больницу активную помощь маме оказала моя старшая сестра Сильва. Она тоже успешно затемпературила, но настолько странным образом, что ее исцеление могло произойти только под музыку. Такой диагноз поставили лечащие врачи. Почему? Никто этого не знает. Но догадаться легко.

Когда белые халаты проведали, что Сильва — аккорденистка, виртуозного мастерства, то быстро смекнули: на носу новогодние праздники, и без столь выгодного больного, умеющего создать настроение, их прочие пациенты помрут от скуки, если их не доконают другие заразные болезни. Сильву вместе с аккордеоном зачислили на койку в общую для пополняющейся семьи палату, где, в ожидании ее репетиций, держали под мышкой градусники Боря и Леня.

Как тут не вспомнить Ива Монтана?

«И сокращаются большие расстоянья, когда поет далекий друг».

Вот это я и почувствовал, вот это я и оценил, когда услышал сквозь стенку, как пароль, что «в лесу родилась елочка, в лесу она росла».

Сильва? А если здесь Сильва, значит, помощь близка.

— Когда моя мама придет? — закричал вопросительно, и поднялся над кроватью. Левой рукой я держался за ее металлическую спинку, а правой размахивал, как Чапаев, саблей. Но не саблей, разумеется, а полотенцем в пупырышках, связанном на конце в узел, так называемый «кулак».

Драчливые придурки, наускиваемые дядей Витей с соседней, у окна, койки, бросились в атаку на человека «не того рода-племени».

— Бей жидов! Спасай Россию! — кричали они в столице Латвии.

Что оставалось? «Врагу не сдается наш гордый «Варяг», пощады никто не желает!» И я, обороняясь, лупил их смастеренным за ночь оружием.

— Когда моя мама придет?

Этот, отнюдь не победный, клич извлек из-за двери санитара приличных даже для сумасшедшего дома габаритов. Он схватил меня в охапку и потащил по коридору. Куда-то туда, где призывно росла елочка, известная детворе тем, что зимой и летом стройная, зеленая была.

На Новый, 1950-й год Сильва давала концерт. Под елочкой, украшенной игрушками. Перед больными вполне излечимой скарлатиной и неизлечимым антисемитизмом. А затем, когда дошло до выписки, аккордеону, моему спасителю, придумали устроить карантин. Мол, выпусти такого наружу, глядишь, он и заразит микробами проходящую мимо публику.

«Как же так,— возмутилась во весь свой подростковый, уже неподконтрольный возраст Сильва.— Меня можно выпускать на улицу, а «Хоннер» нельзя? Никого он не заразит, я ручаюсь. Аккордеон, он даже дышать на людей не умеет, тем более кашлять с брызгами слюны».

Но врачи не поверили моей сестре. И, посовещавшись в «мертвом покое», приняли решение: устроить музыкальному инструменту если уже не карантин, так «чистку мозгов», то бишь дезинфекцию. И устроили. С помощью марганцовки, йода и медицинского спирта. Да настолько результативно, что аккордеон качественного немецкого производства, привыкший к другому обхождению, на выходе из «мертвого покоя» охрип и сипло исполнил: «Шумел камыш, деревья гнулись. А ночка темная была. Одна возлюбленная пара всю ночь гуляла до утра».

Под эту музыку мы — Сильва, я, Леня и грудной Боря, еще не умеющий ходить, но активно двигающий ножками на руках у мамы, чтобы поскорей добраться до дома,— покидали гостеприимную больницу с диким желанием никогда больше не хворать. Желание подкреплялось убежденностью, что мама у нас правильная — по образованию и специальности медицинский работник: отсюда и надежды, что юношей питают вместо вирусов. И хорошо делают, что питают. Иначе каюк. Почему? Да потому, что каюк! Что тут непонятного? Каждому такую маму! 4 декабря 2015 года ей исполнилось 97 лет. Где? Не так далеко от Черного моря. На берегу не менее шикарного — Средиземного. В Израильском городе Кирьят-Гате. Это, конечно, не Одесса, но тоже кое-что. Казалось, еще чуть-чуть, и доживет до ста. Но не судьба.

2

В неизбывном далеке, в том самом 1970 году, юбилейно-победном, когда в редакции «Латвийского моряка» возникла идея скомпоновать сборник о войне «В годы штормовые» по принципу газетной рубрики «День первый — день последний», вначале дать очерк о капитане Дувэ, погибшем 22 июня 1941 года, а в конце...

Помнится, у меня тогда чуть не вырвалось: «Мой дедушка Аврум Вербовский умер девятого мая. Но не в сорок пятом. В шестьдесят первом».

Ох, не знал я, не догадывался, что и мой папа Арон умрет тоже девятого мая. Но уже не в Риге. В Израиле. Ровно через сорок лет после дедушки, в 2001 году. Сорок лет, сорок лет пустыни... мистические сорок лет каждой еврейской судьбы. Я в сорок лет внезапно, словно по велению свыше, стал художником. В 53 года, спустя сорок лет после первого выхода на ринг, я вновь надел боевые перчатки, и стал чемпионом Иерусалима по боксу, чтобы до семидесяти лет повторять это раз за разом.

А тогда в 1970-ом, ничего не зная о цифровом коде и предопределенности, я горько усмехнулся. Чего толковать, мой дедушка Аврум никак не укладывался в кассу метранпажа. Он был не из той войны. В 18 лет пошел добровольцем на Первую мировую, и вернулся в родную Одессу, на толчок, в 1917 с простреленной в наступательном бою рукой.

Инвалид Первой мировой попросился и на Вторую тоже добровольцем. Правда, уже не из Одессы-мамы, где в топке великого голода двадцатых годов сгорели от истощения его отец Шимон и новорожденный сынишка Мишенька. Малыш, в отличие от древнего цадика, скончался, можно сказать, в полном недоумении, обхватывая ручонками грудь своей мамы, впоследствии моей бабушки Иды, иссохшую — ни капли молока — грудь-кормилицу.

На Вторую мировую дед Аврум попросился из недр ГУЛАГа.

«Готов жизнь отдать за товарища Сталина. Чем такая жизнь, так лучше погибнуть на фронте»,— писал он простреленной рукой, притоптывая в такт слов изувеченной на лесоповале ногой. Писал под диктовку Уполномоченного Органов, управляющих его подневольной долей. Просьбу уважили. И досрочно, весной 1944-го, выпустили из Соликамска, щедрого на смерть лагеря. Но медицинская комиссия забодала старого, под пятьдесят, солдата. Рука на перевязи. Нога, переломанная в колене упавшим деревом, вывернута диким образом, лицом к пятке, будто смотрит не на передовую, а в тыл.

И дед Аврум вместо фронта попал в Оренбург, тогда Чкалов, охранником на 245-й авиационный завод. Здесь, в слесарном цехе, обе его дочки Рива, моя мама, и Беба, ее сестра, жена Абрама Гросмана, тоже законного внука Молдаванки, вкалывали с опережением плана в одесской бригаде жестянщиков моего папы Арона. Эта славная семейка клепала подогревы и бензобаки для бомбардировщиков дальнего

следования, которые утюжили крыши Берлина. Им же за ратный труд выделялась на всех троих в заводской столовой одна тарелка стахановского супа, где крупинка крупинку догоняла. Суп полагался только бригадиру, то бишь моему папе Арону, а простые рабочие, жена его Рива и ее сестра Беба должны были давиться сухим хлебом. Впрочем, процесс насыщения был рационализирован, и суп зачастую использовался в качестве вкусового размягчителя для хлеба. Он так же, как и стахановский суп, отпускался по карточкам, 800 грамм работающим, 400 иждивенцам и детям. А иждивенцем в этой мишпухе числилась разве что бабушка Ида, детьми же — ее младшая, девятилетняя дочка Софочка, мои сестры шестилетняя Сильвочка и трехмесячная Эммочка, скончавшаяся, правда, вскоре после получения карточки на питание от воспаления легких, а также, впритирку к ним, трехлетний Гришенька Гросман, умудрившейся родиться в Одессе под бомбами 25 июня 1941 года.

Чтобы не сдохнуть от щедрот государства, ломающего хребет фашизму с попутным исправлением сутулости своего народа, необходимо было найти Ангела-хранителя. На эту роль вызвался Гришин папа Абраша Гросман. Он устроился электриком на хлебокомбинат. И по этой причине приобрел связи, полезные для внедрения своих домочадцев, земных авиаторов, в пищевую промышленность. Одесская бригада жестянщиков моего папы Арона после дневной смены отправлялась на ночную. На комбинате они изготовляли железные формы для хлебной выпечки. Вознаграждением за труд служили обрезки хлеба, позволительные для выноса через проходную. Эти обрезки шли в пищу, а истинный хлеб, получаемый по карточкам, на продажу. На вырученные от продажи хлеба деньги покупали картошку. А очистки от картошки, с глазками и без, сдавали для огородных и прочих нужд местным домохозяйкам. В обмен на катушку ниток. С помощью этих драгоценных ниток моя бабушка Ида Вербовская на швейной машинке превращала старые юбки в новые платья и курточки. Товарно-денежные отношения нашей семьи с враждебным ей миром укреплял мой папа. За счет баяна, когда играл популярные мелодии на базаре, привлекая покупателей к прилавку с кустарными новинками ширпотреба бабушкиного производства. Или за счет ботинок и сапог. Их точал, покачивая меня в люльке, в свободные от основной работы часы или в редкие выходные. А свободных часов у него тогда, в Чкалове, на улице Ворошилова, 49, выпадало крайне мало, как, впрочем, и всю жизнь. Или он вкалывал на заводе, по две смены. Или спорил с инженерами и технологами, отстаивая свои изобретения и рационализаторские разработки. Или, виртуоз баяна и аккордеона, выступал на сценических площадках Одессы, Москвы, Риги. Или сочинял музыку, в основном, фрейлехсы, а к ним и поэтические тексты.

Трудовую деятельность, как вспоминал с долей юмора мой папа Арон, он начал, едва научившись ходить. Лет семи он уже мастерил хлебные формы в знаменитой булочной Бенчика. Почему знаменитой? Потому что за ту же маленькую цену у Бенчика можно было купить самый большой в Одессе хлеб. Откуда пошел этот слух? Слух этот шел по Одессе на ногах моего юного папы. Бенчик оплачивал его труд не деньгами. Хлебом. Для подручного своего Арона он выпекал особую буханку, размером с упитанного младенца. И когда папа направлялся в обнимку с пахучей сдобой домой, то все встречные спрашивали у него:

— Где в этой жизни, мальчик, ты достал такой большой хлеб?

— У Бенчика!

Что и говорить, реклама — двигатель торговли. И покупатели не обижались на Бенчика и тем более на моего смекалистого папу, убеждаясь в булочной: за маленькую цену большого удовольствия не увидишь.

В тринадцать лет моего папу Арона, с нарушением всех возрастных норм, приняли в профсоюз и назначили бригадиром жестянщиков. В двадцать один, в тридцать

четвертом, он уже работал в Кремле. Да-да, в том самом, где никогда не гас свет в окне товарища Сталина, как писали стихотворцы.

В Кремль папа попал, будучи проездом в Москве. В 1933-ем, в пору очередного голода в Одессе, он повез свою старшую сестру Бетю в Биробиджан. Там намеривались создать родину для теплокровных евреев непрошибаемого по крепости мозгов Советского Союза. Если Россия родина слонов, справедливо задавались вопросом башковитые аппаратчики, то почему медвежий край не родина для евреев?

«Родина! Родина!» — закричали в Одессе люди еврейской национальности, состоящие из супного набора — костей, сухожилий и хрящей. И кинулись на берега реки Биры за толикой калорий, чтобы нарасти мясо на скелетном каркасе тела.

Оставив Бетю обживаться в таежной глубинке, мой папа Арон двинулся на заработки в Копай-город — так по-простецки называли дальневосточники Комсомольск-на-Амуре. Наяву мечта зодчих Светлого Будущего представляла собой всего лишь землянки и великое множество замерзающих повсеместно ударников труда. Папа сразу сообразил, что пламенные речи вербовщиков — ничто по сравнению с «буржуйками». И стал изготовлять железные печки, с выходной трубой-дымоходом, обогревать Копай-город, уснувший в глубоких снегах. В знак благодарности за выживание комсомольская стройка одарила его брюшным тифом и, погрузив бесчувственного баяниста-жестянщика в эшелон, отправила по рельсам умирать в неизвестном направлении. Тут папе и подфартило. Он и впрямь сделал остановку в самой настоящей коммуне, где все бесплатно. Но предварительно очухался от тифа, привычно победив нутряной жаждой жизни отупляющий зов смерти. Попав ненароком в Москву без копейки в кармане, он с попутчиком своим Степкой приступил к поискам работы. На доске объявлений прочитали: «Требуются кровельщики-жестянщики».

Обратились по адресу.

Их приветили. Посадили в машину с конвоиром. И доставили в Кремль. В Кремле сопроводили на чердак. И там, на чердаке, доверительно сообщили: «Крыша у нас поехала. Когда сбрасывали царского орла со шпиля, он пробил дырку в кровле, ее не заделали, вот крыша у нас и поехала». Папа внимательно выслушал кремлевского завхоза. И согласился: крыша у них действительно того... Это надо же, крыша у них, почитай, поехала прямиком с семнадцатого года, с самой революции, когда скидывали орла наземь, а спохватились только сейчас и бросились на поиски специалистов. Излишне говорить, мой папа был большой специалист по кровельному делу. В Одессе с тридцатых годов жестяная крыша его работы украшает Первое артиллерийское училище, если ее еще не украли. Наш фамильный знак можно встретить в Кракове и Варшаве, на островерхих кровлях костелов. Увековечен он дедом моим Фроимом, а до него и прадедом Арн-Бершем. Еще в 19 веке. Эти люди являли собой настоящих мастеров молотка и ножниц. Они выезжали из Одессы на трудовой променад в Польшу, получая, как некогда маститые живописцы Возрождения, персональные приглашения из мэрии или от именитых горожан. Вот и в Москве все вышло по правилам. И мой папа Арон, не нарушив семейных традиций, благосклонно принял приглашение отремонтировать крышу Кремля не от кого-нибудь, а от Самого... Имя, честно сказать, он не помнил. Да и кто вспомнит теперь этих репрессированных завхозов Советской власти?

Распрощавшись с работодателем, мой папа приступил со Степкой к починке прохудившейся кровли. Работали с огоньком. Степке от того огонька прикурить захотелось. Ан не прикуришь, когда папирос нет в наличии. Тут и время обеденного перерыва приспело. Кушать хочется, а денег нет.

Что делают люди, когда им хочется кушать? Идут в столовую. Даже без денег.

— Может, какой газеткой перекроемся и хлеба пожуем на халяву,— предложил Степка, выманивая папу моего Арона с чердака на аппетитный запах.

Столовую нашли. Газету тоже. Перекрылись газетой, будто шибко грамотные, и давай потихоньку хавать. Тут подбегает к ним официантка, вся такая упитанная, в кружевном передничке, с бархатным голоском.

— Что вам подать, того-этого? Не гоже хлебцем хрумкать по-сухому, без сопровождения борщеца с капустой и мозговой костью.

Раскраснелся папа мой Арон от стыда. Раскраснелся Степка.

— Денег, дамочка из пищеварительного треста, нема у нас. Ну, ни копейки грошей!

— А денег и не треба,— расщедрилась девица.— У нас тут полная коммунизма. Мы и без грошей кормим от пуза.

Степка тут же заказал на двоих. От пуза. И от щедрот дарового коммунизма. Чего только он не заказал, вспомнить — удавиться можно в последующие голодные, а они всегда при советской власти голодные, годы. И борщ заказал. С капустой и мозговой костью. И котлет заказал. Картошку в мундире. И репчатый лук. Чай заказал. Конфет-монпансье заказал. Коробок спичек. И четыре пачки шикарных папирос. Все заказал, что душе угодно.

Помнится, пресекал я папу на этом царском заказе и спрашивал, почему он вернулся в Одессу, в отличие, скажем, от Ойстраха и Утесова, Ильфа и Петрова, Маргариты Алигер и Семена Кирсанова? Почему не остался жировать на бесплатных хлебах в хозчасти Кремля, куда был приписан в ходе реставрации поехавшей у большевиков крыши?

И он мне отвечал, разумно и обстоятельно:

— А где бы тогда был сегодня ты? А Сильвочка? Боренька? И кто бы женился на твоей мамочке Ривочке, если бы я остался в Кремле? Брежнев? Да и жив ли я был по тем погодным условиям, если бы остался в Кремле? Может быть, со всеми своими музыкальными и техническими способностями я бы стал не братья Покрасс и не Микоян — Гуревич, на военном языке МИГ, а пропал бы на темных задворках ГУЛАГа, как Мандельштам. Кто знает? А так я знаю, что благодаря изобретенным мной подогревам, бомбардировщики, не обмерзая, долетали на большой высоте до Берлина. И пели Гитлеру небесную-заупокойную: «Нам сверху видно все, ты так и знай». А Герингу, который сказал, что съест свою шляпу, если одна бомба упадет на Берлин, я бы эту шляпу засунул сначала в задний проход, а потом в рот. Пусть скушает ее с нашей начинкой.

Семейные истории, как и вселенские, не терпят сослагательное наклонение.

Арон, сын Фройки, вернулся из Москвы в Одессу. Стал работать на заводе, а по вечерам играть на баяне в парке Шевченко. Влюбился в красавицу-медсестру Ривочку Вербовскую, закончившую школу на идиш, медицинский техникум на украинском и бегло говорящую по-одесски на русском — языке своего бессмертного земляка Пушкина. И сделал ей предложение после того, как она сделала ему безболезненный укол.

Девушка не устояла в свои шаткие восемнадцать лет от предложения выйти замуж. Жених — первый сорт, представительный человек с множеством талантов: метр восемьдесят семь ростом, 96 кг весом, атлетическая фигура с накаченными на кровельных работах мышцами, чемпион Одесского порта по боксу 1931 года в тяжелом весе, популярный в городе музыкант, сочинитель доступных пониманию стихов, начиненных юмором. Ничего больше и не надо для полного счастья!

В 1937-ом папа женился. В тридцать восьмом родилась Сильвочка. В 1940-ом папа, дефелируя по Одессе сразу с двумя молодыми женщинами, женой Ривой и ее младшей сестрой Бебой, встретил у кинотеатра заводского приятеля Абрашу Гросмана.

— Какие чудесные девушки! — сказал вместо приветствия Абраша, не скрывая вспыхнувшего в сердце восхищения.

Надо отметить, он заметно хромал, правда, без особой выразительности, на правую ногу. Этот недостаток, при несомненных достоинствах левой ноги, искупал внешними данными: роскошной гривой, обаятельной улыбкой, быстрым на различные комбинации умом. И все это великолепие увенчивала редкая по тем глинобитным временам, но чрезвычайно модная профессия электрика. Совсем кстати у Абраши на руках оказались лишние билетики, а в грудной клетке щедрое на подарки сердце. И он, «не отходя от кассы», тут же потерял голову от неземной красоты мадмуазель Бебы Вербовской. «По выходе из сеанса» сделал Бебе на месте, людном месте, между прочим, признание в нержавеющей до старости любви. И повел было ее мимо родительского дома в ЗАГС. Но тут им перегородил дорогу дедушка Аврум Вербовский, уже с простреленной рукой, но еще не хромающий. Он увидел хромающего Абрашу, не представляя, что так будет выглядеть и его будущее после лесоповала, и, рассерженный по причине хромоты незваного жениха, вознамерился отказать ему в руке и сердце дочери.

Но если Абраша Гросман говорил: «Хочу жениться», он непременно женился. И таки он женился на Бебочке Вербовской ровно в 1940 году, чтобы старший его сынок Гришенька исхитрился-выскользнул из материнского лона прямо под немецкие бомбы 25 июня 1941 года. Точно в тот день, когда мой папа Арон получил официальное письмо-извещение из Москвы, из Государственной фирмы грамзаписи о том, что его фрейлехсы одобрены взыскательной комиссией, включающей в свои ряды чуть ли не Михоэлса, и обретут теперь новую жизнь, будучи представлены на авторской пластинке в декабре 1941-го.

Ну а дальше? Дальше еще та музыка. Эвакуация. Южный Урал. МТС. 245-ый авиационный завод. Передислокация в 1945-ом в Ригу, где на улице Барбюса, 9, военный завод переименовался в 85-й ГВФ и разместился в цехах бывшего винно-водочного предприятия, что немало способствовало перевыполнению плана и повышению энтузиазма рабочих, которые приноровились скрытно добывать лакомые напитки из винных подвалов.

Дальше, в 1947-ом году, 20 февраля, через восемь месяцев после появления на свет Лени, второго ребенка, Беба умерла из-за отказа почек, и моя мама Рива выкармливала его той же грудью, от которой отлучала меня незадолго до смерти сестры.

Абрам Гросман, к слову мистическому в подверстку, пережил Бебу ровно на 40 лет, как мой папа дедушку Аврума, и плюс к тому еще шесть дней. Он умер в Таллине 26 февраля 1987 года. Но какой потаенный смысл в этих шести добавочных днях? Однако, если представить себе, что он был старше Бебы на шесть лет, а на том свете не иначе, как день за год, тогда все логически укладывается в какую-то, недоступную нашему разуму систему, этакую космическую мозаику. Так это или не так, не нам судить. Нам помнить!

Дальше, в 1948 году, перед уничтожением еврейской культуры, Советская власть облагодетельствовала моего папу Арона знаком «Отличник Аэрофлота», приравненном в авиационной промышленности к иному ордену. А в 1953-м, уже не пряча оскала саблезубого тигра, собиралась объявить его же, не слезающего с Доски Почета, вредителем. И намылилась отправить всех нас туда, куда Макар телят не гонял. Бог помог. В Пурим. И Сталин скоропостижно отдал Ему душу. А нас оставили сидеть в растерянности на подготовленных к выселению из квартиры чемоданах. По сути дела, оставили в живых. Наверное, потому я и люблю этот праздник. Наверное, и мой сын Рони не случайно родился в Пурим. И не случайно здесь, Иерусалиме. В день, когда обильно шел российский, можно сказать, снег. И не случайно в Пурим 1980

года. Сложим цифры. 1+9+5+3 = 18. 1+9+8+0 = 18. 18 на иврите, в буквенном значении, дает слово Хаим, мое имя по-еврейски, значащее в переводе на доступный язык — ЖИЗНЬ. Случайна ли череда этих совпадений? На мой взгляд, не случайна. Да здравствует жизнь! Она тоже не случайна, если ее можно назвать жизнью.

Дальше, в 1977 году, мои родители уехали из Риги в Израиль, в Кирьят-Гат, оставив на еврейском кладбище дедушку Фройку и бабушку Сойбу, урожденную Розенфельд, дедушку Аврума Вербовского и мою тетю Бебу Гросман, а на старом еврейском в Одессе моих прадедушек и прабабушек Арн-Берша с женой и Шимона Вербовского с женой Эстер.

Здесь, в Израиле, папа, нежданно для себя, почти в восьмидесятилетнем возрасте, стал снова из баяниста-аккордеониста композитором.

Как известно, все новое, это хорошо забытое старое. Памятуя о том, мой брат Боря, саксофонист, кларнетист и оранжировщик, создав Иерусалимский диксиленд, переозвучил папины фрейлехсы тридцатых годов на самый модерный лад. И повез их после триумфального представления на сцене Иерусалимской академии музыки, где преподает джазовое искусство, на международный фестиваль в Сакраменто, США.

Папа, если серьезно, в его тоне, говорить по существу проблемы, рекомендовал маэстро Боре сделать пересадку в Одессе, там лучше поймут и оценят музыкального младенца шестидесяти нержавеющих лет. Оно и понятно. По его, папиным убеждениям, на Дерибасовской, где открылася пивная, играли на трубе, медных кастрюлях, дедушки его Арн-Берша производства, и даже двуручной пиле задолго до Нью-Орлеана. И причем не как-нибудь натощак, а в сопровождении диких кошачьих визгов. В Америку же все это музыкальное богатство завезли штатовские моряки, не знающие при наличии воровских замашек, что еще такого ценное можно украсть в городе, называемом Жемчужиной у моря, когда в нем уже побывала на променаде Сонька — Золотая ручка.

Но факт есть факт. На творческом мосту, перекинутом через десятки лет, каким-то мистическим образом, в соитии еврейских мелодий и модерных ритмов, родилось новое джазовое направление «Дикси-фрейлехс», и несло оно на себе, как и древние крыши Кракова и Варшавы, фамильный наш, отличительный знак. Столь же мистически, не иначе, папины фрейлехсы, прозвучав первый раз над Сакраменто в 1991 году на всемирном марафоне диксилендов, были восприняты публикой просто-напросто восторженно, и затем, согласно проведенному опросу, признаны там самыми популярными композициями, своего рода открытием фестиваля. И слушатели вызывали на бис новоявленного по их представлениям композитора, преисполненного творческой смелостью и молодым задором. А он, находясь на пенсионном довольствии в Кирьят-Гате, узнавал об этих вызовах со слов Бори и его оркестрантов. Так было в 1991-ом и в 1993-ем, в 1996-ом и в 1998-ом, вплоть до 2001-го года, когда папа и захоти даже выйти на приветствия, не мог уже осуществить это позднее желание... по вполне уважительной причине.

Он умер девятого мая, ровно через сорок лет после моего дедушки Аврума, не дожив Всего Трое Суток до своего Дня рождения — до восьмидесяти восьми лет. И покоится невдалеке — по земным и небесным понятиям — от своей жены Ривы и от Иды Вербовской, жены дедушки Аврума и моей бабушки.

Воля небесная? Воля земная? Или скрытая воля войны?

Александр Шерстюк
(г. Москва)

ИЗ ЦИКЛА «СКАЗЫ-КОРОТЫШКИ»

Родился 18.3.1941 г. в с. Пятовск, край Стародубье, Брянщина. Окончил горный техникум в Донбассе (1959), МВТУ им. Н.Э. Баумана (1967). Трудовая деятельность: в шахтах, оборонных НИИ, издательствах. Автор нескольких книг стихов, малой прозы, словаря «Говор Стародубья», краеведческой книги «Зеленая ветвь Москвы», многих публикаций в периодике. Член Союза писателей России (2000), Союза журналистов России. Дипломант XIII Международного Волошинского конкурса (2015). Живет в Москве.

ТРИ РУБЛЯ ОТ ЭСМЕРАЛЬДЫ

Ехал я однажды на своем «жигуленке» по магистрали Гомель-Брянск, тогда, в 80-х, еще, сравнительно с нашим временем, мало... чуть не сказал малолюдной, но правильней все-таки — маломашинной. Магистраль эта проложена так, что небольших районных городов едва касается, а деревни и вовсе остаются где-то далеко в стороне, видны только стрелки указателей поворотов к ним с километрами. Зато любуйся пейзажами сколько хочешь. А в одном месте я даже заприметил ветряную мельницу, старую-престарую, выцветшую, уже и без перьев на крыльях, то есть без полотна, лет тридцать стоящую без работы из-за внедренного электричества, но все еще неразобранную, словно испанский памятник Дон Кихоту на земле русской.

И вот мое любование и задумчивость с ветерком прерываются: на обочине дороги стоит с поднятой рукой юная девушка, по виду цыганочка. Вообще-то я люблю ехать один, чтоб можно было без помех думать о чем-то своем. А тут — ну как не остановиться. Торможу, карета подана, открываю правую переднюю. Цыганочка садится. И пока она примерялась к ремню, вдруг — о, поймался на наживку! — выползает из кустов... тоже цыганочка, только очень древняя, настоящая старуха Изергиль. Пришлось открыть и ей, заднюю левую. Уселись, покатили. Девушки сказали, что ехать им совсем немного, километров семь. Действительно, очень мало, надо успеть что-то сказать сидящей рядом Эсмеральде. Я стал ей говорить, что с ее неземной красотой и грацией ей надо не по деревням шастать, по пыльным проселкам и улочкам, выманивая деньги у доверчивых, а выступать на сцене театра «Ромэн», я знаю Сличенко — хочешь, познакомлю, он возьмет тебя, ты станешь звездой... Изергиль из-за плеча — мне: «А хочешь, она тебе погадает?» — «Нет-нет, ему не надо, он сам все знает»,— открыла наконец прекрасный ротик Эсмеральда.

На самом деле никакого Сличенко я не знал, но при необходимости мог бы выловить и преподнести ему мою прелесть, я человек слова. Не только слова, но и дела. А поэтому не очень и врал. Преподнести руководителю театра именно невиданную

прелесть, хотя к цыганам отношусь так, как только может относиться я — человек, у которого цыгане в детстве стырили топор. Мы жили в лесном поселке, я двенадцатилетний, каждый день отправлялся в лес за дровами, с топором, конечно. А топор-то был уникальный — немецкий, трофейный, саперный, отец с войны привез. У этого небольшого топорика была такая сталь, такая сталь — я им гвозди перерубал. И вот как-то я оставил мой топорик на колоде, сам отлучился, а колода-то во дворе, а двор-то беззащитный, то есть беззаборный, прилегает прямо к улочке, по которой-то за день едва пройдет один-два человека, какой-нибудь сосед, и все. И вот я возвращаюсь к своей колоде, а топорика уже... тю-тю, нема. Кинулся туда-сюда, нет и все. Я к соседям: «Да тут две цыганки прошли». Цыганки прошли, но и время тоже прошло, кинулся искать цыганок, их и след простыл. С топориком они, наверное, ускоренным шагом промаршировали куда-нибудь в лес, благо, он рядом, к нам ужи во двор заползают, пьют молоко из кувшина, если мама не закрыла сковородкой...

Но это я вспомнил некстати, моя-то цыганочка тут при чем? Недолго я, однако, ей зубы заговаривал. Вот уже Изергиль просит меня остановиться, приехали, спасибо. Я взглянул на Эсмеральду. В печальном взгляде: нет, никаких театров и Ромэнов быть не может. Просто невозможно. Они снова пойдут по пыльным деревенским дорогам.

Когда стал отъезжать, положил руку на рычаг коробки передач. И вдруг увидел, что у подножия его, на резиновой гофре, лежит зеленая трехрублевая ассигнация. Тайная плата за проезд. Или явная благодарность за восхищение?

МОЛОТОБОЕЦ С ПОЛТАВЩИНЫ

Вдруг получаю письмо. Из далекого-далека женщина сообщает, что нашла в сети мой эмейл, мы земляки, учились в одной школе, правда она шла годом позже, а в моем классе училась ее старшая сестра Жанна.

Жанна! Вот это штука. Была, была с таким диковинным именем девочка. Такого имени не было, пожалуй, во всем районе, а не то что в нашей деревне. (Правда, были на селе два Жоржа, самые обычные рябые мужики, но почему-то не Егоры. Один из них, инвалид войны, был объездчиком, прозывали его Кибиткой, он хлестал пугой пацанов, забравшихся в колхозный, например, горох; умер он по ошибке — выпил, похмеляясь, кружку с керосином. Второй Жорж был у моего отца молотобойцем, сам гигант и молот пудовый. Так что с Жоржами дефицита не было. Но отставим этих бойцов ударного труда.) Жанна! Следующей Жанной, которую я по жизни встретил (прошло несколько лет), была лишь Жанна д'Арк, и то в учебнике.

С Жанной я не дружил. Была она какой-то отчужденной. Вообще она была не из крестьянской семьи! Приехали откуда-то они, странные люди, не крестьяне, поселились в хатке, нивой не занимались, отец Жанны стал работать, опять же, молотобойцем (Жорж-богатырь был уже потом). Ну и приходил он к моему отцу на дом, душевно были расположены. Помню стаканы с самогонкой (отец себе наливал полстакана этого напитка, вторую половину наполнял медом, размешивал, глотал — у него была жестокая язва желудка). Вели разговоры. Запомнилось поразившее: «Не хватает Пугачева! Пошли бы на Москву!!» — говорил отец Жанны. «Да-да!» — поддакивал мой отец.

Позже, когда я купил толстенную тетрадь и сказал отцу: «Опиши свою жизнь», он в своих записях среди прочего вспомнил, как его вызывали в район, допрашивали: «Что говорит твой молотобоец про политику? Отвечай!» Отец отвечал, что его напарник несет какую-то чепуху, будто был в Москве видел Ворошилова, Молотова. «Да хто ж яму поверя? Бреша ен!» — заключал отец. Следователь, вместо того, чтобы арестовать отца за неверие в демократию, записал его слова и отпустил дальше махать молотком.

А потом, тогда, в далеком 1953-м, семейка этого молотобойца-пришельца куда-то исчезла, растворилась, я лично, хоть и было мне всего 12 годиков, подозревал, что новая пугачевщина у нас надежно пресечена.

И вот, о, чудо, этот эмейл. Сестра Жанны пишет, что отец ее был танкистом, в Харьковском сражении в мае 42-го года попал в плен, из плена дважды бежал, но ловили, избивали. Освободили американцы, предлагали ехать в Америку, дескать, на родине тебя ждут лагеря, распишитесь собственноручно, сэр, вот здесь. Но бывший танкист Ветренко, до войны бывший парнем Ветренко с Полтавщины, собственноручно зачеркнул все пустоты на листе собеседования и подписал только то, что рассказал. Ехать за бугор, точнее, за океан, согласия не дал.

Его, конечно, наши органы обнюхивали со всех сторон. В итоге зачислили в категорию «противостоял фашизму» (нашли-таки немецкие документы, что бегал из плена). Если бы был просто пассивным, молчим уж о пособничестве, то в лучшем случае отправили бы восстанавливать шахты Донбасса (так отправили моего знакомого, бывшего узника Освенцима с татуировкой №77722 и звездой Давида, у которого всю родню немцы «пустили в трубу», а он выжил, потому как нужно же было кому-то таскать кирпичи). И вернулся Ветренко в свою семью, продолжавшую жить где-то в эвакуации, к двум своим невиданным девочкам, и поехали все вместе на историческую родину жены, в мою деревню. Девочки, как и все тогда, ели лебеду и возили в город продавать щавель, собранный в жарких лощинах, 5 копеек за пучок, столько же стоило стальное перышко, писать чернилами.

А потом подруга жены, работавшая в сельсовете, выкрала ее паспорт, и втихую по-быстрому укатили они в один из южных городов, где до войны жена работала в столовой, да и устроились там оба, он — электриком. Потом был съезд №20, пересмотр дела, в военкомате ему вернули ордена и даже предложили заново стать членом партии. Но он не захотел.

Обе девочки получили высшее образование. Родители давно умерли, Жанна тоже недавно, 76 лет.

Пожалуй, и, правда, врал молотобоец Ветренко, что видел живых вождей.

ХУДОЖНИК RONA В МЕЛЬБУРНЕ

Художник Rona в Мельбурне рисует портреты женщин в заброшенных домах. На голых стенах. И это впечатляет.

А у меня перед глазами пример противоположный.

Мария гордилась сыном. Сын выучился настолько, что в бандитские 90-е уехал в Торонто, получил хорошую работу в хорошей фирме, обзавелся домом и дачей на Гуроне, горнолыжным отдыхом в Альпах.

Мария каждое лето летала за океан, жила у сына. В России случайным собеседникам порой говорила: «А вот в Канаде...»

В России она жила в квартире, принадлежавшей сыну, ему дали ее бесплатно, пока он здесь аспирантурил и написал диссертацию всемогущему шефу. То есть дали за то, что бесплатно учили.

Себя Мария любила не меньше, чем все люди любят себя. Одну стену посвятила ego, повесила портрет своих юных дней, большой, в рамке под стеклом, сделанный с черно-белой фотографии, но художественно раскрашенный. И вдруг обнаружилось, что к портрету нельзя притрагиваться — напыленная краска осыпается. Здесь «притрагиваться» рифмуется со словом «трагедия». То есть Мария была ужасно расстроена. Идти к мужикам, которые схалтурили, не обсыпали лаком краску, дабы держалась, ей было страшно.

Мария приехала из провинции и ужасно боялась предъявлять кому бы то ни было, какие бы то ни было претензии. В Москве ее обманывали на каждом шагу, такой жизни она не понимала, но ничего поделать не могла.

Пришлось вмешаться брату, пойти в портретную контору и мягко потребовать перевыполнить заказ. Что было исполнено без звука и без денег, быстро и качественно. Больше портрет не осыпался. Мария была на нем в расцвете юных сил, поэт об этой фотографии писал: «...блоковский возвышенный запрос и в облике, и в облаке мышленья».

И вот Мария умерла. Сын квартиру продал. Пакуя наследство, несчетное число магазинных тележек свез на свалку, в том числе 8 толстостенных фотоальбомов, этапов большого жизненного пути — самолет не резиновый, все не впихнешь. Впрочем, фотографии были изъяты и уложены в пакеты.

Брат Марии пришел забрать лишние книги. На полу среди бумажного мусора он увидел смотрящий на него глаз Марии. Это был клочок ее цветного портрета, случайно не доехавший до помойки — был уронен.

Здесь слово «уронен» рифмуется со словом «рана».

И с художником Rona тоже.

СМЕРТНЫЙ ГРЕХ НА БУКВУ «ЗЭ»

Вы не знаете, какой смертный грех начинается на букву «зэ»? Тогда расскажу.

Жили-были Мария и Зоя.

Жили-дружили в одной комнате, пока учились в пединституте, в Смоленском, факультет историко-филологический. На каникулах ездили в гости друг к другу, обе были из одной области, брянские, сельские. Обе получили красные дипломы. А потом их распределили, но по-разному. Марии выпало работать в городе на Смоленщине, Рославль называется. Когда проходила преддипломную практику в этом городе, организовала в школе хор, школа стала более заметной, вот директор и написал в институт, чтобы Марию распределили к нему. А Зое выпала общая участь — поехать на три обязательных года на край Союза, в Таджикистан, учительствовать в ауле.

Расставшись, они переписывались. Здесь Мария в судьбе Зои сыграла свою филантропическую роль. Соединила Зою и рассорившегося с нею парня, все были из одной студенческой среды, написала им обоим убедительные письма. Ссора у них затянулась на год с лишним, и после института все уже жили в разных концах страны. Мария сумела найти такие слова каждому из них, что они и помирились, и потом съехались в России, и поженились, и понарожали детишек, и прожили вместе всю жизнь. А не написала бы Мария, скорее всего трещина между ними не склеилась никогда.

Вообще Мария умела писать убедительные письма. С такой распахнутостью душевной, что и в самых очерствевших натурах начинали пробиваться зеленые ростки. Переписывалась Мария со множеством людей, писала им, спутникам своей юности, не только вскоре после расставания, на свежести чувств, но и через десятки лет. А сказанное о филантропической роли — это не только о вербальном уровне. Нет, Мария всю себя отдавала людям, тому примеров множество, но идем дальше.

На восьмом десятке Мария стала писать книги. «Жизнь моя, или ты приснилась мне» — так называлась одна из книг, это же название подходит для всего сериала. Книги о своей жизни и, конечно, обо всех-всех. Книги со множеством фотографий — о, этих фотографий у Марии было с десяток толстых альбомов, она ценила запечатленные миги. Издавала книги небольшими тиражами, для раздачи действующим в них лицам. Послала и Зое.

И вот здесь наш контрапункт. На Зое споткнулась Мария, так неожиданно. Рассказывая в книге о своей подруге, Мария употребила слово «упорство». Своим упор-

ством Зоя в науках добилась отличности в учебе. Своим упорством в гимнастике добилась кандидатства в мастера. В ответ Зоя прислала: «Ты мне больше не пиши».

Да, именно так: «Ты мне больше не пиши».

Так 77-летней Зоей была предана 60-летняя преданность Марии ей. А разве виновата Мария, что у нее не было склонности к гимнастике, но был голос. Всю жизнь она пела и сольно, и учила других не только истории, но и петь. Она хотела петь со всеми.

УТОНУВШИЙ В ПОЖАРНОЙ ПЫЛИ

Марк Григорьев — поздний журналистский псевдоним Марка Григорьевича Шпильберга. Я с ним познакомился в 1961 г., мы оба учились в МВТУ им.Баумана, оба сотрудничали в институтской многотиражке «Бауманец», которой я, по тогдашней актуальности, придумал псевдоним «Женьминжибауманец». Голос у Марка был густой, иерихонский, а сам он был щупл, светел, по типажу походил на другого Марка — Бернеса. Еще заметен был он тем, что евреев в Бауманку не принимали, а тут на тебе, да еще с такой «высокогорной» фамилией. Я знал, что он из подмосковного города с ужасным названием Электросталь. Расхваливал он вышедший тогда лихой американский фильм «Великолепная семерка». Когда его в чем-нибудь упрекали, отвечал: «Но я же хороший!» Помню, он опубликовал стихи, где были такие строки:

Алибекский ледник —
он легенду хранит
про абрека Али,
конокрада Али,
утонувшего в снежной пыли.

На Кавказе, в Домбае, у бауманцев была база отдыха. Ледник неподалеку.

Учились мы на разных факультетах и курсах, Марк шел года на два раньше меня. О нем рассказывали, будто бы в общежитии в Измайлове он, находясь у друзей, учинил хохму: изготовил чучело человека, привязал к нему бутылку с красной краской и посреди ночи выбросил из окна высокого этажа, с диким воплем. Была весенняя сессия, студенты не спали, многие окна общаги горели светом и были распахнуты в звездное мироздание. И вдруг душераздирающий крик и падающий вниз человек, глухой стук об асфальт, кровь... В общем, любил Марк яркие моменты жизни.

Однажды я ехал к приятелю — тоже студенту-бауманцу, тоже, как и я, из Донбасса, но жившему с женой на частной квартире. Собирались что-то отметить, у меня была бутылка коньяка. И вдруг вижу в трамвае Марка, приглашаю присоединиться. Приехали на Библиотечную улицу, стали смаковать коньячок и трепаться. Мы вспоминали шахты, Марк рассказывал про Казахстан, где он раньше бывал, про бешбармак, как его едят — «пятью пальцами»...

Как-то он меня наделил мохеровым шарфом — в то время очень модным, редким. Шарф мы располовинили, но вскоре мою коротышку украли в раздевалке студенческой столовой.

Потом жизнь закрутила нас в совершенно разных вихрях, мы не «пересекались». Когда в Бауманке появился Эдмунд Иодковский, который вел литобъединение и приводил на наши собрания разных уникумов, от Дира Туманного до смогистов, Марка уже не было.

Через много лет я увидел публикации Марка в журнале «Юность», он писал большие, с продолжением, очерки про стройку века — БАМ; видел что-то его я и в журнале «Рационализатор и изобретатель». Перо его уже имело псевдоним, но

«идентифицировать» было легко — в «Юности» печатали его пусть маленькое, но хорошо узнаваемое фото.

О трагедии 23 февраля 1991 года в Ленинграде я узнал из знаменитой в то переломное время телепередачи «600 секунд» Александра Невзорова. Было названо имя погибшего в огне, профессия, даже мельком показаны останки — что-то вроде груды пепла.

Потом разными путями я выведал, что Марк находился в Питере по заданию коротичского «Огонька», готовил статью по рыбной мафии, уже собрал материалы. Не было сомнений, что его убили и, дабы замести следы, устроили «большой костер». Пожар произвел сенсацию также тем, что в нем сгорела целая группа тушителей, тогда говорилось о 15. Писали и о том, что во время этого пожара спасли — спустили по пожарной лестнице Марину Влади, жившую в гостинице этажом выше.

БЕГЛИК ТАШ

Очарованный и пораженный, делаю я эту запись. В Болгарии привезли меня в место, у которого есть название, но нет объяснения. Находится это место в бывшей заповедной зоне, куда при прежней власти пускали только верховного правителя страны. Огромные тысячетонные булыги навалены в необъяснимом порядке на сравнительно небольшой площадке. Сравнительно с чем? Ну, например, с вашим двором вместе с детской площадкой, где особенно не разгонишься, или с чашей стадиона, где разогнаться можно, но по донышку. Булыги — разных размеров, на один из них можно взобраться, сначала по растущему рядом древу, а потом еще прошагать вверх, уже по склону этого камня. Охотников, готовых проделать это, мало, но некоторые подростки из поколения зацеперов таки залазят.

Камень называется по-научному сиенит. Официальное объяснение такое: образовалось это семь миллионов лет назад, когда взорвался вулкан. Странно, однако, что осколки вулкана не похожи на взорванный небоскреб. Они уложены архитектурно, композиционно, как-то сложно, вычурно. Одна группа характеризуется как самый большой дольмен на земле. Ну да, внешняя схожесть с дольменами есть. Но дольмены ведь сооружения функциональные, предназначались для захоронения, что-то вроде склепов, и возраст их не мильены лет, а всего лишь «старше египетских пирамид». А тут что? И форма сооружения такова, что народное его прозвание «Вагина». Говорят, здесь было фракийское святилище. В одном камне высечена выемка наподобие кресла — здесь был трон жреца, он вел действо с жертвоприношениями. Допустим. Но кто обтесал эти мегаосколки, скруглил, поставил друг на дружку всего двумя точками опоры или почти впритык, с узкой вертикальной щелью, так, что туристы могут вщемляться и подползать, чтобы сделать впечатляющие снимки,— кто это подготовил?

Мы знаем валуны, принесенные ледником на равнины Европы, будто специально разложенные здесь для нужд хозяйства. Одну громадную гранитную булыгу притащили в Санкт-Петербург и обтесали под «медного всадника». Тащили волоком, впрягшись, тысячи мужиков, обвязав скалу веревками и подкладывая бревна. Но Беглик Таш все-таки размерами сильнейше превосходит ту булыгу и не принесен, как утверждают очевидцы, ледником, ибо следов последнего здесь не обнаружено. Очевидцами я называю людей, которые смотрят на вещи очами науки, а не третьим глазом. Но как раз эти-то мужи ученые, хоть и приезжают сюда подзарядиться энергией язычества и укладываются на «брачное ложе», ничего толком про Беглик Таш сказать не могут. Возможно, потому, что простыней на ложе лежит слой оставленных монет — символа нашего меркантильного времени, где все покупается и продается, даже в святилище, даже у идолов.

Как непонятно и то, почему на входе в это заповедное место сооружена вышка для расстрела кабанов и оленей — неужели стрелявшие здесь, на семимиллионнолетней поляне, пришельцы из XX кровавого века свято блюли традицию — приносили свою жертву?

ЛИЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДУБЧЕКУ

Хороша страна Болгария.

Сидим в летней кухне в селе Маринка, что вблизи Бургаса. Ракия домашнего приготовления, форель, поджаренная на скаре. Хозяйка — молодая женщина, историк в школе. Ее дочь, ее копия — девойка Бажанка, завтрашняя, с 15 сентября, первоклассница, неугомонная, как ртуть, то и дело рвет наш разговор предложениями посостязаться. Сначала — в «борба» (рукоборство, есть такое жуткое слово — армрестлинг), всех уложила, потом в жмурки, потом еще во что-то... Бажанка неизменно выигрывала. Неизменно побеждала дружба — учтивость взрослых.

Спрашиваю хозяйку о предстоящем празднике 9 сентября — дне освобождения Болгарии от фашизма. «Как раз в этот день родилась моя жена»,— говорю, сам очарованный таким совпадением. «У нас сейчас пересмотрена история, отношение к этому дню изменилось»,— отвечает хозяйка... Секундная тишина, незримый щелчок, тема переключается. Обсуждать смысл исторических событий? Что Болгария, пусть без войск на советском фронте, но была в обнимку с Гитлером, отдавшись ему всеми ресурсами? Что потом было без единого выстрела советское присутствие и «стоит над горою Алеша»? Что теперь, когда Алеша назван оккупантом, жители Пловдива не позволили его снести? Зачем об этом спорить? Лучше пусть победит учтивость.

И мне вспомнился схожий разговор, давний, в конце 80-х. В Яблонце, в Чехословакии, я видел раненый угол кирпичного здания на центральной улице, отбитый выстрелом советского танка. Потом нас, двух залетных птичек из СССР, принимал мэр этого центра стразовой бижутерии, мы находились в его кабинете. Кинулось в глаза: там, где у нас в то время еще висело Политбюро в галстуках, здесь красовались короли в мантиях. Я спросил мэра, как он лично относится к Дубчеку. После событий 1968 года, когда, по шутке, наша дружба с ЧССР не знала границ, отправленный в отставку глава коммунистов этой страны доживал свой частный век. Из контактов с чешским рядовым окружением мне было известно, что люди с надеждой смотрят на начатые перемены в нашей стране. «Мое личное отношение к Дубчеку? — Официальное»,— ответил мэр.

Так мог ответить чудесный идиот Швейк.

И это понятно.

Так уж устроено людское сообщество — мало кто распахивает душу, не получив официального позволения.

ИСТОРИЯ С ИОСИФОМ

Еврейский вопрос едва ли не главный в моей жизни. Тысячу историй-пересечений могу рассказать, для начала хоть вот эту.

Иосиф Меерович Коган достался мне по-родственному. Хотя еврейских кровей во мне нет. Даром что мама была Моисеевной. Но ведь и хороший мой знакомый, игравший мне на аккордеоне, Михаил Моисеевич Кибкалов, Герой Великой Отечественной, сбивший 17 самолетов врага, не был этническим братом Михаила Моисеевича Ботвинника, героя шахматных баталий.

Впрочем, не знаю. Вот если генетики найдут ген пророка Моисея сначала в сы-

нах Израилевых, и потом найдут его во мне, крестьянском потомке со Стародубщины, и найдут в летчике, крестьянском потомке с Полтавщины, тогда теорема будет доказана, почему бы нет.

Ося Коган достался мне через сестру Марию, вышедшую замуж за Самуила Давидовича. Ося был ему двоюродным братом. И жили они в провинции.

И вот провинция двинулась в столицу. Получив золотую медаль за школу, Ося решил поступать в мою Бауманку, где я уже закончил три курса. Я одобрил, он приехал сдавать экзамены. И тут досада, первый же экзамен — физика — двойка. Какое там существительное можно образовать от глагола опешить? То, что мы пешки?..

Сказать по правде, я не был готов тогда к такому повороту событий. Я был наивен и слеп, не всматривался в среду, где находился. Да, после второго курса мы поехали на целину, а с нами отряд старшеклассников от подшефной школы №345, у них старшим был Саша Либерман, у него дядя был ректором университета в Израиле, и я как-то спросил его, куда он будет поступать после школы — в МВТУ? — «Только не в МВТУ»,— ответил он, а почему, не объяснил. Были и другие сигналы особого положения Бауманки, но я не обращал на них столь же особого внимания. В многотиражке вуза, где я стал готовить тематические полосы, главным редактором была Клара Аркадьевна Русакова, замечательный человек, и вообще русифицированные в Бауманке попадались, попадались...

В общем, завалить физику золотому медалисту — это был какой-то вызов, и я записался на прием к ректору. Прием был назначен дней через двенадцать, раньше никак. Ректор — он потом стал академиком РАН СССР, Героем Социалистического труда, лауреатом Государственной премии и пр., а тогда среди ряда важных титулов имел и такой — заслуженный деятель науки и техники. Все ему рассказываю: двойка никак *не заслуженная*, я, успешный бауманец, с этим абитуриентом занимался, золото его медали нефальшивое. Георгий Александрович Николаев, знавший все основные европейские языки, сказал мне ясным русским слогом: он может разрешить пересдачу, но ведь мой протеже уже *физически* (опять эта физика!) не успеет, осталось три дня, а экзаменов — пять...

На следующий год Ося поступил в железнодорожный, где раньше учился его братеник — вышеназванный Самуил Давидович, видать, там не было бауманских ограничений. Успешно окончил, стал работать в научном институте в Черноголовке, женился. Приезжал ко мне, упоенно читал наизусть Хайяма. Говорил, что лучше гор могут быть только горы. Увлекся он скалолазанием, покорял семитысячники, стал кандидатом в мастера спорта, шел к титулу «снежного барса». Показывал, как он может, вцепившись одними коготками, одной руки, повиснуть на скале — что я, при всем моем, никогда. Его мама, тетя Соня, и жена его оттаскивали от опасного увлечения, он даже дал слово, что вот поднимется последний разок и завяжет.

Разок этот стал для него действительно последним. Уже заканчивалась альпинистская экспедиция, уже день был последний, завтра возвращаться. Решили сделать его тренировочным — взойти на четырехтысячник, Тютюбаши называется. Сверху ему крикнули «Берегись!», голову надо было прижать к скале, а он глянул вверх, и тут ему прилетел привет от Всевышнего — сорвавшийся камень тютюкнул его романтическую баши. Возвратился Ося запаянным в цинк.

Здесь ему тоже не выпала пересдача.

ПОРТРЕТ ЛАВРЕНТИЯ

Поносили-поносили (от слова «понос») Берия, который «вышел из доверия». Но вот наступили («нас тупили») иные времена, взошли иные имена. Новые имена стали

Берию возносить — и бомбу он сделал, и жене не изменял (некогда было!), а если шпионил, то в пользу нашего прогрессивного лагеря, молодец.

А я вспоминаю свои личные отношения с Лаврентием. Было мне лет пяток, лежу я напротив печки на настиле с дерюгой и смотрю на стену хаты. Стена белая, поштукатуренная, и висит на ней портрет, величиной в половину меня. Портрет без рамки, без стекла, просто белый глянцевый лист бумаги. Прибит к стене *щикатурными*, как у нас их называли, гвоздичками — тонкими, длинными. Чтобы шляпки не проваливались через глянец, на гвоздики нанизаны многослойные бумажные квадратики, сложенные из газеты. Портрет этот принес из лавки мой отец, дали на сдачу вместо мелочи. Может, мелочь и была, но надо же выполнять план и по выручке, и по членам Политбюро. И то ладно: украшений в хате никаких, даже ни образка. Мой отец-коваль верил только в молоток и наковальню, да еще в свою молодость, когда был НЭП и красные девки, а образ «мы кузнецы и дух наш молод» был отчеканен на серебряных полтинниках.

Почему именно этот портрет, не знаю. Тогда если какие популярные имена произносились, то Ворошилов, Молотов, Штепсель и Тарапунька. А главным был другой, но его имя произносить избегали. Это вроде как древнего страшного Бэра называли описательно «мед ведающим», который однако оставил свои следы в языке — и в виде *берлоги*, и в виде *Берлина* с косолапым на гербе.

И вот лежу я под портретом и читаю под ним подпись по буквам, только-только сестра научила складывать звуковые кирпичики из азбуки: Л... а... Ла... вр... врен...т... тий... Пав... ло... вич... Бер... и... я...

Так я учился читать. Радостное было событие. Это помню. А вот, чтоб МАМА МЫЛА РАМУ — ей-ей, не припоминаю.

Игрушек в доме не было. Ни плюшевых, никаких. Но был-был у меня в детстве свой Бэр и... И был рядом маленький я.

ОКУРОК ВЫСОЦКОГО

Передаю, как слышал.

Моего знакомого Н., сейчас на пенсии известного археолога, а в молодости работавшего в «органах», направили в те времена в новый, недавно родившийся, пламенеющий красным квадратом эмблемы театр на Таганке, чтобы оформить на должность следящего за пожарной безопасностью. Ясное дело, следить надо было не только за вероятными источниками возгорания, но и за опасностью возгорания идеологического.

Прибыл Н. со своим наставником в театр, осмотрели закоулки здания, добрались до сцены. Там была группа актеров и среди них Высоцкий, начинающая восходить звезда. Поздоровались, представились. Тут Высоцкий, кончив курить сигарету, бросил окурок за сцену. Новый пожарник, еще даже не вступивший в должность, сделал артисту замечание. «Да пошел ты!..» — раздраженно буркнул Высоцкий, вроде даже послал незваного режиссера на три буквы. В тот же час Н. сказал своему наставнику: «Не хочу я здесь работать!..»

Выслушав археолога, я поведал ему свою забавную историю. На автобусной остановке девушка, выкурив сигарету, бросила окурок под ноги, на асфальт, хотя урна находилась в метре-полутора. Я был близко, сделал шаг к окурку и опустил в разверстый зев по назначению. Проделал это молча, на девушку и людей не смотрел. Но она видела, и все все видели. И хорошо, что видели. Девушка не смогла послать меня на три заветные буквы.

Яков Шафран
(г. Тула)

«ЖИВИТЕ С ДРАЙВОМ!»
(фельетон)

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

> *«...Благо равнодушным! Благо тем, которые в сердечной вялости находят для себя мир и успокоение! Личное их благополучие не только не подлежит спору, но может считаться вполне обеспеченным. А ничего другого им и не нужно. Но пусть же они знают, что равнодушие в данном случае обеспечивает не только их личное спокойствие, но и бессрочное торжество лгунов-человеконенавистников. И, сверх того, оно на целую среду, на целую эпоху кладет печать бессилия, предательства и трусости».*
>
> Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин,
> «Пошехонские рассказы»

Искусство лжи, процветавшее всегда, ныне — из года в год — становится все более и более легким делом. И целей для нее предостаточно, хотя понимают их далеко не все, озабоченные в основном своими, слабо осознаваемыми, но сильными желаниями и чувствами-эмоциями. Отсюда и мелкотравчатость насущных целей большинства современных людей. Скрыть часть зарплаты от домашних, скрыть двойку от родителей, обманным путем получить поощрение от начальства. Но чем дальше, тем все более и более за этой милой ложью проступает одна большая и всеобщая цель — получение в той или иной форме материального блага. А это и есть самая большая общечеловеческая ценность — ее величество прибыль.

А там, где есть величество, соответственно, есть и его служители. Про «мелкотравчатых» не будем, скажем лишь, что они всегда служили почвой для более крупных, вплоть до тех, кто этих «травоядных» поедает да приговаривает: «Все хотят есть и едят, и не моя вина в том, что у меня аппетит больше, чем у других...» Да, деньги, деньги... Чтобы их больше тратить, нужно больше зарабатывать, но зарплата ведь не резиновая, даже у тех, кто много получает. Есть, конечно, кредиты, ипотека... Однако их нужно отдавать. Расходы увеличиваются... Они загоняют многих в денежную петлю.

Простому же обывателю и невдомек, что он и есть начало начал сей всеобщей борьбы за прибыль и великой лжи ради ее получения. Он привычно чертыхается на теле- и радиорекламу, разные «Вестники здоровья» и листовки многочисленных фармацевтических фирм, на зазывания многочисленных распространителей и торго-

во-рекламных агентов, на вездесущее и вечно живое «Живите с драйвом!». Хотя его-то хотения, а также равнодушие и желание обманываться, и есть основа их неистребимого существования и активной деятельности. Чтобы денежный поток был изобильным и непрекращающимся, необходимо беспрепятственно залезать в карман своих «ближних». Это старо, как мир. Но гораздо практичнее и проще это делать опосредованно... «...Спрашивается: когда и какой бюрократ предлагал что-либо иное? — Никакой и никогда. Напротив того, не были ли они все и всегда на сей счет единодушны?»* Вот и у нас кое-где и кое-когда такое происходит, не правда ли?..

И идет наш обыватель по улице и, в один прекрасный день, замечает, что все тротуары на ней перерыты — вздыблена вся плитка на них. Сворачивает на другую улицу — та же картина. И на третьей, и на четвертой экскаватор крушит тротуар, а там, где ему не подступиться, ломом орудуют рабочие. Во всем городе меняют плитку. «Зачем? — сам себя спрашивает обыватель.— Лежала ведь нормально, не спотыкались, не проваливались... А раньше вообще асфальтировали — лет на десять хватало!»

Такая картина всеобщей великой перестройки тротуаров поневоле заставит обывателя представить себе, сколько же денег требуется для всего этого. И невдомек ему, озабоченному собственным существованием, а теперь еще и спотыкающемуся на каждом шагу из-за созданных рытвин, и вынужденному лавировать между кучами песка и мельчайшего гравия, сложенными штабелями новых плиток и сваленными в кучи же старых, инструментами и спешащими гастербайтерами, а также старающемуся не сломать себе ногу и не получить сотрясение мозга при падении, оступившись на остановках при посадке в транспорт, невдомек ему, что там, где для работы требуется много денег, их во много раз больше выделяется. Ибо существует, уже не общечеловеческое, а одно, истинно наше, старое российское занятие — «распил». «Спрашивается: когда и какой бюрократ имел что-нибудь сказать против этого? Когда и какой бюрократ не изнывал при мысли о лишней тысяче? Когда и какой бюрократ не был убежден, что Россия есть пирог, к которому можно свободно подходить и закусывать? — Никакой и никогда»**. А чем наш местный бюрократ хуже других? И он, стало быть, кое-где и кое-когда может. Не правда ли?..

Какое образное выражение — распил. Распиливать можно древесные, металлические, каменные и иные материалы. А можно «распиливать» и денежные средства, проще говоря — бюджет. А чтобы больше доставалось *заинтересованным лицам* от этого самого действа, необходимо, чтобы больше выделялось, а для этого нужно, в свою очередь, привлечь как можно больше *сильно действующих лиц*. И мало того, чтобы много доставалось, но еще желательно и как можно чаще — с плиткой особо не почастишь, конечно, люди потеряют терпение,— ну, так (по психологии) не чаще раза в три года, например. Поэтому и гастербайтерам поставили такие сроки, чтобы они торопились. А там, где спешка, как известно, качество не очень. Вот на три годика и хватит...

Тяжело обывателю ходить по таким улицам. Потому, наиболее ушлые, стараются дворами, дворами передвигаться. И тут... беда ведь одна не ходит,— в разных местах, но опять же по всему городу ямы, из которых идет пар — октябрь месяц, прохладно. «В чем дело?» — интересуется обыватель у рабочего, ставящего вокруг одной зияющей в земле ямы ограждение. «Трубы горячей воды ремонтируем»,— отвечает тот. «Как, все разом, везде?» — «Ну, да, отопительный сезон начался, а напора нет, значит, потекли...».— «Так ведь летом, а кое-где и весной, на две — три недели отклю-

* М. Е. Салтыков-Щедрин. Очерк «Новый нарцисс, или Влюбленный в себя» (1868 г.)

** Там же.

чали горячую воду для профилактических работ?!» — «То летом, а то сейчас...»,— глубокомысленно отвечает рабочий.

Идет наш обыватель из двора в двор — везде ямы, из которых видны трубы и пар, идущий от них, ограждения вокруг ям и фонари на них (которые по ночам, кстати, почему-то не горят...). Проходит месяц, другой... Уже и плитка везде уложена, а с ямами «воз и ныне там». «Ну, хорошо, починили трубы, а зарывать-то кто и когда будет?» — думает.

И опять же невдомек ему, не до конца, не до корней одурманенному несвойственной русскому человеку «общечеловеческой ценностью» —прибылью,— что кто-то, возможно, ждет, когда ударят морозы да повалит снег, чтобы отрапортовать, что неисправности, наконец, устранены и ямы пора зарывать. Ведь земляные работы зимой гораздо дороже, чем летом и осенью. А раз так, то и денег должно быть выделено гораздо больше, и пресловутый кровный и привычный распил будет несоизмеримо больше.

Невдомек... На том и стоим. И слава Богу, ибо если удивляться, то можно от удивления и в соляной столб превратиться.

Живите с драйвом, дорогие россияне!..

Николай Макаров
(г. Тула)

КРАСНОЗНАМЕННЫЕ АФГАНЦЫ

Наш постоянный автор, член Союза писателей России, Российского Союза ветеранов Афганистана, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ВЕРНОСТЬ ПРИСЯГЕ

Бондарев Геннадий Михайлович,
родился 05.08.1953,
умер 12.05.2011 в Туле.

— Михалыч!

Так к нему уважительно-дружески обращаются сослуживцы, которых у него за тридцать лет службы в Армии (в Советской Армии, в Российской Армии) великое множество. Сослуживцы, с которыми он прошел (два раза по два года) Афганскую войну. Хотя официально войны и не было, и законов военного времени не существовало.

— Только однажды (!) за все мои четыре года пребывания за Речкой,— вспоминает гвардии полковник запаса Бондарев Геннадий Михайлович,— офицер отказался идти в бой. Его не судили, его отправили в Союз, его уволили. По-тихому. Не тронь дерьмо...

Резко. Грубо. Прямолинейно. Не кривя душой. Да...

Он всегда такой: и в Киевском военном училище; и в Академии имени Фрунзе; и на должности командира 51 Тульского гвардейского парашютно-десантного полка; и будучи Военным комиссаром Советского района Тулы. За правду, за своих подчиненных он всегда был готов (почему — был? Он и сейчас не изменился!) идти до последнего, идти, не оглядываясь, с открытым забралом в штыковую атаку.

Он чем-то похож на Суворова: конституцией тела; взрывным характером; неуживчивостью за свою прямоту с начальством; бескомпромиссностью своих взглядов и суждений. Я с ним вместе служил и знаю о нем не понаслышке.

— Твой первый бой? — Задаю ему вопрос.

— Бригада, где я служил, сопровождала колонны с грузом по маршруту Кушка—Кандагар. Однажды, возвращаясь на место дислокации после проводки колонны, группа, которую я возглавлял, нарвалась на засаду. «Духи» с 60—70 метров расстреливали нас в упор. Командир роты, вопреки всем наставлениям, вопреки здравому смыслу, приказал личному составу спешиться с боевых машин и повел их в наступление на позиции противника. Как старший группы, я хотел отдать приказ: «Отставить!», но в последний момент понял, что во время боя, во время атакующего порыва моя команда была, как бы помягче сказать, не только ненужной, но и вредной. «Духи» от такой нашей наглости на мгновенье опешили, прекратив огонь. И этого мгно-

венья хватило, чтобы без потерь с нашей стороны решить исход боя, полностью разгромив противника.

— Красное Знамя? В Великую Отечественную войну этот орден очень высоко ценился среди красноармейцев — даже выше ордена Ленина.

— Опять группа, которую я возглавлял, возвращалась после проводки колонны. И опять на нас была устроена засада. Но я знал, что в этом районе, в ближайших двух кишлаках не должно быть много душманов. Спешившись с брони, мы — двадцать восемь человек вместе со мной — вступили в бой и стали теснить противника в сторону ближайшего кишлака по зеленке. Противник, отстреливаясь, стал медленно отходить по этой самой зеленке. Мы продолжали преследование. И вдруг меня как током поразило — эти «духи» затягивают нас в мешок. И «духов» не десяток-второй, а более двух сотен. Откуда их столько взялось стало ясно только после боя (отсутствовала информационная поддержка) — у мусульман принято встречать Новый год всей семьей: был конец марта, то ли 21, то ли 22 число и в кишлаки в свои дома к своим семьям собрались все воюющие с нами боевики. Паники не было, хотя как прорываться назад к оставленной броне было совсем-совсем не понятно. Ставлю одному командиру взвода задачу, чтобы он с солдатом попытался найти проход в этом шквале огня. И они нашли: по старому руслу арыка группа стала по-пластунски приближаться к оставленной бронетехнике, заняла круговую оборону. И тут, на наше счастье, показались два вертолета. Не наши вертолеты, то есть наши-то наши, но не нашей бригады. Молодцы летчики — сразу сориентировались в обстановке и за три захода, расстреляв весь боекомплект, намного облегчили наше положение. В этот момент разрывной пулей ранило в ягодицу лейтенанта, нашедшего сухой арык — нашу дорогу жизни. Кровь била фонтаном. Я потом спрашивал докторов — спасти его можно было только на операционном столе. Вечная ему память. Но отвлекся. Посылаю к бронетехнике командира гранатометного взвода, чтобы по рации запросил командира бригады о помощи, чтобы прислал нам на помощь батальон и вертолеты. Вертолеты прилетели и снайперски — до «духов» от нас было 40—45 метров — ударили по противнику. А батальона обещанного все нет и нет. Надвигаются сумерки. Тогда принимаю решение: двадцатью человеками открыть шквальный огонь, не обязательно — прицельный и прорываться во весь рост к бронетехнике. Шесть человек, также шквальным неприцельным огнем, прикрывают прорыв. Так мы и прорвались. Затем мы прикрывали оставшихся шестерых бойцов. Вынесли тела двух погибших — погиб еще один солдат во время прорыва; но «духов» положили в этом бою больше полусотни. Все валились от усталости, радостно обнимаясь с механиками, оставшимися у машин; воды — ни капли. Тут ко мне подходит один сержант, огромный сибиряк и говорит: «Командир, давай проучим этих «духов» — они сейчас не ждут нашей атаки: давай долбанем по ним штыковой!». Я чуть не прослезился, но сил у нас не было для подобной дерзкой наглости.

— А батальон, посланный на помощь, где оказался?

— Банально заблудился. Ты не пиши об этом.— Но как не писать? На войне не все — герои.— Командир батальона был в стельку пьяным — поэтому и заблудился. Наша группа на «подмогу» сама вышла.

— Михалыч, что-то ты говорил о кознях против тебя?

— Попросил меня как-то начальник строевой части принести ему с боевых часы «Сейко». Но я сам никогда не мародерничал, хотя солдатам не запрещал брать трофеи на поле боя и никогда не отбирал у них. Так прямо и заявил этому строевику, на что он ответил мне: «Не видать тебе больше орденов». На очередном совещании офицеров командир бригады спрашивает его, послал ли тот на меня представление на вторую Красную Звезду. Он как-то отвертелся. Через неделю командир бригады повторяет вопрос и, не услышав вразумительного ответа, объявляет начальнику строе-

вой части строгий выговор с занесением и приказывает ему срочно отправить на меня представление на орден Красного Знамени.

— Каковы перепутья судьбы.

— Другой раз комбриг приказывает мне вечером (а мы только начали отмечать чей-то день рождения), чтобы я завтра с одной своей ротой и ротой из другого батальона вышел на боевое задание — прочесать «зеленку». Задание пустяковое. Тем более, разведка донесла, что большого скопления противника в данном районе не замечено. Но я заупрямился, сказав, что пойду только со своими двумя ротами. Через полчаса споров, я все же убедил командира в своем решении, сославшись на шестое и седьмое чувство. Придя в свою штабную палатку, приказал своим подчиненным офицерам, под их негодующе-возмущенные стенания, перенести день рождения на завтрашний вечер, ибо с утра предстоит серьезный бой. На завтра подошли к «зеленке»: все тихо, все спокойно, никакого движения, никакого шевеления. А на душе тревожно, что-то сосет под ложечкой, муторно как-то. Отдаю приказ: одной роте развернуться в цепь справа, другой — слева, сам — с резервом в центре и всеми силами ударить по «зеленке». Не успели «духи» полностью оборудовать засаду, не успели: более шестидесяти их трупов потом насчитали, взяли много трофейного оружия, у нас — один легкораненый. Комбриг вечером сказал: «Тебе, Михалыч, пора в экстрасенсы подаваться».

...В конце восьмидесятых в «верхах» страны обсуждался Проект Постановления «Об амнистии бывших военнослужащих Ограниченного контингента Советских войск в Афганистане, совершивших преступления и оказавшихся в плену у афганской вооруженной оппозиции». Так вот, будучи командиром полка, Бондарев написал открытое письмо о резком несогласии с основными положениями Проекта Постановления дюжине депутатов Верховного Совета СССР (был, был такой высший законодательный орган когда-то Великой Державы) и в несколько центральных газет.

Под письмом 98 (девяносто восемь!) подписей тех, кто в огонь и в воду пойдет за своим командиром. И первая подпись его — гвардии полковника Геннадия Бондарева.

На это письмо, письмо — крик души офицеров и прапорщиков элиты Вооруженных Сил — не ответил ни один депутат, ни одна газета не напечатала кровью выстраданные строки.

— И сейчас вряд ли напечатают,— с грустью в глазах сомневается Геннадий Михайлович.

— Сколько было разговоров,— продолжает он,— о том, имели мы право воевать в Афганистане, или не имели. Имели! Мы принимали Присягу! Мы выполняли приказ Родины! Беда в том, что наше руководство, руководство страны, позволяет себе сомневаться в правильности принятия решений. И тогда, и сейчас. Дана команда: «Фас!» и будьте уверены мы, солдаты, ее всегда выполним! Не предавайте только нас, не отдавайте на растерзание и поругание Красную (Красную, Красную!!!) Армию, не дуйте в дуду западным приспешникам.

Он имеет право так говорить. И не потому, что на его груди пять орденов: Красного Знамени, Красной Звезды — два, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 2-й и 3-й степени, но и потому, что он — солдат, до мозга костей солдат и патриот своей Родины, гвардии полковник запаса Бондарев Геннадий Михайлович.

Михалыч!

В ТУЛЬСКОМ ЛИЦЕЕ № 2

Мой друг — Учитель ОБЖ (да, да с большой буквы Учитель) Мишка Алехин (хорошо, хорошо — Михаил Алексеевич Алехин) очередной раз пригласил меня выступить перед учениками лицея. На этот раз выступить на мероприятии (фу, как

официозно; лучше — на Дне памяти), посвященного Геннадию Бондареву, афганцу, гвардии полковнику, нашему сослуживцу по 106-й гвардейской воздушно-десантной (в наше время еще — не «Тульской») Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии, нашему другу и товарищу.

О нем — Бондареве — написано много, в том числе и мной: в газете «Побратим» (15.02.2009), в газете «Молодой коммунар» (31.07.2009), в моем первом альбоме «Мои афганцы» (2009). Именно у него первого брал интервью для этого альбома и, именно, это интервью с незначительными дополнениями вошло в книгу «Афганцы Тулы» (2014), и именно это интервью полностью привожу выше.

Что еще о нем рассказать лицеистам?

...Картина Дейнеки «Оборона Севастополя».

Он там, в первых рядах с винтовкой в беспощадной штыковой атаке встает на пути фашистской нечисти...

...Картина Бубнова «Утро на Куликовом поле».

Через мгновенье закончится поединок Пересвета с Челубеем. Бондарев тоже там, впереди всех, с православным крестом на груди, с непокрытой головой, в легонькой кольчуге-безрукавке с топором в правой и щитом в левой руке; сейчас он бросится на басурманскую погань, круша все на своем пути...

...Кинофильм «Офицеры».

Комэск Варрава в исполнении Ланового — тоже Бондарев — впереди страшной в своем порыве конной лавы громит басмачей...

И для него слова «Есть такая профессия — Родину защищать!» — не просто слова; это, если хотите,— не только смысл, но стиль всей его жизни.

...С гвардии подполковником Бондаревым я познакомился в конце восьмидесятых годов прошлого века: он — только что назначенный командир 51-го гвардейского парашютно-десантного полка, я — эпидемиолог дивизии.

Мне часто приходилось бывать с различными проверками во всех частях дивизии, в том числе и в родном 51-м полку, где я начинал службу батальонным врачом. С первых минут нашего знакомства я был поражен тем, что ко всем: офицерам, прапорщикам, солдатам командир полка Бондарев обращался только на «Вы». При нашей второй-третьей встрече я ему говорю:

— Михалыч, ты же знаешь историю своей страны, знаешь, что славяне обращались друг другу только на «Ты». Это Великий Святослав говорил «Иду на вы!», собираясь под корень выжечь ненавистный русскому народу хазарский каганат.

— Доктор, с тобой — на «Ты»,— он задумался, подбирая нужные слова.— С другими — на «вы»; военная этика не позволяет иначе.

...Апрель 1994 года. Гвардии полковник Бондарев — военком Советского района. Я — полгода, как в «запасе». Мой сын оканчивает школу, кстати, школу № 73, нынешний лицей № 2.

Захожу к нему в кабинет, естественно, с просьбой о сыне — «откосить», так сказать. Обнялись — радушие, улыбка на лице хозяина кабинета, радость от нашей встречи, я начинаю.

— Михалыч! Сын оканчивает школу...

Он понял сразу. Неуловимо на его лице — явно выраженная брезгливость, отчужденность, чуть ли не враждебность. Стараясь не замечать такой метаморфозы, продолжаю, как ни в чем не бывало.

— В раннем детстве сыну поставили диагноз, исключающий его службу в Армии. Как бы его, этот чертов, ни к чему не обязывающий диагноз, исправить в нужном ракурсе.

Опять радушие, опять улыбка от плеча до плеча. Вызвав, кого следует, отдает

распоряжение. Я в это время пытаюсь достать из «кошелька» десятилетней выдержки армянский «чай». Видя мои действия, Михалыч чуть не набрасывается на меня.

— Убери сейчас же. Чтобы в последний раз в моем кабинете, понимаешь.

В замешательстве запихиваю емкость в 0,5 литра обратно в «кошелек». А он? Вот, то-то и оно! Он открывает сейф и достает оттуда точно такую же емкость в 0,5 литра десятилетней выдержки армянского «чая». И две ириски достает. Пока мы ждали нужные документы, мы и умяли за обе щеки эти две ириски, запивая их армянским десятилетней выдержки «чаем».

Нет, если бы я попросил в тот раз об обратном, то есть, по настоящему «откосить» сына от Армии, он бы мне не отказал. Но... но тогда бы... тогда бы Михалыч был бы со мной только на «Вы».

НАШ ДЕСАНТНЫЙ ИЛЬИЧ

Иванов Владимир Ильич,
родился 19.04.1949.

Собеседник моложе меня почти на полтора года. Но и сейчас, и годы, десятилетия назад, проходя службу вместе с ним в 51-м парашютно-десантном полку и в штабе 106-й воздушно-десантной дивизии, не только я, но и большинство сослуживцев обращались и обращаются к нему коротко. По отчеству.

— Ильич!

Такой он солидный и обстоятельный, высокий, стройный, с огромной внутренней силой и невероятным душевным обаянием, настоящий б о м б а р д и р времен Петра Первого, что просто по имени к нему обращаться как-то и не уместно; по имени-отчеству — вроде ровесники, в одном, считай звании. Под стать мужу и его жена, представившаяся мне с манерами аристократки-дворянки не в первом поколении:

— Людмила Ивановна!

Они знакомы с пятнадцати лет. Оба — Питерские. Поженились после пяти лет знакомства, на третьем курсе его обучения, в день рождения, тогда еще не Ильича, а просто — Володьки Иванова. И девятнадцатого апреля девятого года (Светлый христианский праздник! — какое невероятное совпадение) — подумать только! — сорокалетие их свадьбы.

— Ильич,— задаю ему первый вопрос,— почему именно — артиллерийское училище? В Питере много, как сейчас говорят, более крутых военных учебных заведений.

— Первая причина: училище в десяти минутах ходьбы от дома; вторая — друг на год раньше поступил в это училище...

— И пропиарил его Ильичу,— смеется жена.— Третья причина: маршрут его возвращения со свиданий опять же проходил мимо этого училища.

— И скрытая, и прямая реклама — налицо,— заканчивает ответ на мой первый вопрос гвардии подполковник запаса Владимир Ильич Иванов.

Тринадцать лет, после окончания училища, от лейтенанта — командира взвода до майора — начальника штаба гаубичного дивизиона, Иванов прослужил в 1182-м гвардейском артиллерийском полку в Ефремове, районном центре на юге Тульской области.

— Была, конечно, возможность сразу и лейтенантом остаться в Туле. Двое моих однокашников так и поступили — им предложили, как и мне, должность командира взвода СПГ (СПГ — станковый противотанковый гранатомет. *Примеч. автора.*). Но я отказался — несерьезно артиллеристу командовать такой малой «артиллерией».

— В Тулу мы все же попали,— добавляет Людмила Ивановна,— в восемьдесят третьем году, в 51-й полк.

— А через четыре года,— продолжает Ильич,— я улетел в Афганистан, в Баграм, в 345-й полк командиром гаубичного дивизиона.

— И первая твоя награда — орден Красной Звезды?

— Проходила крупная армейская операция. Вертолеты высаживают десант. С трех вершин десант обстреливают «духи». Командир десанта по радио просит поддержки артиллерии и называет координаты. Громов — я тогда с ним первый раз встретился — приказывает нанести артиллерийский удар. А я вижу по карте, что координаты, которые назвал командир десанта, соответствуют координатам самого десанта (летчики-то перед этим доложили о месте высадки десанта) и докладываю об этом командарму. На его вопрос о дальнейших действиях помощи десанту и, главное, чтобы не накрыть своих огнем артиллерии, принимаю простое решение. По координатам, которые дал командир десанта, произвожу один выстрел дымовым снарядом, который разорвался недалеко от командира десанта, а по радио прошу трассерами из ДШК показать направление на господствующие высоты, где засели «духи». Остальное — дело техники.

Как у него все просто получается: «дело техники». Хотя, он же учился всему этому: законам математики, законам физики, законам баллистики, законам чего там еще, что нужно для меткой стрельбы «богам войны»?

— Орден Красного Знамени тоже — за стрельбу? За отличную стрельбу?

— За что еще? И таких орденов у меня — два: один — наш, второй — афганский. Помнишь про девятую роту? Проводилась масштабная операция «Магистраль». В районе Хоста одному батальону ночью срочно надо было спускаться с гор. «Грачи» вешают осветительные люстры — не в том месте. Вешают повторно — опять не в том месте. «Духи» наседают на наших, а наши не видят, куда надо спускаться. Запрашиваю координаты батальона и делаю выстрел осветительным снарядом, который разорвался точно над целью и осветил местность там, где было нужно. Потом и «Грачи» стали вешать свои люстры там же. И еще случай в окрестностях Хоста. На пути наших войск в одном кишлаке засели басмачи, но авиация никак не могла точно накрыть противника: ориентиров нет — сплошная зеленка. Тогда двумя дымовыми снарядами показываю края кишлака.

— Остальное — дело техники,— мы оба смеемся.

— Из Афганистана мы с командиром полка Героем Советского Союза Востротиным (кстати, на Героя его представляли три раза) выходили последними 11 февраля — наш 345-й полк прикрывал перевал Саланг, обеспечивая выход остальных войск.

— А знаменитые кадры перехода границы по мосту через Речку 15-го февраля?

— Парад, он и есть — парад.— Лаконично комментирует он.

— Ильич,— допекаю его вопросами,— у тебя же и еще есть орден: «За личное мужество»?

— Орден мне вручили, когда я был начальником разведки артиллерии дивизии,— он тяжело вздыхает,— за участие в наведении «конституционного порядка» на Северном Кавказе в девяносто втором — девяносто третьем годах.— Он опять тяжело вздыхает.— Тогда в Южной Осетии погибли два полковника. Ты должен помнить.

— Конечно: твой непосредственный начальник полковник Фролов — начальник артиллерии дивизии и полковник Алексеенко из штаба ВДВ. Поподробнее расскажи об их гибели.

— Не знаю: то ли боевого опыта у них не хватало, то ли не ожидали они столь решительных действий от мятежников. Находясь на своем КП и видя выдвигающиеся «Грады» противника на огневую позицию, они не смогли принять правильного решения, дать команду вертолетчикам, которые только этого и ждали, барражируя над ними. В результате залп «Градов» и... И результат ты сам знаешь какой. Хотя, это сейчас, за рюмкой чая, можно обо всем спокойно рассуждать и анализировать. В боевой обстановке, сам об этом не понаслышке прекрасно знаю, отсчет идет на мгновенья плюс ответственность за жизнь подчиненных давит неимоверным грузом.

Мы помолчали минуту. Стоя — третий тост. И крайние слова Ильича.

— Что меня больше всего поразило и там, в Афгане, и на Кавказе — восемнадцатилетние пацаны, а как они переживали за страну, за предательство наших, так сказать, «верхов». И нынешнее поколение восемнадцатилетних не все испорчено. Будет, будет и на нашей улице...

— Будет, Ильич, будет, кто бы сомневался.

ТУЛЯК В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Скачков Александр Ильич,
родился 23.07.1950 в поселке Птань
Куркинского района Тульской области.

В 1971 году окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное дважды Краснознаменное училище имени Ленинского Комсомола.

В 1971—1980 годах — командир взвода, командир батареи, командир роты, заместитель командира батальона, командир батальона 234-го гвардейского парашютно-десантного Черноморского ордена Кутузова 3-й степени полка (18.04.1996 года полку присвоено почетное наименование «Святого благоверного Александра Невского») 76-й гвардейской воздушной Черниговской Краснознаменной дивизии (Псков).

В 1980—1983 годах — слушатель Военной академии имени М. В. Фрунзе.

В 1983—1986 годах — заместитель командира 337-го парашютно-десантного ордена Александра Невского полка, начальник оперативного отделения 104-й гвардейской воздушно-десантной ордена Кутузова 2-й степени дивизии; в 1986—1988 годах — командир 328-го гвардейского парашютно-десантного полка (Кировабад).

С 20.04.1988 по 06.02.1989 — командир 317-го гвардейского парашютно-десантного ордена Александра Невского полка 103-й гвардейской воздушно-десантной ордена Ленина Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии имени 60-летия СССР (Кабул, Афганистан).

В 1989—1991 годах — командир 317-го гвардейского парашютно-десантного ордена Александра Невского полка, в 1991—1994 годах — заместитель с 1994 года — командир 103-й гвардейской воздушно-десантной ордена Ленина Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии имени 60-летия СССР (Витебск).

В 1995—1997 годах — начальник штаба Мобильных Сил Республики Беларусь. В 1997 году назначен командиром Мобильных Сил Республики Беларусь.

Генерал-майор. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями.

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

17 мая 2000 г. № 265

О ПРИСВОЕНИИ А. И. СКАЧКОВУ ВОИНСКОГО ЗВАНИЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА

Присвоить полковнику Скачкову Александру Ильичу очередное воинское звание генерал-майора.

Президент Республики Беларусь **А. ЛУКАШЕНКО**

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

«ШТОПОР»

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Подходит к концу срок моей действительной армейской службы. И все острее и чаще внутреннее «я» ставит вопрос: как же жить потом, дальше?..

События, круто изменившие мою судьбу, произошли около года назад; тогда я заканчивал первый курс высшего военного авиационного училища летчиков. То памятное лето выдалось на редкость жарким, и — как специально для полетов — постоянно безоблачное небо. В один из таких непривычно для августа знойных дней я в компании еще нескольких курсантов нашей летной группы праздно сидел в курилке — после предварительной подготовки к полетам второй смены. В казарму, на обязательный предполетный отдых в койках, мы не торопились: в духоте засыпаешь трудно, а то еще и всякая чушь в сновидения лезет. Вообще-то по времени дежурный врач — обладатель несерийного маслобака-живота — уже должен был нас разогнать по матрасам, но эскулап непонятно почему запаздывал.

Разговор в курилке, как зачастую у нас и бывало, в основном велся на авиционно-матерном сленге, который, чтобы нелетунам было понятно, по большей части опускаю, и все вертелся вокруг полетов. Вспоминали, как кто-то вчера закозлил: сбавляя скорость при посадке, перемещался по взлетке с отскоками, у кого-то лампочка в блоке индикаторов в воздухе беспричинно моргала, а кому-то осерчалый инструктор в причинное место авторучкой ткнул: не зевай, мол, курсуль! И вдруг даже не помню точно, кто именно, высказался про мусульманское поверье, будто судьба каждого из летчиков «записана на небесах пером Провидения» и коль уж тебе по этой записи определено гробануться — да хотя бы сегодня,— то никакое умение пилотирования не поможет.

Тут беседа неожиданно оживилась: каждый из нас принялся высказываться по этому поводу pro и contra. А один вообще заявил, что раз поверье это мусульманское, то на нас, христиан, не распространяется.

— Все это, господа будущие офицеры,— заявил, подводя итог, Валерка Градов, один из лидеров летной группы,— есть чепуха и даже без постного масла. Никто из вас лично не был свидетелем сверхъестественных случаев, о которых все так живо разглагольствуют, только ж это исключительно понаслышке...

— Да нет, конечно,— загалдели мы.— Но ведь столько говорят...

— Вздор! — оборвал галдеж Валерка.— Покажите не пересказчиков, а настоящих, реальных очевидцев подобных чудес. И если уж на то пошло, что кто-то всерьез допускает существование фатальной предопределенности, дамокловым мечом вися-

щее над всяким, зачем же тогда зубрить действия при особых случаях в полете? Зачем, спрашивается, катапульта и голова на плечах? Зачем вообще было выбирать рисковую профессию летчика-истребителя? С такими взглядами в кабине самолета просто делать нечего...

В это время, явно чтобы привлечь общее внимание, с лавочки поднялся до того не принимавший участия в разговоре Андрюха Сказкин. Картинно затянулся остатком импортной сигареты, щелчком артистично отправил бычок в урну — диск от автомобильного колеса, врытый посреди курилки, торжественно-спокойно оглядел присутствующих и снова сел.

Андрюха был рожден от смешанного брака. Мать-гречанка одарила его смуглой кожей, большими агатовыми глазами под крутыми ресницами, правильным античным профилем и черными, слегка вьющимися волосами. От отца же — потомственного москвича — сокурсник унаследовал высокий рост, худощавое телосложение и приятный бархатный голос.

Чуть ли не министром был отец у Андрюхи. И потому, когда его родители приезжали на церемонию принятия сыном военной присяги, комбат сам водил их по всей казарме, соловьем заливаясь об «идеальных условиях жизни курсантов». Именно тогда-то я и рассмотрел элитарных предков-«небожителей».

Характер Сказкина вполне соответствовал его неординарной наружности. Он первым лез через училищный забор в самоход, первым пил горючее — водку — за шторой окна в Доме офицеров в перерыве какого-нибудь культмероприятия, первым уводил понравившуюся девушку с танцев и в учебе тоже был первым.

От остальных курсантов Андрюха держался достаточно обособленно, не откровенничал и был сух с официантками летной столовой, хотя одна из них, симпатичная разведенка, прямо-таки таяла под взглядом агатовых глаз. Однако, услышав раз недвусмысленный намек на эту тему, Сказкин кисло поморщился, грубовато заявив, что хороший вор в своем квартале не ворует.

Была, впрочем, и у него своя слабинка, которой он не таил: страсть к игре на бильярде. Над зеленым сукном забывал обо всем, а шары катать предпочитал только на интерес; в крайнем случае, на щелчки.

Однажды вечером, когда Андрюха и Валерка Градов заканчивали в курсантском клубе очередную партию «американки», завыл сигнал «Сбор». Так в тот раз Сказкин чуть не силой удержал Валерку у стола, пока они не «добили» партию, и Андрюха — редкий случай — победу уступил. Тем временем эскадрилья построилась, экипированная для выхода в район рассредоточения, комэск в горячке костерил запаздывающего (Градов уже успел с тыла просочиться в строй), а Сказкин, наконец появившись после получения оружия, первым делом подбежал к Валерке и всунул ему в руки свой проигрыш — банку ЦИАТИМа, вареной сгущенки. И лишь расплатившись за игру и демонстративно игнорируя угрожающие крики комэска, занял законное место в строю.

Что ж, самоуверенности Андрюхе было не занимать. Тем более он точно знал, что под покровительством родственников, которые с верхних слоев тихо и ненавязчиво наводили погоду у сына над головой, ему сойдет с рук еще и не такое...

Со Сказкиным я попал в одну летную группу, и в нее же — Валерка Градов, курсант-холерик, а по-училищному — сперматозоид, у которого родитель тоже большой шишкой был. И началось у нас, троих, стремящихся быть лидерами хотя бы в нашем малом коллективе, тайное соперничество. В негласном противостоянии том уступал я обоим сокурсникам разве лишь в наглости...

Итак, Сказкин оглядел собравшихся в курилке — человек восемь, вновь уселся на лавочку и холодно улыбнулся кончиками губ, как бы подчеркивая, что он — су-

щество особенное и лишь по неведомой причине на минуту решил снизойти к «случайным жизненным попутчикам», дабы высказать кое-какие нам неведомые мысли, до которых успел дорасти лишь он сам.

Точно выдержав паузу, Андрюха заговорил в своей привычной манере, кратко и резко:

— Звездобратия! — И в интонации, с какой он произнес это в общем-то обычное меж курсантами слово-обращение, сразу почувствовалась нотка пренебрежения.— К чему заниматься болтологией? Предлагаю эксперимент: на деле выяснить, существует ли в этом мире фатальное предопределение. То есть расписан ли всякому в полете смертный час. Угодно будет рискнуть?

— Вот дурак,— хмыкнул курсант по прозвищу Витамин; «погоняло» прилепилось к нему из-за детского пристрастия к сладкому, он и сейчас яростно чмокал ириской.— И придумает же...

— Дурак в штанах, и тот полковник,— отрезал Андрюха.— Ну так как? Смелых нет?

— А чего ж ты другим неизвестно что предлагаешь? Для начала на себе свой эксперимент и спробуй,— резонно заметил тяжеловес по прозвищу Гиря, курсант-флегматик — таких в военном вузе называют тормозами.— А мы оценим...

— Я-то всегда готов...— гордо заявил Андрюха, саркастически смотря как бы сквозь тяжеловеса.— С кем спорим, что предопределение есть?

— Спорю, что нет,— дернул черт меня за язык.— На весь летный шоколад, что у меня есть... двенадцать плиток.

— Так... Ладно,— согласился Андрюха и пригладил кончиками длинных пальцев маленький косой бакенбард — привилегию «позвоночного» сынка.— Градов, а ну, разбей... Если проиграю, десять плиток у меня в наличии, да ты, Витамин, две должен, прибавишь...

— Ну хорошо,— сказал я, когда мы торжественно ударили по рукам.— А теперь объясни: каким макаром ты собираешься меня заставить поверить в предопределение?

— Я сделаю «штопор». На «элке». Без инструктора. Прямо сегодня,— раздельно-лаконично ответил Андрюха. Чуть тише добавил: — Любой из вас разбился бы, рискни на это. А я — нет. Я в свою счастливую звезду твердо верю.

Все замолчали, лишь Витамин продолжал чуть слышно чмокать ириской — по инерции.

— Во дает форсаж! — наконец уважительно пробасил Гиря.

— Тебя ж после этого из училища точно выпрут,— тихо сказал мой сосед справа.

— Кого? Меня-а? — растянув последнее слово, переспросил Андрюха, и всем сразу стало ясно: нет, Сказкин, в отличие от любого из нас, даже при самом худшем раскладе выскочит — то есть благополучно выпутается из ситуации, чреватой летным происшествием.

Градов не произнес ни единого слова. А Витамин, судорожно сглотнув конфетку, вытянулся вперед, почти привстав с лавочки, и открыто высказал мысль, которая в тот миг явно вертелась на языке не только у меня:

— Но... Если все-таки того... гробанешься? Ты ж его никогда...

Поверх наших голов Андрюха презрительно смотрел в голубое небо.

— Тебе угодно выложить за меня двенадцать плиток? — наконец снизошел он до ответа, который процедил, даже не удостоив Витамина взглядом. И курсант-сладкоежка, который шоколад сжирал, чуть ли не едва успев его получить, и каждому из нас был должен по одной-две плитки, осел, как лопнувшая автомобильная шина.

Тут заговорили все разом, поднялся гвалт, а я подумал, что после своего заявления Сказкин как бы получил над нами некую необъяснимую власть, от которой если и освободимся, то только лишь подытожив пари.

Почти против воли я молча взглянул на Андрюху, он жестко встретил мой взор, и — клянусь! — мне показалось, что печать смерти уже коснулась смуглого лица.

«Ведь и в самом деле гробанешься!» — безмолвно прокричали-предупредили мои глаза.

«Скорее — точно нет»,— прочел я ответ по глазам зачинщика спора, вслух же спросил:

— И как мы узнаем, делал ты в натуре «штопор» или нет?

— САРПП*,— пояснил Сказкин.— Как расшифруют — сразу шум подымется.

Я мысленно обозвал себя идиотом: тоже, не мог сразу догадаться.

И тут возле курилки появился припозднившийся телесистый военврач. После краткого, но выразительного менторского монолога на тему внутренней дисциплинированности будущего летчика нас разогнали по койкам...

Наверное, мало кто из свидетелей спора спал перед теми полетами. Сам я лежал на койке второго яруса, смотрел на выбеленный потолок казармы, по которому, прямо надо мной, змеилась еле заметная трещина, и думал, что скандал после расшифровки пленки САРППа и точно должен подняться немалый. Ведь «штопор» — неуправляемую фигуру высшего пилотажа, во время исполнения которой самолет одновременно вращается в трех плоскостях да при этом еще весь трясется, как отбойный молоток, на «элке» — учебном чехословацком самолете «Л-39», на котором мы летали в конце первого курса,— нам самостоятельно делать пока было запрещено — категорически. Хотя для опытного инструктора исполнить эту фигуру не составило бы особого труда. Но мы-то «штопор» лишь в теории изучали — при действиях в особых случаях.

Я перегнулся через край койки и посмотрел на нижнюю, по диагонали от меня, кровать. Андрюха ровно дышал, глаза его были закрыты, и я поразился непритворному спокойствию парня и его уверенности в собственных силах-возможностях...

* * *

Андрюхина «элка» в глубоком «штопоре» прожгла землю под зоной полетов на глубину четырех метров. Очевидцы взрыва — рабочие совхоза — уверяли потом, что впечатление было, будто взорвался огромный резервуар с бензином. Люди гражданские: откуда им знать, что топливо в баках самолета есть авиационный высокоочищенный керосин, или, на авиасленге, горилка.

В момент воздушной катастрофы я, как и другие курсанты нашей летной группы, находился в воздухе. Всем нам по радиосвязи приказали немедленно прекратить выполнение задания и произвести посадку с ходу. После приземления группу быстро собрали в классе предполетных указаний и объявили о первой смерти на нашем курсе (как тогда все свидетели спора в курилке старались спрятать друг от друга глаза!) и о том, что мы вместе со всеми сейчас поедем на поиски САРППа.

Мой инструктор — всю жизнь буду помнить человека, дарившего крылья,— однажды в разговоре предупредил-посоветовал: «Никогда не соглашайся искать САРПП, старайся уклониться под любыми предлогами». По его словам, иной курсант, увидев своими глазами последствия авиакатастрофы — на сленге: полного рта

---

* САРПП — система автоматической регистрации параметров полета. Даже в случае авиакатастрофы, как правило, сохраняется пригодной для расшифровки, размещаясь в специальном защитном футляре, в хвосте самолета. В просторечии САРПП часто называют «черным ящиком», хотя на военных самолетах его футляр ярко-оранжевого цвета: для лучшей видимости при поисках после авиакатастрофы.

земли — и реально устрашившись возможности собственной гибели (хотя и раньше прекрасно сознавал это теоретически, однако ум — не сердце), потом длительное время боится летать. А кто и вовсе списывается с летного факультета...

Но мне надо — н а д о было все увидеть, чтобы потом не пытать себя неизвестностью. Потому я не стал отказываться от участия в поисках (Градов и еще несколько курсантов успешно отвертелись от этой миссии), а сел в кузов машины, и нас, вместе с солдатами из батальона авиатехнического обеспечения, повезли за сорок километров к месту катастрофы, на совхозное поле под зоной полетов.

Увиденное меня и потрясло, и, как ни странно, успокоило: наверное, потому, что теперь я как бы зрительно подвел итог спора сам. Куски разбившегося самолета — дрова — разлетелись от черной воронки с обугленными краями по пшеничному полю. Дальше всех, отброшенная страшной силой взрыва, валялась исковерканная, едва угадываемая по форме лавка — пилотное кресло.

Кресло, в котором совсем недавно сидел Андрюха, размазанный по щитку приборов при ударе крылатой машины о землю. И рядом с этим креслом нашли кусочек человеческого лица: лоскут кожи в форме почти правильного треугольника — часть щеки, ото рта до глаза и уха, с чудом сохранившимся на коже опаленным клочком косого бакенбарда.

Плюс — собрали еще несколько обугленных кусков человеческого мяса и обломков костей.

Вот так я воочию увидел то, что в нашей летной среде давно и цинично окрестили жареным железом. Витамина и еще одного из свидетелей спора в курилке жутко рвало: а не смогли бесстрастно взирать на так называемые «мелкие поломки» — фрагменты летательного аппарата, собираемые с места катастрофы граблями. Увы, после взрыва военного самолета от его пилота обычно остается немногим больше, нежели после кремации...

Позднее, когда мы уже возвращались в училище, глядя из кузова крытого тентом «КАМАЗа» на шафранное море спелых колосьев, я впервые в жизни — видимо, довольно поздно по возрасту — неожиданно испытал ужас понимания: смерть неминуема! В тот миг мне неистово захотелось выскочить из грузовика и с криком бежать, бежать... Куда? Зачем? От кого? От неизбежности будущего? Я еле сдержал рвущееся изнутри паническое чувство... Показалось, что через Андрюхину кончину моя собственная, как бы превентивно, погрозила пальцем-косточкой. И только тогда я вдруг с особенной четкостью осознал, что самолет — это отнюдь не большая супердорогая игрушка, а профессия военного летчика не на словах — на деле несет в себе постоянный процент смертельного риска.

А кассету САРППа нашел солдат из хозяйственного взвода...

* * *

В ночь после авиакатастрофы меня разбудил Витамин. Он шепотом сказал, что надо выйти и посовещаться, как будем завтра отвечать на опросах. Я догадывался, что зовут вовсе не за тем, однако пошел.

В курилке уже топтались Валерка Градов и Гиря. Я усмехнулся, спросив:

— А где же остальные?

— Не твое собачье дело,— тяжело буркнул Гиря и громко засопел.

Мне стало противно: я догадался, что именно курсанты собираются сделать, но вот к а к это будет происходить?

Тут Градов протянул мне толстую стопку шоколадных плиток.

— Твой выигрыш. Бери, скотина! Жри и радуйся, что из-за тебя человек разбился.

Видя, что я отнюдь не тороплюсь получить причитающееся, Валерка швырнул

шоколад, метя мне в лицо. Но сей «благородно-возмущенный» жест я угадал и успел резво отпрыгнуть в сторону, а затем, подскочив к сокурснику, саданул его кулаком по скуле. «Обличитель» перелетел через стоящую позади него скамейку и растянулся на земле.

Вряд ли кто из моих сослуживцев предполагал, что я первым нарушу правило «вето». Драка в нашем летном училище обычно заканчивалась однозначно: всех ее участников безжалостно вышвыривали за борт военного вуза. И потому меж нами, курсантами, существовал негласный уговор: любую конфликтную ситуацию стараться разрешить без помощи кулаков. Теперь же получалось, что на подлость сослуживцев я тоже ответил подлостью, да еще такой, которая ставила под угрозу дальнейшее пребывание в училище сразу четырех человек.

На секунду мои вероятные противники опешили, застыли окаменевшей скульптурной группой — кто стоя, кто лежа возле скамейки. Я перепрыгнул ее и, развернувшись, крикнул двоим ринувшимся за мной курсантам — ах, как велика смелость, когда видишь спину убегающего врага, а я им стал уже для сокурсников:

— Стойте, сейчас такое скажу!..

Парни резко остановились: слишком многообещающи были мои слова. Кряхтя и матерясь, поднялся Градов и тоже присоединился к сотоварищам.

— Если в натуре считаете, что в случившемся виноват я один,— отцедил я, презрительно взирая на сгрудившихся передо мною курсантов,— давайте, мочите... Только до смерти все одно не забьете. А я потом пусть ползком, но доберусь до дежурного по училищу, потребую, чтобы он вызвал генерала, и просвещу его о споре и прочем. А и дешевка же ты, Градов! Авторитета вонючим путем добиться захотел, одним махом двух побивахом! Забыл, как сам нам руки разбивал? И остальные... Эхма! Повыгоняют — так пусть уж всех разом!

Витамин тут же отшагнул от Градова и Гири и испуганно зачастил:

— Они меня заставили! А Андрюху я честно предупреждал — помнишь?

— Заткнись, авитаминоз! — скривившись, оборвал его Валерка. «Прокачал» мысленно ситуацию и наконец прошипел: — Ну, смотри... Повезло тебе, гад... А вякнешь если кому слово... Не было никакого спора, понял? Не было! Вообще ничего не было! Молча в курилке кантовались!

— Молча так молча,— с видимой покорностью согласился я, понимая, что на сей момент Градов смирился с поражением, но при случае не преминет сотворить какую-нибудь подлянку.— Только доктору ты вряд ли глиссаду на винт намотаешь (навешаешь лапшу на уши): вон как разорялись, когда он в курилку зарулил. И насчет гада — один из нас, согласен, он и есть. Только уверен, что «он» — точно не я...

— Ах ты...— задохнувшись в гримасе злобы, выпалил Градов.— Тебя... Тебя вообще... судить надо!

На что я, словами классика, с издевкой ответил-поинтересовался:

— А судьи кто?

Трое «самосудей» отмолчались и, потусовавшись еще несколько секунд, нестройно затопали из курилки, причем Витамин на ходу слабо заканючил:

— Валер, а Валер... Надо ж придумать, что завтра говорить...

На что Градов недовольно отрубил:

— Не вой! Время пока терпит.

А Гиря уже еле слышно резюмировал:

— Я же толковал: зря ты все это...

Проводив взглядом трех несостоявшихся мстителей, я собрал разлетевшиеся и частично раздавленные яловыми сапогами плитки летного шоколада, отнес их на мусорку и присыпал сверху отбросами. Это был мой честный выигрыш, доставшийся

чрезвычайно дорогой ценой, которую, впрочем, заплатить довелось другому смертному. Тем не менее шоколадом я вправе был распорядиться по усмотрению.

И еще: меня прямо-таки терзало желание надкусить хотя бы одну плитку, чтобы прочувствовать вкус сласти, замешанной на человеческой гибели. Однако я четко осознавал, что, сделав это, перешагну некую запретную границу, откуда назад возврата нет. Так что с трудом, а перемог, удержался от искушения...

Медленно, неспокойно шел я к казарме по стиснутой свежевыбеленными бордюрами асфальтовой дорожке, окаймленной тщательно подстриженными кустами самшита. Кровавый ущербный месяц высунул свой рог из-за стоянки самолетов; так же отрешенно, как и, надо полагать, много тысячелетий назад, сияли в непостижимой вышине соцветья созвездий. А меня неотступно преследовал в мыслях лоскут-треугольник человеческой кожи с остатком косого бакенбарда на нем.

У кого-то из классиков однажды я читал: предкам нашим, с их слепой верой, что небесные светила активно участвуют в их жестоких и зачастую вовсе мелких спорах — за какие-нибудь гроши или в угоду ущемленному самолюбию,— жить было проще. Верил ли во что-то в этом роде Андрюха? Да, сам же говорил про свою счастливую звезду... И наверняка мысленно не допускал возможности, сваливая самолет в «штопор», что звезда-то эта сегодня ночью так и будет продолжать холодно-ярко светиться, а сам Сказкин на мгновение вспыхнет в факеле взрыва и разом исчезнет для всех землян — вместе со своим внутренним миром, страстями и надеждами.

Но какая смелость была у парня! А может, всего лишь глупое безрассудство? Или это я в кошки-мышки со своей совестью играю, норовя замаскировать гнездящуюся в глубинах души трусость? Смог бы — пусть за неизмеримо большую ставку — рискнуть на «штопор» сам, даже сбрось со счетов последующий разбор полетов с вероятным исключением из училища?

Пойти на столь неоправданный риск... Нет, далеко не всегда цель оправдывает средства... Дурной иезуитский лозунг... Ведь одна только стискивающая сердце мысль о неизбежном телесном конце тошнотворным страхом обволакивает разум и уже при жизни многое прекрасное убивает в нас.

Потому, однажды осознав личную обреченность, нахождение внутри сужающегося и неразмыкаемого круга, мы потом до последнего вздоха не в силах забыть это... Все там будем... Memento mori... С латинского — «помни о смерти »... А помня о ней, невольно избегаем настоящего, истинного, чрезвычайного риска — даже во имя исполнения великих целей будущего, даже во имя личного счастья, не веруя в их осуществление, возможность. И слепо-бесполезно бродим в настоящем меж тремя глаголами: есть — пить — спать, добавляя к ним время от времени четвертый: совокупляться, плодя себе подобных обреченных.

...Тогда я почти поверил в фатальное предопределение, хотя по итогам спора, в сути, выходило обратное. Поверил, поскольку во время шмона вещей, принадлежавших ушедшему от нас в бессрочный отпуск, нашли толстую записную книжицу в бордовом переплете, а в ней — кто бы мог подумать? — были Андрюхины стихи. И на последней страничке книжицы, как бы венчая безвременную кончину человека, косые, торопливые, бежали строки:

Мой след на миг прочерчен в небе.
Как чуткий сон, истаял он.
След оборвался в спелом хлебе,
Что самолетом был сожжен.

Ниже стояла дата: день катастрофы. Разительное доказательство, не правда ли? Но вот до или после спора перед роковым вылетом были написаны эти кричащие строки?

Казалось бы, события последних дней должны были твердо убедить меня поверить в судьбу — счастливую или наоборот, не столь важно,— но я еще сомневался. Опять-таки где-то было читано, что мы часто промахиваемся в своих убеждениях, ибо не знаем точных границ и критериев чувств и рассудка. Впрочем, абсолютно точно это ведает один лишь Бог, имя которому — космические законы, что довлеют над человечеством. И ни познать их, ни тем паче изменить оно не в силах, а накапливаемые в течение жизни каждым из индивидуумов какие-то крохи информации, знаний неизменно уносятся вместе с ним в небытие.

Остаются, правда, слова в книгах и голоса на кассетах, изображения в кинолентах и ущербная, быстро стирающаяся временем память о тебе твоих близких. Ну долго ли мы, сокурсники, будем помнить Андрюху, рискнувшего на эксперимент в условиях пограничной ситуации и проигравшего? Размазанный по щитку приборов, он уже пересек границу неразмыкаемого круга...

* * *

Из-за авиакатастрофы все полеты в училище временно отменили: разбирались в ее последствиях.

Спустя неделю нашу летную группу, издерганную постоянными расспросами-допросами, как и остальных курсантов-первогодков, собрали в зимнем клубе. На разбор причин случившегося прилетел даже командующий авиацией округа.

Мы сидели в задних рядах клубных кресел, а впереди — офицеры и прапорщики. На сцене стояли три накрытых кумачом стола и полированная трибуна с золоченым Государственным гербом на фасаде. Сзади, за столами, густо навешали плакатов по летной подготовке и укрепили склейку, по которой детально отслеживался ход рокового полета.

Командующий объемно растекся мыслями о грандиозных задачах, поставленных перед нами, будущими летчиками, и о том, что мы их из рук вон плохо выполняем. Потом на трибуну поднялся полковник, прилетевший из Москвы во главе комиссии, назначенной для расследования причин авиакатастрофы. Сверяясь со склейкой, старший офицер разложил полет Андрюхи чуть ли не по секундам: как он на вираже, на скорости 250, перетянул ручку управления и сорвался в устойчивый «штопор» (ушел в запой), быстро попытался вывести самолет из него, но неграмотно действовал рулями и, по всей видимости, растерялся. Однако, надеясь на способность самолета самостоятельно выходить из «штопора», если поставить бетономешалку — ручку управления — на нейтраль, управление бросил. К сожалению, то ли изменение полетных характеристик крыла после грубых курсантских посадок «элки» с сильными ударами шасси о бетон взлетки свело на нет свойство крылатой машины самопроизвольно переходить из «штопора» в пике, то ли попросту испугался Андрюха, не успев дождаться этого, но так или иначе, а снова взялся хаотично действовать рулями и, борясь с самолетом, врезался в землю.

Была ли у курсанта возможность катапультироваться? Несомненно. Почему не использовалась? Скорее всего, Сказкин надеялся спасти самолет...

В заключение доклада-разбора председатель комиссии подвел черту под авиакатастрофой: причинами ее посчитали летную недисциплинированность и личную недоученность Андрюхи, а отсюда — его неграмотность в действиях при попытке вывода летательного аппарата из «штопора» и в итоге — паника.

Вот что стало известно после тщательного изучения расшифрованной кассеты САРППа.

На мой взгляд, полковник в основном все проанализировал верно, только до истинной причины, п о ч е м у курсант самовольно свалил «элку» в «штопор», комиссия

так и не докопалась. И частично именно потому, что на следующее утро после попытки ночного обвинения меня в смерти сослуживца ко мне подошел один из свидетелей идиотского пари и вручил шпаргалку с примерным текстом общей беседы в курилке. По листочку выходило, что трепались обо всем и ни о чем, Андрюха же, значит, тогда больше молчал — что, впрочем, на Сказкина было весьма похоже.

У остальных присутствовавших при споре тоже имелись подобные «инструкции» авторства Валерки Градова. Посему, хотя наш врач и поведал следователю военной прокуратуры о каком-то неясном разговоре нескольких первокурсников перед тем злополучным полетом, правды при опросах не выявили.

Я, конечно, чувствовал себя косвенно виновным в смерти Андрюхи. Но держал язык на привязи — в первую очередь, спасая собственную шкуру. Кому же охота, чтобы его вытурили из училища? Скорее всего, по той же причине молчали и остальные курсанты. А может, рот на замке они держали еще и потому, что Сказкина в летной группе сильно не жаловали — за «позвоночность», исключительность и заносчивость. Особенно Валерка Градов, тот его почти ненавидел. Стеной, которую ни обойти, ни перепрыгнуть, и мертвым стоял перед ним Андрюха, мешая вскарабкаться на пьедестал неформального лидера...

В конце разбора авиакатастрофы командующий поднял несколько курсантов, зачитав их фамилии по листку, разнес в пух и прах за халатную летную подготовку и приказал начальнику училища «наложить на бездельников дисциплинарное взыскание своей властью». В список штрафников угодил и Витамин, незадолго до того разложивший — поломавший — «элку» при посадке: не вовремя включил реверс, начиная торможение — уперся.

После этого нас, курсантов, выпроводили из клуба, а командующий и члены комиссии еще с полчаса оставались там с офицерами. О чем был продолжившийся разговор, мы догадывались: все на ту же тему.

Полетов не проводили еще неделю. Наконец на утреннем разводе в понедельник выстроили весь учебный полк. Начальник штаба училища зачитал приказ о наказании тех курсантов, которых в клубе поднимал командующий. Всем им вкатили по строгому выговору. По слухам, сморщились, то есть получили суровое взыскание, и все офицеры, имевшие непосредственное отношение к летному обучению Андрюхи.

Вот и оправдалась издевательско-глумливая поговорка, ходившая в кулуарах меж шкрабами — летчиками-инструкторами: «Разобьется курсант — мне выговор, ему — цветы» (на могилу)...

После авиакатастрофы курсантский состав по приказу начальника училища сдавал многочисленные дополнительные зачеты и проверялся, что называется, по всем показателям. Мы повторно изучили всю летную документацию, усиленно занимались на авиатренажерах, и наконец нас осторожно, от простого к сложному, страхуясь и перестраховываясь, начали допускать к полетам.

Сначала отрабатывалась дополнительная вывозная программа (полеты вместе с инструктором), и только после нее уже приступили к одиночным полетам в зоне — на простой и сложный пилотаж, по маршруту и в составе пары. А все эти дни, как и раньше, во время зубрежки летной теории, меня не покидала неотвязная мысль: точно ли пошел на свой опрометчивый «штопор» Андрюха, желая эдаким макаром в очередной раз доказать свое превосходство и самоуверенно полагаясь в большей мере не на знания и опыт, но на фортуну, которая оказалась как бы действительно «написанной на небесах и чужой рукой»?

«Неужели на этом свете так оно и есть: каждому — свое?» — думал и раздумывал я.

И крепла, крепла во мне мысль: к самостоятельному исполнению одной из самых

сложных фигур высшего пилотажа Сказкин ни теоретически, ни практически не был готов. Небо же — прописная истина — ошибок не прощает!

А жизнь в военном училище постепенно налаживала обычный ритм. Только курсанты нашей летной группы — свидетели памятного спора — продолжали коситься на меня, и в том, я уверен, не последнюю роль играл Валерка Градов.

Правда, один из них — но не тот, что передавал мне листочек-шпаргалку, а который после обещания Сказкина сделать «штопор» предупреждал Андрюху, что его могут выгнать из военного вуза, подошел ко мне вечером и сказал:

— Слушай, не казнись чересчур. Все мы, кто тогда там был, одинаково виноваты.

На что я довольно грубо ответил:

— Ну вот иди и скажи об этом Градову. А еще лучше — начальнику училища.

Сокурсник непонимающе посмотрел на меня и предостерег:

— Не буди лиха, пока тихо...

А я, признаться, со дня на день ожидал, что кто-то да и не выдержит распирающей его тайны, где-то обмолвится словом о роковом споре, слово пойдет гулять по летной группе, потом по соседним и в конечном итоге неминуемо доберется до офицерских ушей. И тогда...

Пока же, из страха быть отчисленными из училища, молчали все свидетели пари. И я сам...

* * *

Первым в эскадрилье пройдя вывозную дополнительную программу, я приступил к одиночным самостоятельным полетам в зоне. Через несколько дней меня уже допустили к сложному пилотажу, в то время как другие курсанты (и в их числе Витамин и Валерка Градов — да-да, который после Андрюхиной смерти однозначно стал бояться полетов) еще носились по маршруту и бесконечным кругам.

И вот, незадолго до каникулярного отпуска, второго октября, утром, порадовавшим нас четырьмя девятками — хорошей погодой,— когда солнце еще только высветило на горизонте синеющие горы, подернутые белесой дымкой, мне на полетах первой смены досталась та самая проклятая четвертая зона, где разбился Андрюха. Впрочем, на деле эта зона больше ничем и не отличалась от всех других.

Под ней проходил один из маршрутов, и, бывало, когда курсант выполнял задание в зоне, а второй приближался к ней заданным курсом на более низкой высоте, в эфир летела команда руководителя полетов: «Такому-то ниже 2500 не снижаться, под вами такой-то...»

Левым разворотом я занял зону и доложил в микрофон:

— 7-51-й четвертую занял, 5000, задание.

— 7-51-й, выполняйте,— раздался в наушниках голос руководителя полетов.

Далеко внизу, под крылом «элки», были разбросаны неправильные многоугольники свежевспаханных черноземных полей. Медно-золотистые кроны защитной лесополосы длинной прямой линией разрезали поля. Кирпично-красные, а больше серые шиферные крыши казавшихся сверху игрушечными домов виднелись в стороне, за пашнями. А на сходящемся горизонте, аквамариновые, просвечивающиеся сквозь дымку, важно высились горы. И меня больно кольнула мысль: всего этого больше никогда не увидит Андрюха, и даже его могилу — настоящую, а не ту, на родине, куда опустили цинковый гроб с лоскутом кожи и толикой спекшейся почвы,— теперь уж и не найти в этом черном вспаханном поле: «Его зарыли в шар земной».

И это — наш всеобщий и неизбежный жизненный итог...

Я бросил взгляд на бычий глаз — магнитный компас, расположенный в кабине пилота (у нас ее окрестили кабинетом) по центру ее, и тут в наушниках раздался голос руководителя полетов, предупреждающий:

— 7-51-й, ниже 2500 не снижаться. Под вами 7-38-й.

Оказывается, внизу, по маршруту, вместе с летчиком-инструктором, сейчас должен был пролететь Валерка Градов. Этот скот в смерти Сказкина винил меня и только меня и наверняка с удовольствием заложил бы про спор в курилке, не будь у самого рыльце в пуху.

«Вот на-ка, выкуси,— злорадно подумал я, вглядываясь вниз, хотя и понимал, что камуфлированный самолетик в воздушном океане найти, даже при видимости миллион на миллион — то есть свыше десяти километров,— задача не из легких.— А не хочешь мышь белую съесть?»

И как бы разом отключился у меня контролирующий поступки центр. Я резко дал своему «альбатросу» крен восемьдесят градусов вправо, поставив «элку» крылом под углом к земле, и с силой потянул ручку управления на себя. Самолет затрясло, умная машина как бы предупреждала меня о возможных последствиях. Но граница благоразумия осталась позади, и я решительно убрал обороты двигателя до пятидесяти пяти процентов. Стрелка указателя скорости теперь замерла чуть ниже отметки «250».

Словно бы нехотя перевалившись через правое крыло, самолет встал почти перпендикулярно земле и на мгновение замер, подобно ныряльщику, взлетевшему вверх с трамплина, с раскинутыми руками, уже перевернувшемуся в воздухе головой вниз и начинающему свободное падение. Медленно пройдя точку неустойчивого равновесия, «элка» начала второй виток «штопора» и, постепенно набирая скорость его оборотов, забилась, словно в предсмертной агонии. Педали колотили меня по ногам, самолет вибрировал и крутился так, что я, трясясь в кресле и мертво вцепившись в ручку управления, какие-то мгновения летел с потерянной ориентировкой — блудил. Аспидные поля, медные кроны лесополосы, аквамариновые горы и светлое небо с неярким диском утреннего солнца на нем вертелись вокруг меня, как на плохой дискотеке...

Жестко ткнувшись затылком в заголовник кресла, я несколько протрезвел от болтанки, поняв, что меня крутит вправо и что я уже в устойчивом «штопоре».

«Найти ориентир для вывода... Прочно «взять» глазом... РУД (рычаг управления двигателем) на малый газ...— вместе с самолетом вертелись и мысли в голове.— Так, есть... Левую педаль дать по вращению... Ручку управления самолетом на себя... Теперь педаль отжать до упора... Ручку управления в нейтраль... Готово... Ну же, давай... Сейчас, сейчас... Что это? Он же не слушается! Не слушается!!! Бросать управление и катапультироваться? Кости за борт, пока есть время... Но ведь тогда угроблю самолет! Или иначе угроблюсь с ним сам! Катапультироваться? Ну нет! Тогда трусость будет грызть меня до могилы! Бог мой, да я уже лечу в нее, и на страшной скорости!»

Не слыша, держит ли со мной связь руководитель полетов, я переживал тогда, видимо, то же, что и в свои последние секунды жизни Андрюха. Обруч неразмыкаемого круга, в котором бушует, не в силах вырваться за его пределы, жизнь и который десятилетиями сжимается, постепенно приближая человека к смертному часу, но готов также лопнуть ежесекундно, внезапно, сдавил мой мозг, вытеснив из него все мысли, кроме единственной, заполнившей каждую клеточку тела: «*Неужели сейчас я умру?! Не хочу, не-е-е-т!!!*»

...Показалось или нет, что вращение замедлилось? Вращение замедлилось... Замедлилось вращение! Еще, еще...

«Так,— на этот раз гораздо спокойнее подумал я.— А теперь — резко педали в нейтральное положение...»

Самолет уже устойчиво пикировал, теряя высоту, а земля и небо заняли привычные места. Я дал «элке» обороты максимал, собираясь выводить ее из пике.

— 7-51-й, ниже 2500 не снижаться! 7-51-й, ниже 2500 не снижаться! — ворвалась в наушники близкая к истеричной команда руководителя полетов.

Я мгновенно взглянул на высотомер: 2600! А на 2500 — маршрутчик! О, боже! Сближуха! Самолет с ним прямо подо мной!

«Ручку управления на себя»,— подумал я одновременно с движением...

И в каких-то десяти-пятнадцати метрах я пронесся перед маршрутчиком, пересекая ему путь под углом вправо. Мелькнула сбоку, за стеклом фонаря, голова Валерки Градова в защитном шлеме-горшке и кислородной маске-намордник, и я разом представил себе лицо сокурсника: еще не успевшее исказиться от страха и удивления, но уже застывшее в непонятке (летчика-инструктора заметить не успел), и, просев еще ниже, я «горкой» ушел вверх, а в наушниках бился в крике голос руководителя полетов:

— 7-51-й, ниже 2500 не снижаться! 7-51-й, ниже 2500 не снижаться! Слышишь меня? Задание прекратить! Стать в левый вираж с креном в тридцать градусов, 2500 до команды...

— Выполняю,— наконец кое-как смог ответить я.

— 7-38-й, высота 1200, следовать на точку, посадка с ходу,— это уже касалось Валерки.

Набрав нужную высоту и став в левый вираж, я повел самолет по дуге. И тут же подумалось: так, выходит, я сам сделал то, что обещал и не сумел сделать Андрюха? То, на чем он зарвался и взорвался, да простит меня покойный за этот невольный каламбур... Что ж, репутацию свою я точно восстановил. Но... Теперь моя летная карьера, скорее всего, накрылась окончательно и бесповоротно: наводить погоду над головой некому... Тем более что в запрещенный «штопор» самолет я свалил уже после печального опыта Сказкина и всех последствий-разбирательств, связанных с его гибелью. И еще три жизни плюс две единицы дорогостоящей техники чуть было не угробил. «Три плюс два»... Только получился бы не комедийный фильм прошлого, а реальная трагедия настоящего. И прогремело бы тогда наше училище на все Вооруженные Силы. Оно, впрочем, и без того прогремело, но два случая подряд — ну, в этом была бы непременно усмотрена система. С дальнейшими оргвыводами.

— 7-51-й,— услышал я новую команду,— спираль до 2000, следуйте на точку 1500.

— Выполняю...

Заняв назначенную высоту и согласовав компас, я доложил — теперь уже совсем ровно:

— 7-51-й, четвертую освободил, иду на точку 1500.

— 7-51-й, займите к третьему развороту 600, посадка с ходу,— тоже спокойно приказал руководитель полетов.

— Выполняю...

Так, теперь ощериться — выпустить шасси...

Сама посадка получилась практически идеальной — у нас говорят: побрил травку. Когда освобождал взлетку, голос в наушниках пригласил:

— 7-51-й, с пленкой и командиром звена — немедленно ко мне.— И коротко-устало добавил: — Больше не летаешь...

Это знаменовало начало конца.

Когда я по рулежной дорожке докатил «элку» до стоянки и выключил двигатель, то почувствовал, что весь взмок, а колени дрожат, будто после капитальной драки. Довольно запоздалая реакция на стресс и вообще...

Техник самолета открыл фонарь кабины и, несколько удивленно глядя на меня — видимо, печать пережитого отложилась на лице,— принялся ставить защитные чеки на кресло (чтобы в случае чего не смогла сработать система катапультирования).

Освободившись от подвесной системы, я медленно вылез из кабины. Почувствовал под собой бетон аэродрома, и меня слегка шатнуло на столь родной сейчас земле. Вот оно, то самое особое состояние переутомления после пережитой в небе опасности, которое в летной среде нарекли трупопаузой (она бывает еще и при принятии большой дозы алкоголя).

Я снял кислородную маску, защитный шлем и шлемофон, потом расписался в бортовом журнале, сказал технику, что замечаний нет. И пошел навстречу «разбору полетов»...

Перед классом предполетных указаний стояли Валерка Градов и его дядька — летчик-инструктор старший лейтенант Зорин. Узкоплечий, как мальчишка-подросток, офицер — впрочем, имевший репутацию опытного летчика и нагрудный знак «За безаварийный налет» — орден Сутулова — злобно вперился в меня: еще бы, по милости какого-то идиота пережить смертный страх! Взора Градова я не видел: сослуживец отвернулся в сторону, насколько позволяли шейные позвонки.

Валеркин инструктор осторожно двинулся ко мне — бочком, агрессивно выпятив подбородок, но тут из класса выскочил мой кэз — командир звена. Опередив Зорина, капитан уцепил меня за грудки и яростно затряс, выплескивая в лицо:

— Ты что, с ума сошел? Смерти захотел? — И, видимо, не находя от возмущения дальнейших слов, резко оттолкнул, почти отбросил от себя.

Отшатнувшись назад, я еще пытался удержаться на ногах, но зацепился за выбеленный бордюр и растянулся на поблекшей восковой траве, растеряв все, что было в руках. Лежа и глядя на небо с появившимися на нем вдали слоечками — слоистыми облаками, глупо подумал: «Можно ли считать это рукоприкладством?»

Встав, хотел подобрать свою амуницию, но кэз отрывисто бросил:

— Оставь! — схватил, как пацана, меня за руку и потащил в класс, а мне было стыдно сказать, что хочется слить отстой — сходить по малой нужде.

Проскакивая мимо Градова, я попытался все же взглянуть ему в глаза, но теперь Валерка впился взглядом в пожухлую траву за алебастровым бордюром.

К классу предполетных указаний уже спешил солдат из ГОМОК (группа материалов объективного контроля) с кассетой САРППа, снятой с моей «элки».

* * *

Нудный рассказ о том, как меня таскали по всем инстанциям, опрашивая и допрашивая, опускаю. Что сорвал самолет в «штопор» нарочно, рассказал с глазу на глаз только в беседе с батей — начальником училища, хотя по расшифрованной кассете это и так было отлично видно.

— Причина? — коротко спросил генерал-майор авиации.

— Не верил в судьбу. Но хотел ее проверить: через летную подготовку,— признался я. И — гори оно все синим пламенем! — рассказал о споре в курилке.

Конечно, по сути, я предавал тогда остальных свидетелей пари, но одному быть козлом отпущения... Нет уж, позвольте, ВВС — страна чудес... Тем паче о попытке ночного самосуда умолчал.

Батя слушал мою исповедь, не перебивая и вертя в руках огромную восьмицветную авторучку, а когда я замолчал, неожиданно грохнул кулаком по толстому оргстеклу, покрывавшему полированный стол, так, что подпрыгнул перекидной календарь и стопка каких-то бумаг, а бронзовый «МиГ»-сувенир чуть не стартовал с постамента.

— Мальчишка! И уже настолько нравственно глух! Моя бы воля — драл до костей! — И генерал-майор коротко выругался. А поостыв, добавил: — Что ж, случай с курсантом Сказкиным теперь вполне ясен. Но хотя летчик и не может быть паймальчиком, тебя все же придется отчислить.

Услышав эти страшные для меня слова, я одновременно прочел в генеральском взгляде искреннее сочувствие: летчика к летчику.

— Знаю,— обреченно кивнул я, заглушая боль обманутой надежды, до того еще теплившейся во мне: а заполучи-ка жесточайшее фейсом об тейбл, да по наждачке!

— Что ты знаешь? Что ты еще знаешь? — неожиданно вновь разбушевался батя.— Да на тебя государство уже такие деньги положило, а ты!.. За смерть товарища вины не осознал, себя и еще двоих, за компанию, едва не угробил! О летной технике вообще молчу!

И подытожил:

— Отслужишь год солдатом — пиши рапорт, возвращайся. Из тебя должен получиться толковый летчик.

— Хотелось бы, конечно,— пожал я плечами и поинтересовался: — Товарищ генерал-майор авиации, а... что теперь будет Градову и остальным?

— Разберемся! — отрубил начальника училища.— Тебя данное уже не касается.

Что ж, все было именно так, как оно и должно было быть...

Моя история подошла к концу. Это сейчас, по прошествии года, за который так много раз возвращался в мыслях к пережитому, я пытаюсь логично оценить ситуацию, которую спровоцировал сам, даже не приняв во внимание, как она отзовется на многих других людях... Тогда же, выходя из кабинета начальника училища, не удержался и, подзуживаемый острым внутренним желанием, задал вопрос:

— Товарищ генерал-майор авиации... А вот как вы сами считаете, есть на свете фатум или?..

Однако вместо какого-либо ответа, после короткой заминки, услышал:

— В эскадрилью!

Батя, по-видимому, был не любитель философских прений.

Анатолий Коновалов
(д. Хмелинец Елецкого района Липецкой области)

КРОШКИ ХЛЕБА

Родился в семье лесника 6 октября 1946 года в селе Становое Становлянского района Липецкой области. Учился в Елецком техникуме железнодорожного транспорта (промышленно-гражданское строительство), Елецком педагогическом институте (физмат), Высшей партийной школе при ЦК КПСС (политолог).

Член Союза российских писателей, Литературного фонда России, Международной ассоциации писателей и публицистов, избран действительным членом Петровской академии наук и искусств.

Автор 27 книг прозы и публицистики, учебных пособий для студентов факультетов журналистики вузов. Лауреат международных конкурсов «Белая скрижаль — 2011», «Белая скрижаль — 2012», «Новые писатели — 2012», «Большой финал 2013—2014», Всероссийского литературного конкурса «ЧуДетство» 2017 года, а также Липецких областных премий: литературной — имени Е. И. Замятина, журналистской — имени А. А. Вермишева. Почетный гражданин Становлянского района. Как писатель награжден медалью «Во славу Липецкой области».

1

Когда к его душе подкрадывалась ностальгия, Николай Александрович почему-то всегда вспоминал о хлебе. Наверное, о чем угодно пересыхает память, но только не о хлебе.

Ему недавно исполнилось восемьдесят. Его здоровье с каждым вздохом, с каждым днем не сказать, чтобы чадило, а нет-нет в области сердца вдруг болячка и зашевелится. И он уговорил-таки сына свозить его повидаться, а, может, не дай Бог, и попрощаться с родным селом, в которое после похорон матери, а потом и отца более двадцати лет не наведывался.

— И что же ты ехал тут смотреть за пятьсот верст, пап? — не скрывал своего раздражения Матвей Николаевич.

Их встретила какая-то сонная глушь. Если бы появился в любой момент перед взором сына медведь или Баба Яга на метле, пятидесятилетний столичный ученый-филолог не удивился бы.

Отец промолчал.

Он с прищуром смотрел на погост.

Церковь будто вросла в землю, а на крыше одного из двух престолов росла береза, она кокетливо подставляла свои ветви-косы шаловливому ветерку. Вход в церковь охраняли полуоткрытые и рыжие от ржавчины, еще напоминающие о своей мощи, ворота, за ними долгое время хранилось святая святых крестьян — зерно. После за-

крытия церкви и образования в селе колхоза «Честный пахарь» бывший храм превратили в зерносклад. Вроде бы не поддавалась натиску времени колокольня. Шпилем без креста, который стащили с нее конными вожжами комсомольцы, когда Николай Александрович только появился на белый свет, она, казалось, устремлялась ввысь и расчесывала низко плывущие облака. С нее в тридцатые годы скинули и колокола, теперь из ее пустых глазниц излучались тоска и укор.

Кладбище издалека казалось заросшим густым кустарником, виднелись высоченные деревья, с верхушек которых вездесущие сороки громким стрекотом распугивали тишину.

— Господи, и это было когда-то большим погостом,— тихо произнес Николай Александрович, словно простонал.

— Ты что-то сказал, пап? — спросил его сын, который думал только об одном: как бы быстрее отсюда уехать обратно в столицу.

Немного помедлив, отец, продолжая смотреть то на церковь, то на кладбище, поинтересовался:

— А ты, Матвей, знаешь, что раньше называлось у русских людей погостом?

Тот удивился:

— Нашел о чем спрашивать?

— Это не ответ ученого-филолога...

У сына продолжало пениться недовольство от того, что отец заставил его свой выходной день портить, ехать за пять сотен километров, завез неизвестно куда и зачем. Так сложилось, что он в родном селе отца был мальчишкой, когда еще в школу не ходил. Решил все же ответить:

— Последнее пристанище людей, если тебе угодно...

— Верно, только частично...

— Не понял?! — уставился сын на отца.

Тот спокойно просвещал Матвея Николаевича:

— Погостом начали называть отдельно стоявшую церковь с кладбищем только в восемнадцатом веке. А намного раньше так обозначали центр сельской общины, потом крупное селение с церковью и кладбищем. И наше село когда-то более трехсот крестьянских дворов насчитывало. А теперь вот... — последние слова он произнес с заметной дрожью в голосе.

О том, что тут был населенный пункт, напоминали одичалые и одинокие яблони и груши, заросли крапивы и репейника там, где, как помнил Николай Александрович, раньше стояли дома, цвели сады, распахивались огороды.

И в этот миг он неожиданно вспомнил слова отца. А услышал их в конце семидесятых годов. Он только что защитил диссертацию, стал кандидатом сельскохозяйственных наук и приехал разделить эту радость-победу со своими родителями. Но, когда новоиспеченный ученый, обещавший отцу горы свернуть в почвоведении, уезжал из родного села, тот попросил его:

— Ты уж поднатужься, поторопись, сынок, на своих горах-то ученых, сделай что-либо для нашего села, а то жизнь сметет нас, стариков, вот с этой земельки, как засохшие крошки хлеба со стола...

«Крошки хлеба... Крошки хлеба... — защемило в его душе.— А ведь и это когда-то было...»

2

Память воскресила то утро, когда ему пришлось покинуть родной дом.

...Он даже не догадывался, что его мать всю ночь ни на миг глаза не сомкнула. Дрема к ней подкрадывалась, куда же от нее, ласковой, увернешься, да только не ту

она обихаживала. Если бы Екатерина Николаевна ей поддалась, во сне утонула, когда бы успела сыночка в путь-дорожку собрать? То-то.

А так носочки, что поновее, в небольшом чемодане бережно пригладила, другие же заштопала — от новых не отличишь, их Коля пусть и наденет. Не на босу же ногу в белых парусиновых туфлях ему аж до самой Москвы добираться. До каждого рубчика просмотрела две рубашки. Ну и пусть, что не новые. Где ж их новые-то взять?

Но больше всего ее беспокоило то, как семнадцатилетний сын, кости и кожа, к тому же и росточком не вышел, на голодный желудок до далекой столицы доедет? В их же семье из съестных запасов — хоть шаром покати. По весне вокруг дома молодые побеги крапивы на суп рвали. Да и какой это суп — название одно, мутно-зеленая жижа, забеленная молоком. Но все равно ведь в животе не пусто. А потом корни лопухов, щавель, ягоды за милую душу и взрослые, и дети уплетали. Год-то сорок седьмой, голодный, еще до уборочной страды не дотянул, потому хлебом без исключения все односельчане досыта наедались только в сновидениях. Но по крестьянской мудрости выживания на самый смоляной из всех черных дней в уголку дальнего сусека килограмм-другой зерна или муки притаивался. Жизнь-то на всякие неожиданности горазда.

Екатерине Николаевне пришлось ржаную муку до последней пылинки из небольшого рундука вымести. Перемешала ту муку с мелко нашинкованными молодыми побегами лебеды и испекла ковригу хлеба, которую без труда можно было пригоршней накрыть. И теперь она остывала на столе под рушником. Всю ее Коленьке в дорогу отдать? Она эту ковригу глазами и так и эдак бессчетное количество раз измерила, а решение задачки все равно у нее с ответом не сходилось. Двое других сыновей и младшая дочка не раз от голода в обморок падали. Да и им с мужем, настолько исхудавшим за зиму, ветер пробует подножку подставить.

Ах, как же долго и заворожено она смотрела на хлеб! Даже не заметила, как сын глаза разлепил.

Коля с вечера тоже долго заснуть не мог. Его пугала неизвестность. Как его встретит Москва? Как он отыщет университет, в котором есть биолого-почвенный факультет? Сдаст ли вступительные экзамены? Но то, что он будет изучать почвы России, как Докучаев, другую мысль даже близко к голове не подпускал. Коля многое прочитал о Василии Васильевиче, о его трудах, о взаимодействии элементов "живой" и "мертвой" природы, о его научной экспедиции по просторам страны. И еще в восьмом классе загорелся идеей — обязательно составить почвенную карту полей вокруг родного села. Зачем? А чтобы было можно зерна много — премного вырастить и собрать, маму с папой, братьев и сестренку, конечно, и односельчан накормить досыта пшеничным хлебом с золотистой корочкой и духмяным запахом, от которого голова у всех закружится, и радость с лиц людей никаким ливнем смыть не удастся...

Но сон все же уложил его на лопатки.

А когда проснулся, то первым делом в голове мелькнула мысль, что надо быстрее встать и топать, насколько духу хватит, на железнодорожную станцию километров за семь, чтобы на поезд не опоздать. Но из-под теплого старенького одеяла, которое его так нежно обнимало, ему выползать не хотелось.

Увидел мать, которая хлопотала возле стола, что-то укладывала в чемоданчик, с которым отец с фронта возвратился. Не ускользнуло от взгляда сына, как она, отрезав не больше четвертушки от ковриги, сунула ее вновь под рушник, а остальной хлеб замотала в тряпицу и тоже положила в чемодан. Затем, подставив левую ладошку к краю стола, правой ладошкой начала сгребать невидимые крошки хлеба со стола. А потом медленно-медленно поднесла левую ладошку к своему рту и что-то невидимое в него высыпала.

Потом подошла к русской печи, на которой спали дети.

— Коля, пора вставать,— тихо сказала мать, притронувшись теплой рукой к плечу старшего сына, чтобы не разбудить остальных детей, которые лежали с ним бок о бок.

Ему было стыдно, что он подсматривал за матерью, потому притворился спящим.

Екатерина Николаевна повторила:

— Сынок, просыпайся,— ее шершавая от постоянной и трудной работы ладонь нежно гладила плечо Коли.

Он открыл глаза, полные тоски. Ему вдруг расхотелось ехать в университет. Коля же во всех делах был помощником отцу и матери, когда надо было управляться с делами на огороде или по дому.

«Как же они тут без меня будут жить? А как я без них? — вонзался в его сознание один вопрос острее и тревожнее другого.— У мамы под глазами черные круги, скоро будет, как тростинка поздней осенью... Мне в чемодан хлеб положила, а сама...».

— А может, мам, мне не ехать никуда?

Мать встрепенулась:

— Ты что выдумал?! Мы с отцом всю жизнь неучами прожили, ты хоть в люди выбейся. Школу-то с одними пятерками выдюжил. Что ж тебе с такой головой в деревне-то пропадать? Ишь, чего отчебучил. Не поедет он... Вот пойду отца покличу, он тебе мигом мозги проветрит...

— Мам, я без вас, без ребят скучать, знаешь, как буду? — сын обнял засуетившуюся мать.

Екатерина Николаевна, проглотив соленый ком, постаралась принять строгий вид.

— Ты нам тут нюни не распускай. Поезд, поди, ждать тебя не собирается. Иди лицо освежи, да одевайся. Я тебя уже в дорожку собрала,— и направилась к входной двери.— Пойду только со двора отца кликну. На дорожку вместе присядем. На счастье...

И мать скрылась за дверью.

Николай быстро открыл чемодан. Размотал тряпицу с куском хлеба. Над крышкой стола отломил от краюшки почти половину. Одну часть подсунул под рушник, а другую спешно вновь спеленал тряпицей и положил на прежнее место в чемодане. Прикрыв чемодан, подошел к столу. Как и мать несколько минут назад, подставил к краю стола левую ладонь, а правой ладонью смел несколько крошек, которые упали на стол при разломе хлеба. Их он осторожно отправил в рот, почувствовал запах вкусного-превкусного хлеба.

Только после этого, как ни в чем не бывало, подошел к ведру с водой и начал умываться...

3

Видимо, атмосфера на погосте располагала к тому, что еще один ручеек памяти прорвался из прошлого к Николаю Александровичу.

...Тот разговор с отцом состоялся в один из его приездов в родное село, после того, как он удивился, что в их селе уж очень много домов с крест—накрест заколоченными досками окнами и дверьми. Пройдя по улице своего детства, кроме стариков, почти никого из своих сверстников, которые не уехали из села, как он после школы свою птицу счастья в неведомых краях отлавливать, а остались в колхозе землю пахать да скот выращивать, не встретил.

— Ты вот спрашиваешь, куда народ подевался? — спросил задумчиво отец.

— Странно ведь...

— Что ж тут странного? — лицо его было суровым и серым.— Многие наши с матерью ровеснички трудовые горбы на кладбище выправляют. А те, что с весенними годками, с силенкой в руках, переселились, досками окна своих хат расшили,— отец вздохнул так, словно тяжеленную ношу нес и передохнуть решил.

— В город, что ли?

— Кое-кого и городская жизнь прельстила. А трудяги, что ж они там забыли? В чистом поле поселок им новый выстроили. Видишь ли, комплекс там какой-то животноводческий со всеми механизмами учудили.

— Что ж тут плохого, если люди к хорошей, благоустроенной жизни потянулись, вместо вил и лопат им теперь машины трудиться помогают?

Но отец, Александр Андреевич, с ответом не спешил. Спросил неожиданно:

— Ты курить-то не начал?

— Бог миловал, а почему тебя это волнует?

— Хотел вот на старости лет закурить. На фронте и то не привык. А теперь...

Сын забеспокоился: «Не заболел ли он? Задумчивый какой-то...».

— Что-то ты, бать, темнишь. Рассказывай...

Вновь тягостное молчание. Только глазами сына обмеряет. И тихо, словно жалея о чем-то, заговорил:

— Вы, дети мои, образование получили, и все реже вас, выходит, в родные просторы манит. А мои внуки вряд ли будут знать, что такое соха и сколько фунтов лиха надо на фунт хлеба затратить. Хорошо это или так себе — умом не доварю. Ты вот, сын крестьянский, в науку ударился. Только толку-то что от твоих головоломок?

— Не понял?

— Что же тут понимать, Коль? Сколько себя помню, сынок, столько и надеюсь, что жить лучше буду. И такой я не один. Все! А жизнь незаметно фьють — пулей хвост показала. Моих соседей судьба из села метлой вымела. Для некоторых жирную точку на жизни крестом могильным поставила. И хоть ты меня убей, я до смысла жизни так и не могу докумекать. Может ты, теперь вон какой ученый, мне, старому дураку, который в свое время только читать и с горем пополам писать научился, объяснишь, в чем он — тот самый смысл-то жизни — заключается?

«Что отцу ответить?» — ничего вразумительного вот так сразу на ум сыну не приходило. Вспомнил высказывание какого-то американского, кажется, писателя:

— Мы бы, пап, никогда не умерли, если бы знали, как жить ...

— Потому и отстраняемся от родников жизни?

— Почему же?..

— А то ты не знаешь? Вот ты там в своей Москве мозги, считай, вывихнул. А что же это ты и твои друзья по институту от нужд села, как от проказы, в сторону шарахаетесь? Почему на его разорение глаза зашторили?

— Вот тут ты, пап, не прав. Я занимаюсь гидрофизикой и мелиорацией почв, кандидатскую диссертацию по этой проблеме защитил...

— Я не знаю, что ты там защитил,— перебил его отец,— только корни наши крестьянские, видно, никто защищать не собирается. Мы немыслимую победу над фрицами добыли, считай, без войны двадцать пять лет, слава Богу, живем, а ни самих, ни детей накормить досыта, обуть, одеть по—человечески не получается, хотя редко спина от пота высыхает. Сомневаюсь, что в скором времени судьба оглобли в другую сторону развернет. Тогда ради чего, сынок, мы воевали, если в селе хлеб теперь выращивать некому? А ведь без хлебушка нашего мы бы немца не одолели. Вот те крест! А вы, ученые, кинулись за тридевять земель в степи целину какую-то там тревожить. А чернозем, в который ветку ткни — дерево обязательно вырастет, на произвол судьбы бросили. А нас-то вот тут кто с колен из трясины жизни поднимет?

— Что ж ты, пап, одними загадками со мной разговариваешь?

— Какие же, милый, загадки? — складывалось у сына впечатление, что отец ему старается все наболевшее в его душе в один миг выплеснуть, больше-то некому. Неожиданно спросил: — Ты Ивана Чертана помнишь?

— Конечно, знаю. Он же метра под два ростом и плечи у него, что стена хорошая.

— Умер недавно.

— Как?

— Руки со свечкой на груди сложил, как скоро и нам с матерью черед приспичит. Мне-то не пришлось, а ему с учеными вроде тебя столкнуться довелось.

Отец замолчал, вроде бы память в своей голове перелистывал и нужную страницу искал. Собрался с духом.

— Так вот. Тогда страной еще Хрущев верховодил. Поля, как ты знаешь, у нас жирные, хоть на ломти землю режь и на хлеб мажь. А урожаи — кот наплакал. То по весне заморозки посевы изранят, то летом засуха на корню колосья подпалит. В тот же год Бог на дожди расщедрился. И после посевов поля хорошенько окропил, и летом заставил небо не жадничать. Хлеба стеной стояли, в рост человека. Да! И вновь незадача! Считай, перед самой уборкой ливни с градом так посевы к земле прибили, что убрать хлебушек небывалый у комбайнов оказалась кишка тонка.

Александр Андреевич удобнее уселся на лавочке. Морщинки на его лице вроде бы чуть отутюжились, в глазах лукавый блеск о себе знать дал.

— А в колхоз из самых высоких кабинетов одна депеша старается другую обогнать. Мол, хоть костьми ложитесь, а чтобы все до зернышка собрали, иначе... Сам понимаешь, народ еще от сталинских порядков память с себя не стряхнул. И вот тот самый Чертан возьми и на колхозном сходе брякни: «А что если нам дедовский метод от паутины освободить? Как насчет этого, мужики, мозгуете?»

А на сходке совсем еще безусый инструктор райкома партии присутствовал. Без них, глазастых и ушастых, ни одна страда тогда не обходилась.

«Какой такой метод?» — вопрос струной натянул.

Иван пробасил:

«Наши деды хлеба крюками косили».

Мы, что постарше, тоже те крюки помнили, но давно их никто в руки не брал, да и вряд ли они в наших сараях своего времени ждали.

«Какие такие крюки?» — инструктор уж очень любопытным оказался.

Чертан объяснил ему, заодно и мы о них вспомнили, что это те же косы, только со специальным приспособлением, в народе их крюком окрестили.

«А что? Следует попробовать»,— загорелся представитель партийной власти.

И первым это сделал Иван. Получилось. Правда, как он весело зубоскалил:

«Ребро за ребро заходит у меня от этой непыльной работенки».

Но выхода-то другого тогда так и не нащупали. И что ты думаешь, Коль, про удаль Чертана на всю округу по радио и в газетах протрубили. И каким-то путем слушок и до Хрущева, сказывают, доплыл, как бывало до нас, пацанов, моментально добирался душок подходившего хлеба в печи, и от того запаха во рту слюни клубились. Никита Сергеевич возьми и примчись с многочисленной свитой чиновников и твоих собратьев-ученых на Иванову косьбу полюбопытствовать.

Посмотрел-посмотрел важный гость, как Иван с полеглыми хлебами управляется, и говорит:

«Молодец, богатырь! — и по-простецки так по плечу его похлопал, а потом неожиданно добавил: — Косишь ты — любо смотреть! Только вот в обратную сторону впустую размахиваешь,— и к ученым голову повернул, взглядом их обжег.— А вы подумайте без проволочек, как Ивану помочь вхолостую силы не расходовать».

Те думали, наверное, так, что курьерский поезд за их мыслями не угнался бы. Чуть ли не на следующий день привезли Чертану приспособление, да такое, что он влево хлебушек сбривает, ряд словно по ниточке укладывает, вправо — та же картина вырисовывается. Отрапортовали об этом Никите Сергеевичу. Тот тут как тут вереницей автомашин полевую дорогу в сплошную пыль превратил. Хрущев, сказывают, остался доволен и учеными, а уж Иваном-то как. Но на то он и Хрущев, чтобы светлые идеи в его разуме никогда до дна не выкипали.

«А нельзя ли,— обратился к ученым,— придумать такое, чтобы Иван и влево косил, и вправо, да еще как-то и сам рядки подбирал? Не вам же мне объяснять, что на селе рабочих мужских рук после войны позарез не хватает...»

А вам, ученым, видно, только подкинь идейку, да еще от самого Никиты Сергеевича. И они ее чуть ли не на второй день разжевали, что тебе кашу манную. Обрядили Ивана специальным поясом, к которому пристегнули грабли наподобие конных. Наш Чертан косит так, что по обеим сторонам рядки не успеют золотом колосьев порадовать, он тут же их за собой подгребает. Загляденье!

Но вдруг увидел Чертан, что дорога густой пылью набухла, а по ней «Волга» словно по воздуху парит. Отбросил он в сторонку крюк, отстегнул с молниеносной быстротой пояс с граблями и, что было духу, бросился бежать от непрошеных гостей. Про таких в народе балакают, что они намного хуже татар.

У местных чиновников, сказывали, душа к пяткам змейкой юркнула. Явно непростительный казус с их стороны чирьем вызрел: как это мог крестьянин самому Хрущеву спину показать? Он ведь, Никита Сергеевич-то, денно и нощно глаз не смыкает, о его, Иванове, и благе миллионов людей заботится. И такая выходит ему неблагодарность? Ох, не сносить областным руководителям головы, что не могли хозяину страны встречу с замечательным представителем нашего крестьянства на высшем уровне обстряпать.

Сказывают, на двух машинах еле смогли Ивана догнать. Доставили его запыхавшегося. Рубаху на нем от пота хоть выжимай. Глаза на Хрущева не поднимает, будто вздумал ими и землю перепахивать, конечно, сразу же после косьбы.

На широком и мясистом лице Никиты Сергеевича улыбка расплылась, что тебе масло на раскаленной сковороде.

«Мы тебе, Иван Петрович, за твою ударную работу именные часы привезли. А ты от нас бежать надумал. Почему?»

Чертан не успел еще отдышаться. Но после слов Хрущева с облегчением чуть ли легкие на улицу не выдохнул. А на язык он всегда острее опасной бритвы был.

«Так я же, грешным делом, Никита Сергеевич, подумал, что ваши ученые мне еще и на хрен стогометатель присобачить собираются...».

Вот такой, сынок, у нас случай приключился...

Николай Александрович все время, пока отец рассказ искусно сплетал, как умел сплетать для домашних нужд корзины из ивовых прутьев, улыбку спрятать так и не смог, как ни пытался.

— Ох, и мастер ты, батя, на анекдоты.

С лица отца улыбка почему-то быстро испарилась.

— Как хочешь, так и понимай. Но вот что я умом своим прикидываю. От такой власти, как хрущевская, и таких ученых, которые в рот своим начальникам чуть ли не до самого ливера заглядывают, проку, попомни меня, дурака старого, мало будет,— вздохнул глубоко и вроде бы обреченно.

— Ну, это ты, пап, зря так думаешь. По-твоему партия и правительство народу один вред чинят?

— Понимай, дорогой, как твоей голове угодно. Только просьба у меня к тебе вызрела,— спросил настороженно: — Ты же у нас надолго не задержишься?

— Да, денечка два, от силы три побуду.

— Так вот. Ты уж поднатужься, поторопись, сынок, сделай что-либо для нашего села, а то жизнь сметет нас, стариков, вот с этой земельки, как засохшие крошки хлеба со стола...

4

— Матвей, достань из багажника хлеб.

— Проголодался? Я и сам подумал, что перекусить пора перед обратной дорогой.

Николай Александрович, думая о чем-то своем, попросил:

— Возьми только ржаной хлеб.

— Но я его не покупал.

— Я купил и в багажник положил.

— Пап, но у меня для обеда французская булка припасена.

— Потом, потом... Ты хлеб-то мой достань...

Сын, удивленный странным поведением и не менее странной просьбой отца, направился к машине. Вдогонку услышал:

— Я потихоньку пойду, а у тебя ноги молодые — догонишь...

Сын в замешательстве остановился, обернулся.

— Что ты еще надумал, пап?

— Хочу маму с папой проведать. Затем сюда и добирались...

От церкви до кладбища было не более ста метров. И пока преодолевал их, подумал о своей прожитой жизни, судьбе родителей. Отец до самой смерти, наверное, так и не понял, зачем он на эту землю приходил.

«А моей жизни смысл, кстати, в чем? Всего вроде бы я добился. Доктором наук стал. Не последнее мое слово в российской гидрофизике почв. Сын и дочь — ученые. Квартира чуть ли не в самом центре Москвы. И что? Почему от моих родовых корней только заброшенный погост остался? Жили без смысла?.. »

Перед тем как зайти на кладбище, у входных ворот трижды перекрестился, хотя верующим себя никогда не считал.

Но кладбище его удивило. Не такое уж оно оказалось запущенным. Многие ограды вокруг могилок выкрашены. Внутри оградные площадки очищены от сорной растительности. Значит, родственники не забывают о тех, кто тут нашел вечный покой после самого трудного человеческого испытания на прочность — жизни.

Он боялся, что заблудится среди оградок, могил, крестов, которые появились на кладбище за те годы, в которые ни он, ни братья с сестрой по различным причинам не смогли приехать на поклон к родителям. Но еще большую тревогу в его душе вызывала мысль, что могилы отца и матери затерялись в сорняках, диких кустарниках.

Глазам своим не поверил, когда увидел последнее пристанище родителей в полном порядке. Он же не знал, что школьники райцентра взяли шефство над могилами фронтовиков, и каждый год ухаживали за ними. А его отец был кавалером двух солдатских орденов Славы, многих медалей, которые теперь хранятся в школьном музее боевой славы.

И еще была одна причина, почему школьники не дали осиротеть на несколько лет могилам его родителей. Николай Александрович был выпускником той школы, ее гордостью, ведь его имя ученого-почвоведа знали хорошо не только в России, но и в других странах.

— Простите меня, папа и мама, что я... — дальше он ничего сказать не смог, слезы самопроизвольно залили его лицо.

Николай Александрович опустился на скамеечку, которую тоже сделали школьники.

Подошедший сын заволновался:

— Тебе плохо, пап?

Отец только кивнул головой.

— Я минеральную воду принес, попей.

Николай Александрович дрожащим голосом спросил:

— Ты хлеб принес?

— Конечно, конечно,— засуетился Матвей Николаевич.

— Дай мне его...

Когда хлеб оказался в руках Николая Александровича, он начал крошить его на мелкие-мелкие кусочки и с какою-то осторожностью густо сыпать то на могилку отца, то на могилку матери. Неожиданно его сознание яркая вспышка осветила. Он еле слышно для сына произнес:

— А вообще-то, пап, до меня, кажется, только сейчас дошло, в чем смысл жизни заключается. Надо жить так, чтобы ничего под рушник прятать не приходилось и голод хоть как-то утолять крошками хлеба со стола, себя засохшими крошками в этой жизни не чувствовать. Как, спрашиваете? Вы же никогда не сидели сложа руки, обязательно что-либо делали. Мне вот восемьдесят, а я, наверное, и половины не сделал того, что задумал, карту почв вокруг родного села так пока и не составил. А вдруг оно еще возродится?..

— Что, пап, ты сказал? — вновь забеспокоился сын: отец, как ему показалось, вроде бы заговариваться начал.

— Я, Матвей, сказал то, что в свое время отцу ответить не смог. А папа с мамой подсказали мне сейчас, чтобы я никогда на этом свете аппетит на хлеб и жизнь не терял,— помолчал и добавил: — Вот это и тебе завещаю. Ты меня понял?..

Матвей Николаевич, не перестающий удивляться поведению и словам отца, только вздернул плечами: «И что я понять должен? Да, отец, видно, плохи твои дела...».

А Николай Александрович оторвал взгляд от могилок и устремил его в бездонную голубизну неба, туда, откуда на него и сына, как он надеялся, смотрят родители. Может, это они посылают им солнечные лучи, подогретые их лаской и заботой?..

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Анатолий Аврутин
(г. Минск, Белоруссия)

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Анатолий Юрьевич Аврутин родился и живет в Минске. Окончил БГУ. Автор двадцати двух поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, лауреат Национальной литературной премии Беларуси и многих международных литературных премий, в т. ч. им. Э. Хемингуэя (Канада), «Литературный европеец» (Германия), им. К. Бальмонта (Австралия),им. А.-С. Экзюпери (Франция-Германия), «Золотое перо Руси-2018», им. С. Есенина, им. И. Анненского, им. Б. Корнилова, им. А. Чехова, им. Н. Лескова, им. В. Пикуля, «Серебряный голубь России-2017» (все — Россия), им. Н. Гоголя «Триумф» и им. Г. Сковороды «Сад божественных песен» (Украина) и др. Академик Международной Славянской Академии (Варна, Болгария), действительный член Академии российской литературы, член-корреспондент Российской Академии поэзии и Петровской Академии наук и искусств, академик международной литературно-художественной Академии (Украина). Член Общественной Палаты Союзного Государства России и Беларуси. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Почетный член Союза писателей Беларуси и Союза русскоязычных писателей Болгарии. Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака.

* * *

Позовите меня —
Я приду... И скажу... И заплачу...
Потому что дождит...
Потому что позвали меня.
Выпивохам раздам
эту скользкую, мокрую сдачу —
Пусть содвинут стаканы,
портвейном желудки черня.
И пойдет разговор...
Про погоду... Про деньги и женщин,
Неустроенность быта
И вечный мирской неуют...

Будет вечер пустой
мировой пустотою увенчан,
Мрачно выпьют и снова
торопко и мрачно нальют...
И, отспорив свое,
Не поверят ответному слову.
И почувствуешь —
злоба у парня вскипает в груди.
Опрокинет стакан:
«Уходи подобру-поздорову...»
Опрокинет бутыль:
«Уходи поскорей, уходи...»
Покачнется и вновь
Глухо скажет, что выпили лишку.
А все этот... Заезжий...
Ату его, ешкина вошь...
Скрипнет хлипкая дверь,
На крыльце приобнимешь парнишку...
И нетвердой походкой
Пойдешь вдоль оврага,
пойдешь...
А вокруг — никого...
Лишь голодный и брошеный Шарик
Подбежит на минутку,
Глазами проводит: «Иди...»
Догорает звезда...
Вдалеке остывает фонарик...
И такая тревога... Такая тревога в груди...

* * *

Маме

Ты не мама, ты — мой ребенок...
Все в минувшем — краса и стать.
Ты ласкала меня с пеленок,
Мне отныне тебя ласкать.

Отвечала мне раз за разом
На вопросы средь суеты.
У тебя нынче детский разум
И по-детски глаза чисты.

Повторяла: «Еще немножко
Скушай... После — еще отрежь...»
Ты кормила меня из ложки.
Мама, с ложечки суп доешь.

Хвори, шишки — всего хватало.
Взяв за ручку, вела к врачу.
Оступилась... Почти упала...
Дай, царапинку подлечу.

Тяжело на диван приляжешь,
Будем вместе мы ждать весны.
Мама, мама, ты мне расскажешь
Все свои молодые сны.

Помнишь, я прибегал спросонок,
Чтобы сон тебе рассказать?..
Я — твой сын, а ты — мой ребенок,
Я — твой Бог, а ты — божья мать...

И мы оба сегодня — дети.
Пусть метели ревут, слепя.
Пусть кончается все на свете,
Кроме истины и тебя.

* * *

Эту веру в надежду дает мне любовь —
Лживы все ипостаси иные.
Пусть любовь безнадежна... Пусть горестно вновь,
Пусть копытами бьют вороные...
Говорливые токи идут от земли,
Заставляя позвякивать блюдца...
Все с любовью слежу, как летят журавли,
И с надеждою верю — вернутся.
Пусть пургою январь обжигает зрачок,
Пусть слова подтверждают потерю,
Я все верю с надеждой в провидчество строк,
И в любовь бесконечную верю.
Пусть мне небо велит: «Небу не прекословь,
Знай в любви осторожность и меру!..»
Но я верю в надежду...
Я верю в любовь...
И они возвращают мне веру...

* * *

Тропинка-тростинка вконец заплутала во ржи...
Скажи мне, росинка, рассветное небо, скажи,
Что станет с душою, когда вознесется, спеша?
Что станет со мною, когда вознесется душа?
Какие моленья подхватят ее на лету,
Придет ли прозренье, что принял я за слепоту?
Закончатся разом — и тело, и дело, и плоть...
Закончится разум... Закончится даже Господь...
И сон не приснится — он тоже куда-то исчез...
И птица-синица... И руки любимой... И лес...
Лишь голос, звучащий чуть слышно в такую пору,
Мне молвит: «Пропащий... Я — голос... Я тоже умру...
Сменюсь тишиною, что время крадет не спеша.
Но буду с тобою, когда вознесется душа...»

* * *

В Турции, в Кемере,
Где беспечно море,
Где подошвы лижет смирная волна,
Где гортанный выкрик
С истиной в раздоре,
Где на воле воля вовсе не вольна;
Отойди — забудут,
Подойди — попросят,
Увлекись — обманут
в нсколько минут.
Где стаканы с хмелем ласково подносят:
«Пропили поездку?.. Русию пропьют...»
Что им боль Марины?..
Что им профиль Анны?..
Что им тихий шелест медленных страниц?
Что им в этом крике?..
Он же не гортанный...
Что им строки бледных
истовых блудниц?..
Им бы только ложью полнились глазницы,
Им бы свой товарец втридорога сбыть...
Три звезды на небе...
Ни одной зарницы...
Выше минарета ничему не быть.*
Чай куплю для виду... Отойду в сторонку.
Нынче солнце ниже — дело к сентябрю.
Потреплю по щечке наглого турчонка,
И его сестрице мелочь подарю.
Та попросит взглядом: «Дай еще немножко...»
Улыбнется тихо... И шагнет назад,
В памяти оставив грязную ладошку...
Грязная ладошка... Чистые глаза...
После, на прощанье, мне рукой помашет,
Чтобы следом в спину с яростью взглянуть:
«Очин син халоший у тваей мамаси...»
В Турции... В Кемере
Солнце... Море... Жуть...

* * *

Что-то скрипнет вверху...
Промелькнет суетливая галка,
И гусиное перышко
над головой проплывет.
Быстро август проходит...
Мне августа нынче не жалко —
Пусть скорее минуют
И август, и лето, и год...

---

* По мусульманской традиции постройки не могут быть выше стоящей неподалеку мечети

Может, просто устал?..
И тоска забродила по венам...
Может, чуть не хватило
касания ласковых рук?..
Только вдруг обожгло?..
О мучительном и сокровенном
Вдруг захочешь кричать —
Неожиданно... Истово... Вдруг...

И слова не нужны —
Разве бренность опишешь словами?
Да и кто их услышит —
напрасные эти слова,

Если август — на склоне,
Тяжелое солнце — над нами.
И о чем-то унылом
Прощально скрипят дерева?

Все труднее ступать —
И здоровье, и лето на склоне.
И все чудится — прежде
был август слегка голубей...

Что останется?.. Горечь...
Да женские эти ладони...
Да пугливая птаха
На узкой ладони твоей....

* * *

Вослед за покоем приходит всегда непокой —
Затем, чтоб покой нам недолго покоем казался.
Ну, как же теперь мне к тебе прикоснуться рукой,
Когда я рукою к вселенскому злу прикасался?..

Уже заструилась с деревьев линялая медь,
И тучи тяжелые бродят все ниже и ниже...
Ну, как же посмею теперь на тебя поглядеть,
Когда я глядел на другую — светло и бесстыже?..

Глядел... И казалось, что это и есть благодать...
И снова глядел... И разлукою мучился снова.
Ну, как я посмею теперь тебе что-то сказать,
Когда повторял, что молчание — выше, чем слово?..

Крест-накрест зачеркнут вконец неудавшийся день,
А пульс все морзянит, что лучшего мы и не стоим.
Луна оскудеет... И солнце взойдет набекрень
Над вечным покоем... Над призрачным вечным покоем.

Владимир Корнилов
(г. Братск)

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

СЛУЧАЙ В АЭРОПОРТУ

Александру Ивановичу Лобанову

Мы не сразу порой становились студентами Литинститута...
Не сумев одолеть до экзаменов множество книг,—
Возвращался и я — мне до рейса остались минуты,
И, прощаясь с Москвой, я взгрустнул в этот миг.

«Что унылый, земляк? Вижу, вместе в Сибирь улетаем?
Иль с невестой московской серьезный случился разлад?»
— Что ты, друг! Я женат!.. Звезд чужих, извини, не хватаем!
Рад бы в рай погостить, да земные грехи не велят.

И к тому же багаж мой никто без доплаты не грузит.
А в порту, как назло, ни единой знакомой души!..
Вон дежурный-приемщик, гляди, как глаза свои узит!..
А билет пропадет — полечу на какие шиши?!

...«Не горюй, сибиряк! Кто горел, тот в беде не бросает!»
Сгреб багаж мой — и прямо к контрольным весам.
А оттуда навстречу метнулась ухмылка косая,
Заплескалась в глазах, растекаясь по рыжим усам.

«Слышишь, друг! Не томи! Оформляй-ка ты нас поскорее!
Буквоед ты, однако, каких не видал я, прости!
Парень книги везет — мировую, сказать, эпопею.
Разве Пушкин с Толстым в наше время уже не в чести?!»

Джинсоватый обвел нас своим снисходительным взглядом,
Хмыкнул что-то в усы и забрал «злополучную» кладь...
А земляк мой случайный со мною стоял уже рядом —
Свою щедрую душу готовый любому отдать.

Как геологи все, был земляк мой немного сутулый,
Рябоватый лицом — для мужчин этот штрих не беда,
Голубые глаза, от ветров посмуглевшие скулы
И добавлю еще — в пол-лица у него борода.

...Я душою светлел, когда шли мы по «взлетному» полю.
Мой попутчик шутил о курьезах, случавшихся с ним...
А вокруг все цвело, ликовало и славило волю,
И сиял самолет, глядя в небо на солнечный нимб.

В НОВЫЙ ГОД
(Взгляд из детства)

Горели свечи среди бела дня,
И солнце пахло спелым апельсином.
...Нежданно деда рассмешил меня,
Назвав при встрече не внучком, а сыном.

Мы с ним столкнулись около кафе,
Где я на горке ледяной катался.
Мой деда был под легоньким «шафе»
И всем красивым тетям улыбался.

Они ему дарили свой привет —
Снежки бросали и смеялись звонко.
Как будто с ним знакомы много лет,—
Вели себя, ну просто как девчонки!..

Я деду тряс стыдливо за рукав,
Чтоб вел себя на улице прилично.
...Но взгляд его был весел и лукав:
Был Новый год — и значит, все отлично!

* * *

Николаю Золотареву

Праздник твой в родном кругу,
Невзирая на пургу,—
Хлебосолен...
Слышишь, Русь в церквах звонит? —
Души тянутся в зенит
С колоколен...

За окном кружится снег.
На дворе 20-й век
Провожаем.
На изломе двух эпох
Был он грозен, видит Бог,—
Мы-то знаем!..

Но стучится новый век —
Будь в нем счастлив, человек,
Бодр и весел!
День рожденья твой пришел,
Светел ты всегда душой,—
Пьян от песен...

Час, когда ты был рожден
И в купели окрещен,—
Мы восславим!
Впредь до двести лет живи

Ты в согласье и любви
С Православьем!..

Праздник твой в родном кругу,
Невзирая на пургу,—
Хлебосолен...
...Слышишь, Русь в церквах звонит? —
Души тянутся в зенит
С колоколен...

НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

1

Мглистый день, продрогнув к вечеру,
Будит зябко тишину.
Но вселенского диспетчера
В январе я не кляну...

Хоть в прогнозах стал он путаться,—
К ним относится с ленцой,—
Не впервой нам в шубы кутаться
И скакать весь день трусцой...

На его промашки зимние
Нам укажет божий перст.
...Глянь! — И впрямь в искристом инее
Рождество царит окрест!

2

Воздух хрустящ и по-зимнему сладок,—
Как карамель.
Вновь закружил нас и внес беспорядок
Праздничный хмель...

Весело, людно в такие минуты —
Сердце поет.
Бог, разорвав наши тяжкие путы,
Крылья дает...

Души светлеют в морозную роздымь
От волшебства.
Небо становится гулким и звездным
В дни Рождества...

Теплятся свечи на горних* иконах —
Мир и покой.
...Кается исповедально в поклонах
Грех наш людской.

---

* Горний — небесный.

ЗИМНЯЯ СВАДЬБА

Скачут звонко кони синие,
Ленты ярко развеваются.
Свадьба вытянулась в линию —
С небом санный путь сливается...

Свадьбой русскою все любуются,
Чтоб не сглазили, крестят вслед.
Все ликуют, и все целуются,—
Значит, счастью быть много лет.

А зима, сверкая красками,
Озаряет свадьбу вымыслом —
И с поклонами, побасками
В рушнике ей солнце вынесла.

Вновь запенились разливанные
Мед и брага во всех ковшах,
Поцелуи хмельны медвяные,
И у свадьбы поет душа.

...Мчится! Мчится свадьба зимняя!
В колокольчиках, бубенчиках! —
Это Русь-невеста в инее
С Рождеством в мороз обвенчана.

Следом песня летит баянова,
Поспешают за ней друзья.
Русь Престольную славят заново
Удалые ее князья.

ЗИМНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Восхищаться перестали мы:
Словно пленкой застит взгляд.
...В пышных шубах горностаевых
Нынче елочки стоят...

Русь зимой щедра подарками.
В лес войди — и удивись!
За серебряными арками
Здесь совсем иная жизнь...

Плюнь на мысли оголтелые!
Прочь о деньгах разговор! —
И березок шали белые
Озарят твой мрачный взор.

Зазвонят лесные звонницы
О величье бытия,—
И душа добром наполнится
Вновь по самые края.

В СИБИРИ

Словно сказка живая
В расписных теремах,—
Так Сибирь вековая
Нынче вся в кружевах.

...Зимний утренний мóрок
Всюду мглист и тягуч.
За окном минус сорок —
Даже воздух колюч.

А мороз — аж дымится...
В белых шубах домá...
Но в сибирской столице
Мне по нраву зима.

Коль метель,— то до нéба,
В рост медвежий снегá.
Здесь не меряно хлеба
И богата тайга.

Здесь вином и закуской
В праздник вас угостят.
Коли пир,— так по-русски,
А обиду простят.

Если горе без меры —
Боль разделят и грусть.
... Не живут здесь без веры
В Православную Русь.

В КРЕЩЕНСКОЕ УТРО

Владимиру Скифу

Кто этот наездник, что в желтом седле
По небу рискнул прокатиться?
И вместе с конем растворился во мгле —
Лишь облако следом клубится...

Как будто востока незримый огонь
Он видел сквозь сумрак морозный.
От быстрого бега заиндевел конь.
Хрустят под копытами звезды.

... А здесь, на земле, в этот утренний час
От стужи стонали деревья...
Да всадник, на жарком коне горячась,
Промчался стремглав по деревне.

* * *

Помнишь, тот январский вечер?
Ты — невеста, я — жених.
Мы идем — Федот навстречу,
За три дома слышен чих...

Он — ударник леспромхоза
(Знать, работник хоть куда),
Но в Крещенские морозы
У Федота грипп всегда...

Ты сказала в шутку громко
С ним при встрече у ворот:
«Вам бы в баню с нашей Томкой! —
Был бы хвори укорот!»

Он, смеясь, калиткой хлопнул,
Снег на валенках отряс,
И, ногой от чиха топнув,
Он чихнул в последний раз...

«Будь здоров, Федот! Не кашляй! —
Вслед серьезно мы ему,—
«Гостем ждем на свадьбе нашей...
Да с собой зови куму!»

Нам откланялся степенно
Этот дюжий лоботряс...
Смех, вдруг вырвавшись из плена,
Долго наши плечи тряс...

В корчах билось все предместье,
Смех безудержный кляня,
Хохотал веселый месяц,
Сверху кукишем дразня.

Дед, сидевший в огороде
«По нужде»,— и тот хрипел...
Мы ушли, а смех в народе,
Говорят, всю ночь кипел.

Валерий Демидов
(г. Тула)

PERSONALIA

Родился 17 мая 1948 года в г. Болохово Тульской обл. Окончил историко-филологический факультет ТГПИ им. Л. Н. Толстого. Трудился рабочим, преподавал. Более 10 лет работал в ряде газет Тульской области, затем редактировал религиозные издания, издающиеся для жителей России и стран СНГ. Печатается в журналах и альманахах. Автор четырех книг, альбома с песнями на свои стихи. Записал два аудиодиска «Свои стихи читает Валерий Демидов» (по 8 часов звучания). Член Союза журналистов СССР и Интернационального (Международного) Союза писателей (ИСП).

НАШ ПУШКИН

(К 220-летию со дня рождения)

От Бога гений. Гордость земли русской.
Ваятель мыслей, образов и рифм.
Ты трактом шел, а не тропою узкой,
Познав словес великий алгорифм.

Ты с африканской кровью Ганнибала
Служил России честно в лоне муз,
Среди пиитов числясь в генералах
И Царскосельский не забыв союз.

Ты в тридцать семь был мудрецом и старцем,
И на дуэли пал в тридцать седьмом,
Покинув мир, как покидают карцер,
В котором можно тронуться умом.

Но ты был Сын Отечества большого
И вынес все, что жизнь преподнесла,
Боролся словом, восторгался словом
И словом делал разные дела.

По-детски добр был, иногда наивен,
Мог и грустить, и смехом покорять,
И мир глубин твоей души был дивен,
И душу Богу мог ты доверять.

Ты дуэлянт был и горячий спорщик,
Когда твою вдруг задевали честь,

Надеть пытаясь на Поэта вожжи,
Держа небрежно руку на плече.

Знал Кюхельбекер, что сумеет Пушкин
В стихах воздвигнуть памятник себе
И возвестить сильней, чем в полдень пушки,
О русских судьбах и своей судьбе...

Да, жив Поэт, пока душой мы живы!
Вон, посмотрите, он средь нас идет,
И льются звуки рифм его красивых,
Зовут стихи к прекрасному народ.

Он разным был, в себя вселив полмира,
Любил и карты, и прекрасных дам,—
Не плотью он соделался кумиром,
А дивным слогом, что душе — бальзам.

Его Онегин любит вас, Татьяны,
Дубровский ныне где-то рядом, Маши,
И Моцарт в ком-то жив сегодня явно,
А рядом с ним Сальери ядом машет,

И Медный всадник рвется из гранита
На ту свободу, что звала Петра,
И Пиковая дама не забыта,
Цыгане петь готовы до утра,

Кавказский пленник от цепей раскован,
Все также пир во времена чумы
И царь Салтан опять надежды полон,
Что князь Гвидон воротится из тьмы...

Великий Пушкин — «наше все» доныне.
«Поэт в России — больше, чем поэт».
Как Иисус — в Отце, так Пушкин — в Сыне,
Дарующем спасение и свет.

НАЧАЛО ВЕСНЫ

И вот холодная весна
теплом согрета,
бегут ручьи,
повсюду талая вода,
запели птицы,
предвкушая негу лета,
набухли почки
на деревьях у пруда.

Игриво светит
солнце нежными лучами,
апрельский воздух

опьяняет и бодрит,
и каждый взгляд
уже не кажется случайным
и что-то доброе
прохожим говорит.

Вчера, на Пасху,
разговлялись куличами
и повторяли много раз:
«Христос воскрес!»,
«Воистину воскрес!» —
нам отвечали
и на себя
накладывали крест.

И все, что было
снежною зимою,
уже не кажется
нам бременем судьбы,
и радуются окна,
что их моют,
и красятся окошки
голубым...

Мечты проснулись
и душа моя запела,
и, скинув возраст
на десяток эдак лет,
я долго слушал
серебристый звук капели
и радовался
жизни на Земле.

С младою силой
прорастает зелень,
и кажется,
что нет иных забав
у ветра,
заменившего метели
на тихий вой,
пугающий собак.

Зато под вечер
тишина такая,
что кажется —
уснул уставший день
и стрелки часовые
чуть толкает,
и все длинней
отбрасывает тень.

Я розовым закатом
очарован.

Когда-нибудь
и мой придет закат.
Все будет так,
как говорит нам Слово,
дарованное
Богом на века.

ОХОТНИКИ

Они степенны. Знают себе цену.
Съезжаются на джипах к леснику.
Их ружья инкрустированы ценно.
В багажниках спиртное к шашлыку.

С иголочки одежда цвета хаки.
Нет худощавых, изможденных лиц.
Икра, балык, в ведерке к пиву раки,
Коробки разных ароматных пицц.

Поляна облюбована. Накрыта.
И первый тост — по стопке за успех.
Под кровь стоит огромное корыто,
А рядом с финкой сумрачный узбек...

И вот — пошли. По венам кровь бушует.
Сжимают руки гладкое цевье.
Молчание. Никто уже не шутит —
Все ищут взором дикое зверье.

Лес стал чужим, загадочным и тихим,
И лишь кукушка — экстрасенс судьбы —
Как метроном охотничьей интриги
Отсчитывает время для стрельбы.

Сломалась под ногой оленя ветка —
Расширились охотников зрачки,
И чья-то пуля уложила метко
Коричное тело в васильки...

Кровь растекалась по лесной поляне,
Глядели ввысь печальные глаза,
А над ближайшими пшеничными полями
Вдруг разразилась сильная гроза.

И хлынул дождь из одинокой тучи,
Смывая кровь, лаская зверя шерсть.
А кто-то молвил голосом скрипучим:
«Всего один... Так ведь их было шесть!

Не повезло... И дождь совсем некстати.
Давайте выпьем, да рванем домой».
И, рассекая лужи, словно катер,
Рванулись джипы с мощною кормой...

Дождь перестал, и продолжалось время
Устойчивой духовной глухоты...
Не стало просто одного оленя...
Но вздрогнул Бог от этой пустоты.

МЫ ИЗ ДЕРЕВНИ

Отцы наши, деды с косой здесь ходили —
В трудах деревенских не сыщешь идиллий,
Но в нас ностальгия пшеничная дремлет,—
Мы из деревни.

Коль крикнул петух — поднимайся с постели.
Здесь люди в трудах деревенских потели,
Воочию здесь человеческий кремний,—
Мы из деревни.

Нас всех повенчала родная природа.
Мужик из деревни отличен породой.
Здесь нет и не будет привычек тюремных,—
Мы из деревни.

Вкушают продукты полей горожане,
Все дети и взрослые мед обожают,
И шепчут листвой городские деревья:
«Мы из деревни...».

На Троицу едем в березовый лес,
Любуемся видами красочный мест.
Живут в нас доныне обычаи древних,—
Мы из деревни.

Из дома — на землю, без лифтов «высоток».
Здесь все измеряют аршином и соткой.
И вид поселений — не облик царевны,—
Мы из деревни.

Здесь родина, ратная слава и сила.
Здесь стержень и соль необъятной России.
«Откуда вы?» — спросят. Не будет дилеммы,—
Мы из деревни...

ТАМ, В ВЫШИНЕ...

Глубины чувств стихом измерив,
Я вырвусь ввысь из суеты,
И жизнь земная — не потеря
На фоне Божьей высоты.

Там, в вышине, где все иное,
Я встречу маму и отца
И мы с любовью неземною
Соединим свои сердца.

Там, в мире звезд, где нет обмана,
Где светом ангелы полны,
Возникнут, словно из тумана,
Черты Божественной страны.

Мне не однажды она снилась,
Но в снах представить я не мог,
Какая все же это сила —
Его заоблачный Чертог!

Здесь нет запачканной одежды,
В асфальт закованных дорог,
Здесь христианские надежды
Грехи низвергли и порок...

Там, в вышине, отринув страхи
И крылья в Духе обретя,
Я, не годившийся в монахи,
Предстану в облике дитя.

Не будет злобы и обиды,
Сомнений, зависти и бед,—
И я, так долго жизнью битый,
Приду в смиренье, Бог, к Тебе.

Что было раньше, то забуду,—
Ведь в прежних мыслях грех живет
С времен предательства Иуды
До дней, отринувших Кивот*...

Там, в вышине, познаю Бога,
Пойму, что жил я на Земле
Всего мгновенье и убого,
И в сатанинской кабале...

Как хорошо, что смерть приходит
За плотью, грешной и больной...
Там, в вышине, на переходе,
Случится главное со мной...

ЧИТАТЕЛЯМ

Я весь открыт в моих стихах.
Все мысли, чувства и надежды
Пред вами сбросил, как одежды,
И вам покаялся в грехах.

Я растворился в вас душой.
И в каждом слове, в каждой фразе
Иду к вам будто бы на праздник,
Неся в руках букет большой.

* Кивот — обозначает Ковчег Господень или Ковчег Святыни (евр.).

Я ваш слуга и верный рыцарь.
И днем, и ночью мой Пегас
Готов нести на крыльях вас
И дать вам радости напиться.

Вы только слушайте меня
Сердцами, где иные звуки
И обнимают вас не руки,
А жар духовного огня.

Вы не спешите в лоно буден
Из поэтического мира
И пусть моя простая лира
Вам долго лучшим другом будет.

РИДНА УКРАИНА

Я не о том, кто виноват,—
виновных Сам Господь накажет,—
хочу в стихах найти слова,
которые услышит каждый...

Я по Крещатику гулял,
в Днепре купался величавом,
пред Лаврой Киевской стоял,
в которой святости начало.

Потом, спустя десяток лет,
служил во Львове я солдатом,
стоял на западной земле
на страже мира с автоматом.

В районном городке Сокаль
влюбился в Люсеньку Явдошко;
на «дембель», в памятный февраль,
была в руке ее ладошка...

Но жизнь сложилась по-иному:
я не приехал к ней в Сокаль,
найдя невесту рядом с домом,
оставшись тем, кем был,— москаль...

О, Боже! Как давно все было!
Теперь я дед, седой старик,
но моя память не забыла
каштанов цвет и храмов лик.

И, слыша «украинску мову»,
все замирает вдруг во мне
и зрительно всплывают снова
Сокаль, Крещатик, Львов и Днепр.

Жива во мне ты, Украина,
и я, москаль, признать готов,
что Киев — это не чужбина,
а «мать российских городов»*.

Он, князь Олег, сим миром правя,
сплотил днепровских всех славян,
и Киевскую Русь восславил
не только он, но и Боян**...

Ты, Украина, воевала
и страшный приняла удар,
в аду Освенцима страдала,
жила в сгоревших городах...

Богдан Хмельницкий и Мазепа,
Тарас Шевченко и Ковпак,
Тропинин, Айвазовский, Щепкин,
Полесье, Крым, Карпатский парк...

А ныне что? Вражда с Россией,
в Донецке — стон, в Луганске — боль...
Как нам вражду и зло осилить?
Как совладать с самим собой?

Теперь границы под замками,
не может даже и родня
приехать, сбросив, будто камень,
кощунство нынешнего дня!

Кто виноват? Спросите Бога,
лишь Он способен дать ответ.
Мы все сегодня у порога
последних дней, последних бед.

Войною дело не поправить.
Не на бумагах пишут мир.
Есть Десять заповедей-правил,
которые забыли мы...

Крепитесь, братья! Верьте, други,
что близ Диканьки вечера
вновь соберут в казачьем круге
всех тех, кто дружен был вчера.

---

* Название «мать городов русских» пошло от князя Олега Рюриковича, который в 882 году завоевал город Киев и сделал его своей резиденцией, а позже и столицей Киевской Руси.

** Бо́ян — древнерусский певец и сказитель, «песнотворец», персонаж «Слова о полку Игореве».

Ирина Васильева
(пос. Шварцевский Киреевского района
Тульской области)

Наш постоянный автор.

ФЕВРАЛЬ

На волю вырвались метели,
И зло кусается зима,
Но дни и лица посветлели,
И сжалась от морозов тьма.

Недолго длиться зимней лени —
Пришел февраль с мечтой шальной,
Смеется снег, сияют тени
Молочною голубизной;

А пульс травы под снегом бьется,
Крадется в небо летний зной,
По всей земле любовь прольется,
Завороженная весной.

Пробьется радость сквозь печали,
Чтоб голос жизни не затих,
Чтоб камертоном прозвучали
Капели звон и звонкий стих.

В ЯБЛОНЕВОМ САДУ

В июне на яблоне старой
В саду, где устал соловей,
Восторженной снежной тиарой
Сияла одна из ветвей.

Покинули в мае соседки
Цветения слаженный хор,
Но поздно для маленькой ветки
С зимою закончился спор.

Теперь на дыхании третьем
Нездешняя радость цвела...

Вдруг замер мой взгляд:
лихолетьем
Надломленной ветка была!

Ей с песней любви недопетой
Для избранных выпала роль —
Проклятье и счастье поэта —
Творить красоту через боль.

Погаснет последнее лето,
Бесплодны цветы и мечты...
Но память жива и согрета
Сиянием той красоты.

ВОСПОМИНАНИЯ О КОСТРОМЕ

Когда забот закружит стая,
Налет печали я сниму:
Страницы памяти листая,
Я вновь увижу Кострому.

В узорных окнах и оградах
Она опять ко мне пришла;
Сияют белые фасады,
И золотятся купола.

Смотрю восторженно и кротко,
Моя любовь к вам горяча —
«Ряды» и площадь «Сковородка»,
И памятник, и каланча...

Среди старинных строгих зданий
Он первым видит свет зари —
Простой мужик, Иван Сусанин,
Вознесся выше, чем цари.

Здесь я брожу, забот не зная;
Цветет улыбка на губах,
Здесь Родины душа живая
Пульсирует в моих руках.

Отброшен мусор жизни грешной,
И лечит лучше, чем врачи,
Ваш говор северный неспешный,
Радушные костромичи.

Здесь светят доброта и сила;
Леса лелеют тишину,
И солнце мягко погрузило
Лучи закатные в волну.

Здесь ель смолистыми слезами
Мои ладони окропит,
А Волга синими глазами
На дно души моей глядит.

Лежит, красавица, небрежно
Песчаный пляжик подстелив;
Волною шепчет, манит нежно,
Бокал восторга мне налив.

Ладонью водяною гладит
Языческое божество —
Бальзамом на душе осядет
Реки святое колдовство...

Я праздник вновь себе устрою
С подарком сердцу и уму:
На все дела махну рукою
И путь направлю в Кострому;

Я для чудес глаза открою,
А у тоски возьму расчет;
И Волга свежею струею
По шлюзам сердца потечет...

НА РОМАШКОВОМ ЛУГУ

Я тебе обещать не могу
Чувства нежного в мире жестоком...
На ромашковом теплом лугу
Наши души сошлись ненароком.

Светлый взгляд твой не скроет любовь —
Как найти мне себе оправданье? —
Ты тайком затеваешь вновь
На ромашках девичье гаданье...

Только правды не говорят
Нам цветы на лугу душистом;
Пусть надежды смоется яд
Утром розовым и росистым.

Солнце счастья взойдет не для нас,
Дня прошедшего вытеснив бренность;
Не роняй слезинки из глаз —
Эфемерную драгоценность.

Я тебя не зову, не гоню —
Нет судьбы у свиданий наших;
В дальней памяти я сохраню
Чистый облик среди ромашек.

ОСЕНЬ

Зацепило душу что-то...—
Сквозь заботы и дела
Чистая пробилась нота:
Осень в мире расцвела.

Оживили небо тучи
И с землею говорят,
Надевают клены лучший,
Драгоценный свой наряд.

Солнце предалось капризам,
И дожди пошли в тираж;
На шоссе, сыром и сизом,
Затерялась лета блажь.

Плещет небо, словно море,
С вечера и до утра...
Осень... Кто же с ней поспорит? —
Подводить итог пора.

Но со мною осень дружит:
Свежий ветер — мне родня,
Ласка в серебристых лужах
Задрожит на склоне дня...

Сердце вспомнит, как любило;
И прольется нежность в нем...
А за окнами рябина
Плачет пламенным дождем...

ЗИМОЙ

Как в одеяло, в зиму заверну
Свои тревоги — пусть поспят до марта,
Не жду весенней суматохи старта
И в зимний мир свой не зову весну.

По белой тропке бережно пройду —
Чиста здесь мысль и память без осадка;
Умою душу я покоем сладким,
В дыханье снега радугу найду.

Я не спою про вешнюю беду —
Я зимнюю рассказываю повесть;
В ней снег, как незатоптанная совесть;
Он не растает — это я уйду.

ЛЮБОВЬ

Ах, зачем эта роскошь негаданно
Пролилась в мою душу бездомную;
Ведь судьбой моей, видно, задано
Ей в беду превратиться бездонную.

За беседой пристойною, чинною
На тебя посмотрю лишь украдкой,
Прячу я под улыбкой невинною
Свой порыв убежать без оглядки.

Я — само воплощение робости,
Из которой прорвется истерика,
Если я загляну в эти пропасти
Глаз далеких, словно Америка.

За стыдливостью щек пылающих
Ты не видишь тоски окровавленной,
И надежд, навсегда улетающих
Из души, пожаром оплавленной.

Я не выпью бальзама взаимности,
Не шепнут твои губы признания;
Под обманом моей наивности
Грустной правды звучат завывания.

Всходы ревности, злые и дружные,
Я ращу под личиною скромною,
Не узнать тебе — да и нужно ли —
Про любовь мою грешную, темную.

Мне не вынести боль эту сладкую
От случайного рук касания,
Положу я на душу заплаткою
Горе горькое — расставание.

* * *

Одуванчик еще не проснулся,
Сизый лес ожиданием пьян;
Паутинкой к лицу прикоснулся
То ли дождик, то ли туман.

Обнаженную мокрую землю
Зелень тронула только слегка;
Я и тучи, и Солнце приемлю,
И рождение в почке листка;

Пусть еще непонятны желанья,
И судьба неясна мне пока —

Все приемлю — и дрожь ожиданья
В неизвестность уносит река.

ПОТЕРЯЛАСЬ

Я, как чудище лесное,
В темных зарослях блуждаю;
Видно, шутит лес со мною
И куда ведет — не знаю.

Я грибник — а может, леший?
Кабаны меня боятся,
А в душе сумбур намешан —
Тянет плакать и смеяться.

Ельник встал глухой стеною,
Непонятен, неизмерен;
Я беседую с собою,
А мобильный мой потерян.

Все сумею превозмочь я —
Только тени все густеют,
Комары вот только к ночи,
Как фашисты, свирепеют.

В волосах моих — иголки;
Я иду, ломая ветки;
И надежд моих осколки
Я теряю, как монетки.

Спорить с лесом я устала —
Может, сам меня отпустит?
А где я сейчас стояла,
Вырастет плакучий кустик.

Вот и рев медведя слышен —
Или там мычит корова?!
Вьется легкий дым над крышей...
Лес, прощай!!! Приду я снова...

ПРОПАЛА СОБАКА

Мне так одиноко сегодня и плохо:
Собака куда-то ушла — вот дуреха;
Напрасны все поиски — нет и следа;
И плещутся страхи, как в море вода.

Мыслишка вползает змеей ядовитой:
Собака упала в колодец открытый;
То колют догадки, как будто ежи:
Хотят пообедать собакой бомжи...

На цепь посадили, в сарае закрыли —
Тут мысли мои в отупеньи застыли,
И чудится мне где-то жалобный вой:
Наверное, шкуру сдирают — с живой...

Не капля дождя, а слезинка упала:
Собака моя под машину попала —
Вон там, на дороге, распластанный труп...
И имя собачье срывается с губ.

Но воздух взорвался — и труп шевельнулся:
Мой белый щенок наконец-то вернулся;
Ко мне он несется, сбивается с ног;
Усталый, голодный, в пыли от дорог;

Все руки мне лижет и тихо визжит,
От радости хвостик собачий дрожит.
Я брошу дела, я попраздную всласть:
Не выпала карта собаке пропасть!

Ты где же блуждала, бродяга, скажи!
И мяса кусок посочнее держи.

Сергей Филиппов
(г. Москва)

НОВЫЕ СТИХИ

Сергей Владимирович Филиппов родился в г. Москве. Образование: Московский институт химического машиностроения. Инженер-механик. Член литературной студии «Вешняки». Печатался во многих журналах. Дед — Григорий Наумович Каминский — руководитель тульских большевиков в октябре 1917 г. Бабушка — Розен Ольга Борисовна — коренная тулячка, член КПСС с 1917 г., кандидат технических наук, лауреат Сталинской премии. До последних дней поддерживала тесную связь с партийными и общественными организациями Тулы и газетой «Коммунар».

* * *

Бежали гурьбою, не ждали беды,
И были порою безмерно горды.
Безликая масса, не то и не се,
Искавшая сразу ответы на все.
Но требует мужества каждый ответ.
«Позвольте мне, юноша, дать вам совет.
Подумайте, юноша, с чем сопряжен
Весь путь наш, и нужно ли лезть на рожон?
Не лучше ль, мой друг, просчитать все ходы?»
...И вот уж вокруг поредели ряды.
Все меньше ребят, тех, что прут на рожон.
Все больше храпят возле любящих жен.
Все меньше безумных, оставящих след,
И есть кому юным дать мудрый совет.

* * *

Вкус потерян, не то восприятие.
Зябко, даже в полуденный зной.
Старость — это тоска и апатия,
Это боль, что повсюду с тобой.

Позади все пустяшные хлопоты.
Обветшал и былой реквизит.
Старость изредка делится опытом,
Большей частью о чем-то грустит.

Все слабее и все неуверенней,
Ни стремлений, ни сил за душой.
Доживает свой век, что отмерен ей,
Как всем кажется, очень большой.

САГА О ФОРСАЙТАХ

Когда порталы или сайты
Не снились в самом дерзком сне,
Смотрели «Сагу о Форсайтах»
В большой, читающей стране.

Все ждали телепередачу,
Все — и мужской, и женский пол.
Забыв про лето и про дачу,
Про домино и про футбол.

Муж приходил с работы рано,
Супруга, отложив скандал,
Спешила вместе с ним к экрану,
Весь город будто вымирал.

А днем, лишь только соберемся
В обед, во время перемен,
Все дружно осуждали Сомса,
Переживали за Ирэн.

Мы жили хорошо и плохо,
Но всех нас волновал сюжет:
Викторианская эпоха
И ряд последующих лет.

С экрана мягкою походкой
Входил к нам буржуазный мир.
Когда-нибудь и в нашу глотку
Вольют твой сладкий эликсир.

И нам покажут Сагу снова,
Лет этак через пятьдесят.
В стране, читающей Донцову,
Где смотрят все «Пусть говорят».

Чтоб после всех экспериментов
Могла порадоваться ей
И горсточка интеллигентов,
Дожившая до наших дней.

ИВАН СУСАНИН

Так кто же он, Иван Сусанин?
Что спас, по логике вещей,

Династию? Мужик, крестьянин?
И был ли таковой вообще?

А может, подвиг домочадцы —
Дочь Антонида или зять —
Придумали, чтоб подвизаться
И позже льготы получать?

А следом и вельможи строем
Подняли несусветный вой.
Раз Родине нужны герои,
Чем вам Сусанин не герой?

В истории российской нашей
Сей спор идет немало лет.
И в опере известной даже
Меняли пару раз сюжет.

Не каждый знает россиянин
Про монумент и что на нем
Изображен Иван Сусанин
Был со спасенным им царем.

Однако, время подступило
И, как у нас заведено,
С него убрали Михаила,
А с ним Ивана заодно.

Пусть сочиняют анекдоты
Сегодня кто-то, не беда.
Пускай их наши патриоты
Ругают с пеною у рта.

Тех и других я успокою:
Любая правда не страшна.
Не Родине нужны герои,
Героям Родина нужна!

«ЧТО ЖЕ ТАКОЕ СЧАСТЬЕ»

(По Э. Асадову)

Так «что же такое счастье»?
Всю жизнь находиться у власти?
Быть мелким, самовлюбленным
Сегодняшним Наполеоном?

А может быть, счастье, ребята,
Быть просто «крутым» и богатым?
Несметно. Ну, скажем, к примеру,
Российским миллиардером?

В Госдуме заметят резонно,
Что счастье — творить законы.
Жить по которым просто
Жуликам и прохвостам.

А кто-то признается честно
И скажет, что счастье — известность.
Когда у вас личный биограф,
И просят все время автограф.

Ну что ж, и такое бывает.
И счастье, и люди мельчают.
Ни поиска, ни горения,
Одно лишь служебное рвение.
И каждый, пускай и отчасти,
Сегодня по-своему счастлив.

Модель современного счастья
Банально проста, и добавьте,
К тому же еще и наивна,
До глупости, и примитивна.

Модель двадцать первого века
Значительно ниже Казбека,
И вряд ли сопоставима
Хотя бы с высотами Крыма.

МОСКВА ВСЕ БОЛЬШЕ

Москва все больше. Скопище людей
В одном отдельном, небольшом пространстве
Безумию сродни. Но все сильней
С каким-то непонятным постоянством
Мы рвемся в мегаполисы. Все здесь,
Почти на удивленье бестолково:
Богатство, бедность, нищета и спесь,
Одно неотделимо от другого.
Ты — как осиный улей, не понять,
Москва, твои ходы и лабиринты.
Людей ты заставляешь проявлять
Все низменные чувства и инстинкты.
На сотни верст в длину и ширину
Раскинулась страна, но люди, точно
В затмении, стремятся лишь в одну,
Одну и ту же маленькую точку:
В Москву. И этот пагубный процесс
Затронул очень многих, и не диво,
Что каждый, кто стремится, ждет чудес
И в предвкушенье призрачной наживы.

* * *

Малыш сидит, уткнувшись в гаджет.
Горят восторженно глаза.
Он счастлив, и никто не скажет:
«Послушай, милый, так нельзя».

Никто бедняге не поможет.
Коль надо, не повысит тон.
Родители? Но оба тоже
Сидят, уткнувшись в телефон.

Малыш рассматривает гаджет,
К его услугам все меню.
Посев духовный эта гадость
Уничтожает на корню.

И неокрепшее сознанье
Его не в силах устоять.
Как юный Фауст, в состояньи
Он душу дьяволу продать.

Малыш сидит и смотрит в гаджет.
Как с другом лучшим, с ним вдвоем
Проводит весь свой день и даже
Не расстается перед сном.

Ведь все земное в общей массе
По сути — суета и тлен,
И так по-дьявольски прекрасен
Порою виртуальный плен.

* * *

Я, как всегда, опять последний,
Не в «шоколаде» и не в «тренде».
«Не въехал в тему» в нужный срок,
Как все, и «фишку не просек».

Судьба закручивает гайки.
Никто не присылает лайки.
Мобильный телефон подсел
И безнадежно устарел.

(В нем слишком мало килобайтов).
Вдобавок отключил провайдер
За неуплату интернет,
И связи с внешним миром нет.

С досады объявил бойкот
Коту зловредному, и кот,
Которого зовут «Гораций»,
Сидит и ждет отмены санкций.

* * *

Мой верный спутник, друг и побратим,
Смирись душою, укроти гордыню,
Тщеславие свое и будь отныне
Бесстрастным к шумным почестям людским.

Стань равнодушным к ним, не сожалей,
Что путь тобою пройденный на свете,
И все, что ты оставил в нем, заметит
И вспомнит недостаточно людей.

Что каждый напечатанный рассказ
И каждое написанное слово
Покажутся сегодня не особо
Значительным кому-нибудь из нас.

Что сотни переписанных листков
И множество рожденных сердцем строчек
В итоге станут только рыхлой почвой
Для будущих, значительных ростков.

Елена Гусева
(г. Рязань)

Елена Николаевна Гусева родилась в г. Касимов Рязанской области в 1976 году. Окончила факультет иностранных языков Рязанского государственного педагогического университета. Довольно долго жила в г. Ухта Республики Коми. В настоящее время живет и работает в Рязани, преподает английский язык студентам медицинского университета. Вошла в шорт-лист всероссийского конкурса «Хрустальный родник»-2018. Есть одна публикация в журнале «Приокские зори».

ЗОЛОТИСТАЯ ПЫЛЬ

Леденящим контральто в предутренний час
Завибрировал сонный холод.
Встрепенулся, унылой подсветкой лучась,
Легендарный старинный город,

Огляделся застенчиво, мол, виноват,
Задремал — пощадите, бонзы!
Удержал скакуна богатырь Коловрат
Исполинской рукой из бронзы.

То ли поезд ночной вдоль железных боков
Неуемную льет тревогу,
То ли древняя боль сквозь границы веков
Пробивает дорогу к Богу...

Растревоженный город подставил лицо
Под секущего ветра клочья
И увидел себя быстроглазым юнцом
На дородной груди Поочья.

Тот юнец не берег ни лихого ума,
Ни отчаянной силы тела
И бесстрашно спустился с крутого холма
Под татарские луки-стрелы.

И твердели запястья, в сраженьях резвясь,
Воронье стерегло кругами.
И ложилась сомнений лукавая вязь
На доверчивый к злу пергамент.

Получил и нанес столько ран поделом
И напрасно — мечом и словом.
И забраться бы вновь на спасительный холм,
Но чудесный подъемник сломан.

И юнец повзрослел: не мое — не болит,
Я не грозный вершитель судеб.
Поступай, светлый князь, как Создатель велит,
А потомки, глядишь, рассудят.

И века потекли, огибая холмы,
Половодьем грозя весенним,
Бормоча монотонные песни-псалмы
О смирении и спасенье,

Родники и протоки с игривой водой
Забивая песком и илом
И в блаженно-юродивой тьме восковой
Поклоняясь пустым могилам.

Обмелела река, измельчали стада
На затинье времен. И город
Испустил неприкаянный вопль, а вода
Загудела, как тяжкий молот.

На рассвете крупинки волнующих снов
Растворились в затоне млечном.
На небесном табло непредвзятых основ —
Как всегда, без минуты вечность.

Леденящее эхо средь голых ветвей
Ослабело тысячекратно,
Неземные покатые плечи церквей
Утонули в штрихах квадратных.

Огляделся старик, передернулся весь.
А смахнуть бы к чертям сермяжным
Нерадивых творений убогую спесь!
Но — лениво, смиренно, страшно.

Не смахнул — укололся о храмовый шпиль.
И поплыл нежно-алым соком
Теплокровный рассвет в золотистую пыль
На старинном валу высоком.

У движенья вперед вкус соленой тоски,
Предвещающий вечный поиск,
И печаль, что вжимает в стальные тиски
Беспокойный, ритмичный поезд.

* * *

В зацикленном видео снова утро:
Весь мир за окном, я и чашка кофе.

Молчит телевизор, источник мутных
Проплаченных фраз от медийных профи.

Кофейный вкус драгоценным осколком
Исчезнет в бездне своих же клонов.
Отсчет начался — гонимая долгом,
Бегу мимо прутьев соседних балконов.

А там, в своем раю нелюдимом —
Мужчина, котик и сигарета.
У котика шерстка пропитана дымом,
Ладонями вылощена и согрета.

Мурлычет пушистый, латает дыры
В хозяйской ауре, словно жалеет.
И трудно не думать, что кот важнее,
Чем весь этот мир за окном квартиры.

ЖИТЬ В РАЗЛОМЕ ВРЕМЕН

Влажный запах домашней пыли.
Полированный слой меблировки.
Мы здесь слишком недавно были.
Мы же все еще здесь — полукровки,

Лихолетья заблудшие души,
Обнуленные полураспадом,
Ясновидящие и кликуши
По обоим краям баррикады.

Наяву строим небокоптильню,
А в бессонницу чувствуем кожей,
Как на кухне урчит холодильник,
Колебанья земные множит.

Где-то там, в инфернальной бездне
Разошлись нерушимые плиты.
Жить в разломе времен интересно,
Упоительно, зло, ядовито.

Путь на дно непригляден, долог,
Путь наверх осенен заботой:
Заполнять Марианский желоб
Повседневной, простой работой.

Всякий раз повисать на нервах,
Если громкий, скрипучий зуммер
Исполнял на мобилах первых
Приснопамятный «Черный бумер».

Разрываться на чет и нечет
Меж седьмым ноября и четвертым.
На экранную злиться нечисть
И самим себе мниться чертом.

И искать, искать философски,
Все и вся подвергать сомненью
И доказывать, что мы вовсе
Не потерянное поколенье.

А потом обрести пороги,
В дом войти без тугой поклажи
И смиренно уйти с дороги,
Когда пыль на ресницы ляжет.

* * *

От точки до точки — двенадцать песен.
Маршрут изучен, автобус тесен.
Сквозь пыльный и влажный оконный холод
Уныл и мрачен старинный город.

А люди, частицы с зарядом «минус»,
Сперва садятся поодиночке,
В руках телефоны — Android, Windows —
Заветный путь к удаленной точке.

И жизнь на бега в колесе похожа:
Извечна глупость и бедность тоже.
Дрейфуешь в потоке — хозяин, раб ли —
Пока коса не заменит грабли.

Авось, хоть куда-нибудь да прорвемся:
Забита встречка, а мы несемся.
В обмен на возможность судить мудрее
Чем ближе к ночи, тем жизнь быстрее.

И словно в ответ агрессивной ноте
Тряхнет автобус на повороте.
На песне тринадцать на стоп нажми.
Твоя остановка.
Выходи.
Живи.

ИЮНЬСКОЕ ШУТОЧНОЕ

Зной. Июнь. Пол-лета впереди.
Выгорает треугольник на груди.
То по центру, то по краю
Город тени расстилает
И давнишние ожоги бередит.

На ступеньках оживленной мостовой
Разлеглись коты-буддисты вразнобой,
Соблазняют сонным взглядом.
Эх, прилечь бы с ними рядом!
Но боюсь, для тети вызовут конвой.

Кристина Ашурко́ва
(г. Тула)

Ашуркова Кристина Сергеевна — начинающий автор родом из города-героя Тула. Ранее нигде не печаталась, но публикует свои стихи и рассказы на литературных порталах. Писать начала на закате 2014 года.

ЗАИНДЕВЕВШИЙ ХРАМ

Остыла ночь
От долгих жарких дней,
Ушедших прочь,
В былую неизвестность,
Расплавленным стеклом календарей
И канувших в другую бесконечность.

Зажглись огни,
Искусственно дрожа,
Со стороны
Мертвее древних духов,
На деле же — взволнованно дыша
В единстве теплых слов и дальних звуков.

На небе свет
Усталых звезд-зарниц
И много лет,
Отчаянно горящих
В огне обсидиановых ресниц,
Разводами хвостов комет блестящих.

Как яркий сон,
Прозрачное стекло,
Что тихий звон
Ссылает в первобытность,
Где прошлого сознанье залегло
И где живет родная самобытность,

Лежала ночь,
Раскинувшись крестом,

Землицу-дочь
Крылами обнимая
И тихо напевая пред костром
Балладу о златых воротах рая.

Студеный дол,
Заиндевевший храм,
Седой подол,
Сокрытый во Вселенной,
Рождением обязанный Богам —
Царица-Ночь у власти сокровенной.

СИНИЦА

Унылый острог,
Я — узник
В твоих заостренных пределах.
Всем тем, кто ничто не сберег —
Союзник —
Душою и телом.

Седой частокол,
Я — жертва
Твоей стародавней работы.
Твой вид — что под сердцем укол —
И нервы
В предвестии рвоты.

Взлохмаченный холм,
Я — тополь
В твоих одичавших сединах
Под антихристовым крылом.
Я — вопли
Ветров на чужбинах.

Мистический лес,
Я — тайна
Твоей обреченной невесты —
Любовницы, павшей с небес
Хрустальных
В объятия бездны.

Безумная жизнь!
Я — птица
В твоем аскетичном убранстве.
Ты мне напевала: «Кружись
Синицей
В придуманном царстве».

ПОЛУСТАНОК

В потускневшем от старости замке
Ты ждала своего короля.
А на пыльном седом полустанке
Напевали псалмы тополя.

Разметались по ветру их кроны,
Без обмана судьбе покорясь.
Одинокая в небе ворона
Рассекала свою ипостась.

И сугробились мутные воды
Одичалой, забытой реки,
Трепетавшей под сумрачным сводом
Синей веной рабочей руки.

Но на станции пусто и тихо…
Хоть бы кто-то о Родине спел
И фуражку на голову лихо,
Набекрень, рассмеявшись, надел!

Затянул бы веселую песню
Про солдатскую долю свою
И сердечно поклялся бы честью
Отстоять эту землю в бою!

Подхватил бы он на руки сына,
Мать с женою бы крепко обнял
И — у рта две счастливых морщины —
От любви и тепла просиял.

И под звуки гитары и песен
Полетел бы стремительно вдаль,
Слишком молод, ребячески весел,
Чтобы знать, что такое печаль…

Но на станции тихо и пусто,
Не гремят больше здесь голоса.
А на небе пугающе густо
Разрослись облаков паруса.

И на этих нещадных фрегатах
Унеслись в небытье чьи-то сны
О веселых мужчинах-ребятах,
Не вернувшихся к семьям с войны.

В ПРОКРУСТОВОМ ЛОЖЕ

Бумага все стерпит:
И дым, и песок,
И знойную похоть рассудка,
И мертвенно-бледный мясистый кусок
Ночной изрешеченной куртки.

Бумага смолчит —
Несчастный комок
В ногах у облезлого стула,
Как вылетевший из спины позвонок
Под сталью поэтова дула.

Бумага не дрогнет
От дикости душ
И грязных, фальшивых намеков,
Распластанных средь перламутровых луж
И узко натянутых сроков.

Бумага вберет
И камедь, и мрак
В свои черно-алые жилы;
Сожмет Перитона* в надежный кулак,
Раздутый от боли и силы.

Бумага не станет
Судить или врать,
И топать по полу ногами,
А будет в прокрустовом ложе молчать,
Снедая былое губами.

Бумага сгорит —
Отвергнутый прах
В извечности пыльной рутины,
Носимый когда-то на грешных руках
И павший под мост гильотины.

* Перитон — существо из мифологии Средиземноморских островов; считалось, что Перитон — олень с лебедиными крыльями и острыми зубами — является *сосудом для душ, сгинувших без вести моряков.*

Сергей Никулов
(г. Тула)

Родился в селе Морозовы Борки Сапожковского района Рязанской области. С 1979 года, после службы в армии, проживает в городе Туле, работает токарем на заводе. Член православных литературных объединений «Ковчег» и «Родник», литературного объединения «Пегас» при Тульском отделении Союза писателей России. Автор сборников стихов «Радуясь жизни» — 2012 г., «В просветленной тишине» — 2018 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЧЛЕНАМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Решилась взять перо моя рука
Не потому, что хочется известности.
Хранители культуры языка!
Душа болит за будущность словесности!

Когда-то мы загнали в темный склеп
И вспоминаем ныне как чудачество
Советский неуклюжий «Ширпотреб»,
Когда объемом подменялось качество.

Я помню гулких планов «громадье»,
И как страна нищала миллионами.
Я помню незавидное житье,
Где время жизни мерилось талонами.

Мы издаем десятки тысяч книг
И мним себя безмерно именитыми.
А любим ли читателей своих?
А много ль наших книг до дыр зачитано?

Когда мы станем труд коллег ценить
Не по обложкам, но по содержанию,
Тогда лишь только сможем ощутить
Воистину народное признание.

Открыто молвить слово не боюсь.
Каких-то тайн, быть может, я не ведаю,

Досадно мне,— в Писательский Союз
Не приняли б сегодня Грибоедова...

* * *

Новый день начинаю еще до зари.
Вереницей сквозь город бредут фонари.
Непростые дела ожидают меня —
Я сметаю заботы вчерашнего дня,
У людей убираю в рассветной тиши
Паутину тревог в закоулках души.
В гололед у меня безо льда тротуар —
Пусть идут без опаски и молод, и стар.
Во дворе превалирует радужный цвет —
Здесь печали и грусти пристанища нет.
Кто-то вновь зажигает над миром зарю.
На асфальт я с немым удивленьем смотрю:
Белобрысый мальчишка здесь был дотемна,
И не раз его мама звала из окна.
Вот обломок мелка позабытый лежит,
В берегах нарисованных речка бежит,
Желтый берег и замок, без шпиля пока,
А по небу, как чайки, плывут облака.
Алый парус, флажок, голубые борта
У кораблика с дивным названьем «Мечта».
Как живые, рассветного солнца лучи!..
Торопливый прохожий, постой, помолчи...
Ты представь себе утро, полвека назад,
Как впервые ребенком шагал в детский сад,
Как тепла была матушки милой рука
И как плыли в лазури небес облака...
Благодатным теплом отзовется душа
И пойдешь ты с улыбкой, уже не спеша...
Вон уже из подъездов выходит народ —
Тротуаром протопают сотни забот...
Ну и пусть недовольно ворчит управдом,
Здесь пройдется метла, но — к полудню, потом...

ЛОВЕЦ ЖЕМЧУГА

Сегодня с рассвета волнуется море,
Настойчиво волны с утесами спорят.

Идти в глубину — это верх авантюры.
И я б не решился, но,— слезы Лауры...

Любимой моей не нужны миллионы,
Да прочат в мужья престарелого дона.

И жадный отец не лишен интереса:
За дочь — ожерелье в две тысячи песо.

Бежать предлагал ей,— не хочет и слушать,
Не смеет отцовскую волю нарушить:

От гнева его и на дне не укрыться,
Осталось лишь Деве Пречистой молиться...

Я молод, силен, я отважен и ловок,
А в хижине бедной лишь пара циновок.

На виллы у моря взираю угрюмо:
Будь проклят тот демон, что деньги придумал!

Я слышал о тайне подводного грота,
Где серых жемчужниц без меры, без счета...

Немало пловцов за добычей спускалось,
Да так и в пучине бездонной осталось:

Свирепый хозяин лагуны глубокой
Обводит владенья всевидящим оком.

Колотится сердце у горла тревожно:
Я ныне достиг глубины невозможной!

Быть может, вы чувства мои не поймете —
Здесь лучики солнца дрожат на излете,

Вдоль рифа раскинули ветви кораллы —
Почти золотой, перламутровый, алый...

А мне до красот ли? Довлеет другое
Сейчас, от чего я лишился покоя:

Уже послезавтра подарок мне нужен —
Швырну ему в ноги пригоршню жемчужин!

Расщелина?.. Вход потаенного грота?!
Но, кажется, рядом шевелится кто-то.

На миг отвлечешься и,— в бездну утащит
Подводного мира хозяин неспящий.

Спокойнее — воздуха в легких немного,
Пусть ярость клокочет в глазах осьминога:

Еще ни один из живущих на суше
Не смог заповедных владений нарушить!

Три сердца у спрута — невиданно много!
Есть нож у меня! Он уступит дорогу!..

В висках напряженье пульсирует звонко:
Я справился! Жизни дороже девчонка!

И все-таки в мире не так уж и плохо:
Безумный восторг от глубокого вдоха...

ЖЕНУШКА

Женушка, женушка, милая женушка!
Ноченьки наши без сна...
Выпита нами до самого донышка
Чаша хмельного вина.

Души венчаются волей небесною
В нашей юдоли земной.
Только вчера ты была мне невестою,
Стала — желанной женой.

Ясные очи да нежные рученьки,
Тихое счастье мое...
Радость безмерная — дочки да внученьки,
Скромное наше житье.

Годы-невзгоды, досужие кумушки
Нас разлучить не смогли.
Вечные хлопоты, долгие думушки
Сетью морщинок легли.

Снег на висках — не фата подвенечная.
Осень заплачет дождем,
В даль позовет нас дороженька млечная —
За руки взявшись, пойдем.

Женушка, женушка, милая женушка!
Ноченьки наши без сна...
Выпита нами до самого донышка
Чаша хмельного вина.

Владимир Шугля
(г. Тюмень)

Владимир Шугля (Владимир Федорович Шугля) — поэт, публицист, общественный деятель. Публиковался во многих журналах.

Автор сборников лирики «С полей судьбы не собраны хлеба...» (2009), «Дороги жизни...: стихи» (2010), «Четвертое измерение: книга лирики» (2013), Живое время: книга лирики» (2016), «Имя твое: стихи» (2017) и др.

Лауреат ряда литературных премий.

ОТЦОВСКОЙ ТРОПОЙ

Бескрайнее, широкое раздолье,
Свободою волнующий простор,
И чудный цвет, и летнее приволье
Полей и нив, речушек и озер.
И солнца золоченое свеченье,
И аистов медлительный полет,
Тепла парного синее стремленье,
Что к небу тихим маревом плывет...
Природа вся как будто тяжко дышит
Нагою красотою в сильный зной,
И жаром раскаленным воздух пышет
Над милой белорусской стороной.
И не предам я этого стремленья
Тепла, что в молодую синь плывет,
И солнца золоченого свеченья...
И аистов медлительный полет...

* * *

Вновь и вновь проезжаю я мимо
Вечной стати полей и лесов,
Деревенек, что «сраму не имут»,
Прожигающих жизнь городов.

Выхожу на перроны вокзалов,
Полустанков встречаю салют,
Жизнь, как будто картины Шагала,—
И гротеск, и без днища сосуд,

Разухабисто далями льется
От пиров до похмелья в крови,
Позовет, оттолкнет, засмеется,
Заключая в объятья свои...

Я в рассветах найду остановку
Там, где аист кружит над жнивьем,
И повешу из сердца подковку
На дорогу, ведущую в дом...

* * *

Отец нам строил дом,
Мне было восемь.
Все сам... Своим трудом —
Семь зим и весен.

Дом рос... А с ним и я
Из сини в просинь.
Ложилась колея
На дни-колосья.

И белых яблонь сад
Вел в поднебесье...
Цветочный аромат
Струился песней.

И правдою поил
Родник деревни.
Душе давали сил
Поля... Деревья...

...За поворотом — брод,
Лес в птичьих гнездах.
И мама в дом зовет,
И небо в звездах...

* * *

Орел или решка... Взлетает монетка —
Играет на счастье пацан-малолетка.
Безоблачно небо... И солнце в зените
Вокруг все связало невидимой нитью.
От света все в яркой и сочной расцветке,
И звонко плоды набухают на ветке.

А дома все те же труды и заботы,
И мамина тропка ведет в огороды.
Ложится на душу, как жизни разметка,
И жизни дорога, и памяти метка...
И снова в ведре со студеной водою
Блистает луч солнца, зачерпнутый мною...

* * *

Сквозь ветви солнце золотит скворешню.
Струится свет, ветра и тьму поправ.
И дымкой светлой, бирюзово-нежной,
Окутан дня раздольно-синий нрав.

Свет в душу льется, чист, как из криницы.
Он пахнет рожью с утренних полей,
Как будто бы волшебная жар-птица
На землю льет чарующий елей.

Все растворилось в этом солнца царстве,
Собрав цветочный, как пчела, нектар...
И вольный дух земли, ветров бунтарства
Несут в себе покоя божий дар...

* * *

Потерялась в снегу деревенька
И за нею — в белом — погост...
Светлячками — оконные зенки,
В сердце свет негасимых звезд.
Вольно дышится в сельской сторонке,
И за щеки щиплет мороз...
Словно пес, ветер в снежной поземке
Свой за лесом скрывает хвост.

Печи топятся. Дым коромыслом,
Лижет окна синий туман.
Лишь о вечном рождаются мысли,
Улетая в звезд океан.
Вечным символом маминой веры
Крест на церкви к небу прирос...
...Как над пропастью — дали без меры
В свой бездонный, небесный рост.

* * *

Я — русь-кий, я вольною Русью рожден.
В ней белый, и красный, и черный цвета...
У дома родного колышется клен,
Полярная светит над крышей звезда.

Открыта калитка в зеленый рассвет,
И яблонь цветенье, как будто в раю,
Все это, как счастье на тысячи лет,
Сплелось воедино в родимом краю...

Я к дому шагаю отцовской тропой,
Из детства тропинкою звонкой и узкой,
И светлые звезды парят надо мной,

И небо, как пропасть...
Я — дома... Я — русь-кий.

* * *

На моем пути часовня,
И алтарь, и в бликах крест.
Он — маяк небес безмолвный,
Что в лучах зари воскрес.

К ним душой пройду дорогу,
Сбросив мрак, ушедший в ночь.
Обращусь с молитвой к Богу,
Всем, кто слаб, прошу помочь.

Успокоить ум мятежный,
Раздружить навек с тоской,
Чтоб зацвел надежд подснежник
Зимней скудною порой.

Чтоб согрело небо землю
И вернулись времена,
Где душа, подобно стеблю,
Высью вновь была б пьяна...

* * *

Память ли?.. Памятник
Слез и боли — Хатынь!
Памяти пламенем —
Покаянье над ним.
В воздухе ищем мы
Душ сгоревших сигнал.
Над пепелищами
Стон стоит, как стоял.
Колокол-маятник,
Вечных слез пилигрим —
Звоном по памяти,
Горем — горьким, людским.
Горя рубахою
Эти стоны носить...
Мысли как захолодь:
«Нелюдь может ли жить??!»
Плещется знаменем
Боль людская... Хатынь —
Родине памятник...
Свет небесный над ним...

* * *

Я заново жизнь узнаю
По книгам минувшего века,

По строчкам стихов... Как в бою
Разрывы духовного ego!

Мой взгляд из души устремлен
В то время, где мир безрассуден,
Где взрывы снарядов... И стон,
И пламя пожаров из судеб.

Я вижу голодных детей,
Горящие храмы и хаты,
Крысиного цвета людей,
Стреляющих из автоматов.

...Мелькнуло девчушки лицо
В истошном от ужаса крике.
Начертано ей быть венцом
На памяти божьего лика.

И тянется сердце к нему —
Девчоночьи слезы мне святы!
В душе помолюсь за страну...
...В семье, средь сестер, был я пятым.

* * *

Душа неотрывна от Минска...
Кореличи... В небе межа...
Скрепленная кровным единством,
Парит над Отчизной душа.

...Небесные русские вежи!
Рассвет, как тропинка родства,
Влечет в зазеркалье замежья —
Туда, где небес синева...

Край отчий весь в душах плывущих,
В горючих слезах матерей,
В Сибирь отпускает идущих
За странной судьбиной своей.

Крест веры нательный — подковкой —
Жизнь сложит в тайге вековой,
И в срок — в сорок первом с винтовкой —
Мой Минск защитит под Москвой*.

...В слезах закалялись надежды...
Небесным полетом стрижа
Летала в сибирском замежье,—
Кружила в Сибири душа...

---

* В Сибирских дивизиях было немало белорусов, ставших сибиряками.

* * *

...Прогнившая крыша... Разбитые стекла у окон.
Поземка гуляет по тропке за брошенным стогом.
В забытом колодце давно уже нету водицы...
И где ж ты, хозяин вот этой забытой землицы?
И где то семейство со стайкой веселых детишек,
И та голубятня, как небо
под солнечной крышей?

Белесою пылью забытая тропка ярится...
А память, как поезд, все в прошлое, в прошлое мчится.
И вновь возвращается гулко летящим экспрессом,
Где нет пассажиров...
Лишь юность с любовью...
Да детство.

* * *

Боль о боль — высекаю стихи,
Загорится строка, словно пламень.
Средь земных и порочных стихий
Разбиваю бездушия камень.

И горит между строчек душа,
Освещая мне поле сраженья.
А на белом листе не спеша
Пеплом в буквы ложится душа...
И рождается стихотворенье.

* * *

У автовокзала —
Платок до бровей —
Цыганка гадала...
Слов лился ручей.

Держала рукою
Девичью ладонь,
В девчушке — больное —
Сердечная томь.

Росинками слезы
В ресницах видны,
Сердечные грезы
Туманам сродни...

Ей хочется верить
В гадалкину «новь».
Распахнуты двери
В надежды... В любовь.

Цыганка гадала,
И лился елей...
Девчонка стояла,
Забыв про людей...

* * *

В день распахнуты ворота,
Снова дом стряхнул дремоту.
Вижу я в своем окне —
Две фигурки машут мне,
Взоры шлют и душ щедроты,
Провожая на работу.
Все... Пора вершить дела...
И стезя забот легла.
Только выйду за ворота,
Как сдаю судьбе зачеты...
...А в душе все машут мне
Две фигурки... Там... В окне.

Виктор Мызников
(г. Тула)

Родился в г. Москве, в семье военнослужащего в 1939 г. В 1962 г. окончил Тульский механический институт (ныне ТулГУ) по специальности «Системы автоматического управления летательными аппаратами». Стихи пишет около 20 лет. Дипломант I-го и 2-го епархиальных конкурсов художественного чтения «В начале было Слово» (2013, 2015), дипломант межрегионального поэтического конкурса «Стойкость. Мужество. Преодоление» (г. Калуга, 2014), дипломант конкурса самодеятельных авторов-исполнителей «Тульская душа» (2016).

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Посвящается моей жене Людмиле

В тот мир, где вечная весна,
Где радость и любовь на свете,
Давно ушла моя жена,
Разъехались из дома дети.

Мне трудно до сих пор принять,
Что милой нет со мною рядом,
Что слова некому сказать,
Никто не встретит нежным взглядом.

Не скажет: «Проходи, отец,
Поди, устал в командировке,
Поешь наваристый супец,
Готов тебе пирог в духовке».

Осиротел наш отчий дом,
Где жизнь бурлила на подъеме.
Напоминают о былом
Лишь фотографии в альбоме.

Но вот вновь оживает дом —
Приходят дети поклониться,
Убрать могилку, вырвать бурелом
И об усопшей помолиться.

ГОРА

Сияя в солнечных лучах,
Гора высокая стояла,

И вечность на ее плечах
Спала под снежным одеялом.

А где-то далеко внизу
Клубились грозовые тучи,
Скрывали неба бирюзу,
Преградой свету став могучей.

Под тучами пологий склон
Рядился редкими домами,
Где люди из своих окон
Свет не видали месяцами.

«Мне так им хочется помочь,—
С надеждою гора мечтала,—
У них лишь вечер или ночь,
Так света солнечного мало.

Трудолюбивый здесь народ,
Чтит стариков, обычай предков,
Передают из рода в род,
И верит — будет время света.

Я попрошу своих подруг,
Соседок-гор, чьи склоны в ветлах,
Чтоб разошлись, разъяли круг,
Дорогу уступили ветрам.

Пусть пронесется ураган,
Разгонит грозных туч армаду,
И людям света океан
За веру будет как награда».

* * *

Любимые совсем не умирают,
А просто переходят в горний мир,
В котором вечно в счастье пребывают,
Нам помогая из своих «квартир».

Мы с ними связаны незримой нитью,
Мы сотворяем вместе жизни план,
И вскоре приходящие событья —
Всего лишь общий труд, а не обман.

Хотя не видим дорогих глазами,
Их ощущаем чувствами всегда,
И времена, где с ними были сами,
Мы больше не забудем никогда.

Любимые совсем не умирают,
А просто переходят в горний мир,
Мы их во снах частенько навещаем,
Не выходя из собственных квартир.

Елизавета Баранова (Весина)
(г. Тула)

ПОЭМА-БОЛЬ

1

Отлично помню — где,
когда,
В какой растерзанной маршрутке
Я вдруг услышала — вода
Шумит — и стало сердцу жутко

Не потому, что нахожусь
В плену дурацких наваждений,
А потому, что слух и вкус
Особо тонкие с рожденья.

Я посмотрела за окно,
Надеясь — дождь мы обогнали
И обогнули,—
Не знаком
Был шедший дождь сегодня с нами,

Окно маршрутного такси —
И орган зрения,
и слуха —
Вещало — дождь не моросит —
Внутри и вне маршрутки сухо.

...Метались мысли возле лба,
Скрипели рваные сиденья,
И снова капала вода,
Вводя меня в недоуменье...

2

Я оглядела всех вокруг
С безосновательностью наглой
И различила знойный юг
Лица, пропитанного влагой.

Там вместо глаз — колодца два,
И, как привязанный к ним, кто-то
Безмерной емкостью ведра,
Не покладая рук, работал.

Ресниц смоленый частокол
Весь покосился,

И на щеки,
И беспредельно далеко
Лилась вода ручьем широким.

И челка вздрагивала чуть,
И ветру было, где сквозиться,
И мне казалось, я лечу,
Над тем ручьем бескрылой птицей.

3

В руке ютился телефон,
И перегруженный динамик
Был разговорами о ком,
Не знаю, будто, раздираем.

И только легкий перстенек
На гибкой девичьей ладони,
Казалось, сколько бы не тек
Ручей из слез, он — не утонет.

...Входил в закрытый поворот
Везущий нас микроавтобус.
И магнитолы плоский рот
Дразнился, выдав чей-то голос.

И на развалинах колес
Мы заколдованно кружили.
И, оградив себя от слез,
Плотнели к окнам пассажиры.

4

Я трижды прятала глаза
То за ладони,
                то за веки,
Но образ снова,
                снова звал
Своей загадочностью некой,

Я распознать старалась — что
К себе зовет меня и тянет,
Какое злое существо
С нетерпеливыми когтями

Наружу просится из тьмы
Чужой души,
                чужой темницы...

...И были переплетены
Полоской светотени лица...

5

А шум воды перешуметь
Еще надеялись рессоры.
Так реагировать душе
Нельзя ни на какие ссоры!

Так осушить колодцы те
Не может горе расстояний,
И расставаний и...

...смертей...

...Мы на конечной.
Мы — стояли...

6

Немного времени прошло,
И птицей-хищницей на сердце,
Вспорхнувшей с черной складки штор,
Сумела боль ко мне усесться.

...Маршрутка,
            те же номера.
И те же люди —
Вы же?
Вы же!..

Мне жаль, что я не умерла,
Когда не требовалось выжить!

...Зачем,
            зачем ты проникал,
Мой взгляд, в чужое измеренье,
И ворошил собой века
В больном душевном подземелье?!

Зачем искала я причин
Чужого горя,
                плача,
                стона?..

...И чей-то взгляд вдруг изучил
Теперь мою беду —
                дословно.

7

Не передать стихами всей
Непредсказуемости жизни...
А если станет боль сильней
Удара сердцем о булыжник?

А если робкой запятой
Замкнутся строки (а не точкой)?
И боль, подсмотренная мной,
Распространится по цепочке?

А если многим суждено
Понапредсказывать по лицам
На том маршруте — окружном —
Слезами горькими облиться,

И перейти за бурелом,
За грань,
за здравый смысл (по Кингу)?

...Я к мысли, что судьбой ведом
Любой и каждый — не привыкну...

8

Я, может, зря сгущаю мрак,
Никто, наверно, и не вспомнит,
Как вписан в круглый был овраг
Маршрутки той прямоугольник.

Никто, наверно, не готов
Вернуться в прошлое, в котором
Не миллион,
не два углов —
Секстиллион их уготовлен.

Не разбирая по слогам
Прямолинейного вопроса,
Себе назойливо солгать —
Все хорошо —
Бесспорно, просто.

И жить,
и прятаться в толпе,
Как за колоннами, за теми,
Кто равнодушен был к судьбе
Неведомой — первостепенно.

И замолкать — легко всегда,
И затыкать ногами дыры,
Через которые вода
На сердце раны может вырыть.

И убегать,
И рисовать
На запотевших стеклах — лучше,
Чем болью мерять
ни слова,
Ни предложения,
А души.

9

Я реки слышу.
И ручьи.
Мой обостренный слух изучит,
Как о безвременье стучит
Сцепленья каждый первый зубчик,

Как вся коробка передач
Под натиском руки крррривится,
Но не замечу просто плач
У со-попутчиков на лицах.

Александр Конопля
(Украина, Харьковская область, поселок Буды)

Родился в поселке Буды (Харьковская область). Окончил физико-технический факультет Харьковского государственного политехнического университета. Работает инженером-конструктором в АО «Турбоатом». Публиковался в литературных журналах Украины, России, Белоруссии. Автор шести поэтических сборников. Лауреат литературных премий. Член Межрегионального союза писателей, Всеукраинского творческого союза «Конгресс литераторов Украины», Творческой ассоциации литераторов «Слобожанщина», а также Международного клуба православных литераторов «Омилия».

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА*

Посвящается 200-летию
со дня рождения И. С. Тургенева

Я не знал эту Русь золотую,
Что живет в Ваших храмах из слов
И хранит благодать луговую,
И покой вековечных лесов.

Там сидят ребятишки у речки
И горит в темноте костерок,
Так просты и духовны их речи,
Так простор необъятно широк.

Там «Бирюк» верно барину служит,
Побеждая терпением зло,
Он спасает крестьянские души,
Что в трущобу греха занесло.

Ермолай там с Валеткою ходит,
Ловит раков искусно и дичь,
И Калиныч с зажиточным Хорем
Смысл бытийный сумели постичь.

И когда на рассвете с ружьишком
Вы идете сквозь время и грусть,

* По мотивам одноименного сборника рассказов Ивана Сергеевича Тургенева «Записки охотника».

Ваши листики трепетно ищет
Благодарная, тихая Русь.

* * *

Мои глаза слегка печальны,
И чуть болит моя душа,
Навек с Отчизной обвенчаюсь,
Чтоб вдаль лететь быстрей стрижа.

Мои белесые просторы
Хочу увидеть сквозь века...
Следы кабаньи, лисьи норы,
Густую челку тростника.

Леса с роскошной белой гривой
Хочу запомнить навсегда,
А после пить неторопливо
Водицу — холоднее льда...

И, помолившись на коленях,
Идти неспешно в отчий дом
По тем полям, по той вселенной,
Где пахнет все родным теплом!

* * *

Хрустят под ногами чипсы из снега.
Планеты молчат, притаившись во мгле.
Застыла на небе желтой монетой
Луна, исходив все места на земле.

Седые деревья рвутся в объятья
Почти прошлогодней, забытой весны,
И пахнут сугробы папиной мятой
И чаем, где круто заварены сны.

Года и столетья — вдаль кораблями
Плывут монотонно у судеб в плену,
И крыши домов замерзшими ртами
Вдыхают задумчиво туч пелену.

ПЕРРОННОЕ

Пришел рассвет по сонным крышам,
Разлился кружкой молока.
Земля родная тихо дышит,
И тем живет моя строка.

Белеют снега островочки,
Деревья строгие молчат,

И воробьи тепло и сочно
О чем-то вместе говорят.

И, словно дни, ложатся шпалы,
Судьба петляет полотном,
И где-то поезд мой усталый
Сквозь годы мчится светлым сном.

* * *

Лыжню оставил радостный рассвет
На белом луге с камышовой гривой.
Сороки шлют мне солнечный привет,
И мчится полем ветерок игривый.

Отчизна ненаглядная моя!
Снега сияют дивными коврами.
Неутомимой песнею ручья
Журчит простор знакомыми дворами.

Струится небом сказочная синь.
Рассказы птичьи снова величавы.
Деревья копят изумруды сил,
Чтоб вызрели пьянящие дубравы.

Я НЕ ЗНАЮ, ЗАЧЕМ Я ВЛЮБИЛСЯ

Диптих

1

Я не знаю, зачем я влюбился,
Зачеркнув все сомненья свои.
Зимний вечер огнями искрился,
И недавние смолкли ручьи.

Я не думал, что счастье так близко,
Что так близко семейный уют.
Из огромной луны, как из миски,
Звезды радость небесную пьют.

Мне неведомо судеб сплетенье,
И минут мне неведом отсчет,
Лишь душа в небывалом волненье
Отчего-то негромко поет.

2

Я искал тебя повсюду.
Твой искал задорный смех.
И теперь я долго буду
Помнить елей белый мех.

Я узнал глаза родные.
Пролетело много лет.
Буду помнить я отныне
Звезд печальных силуэт.

Городской хранил нас вечер
От молвы и суеты.
И плыла луна беспечно
В море дивной красоты.

ЛЕГКО ИДТИ С МОЛИТВОЮ СВЯТОЙ

1

Легко идти с молитвою святой.
Морозец придавил родную осень.
И новый день все звезды в травы сбросил,
Плывя с утра подмерзшею рекой.

Обнимет солнце тополиный ряд.
Седой асфальт бежит неторопливо.
Казалось бы: как просто быть счастливым,
Вдохнув листвы немыслимый наряд...

Легко иду с молитвою святой.
Неулетевших птиц парят концерты.
Восход сияет, словно купол церкви.
До станции уже подать рукой.

2

Чуть спрятавшись в нетающий туман,
Лежат поля ранимым утром.
Небес свинцовых замер океан,
И сном вселенским край окутан.

Утоптан снег немыслимостью дней —
На нем непросто удержаться.
И взмахи прорастающих огней
Летят над призрачною жатвой.

Иду вперед сквозь треснувший простор.
Похожи ветки на узоры.
И вдалеке холмы грядою гор
Стоят в обнимку с тихим бором.

3

Согрею утро тихою молитвой.
Поля согрею и березы.
Декабрь раскрашен серою палитрой.
Плывет туман, роняя росы.

Еще не тронут край мой суетою,
Ликуют Ангелы родные.
Пишу не разумом — пишу душою
Свои поэзии простые.

Я верю в то, что солнышко пробьется
Сквозь отсыревшие туманы.
Словами светлыми молитва льется,
Живя простора океаны.

4

Пришла весна к нам в декабре.
Вдыхаю жадно воздух.
Иду и радуюсь заре,
Любуюсь небом грозным.

Повеселел оживший лес —
К рассвету тянет ветки.
Бесследно снег с полей исчез,
Крадется тропкой ветер.

Все ближе тайна Рождества
Незримою звездою.
И вновь — под звоны торжества —
Мы встретимся с зимою!

Александр Дивеев
(г. Ртищево, Саратовская область)

ХРУСТАЛЬНЫЙ АВГУСТ

Александр Алексеевич Дивеев родился в 1951 году в деревне Ундольщино Кистендейского (ныне Ртищевского) района Саратовской области. Выпускник Саратовского экономического института. Автор поэтических книг: «Звезда Антарес», «Плащаница Души», «На кресте любви». Публиковался в различных журналах. Серебряный лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси —2014». Живет в городе Ртищево Саратовской области.

ЗВЕЗДНЫЙ БУКЕТ

Это имя добром поминал я всегда
В день веселья и в грустный свой час...
Нашей встречи с тобой полыхнула звезда,—
Вот и вспомнил, Радетель, о нас!

В тихий вечер у звезд голубых на виду
Растревожат покой соловьи...
Я тебе подарил бы, как прежде, звезду,
Только звезды теперь не мои.

И с тобою такой я почти не знаком.
Снова влюбишь? Наверно, уж нет.
А ромашки тебе я нарвал с полынком —
Это, видно, мой звездный букет.

Он к твоей прикасается робко груди,
Как и я прижимался не раз.
Не грусти: будем вместе на Вечном Пути,
Только Жизнь эта станет без нас.

Скоро снова зажжется разлука-заря —
Растворяются звезды, как дым.
И, за позднюю встречу друг друга коря,
«Слава Богу!» — Ему говорим.

В тихий вечер у звезд голубых на виду
Растревожат покой соловьи...

Я тебе подарил бы, как прежде, звезду,
Только звезды теперь не мои.

СТАРЫЙ ДОМ

Все тебе непривычно кругом.
Осмотрись. Улыбнись. Не спеши.
Ты вошла осторожно в мой дом,
Старый дом одинокой души.

Ставни окон, как веки, открой.
Здесь не смерть — летаргический сон.
Здесь давно не живет домовой,
Как и я — все скитается он.

Серых дум облака разгони.
Ты поплачешь потом, а пока
Паутину повсюду смахни
Бедным веником из полынка.

Окна теплой водою умой.
Приберись. Отдохни. И, как знать,
Может быть, не случайно, в трюмо
Голубую увидишь тетрадь.

И на росной забытой заре,
После светлых бессонных часов,
Как в Дивеевском монастыре,
Окунись в мой источник стихов.

Ранним утром, халатик надев,
Ты сойди потихоньку с крыльца
И послушай щемящий напев,
Развеселого раньше, скворца.

Этой грустью прошита вся Русь.
Не пугай ты его, не тревожь,—
Я сюда никогда не вернусь,
Да и ты — погостишь и уйдешь...

НА РОДИНЕ

Туманы белы над тихой Русью.
Где жизнь кипела, там — захолустье.

Без песен поле, печален аист.
Избушек боле, чем их хозяев.

И, отовсюду прошит ветрами,
Грустит над прудом тот домик мамин.

Никем не встречен — все на погосте.
А я, сердечный, опять к ним в гости.

И не «паленой» в стакан налью я —
Брал по талонам, сберег родную.

И пью за маму, за друга Женьку
И жизни драму — за деревеньку.

И — «...хали-гали...», «лечу к голубке» —
То ль к дому Вали, а может, Любки?

Поэт, заблудший в прогорклой жизни,
Иль лет минувших усталый призрак?

А кто-то рядом с косой знакомой.
«Эй! Как тебя там? Меня б до дому...»

ПАЛОМНИК

Ветром столетий минувших повеяло.
Екнуло сердце. Душой встрепенулся.
То ли я просто приехал в Дивеево,
То ли на родину предков вернулся?

Сколько дорог и тропинок мной пройдено!
Все же привел в край заветный Спаситель...
Здравствуй, Четвертый Удел Богородицы,—
Дум моих светлых святая обитель!

Очарованьем величья неброского
Всей своей сущностью я насладился:
К раке с мощами святого Саровского
С благоговением я приложился.

Там, где ступала Царица Небесная —
Лица паломников светлы и кротки.
Тихо прошел вдоль Канавки чудесной я,
Перебирая с молитвою четки.

Думы тяжелые, мысли порочные
С сердца смахнуло спокойной волною
Там, где с целебной водою в источнике,
Утром купался я с легкой душою.

Храмы... Соборы... Наклонная звонница...
Сколько Небесного, дивного сколько!
Чудо закончилось. А за околицей
Старый автобус сломался надолго.

Кто-то шутил: «Собрались, видно, грешники».
Сникли улыбки. Уж стало смеркаться.
А мне казалось: из времени прежнего
Кто-то со мной не хотел расставаться...

ХРУСТАЛЬНЫЙ АВГУСТ

Не ругай меня, что снова я пою о звездах синих,—
Без меня им, может, грустно в бесконечных небесах.
Время катится беспечно, но зачем-то я и ныне
Имена их повторяю наяву и в лучших снах:

«Вега, желтая Капелла, белый Сириус, Антарес,
Как рябина — Бетельгейзе и Полярная звезда...».
За плечами годы шепчут: «Отлюбилось, отмечталось...».
Звезды ясные мигают: «Утечет все, как вода...».

Ты прости меня, что реже о тебе я вспоминаю —
Прежних чувств не растревожат ни жалейка,
ни свирель...
А вокруг хрустальный август, и, в безмолвии сгорая,
Рыжей осени в угоду льется звездная капель.

Если черной лунной ночью затрепещется сердечко,
Сон увидишь ты прекрасный — не смотри его, проснись,
Выйди из дома тихонько, прислонись к березе-свечке
И на звезды голубые, улыбнувшись, помолись.

В срок печальный кану в вечность, в бренной жизни
намытарясь,
Веря в то, что надо мною будут ластиться всегда
Вега, желтая Капелла, белый Сириус, Антарес,
Как рябина — Бетельгейзе и Полярная звезда...

Виталий Кузнецов
(г. Новочеркасск)

Виталий Владимирович Кузнецов родился в г. Таганроге Ростовской области. По отцу — донской казак. Окончил Новочеркасский политехнический институт, специальность АСУ. Стихи начал писать поздно — в зрелые годы. Печатался в нескольких сборниках в Новочеркасске, Ростове-на-Дону, Харькове, Брянске. В 2013 году в Новочеркасске вышел сборник стихов «Прощание с миром». В 2014 году вышло повторное и расширенное переиздание.

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

Самые короткие дни,
Самые тревожные сны.
Стужу предвещают они —
Словно и не будет весны.

Где-то заблудился рассвет.
В гамме цветовой темный тон.
Черный вместо белого цвет.
Давит угнетающий фон!

Словно неизбежен кошмар,
Землю что захватит в полон.
...Маленький смешной круглый шар,
Злу открытый с разных сторон!

ЛЕТНЕЕ СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

Дни разгораются длинные
Летнего солнцестояния.
Улицы странно пустынные —
Чувство такое, что я не я.

Чудится, видится — я плыву
Медленно, медленно, медленно.
Словно во сне я — не наяву:
Нет меня, нет меня, нет меня.

Будто бы раненый ранее,
Молча бреду я сквозь марево.
Быстро прошло утро раннее —
Скоро вечернее зарево.

Жизнь обративший в пустыню, я
Жду и надеюсь пока еще...
Но далеко небо синее —
Близко земля так пугающе.

КРОНИРОВАНИЕ

Руки деревьев отрублены —
культи направлены ввысь.
Вдруг показалось, что жизнь
мною бездарно загублена.
Вспомнил я прежних возлюбленных —
лица их в дымке уже.
Я прикоснулся к меже,
нет за которой дорог иных,
кроме последней, отмерянной
скупо и зло для меня...
Явится грубо, уверенно
вечер последнего дня.

ДУША

Все отлично, и жизнь хороша!
Просто хочется петь и лететь.
Ничего не болит — разве только душа,
Но душе и пристало болеть.

УХОДИТ

На древе жизни еще кольцо —
Точней, петля!
Чужим я вижу свое лицо.
Идет все зря.

Закат пылает — очаг тоски.
Длиннеет тень.
Из жизни тихо, по-воровски,
Уходит день.

ВЕСЕННИЙ ЗАКАТ

Весна запоздалая.
Стоит вода талая.
Полоска закатная
Тревожная, алая.

Закатное зарево —
Как жизнь разбазарена!
Порою занятная,
И все ж неудалая.

Наполнено холодом
Закатное золото.
Погода невнятная,
Природа усталая.

Сойдет вода талая.
Как жажду начала я:
Дорога обратная,
Судьба небывалая!

Весна запоздалая,
...Вся жизнь — запоздалая!

ОСЕННИЙ РАССВЕТ

Жизнь опять показалась славной.
И виной — золотая заря,
Невесомой воздушной лавой
Затопившая тьму ноября!

Так светло, что вопрос мой главный:
«Ты живешь в этом мире не зря?»
Превратился в пустяк забавный,
Лишь о суетности говоря.

И я верю — такие зори
Предвещают мой личный рассвет.
Буду счастлив я вскоре. Вскоре!
И предела для радости нет!

ПРЕДЗИМНЯЯ ЛЮБОВЬ

Время осеннее, радость, как летняя!
Здравствуй, любовь молодая, последняя.
Радует душу предзимняя оттепель.
Я стал иным — неизбывно влюблен теперь.

Я удержу тебя, птицу небесную.
Жизнь зазвенит наша радостной песнею.
Не ощущаю я времени бремени.
Я не устал — я из сильного племени!

ПРО ГОЛУБЕЙ И АНГЕЛОВ

Снилось мне — я кормлю голубей.
А с собою краюха хлеба.
Как высоко и чисто небо —
Я не видел небес голубей!

Сизых птиц понапрасну я ждал,
Насыпая пригоршни крошек.
Видно, «много на свете кошек»,—
Как Есенин еще замечал.

Но надежда на чудо жила.
Стало вдруг так светло, так славно:
Я увидел, как с неба плавно
Светлых ангелов стайка плыла!

Олег Лузанов
(г. Курск)

Родился в 1964 г. в Курске. Окончил Ленинградское мореходное училище и Курский государственный технический университет. Пенсионер МВД, подполковник милиции. Лауреат нескольких литературных конкурсов, в том числе Всероссийского конкурса МВД «Доброе слово» в 2018 году. Автор двух сборников поэзии и двух сборников прозы.

У ОКНА

Заискрился вдали снег,
За окном в темноте тишь.
То ли час всего, то ли век
Я стою у окна... Спишь?

Разве можно вот так жить
И заснуть? Да, пока ночь...
Протянулась ведь чувств нить
Между нами, а ты — прочь!

Неужели следов нет,
Заметает метель их?
Ночь не гасит в душе свет...
Вот и жду у окна — псих!

Возвращает стекло взгляд,
Улетают мечты вдаль...
Разве кто-то из нас рад?
Я не сплю, ну а ты... Жаль!

СУЩЕСТВ...ЕННОЕ

Утро, восход, солнце,
Абрисы крыш, оконце,
Город-старик, снегом,
Осень, ноябрь, небо.
Транспорт, бензин, чихи,
Шорох колес, психи.
Свет светофора, холод,
Обочина, пес, голод.

Взгляд, безнадега, поза,
Ласки желание, греза,
Ветер, мороз, «зебра»...
Поиск куска хлеба.

ДОРОГА

А на-ка в лицо тебе снега.
А хочешь плохую погоду?
За лесом беснуется ветер.
Стакан бы глинтвейна иль грога.

Обочина в лысых деревьях,
И фары навстречу жестоко.
Дорога изломанной твердью,
А я пассажиром до срока.

Спидометр уснул чуть за сотню.
Поклоны деревням налево.
Толкаем мы время капотом,
Когда вновь форсируем смело.

А может, не маяться дурью
И сразу налить водки с перцем.
Туманит циклон бедокурью,
Не скоро придется согреться.

Шуршим, километры считая,
Мелькает замерзшее что-то,
Страницы у жизни листаем
И едем — такая работа.

В ПРАГЕ

Вечер.
Тихо.
Прага.
Джинсы, майка... Рядом.
Мост. Неторопливо...
Вместе.
Просто.
Пиво.

День на ночь похожий —
Это счастье все же.
Крыши, черепица...
Все как будто снится.

Головокруженье,
Взгляды, притяженье...
Словно чудо сказки,
Поцелуи, ласки.

Жаркое дыханье,
Трепет от касанья,
Губы, чтоб напиться,
Сердца стук, ключица,
Тел переплетенье...
Умиротворенье.

Праздник нашей встречи.
Тихо.
Прага.
Вечер.

ЭДИТ ПИАФ

Была сильна особенною силой.
Откуда сила в этом воробье?
И публику навеки покорила,
Жила для песни, пела о себе.

Смеясь прошла, не веря в непогоду,
Смеясь, крутила жизни колесо,
С улыбкою в любое время года,
Но в темном платье в смене адресов.

Трактирный шум совсем не понарошку.
Все маскарад, и сверху, и с боков...
А нужно ведь внимания немножко,
И поиск мига с именем«любовь».

Аплодисменты, но отказ от маски,
Жила на сцене, крики «повтори»,
Придуманная жизненная сказка,
Все ради песни, правды и любви.

Парижский шарм. Грассируя с надрывом,
Пытаясь песней рассказать про жизнь,
Она — Пиаф, пропела, как любила,
И так пропела, что не повторить.

КАРМАНЫ

Понимаю простых и эстетов,
Тех ценю, кто подставит плечо,
Понадумано правил, запретов...
Охлади, коли есть горячо.

Пусть мне ветер взлохматит прическу,
Пусть кружится вокруг листопад,
Не докажет, что свой он стал в доску,
Тот, кто искренне встрече не рад.

Этикет пусть блюдет и обычай,
Говорит — что словами кружит,
Да, в карманы — не очень прилично,
Но эстет, в общем, тоже мужик.

Хорошо бы, чтоб камерно было,
Все во фраках (карманов там нет),
И в хрустальном бокале не пиво,
И с программкой бы шли на балет.

Разве в этом познать человека?
Всем ли нужно витать в облаках?
И культурно не всякий калека,
Коль не смог проявиться в стихах.

Может, в чем-то я тоже не ангел,
И не в галстуке (гладкий аркан).
Да, иду иногда против правил
И считаю, что нужен карман.

Понимаю и трезвых, и пьяных,
И бегущих под дождь, хохоча,
Но держу все же руки в карманах,
Не снимая нагрузку с плеча.

ЧЕЛОВЕК ЗА ОКНОМ

Кто ты есть, человек за окном?
Почему ты так смотришь, в упор?
Ты похож... как то смутно знаком...
Где я видел уверенный взор?

Из густой предночной темноты,
Может, в шаге, ну, максимум в двух,
На меня, вон, уставился ты,
Словно совесть иль праведный дух.

Не хочу я тебя обмануть,
Ты ведь видишь, как будто рентген.
В голове проясняется муть.
Взгляд в упор — это разве не плен?

Изучаешь меня ты зачем?
Что ты хочешь такого понять?
Как живу, как я пью, как я ем,
С кем ложусь иногда я в кровать?

Человек, ты пугаешь меня.
Досконально меня изучил?
Допустил все ж ошибочку я,
Когда свет в помещенье включил.

Сразу стал я подопытной тлей,
Увеличенной линзой в сто крат.
Слышу пульс учащенный я свой.
Почему, разве я виноват?

Если хочешь, я все расскажу,
Повторю, что и так ты постиг.
Неуютно под взглядом, дрожу.
Как столетие тянется миг...

Ты из мрака мгновенно возник.
Почему ты мне смутно знаком?
Повторяет фигура и лик...
Отраженье мое за окном.

КОРОЛЕВСКАЯ ЗАБАВА

Зачарованным пледом безмолвья
Отбелила владенья Зима
И заботливо, даже с любовью,
Королева рубеж провела.

Замер воздух под звездным сияньем,
Заискрился вокруг фонарей,
А сугробная гладь одеянья
Расстелилась средь краткости дней.

Иногда запуржит и завьюжит,
Колко бросив крупинки в окно,
А частенько танцует и кружит,
Чуть игриво поправив манто.

Словно сонные мысли, кружатся
Хлопья пышные, падая вниз,
Чтоб к ногам королевы прижаться,
И ее чтоб услышать каприз.

Королева на троне хрустальном
Ждет от подданных лишь тишины,
Может холодом тронуть нежданно
Просто так без признанья вины.

Королевские шутки жестоки,
Хоть красивы, изящны порой.
Королевы в душе одиноки
И доверчивы только с собой.

Рассмеется, забавой довольна,
Ей веселье одной, а молва...
Зачарованным пледом безмолвья
Скрыты поле, деревья, дома.

Элина Ульянова
(г. Королев, Московская область)

Родилась в подмосковном Калининграде (нынешнем наукограде Королеве). Член Союза молодых литераторов «Финист» литературного клуба «Феникс». Публиковалась в литературном альманахе Союза молодых литераторов «Финист» 2018 года. Автор песен на русском и английском языках. Участник литературных конкурсов.

* * *

Ты помнишь первый поцелуй?
Тот дивный вечер у фонтана,
Игру огней, плеск водных струй,
Сиянье в капельках тумана?

Прохладу августа и свет
Ламп электрических фонарных?
Идущих по цветной Москве
Людей влюбленных — всех попарно?

Как, бойко улучив момент,
Ты притянул меня небрежно,
А я, как в кадрах кинолент,
Тебя поцеловала нежно.

Как это было хорошо —
Касанье губ твоих манящих,
Неповторимо и свежо,
Как летний холодок бодрящий.

Как вспоминала день спустя
Надежных рук прикосновенье,
Так радуясь и чуть грустя,
Что ты не рядом в то мгновенье.

Ты помнишь первый поцелуй?
Он навсегда в моем сознанье,
Оно все тянется к теплу
Приятного воспоминанья.

* * *

Мысли и чувства нацелены ввысь.
Не тяготит одиночество.
Рваться куда-то — имеет ли смысл?
Друзья и тусовки — не хочется.
Мне бы в мечту прыгнуть, как в водоем:
Взять лишь посуду и простыни,
И нам с тобой оказаться вдвоем
Вдруг на затерянном острове.

* * *

Ночь длится дольше чем вчера,
Земля укрылась снежной блузкой.
Мы украшаем вечера
Произведением искусства.
Изящество изгибов тел,
Луна на обнаженной коже.
Отбрасываемая тень
На маленький шедевр похожа.
Струится свет над головой.
Окутывает хлопок тканый
Прекрасный, гордый облик твой
Будто с картины Тициана.
Жизнь так ничтожно коротка,
Но мы не думаем об этом.
Пока Творец лоялен к нам,
Мы наслаждаемся моментом.
И, кажется, понять смогли
Что в этом истинная сила:
В пронзившей тишину любви
И нежном, искреннем «спасибо».

* * *

Так много новых светлых чувств
Рождает образ этот с детства.
Его я знаю наизусть,
Но сложно быть чему-то вместо.
Едва заметный шум дорог
И приглушенный свет проспектов,
Стук каблуков нетвердых ног,
Что издает спешащий некто.
Приятный летний ветерок,
Несущий запахи прогресса,
Переодевшегося в срок
Растущего под боком леса.
Улыбки молодых людей
И девушек, что с ними рядом,
Уставших от хлопот за день
И погрузившихся в прохладу.

Мелодия их голосов
И хлестко брошенная фраза.
Мир и спокойствие во всем,
Что столько лет открыто глазу.
И знаю я, меня здесь ждут
И держат кулаки все время.
Пусть годы не идут — бегут,
Со мною все, и я со всеми.

* * *

Мне везло на хороших людей,
Кто всей жизнью противится злому,
Тех, кто словом и делом сумел
Мне помочь и кому-то другому.

Кто во тьме верный путь указал,
Кто был рядом в трудах и лишеньях,
Кто открыл средь безумства глаза
На безнравственность и прегрешенья.

Кто любил, когда ум был затмлен,
Кто порочные циклы разрушил.
Только б мне не предать их взамен,
Не плевать в их открытые души.

За людей тех молюсь день и ночь,
В чьем сиянье так тянет укрыться,
Прогоняя все тяготы прочь,
Возвращая добро им сторицей.

* * *

Твой образ в голове опять
Цветным дымком повеял бодро.
Так здорово все поменять;
Забыв про злость, опять стать доброй.
И каждая минута — шанс
Понять, что жить еще не поздно.
И мысли — каждая о нас,
И каждый день — подарок звездный.
Разрушилась сомнений глыба,
Твой взгляд с судьбой меня мирит.
Я так устала делать выбор
Меж тем, что сердце не велит.
Теперь не будет «либо-либо»,
Я все смогу, я все стерплю
И лишь хочу сказать: спасибо
За то, что я тебя люблю.

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Игорь Карлов
(г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт)

ПИСАТЕЛЬ ПРОТИВ ПИПА

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Член редколлегии журнала «Приокские зори».

«Против чего? Против кого?» — возможно, переспросит меня читатель, ознакомившись с заголовком. Это уж доподлинно известно, что такова судьба русского писателя — непременно быть против. Но на сей-то раз горемычный отечественный литератор с чем не согласен? С кем не в ладу? Опять костерит кого? Или, наоборот, оплеванный кем-нибудь, понурился, размышляя о тяжкой доле своей? Отвечаю: а все сразу! Впрочем, шутки в сторону. Предлагаемый читателю материал представляет собой отчет о встрече писателя Ю. М. Полякова с представителями нашей и зарубежной общественности. Означенный творческий вечер состоялся весной 2017 года, а прошло мероприятие в Посольстве Российской Федерации в Государстве Кувейт. Составлен отчет (почти стенографический) заведующим отделом международных связей редакции «Приокских зорь» И. Карловым, что ему и по должности положено, и включил в себя ответы господина Полякова не только на вопросы члена редколлегии «ПЗ», но и реплики главного редактора «Литературной газеты» пандан высказываниям других участников беседы, а также никем специально не спровоцированные рассуждения писателя, публициста и общественного деятеля.

Юрий Поляков, получивший признание широкой публики во второй половине 80-ых, с тех пор уже не покидал олимпа литературной известности и на сегодняшний день является, возможно, самым «тиражным» беллетристом в России. Прославленный созданием романов, пьес, сценариев, Поля-

ков является еще и словотворцем. Ему, например, принадлежит авторство колоритного словечка «апофегей». Вот и вынесенная в заголовок аббревиатура ПИП придумана Поляковым. А означает она... Впрочем, не буду раскрывать ее смысл, сохраню интригу.

Итак, передаем слово самому Полякову.

Ю. М. Поляков о прошлом, настоящем и будущем «Литературной газеты»:

— Я тридцать третий главный редактор «Литературной газеты». Среди моих предшественников замечательные писатели: и Дельвиг, и Фадеев, и Кочетов, и Симонов, даже соавтор Ильфа Петров. Он не только написал в соавторстве «12 стульев» и «Золотой теленок», но и некоторое время еще побыл редактором «Литературной газеты», недолго, но побыл. Впрочем, пример Дельвига, первого редактора «Литературной газеты», доказывает, что эта должность довольно опасна. Дельвиг во время польского мятежа опубликовал перевод стихотворения французского поэта в поддержку польских сепаратистов, как сейчас бы сказали. Его вызвал к себе Бенкендорф, накричал на него. А Дельвиг был очень впечатлительным человеком, очень расстроился, пришел домой, с ним случилась горячка, и он умер. А я уже шестнадцатый год возглавляю газету. Конечно, бенкендорфов сейчас нет. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что Бенкендорф был человек достаточно объективный, он был государственник в тогдашнем понимании. Об этом не принято было говорить при советской власти, но сейчас, я думаю, об этом можно сказать. Издание культурологического еженедельника — дело убыточное. Так всегда было. Только при советской власти так не было. Когда один раз в середине девятнадцатого века «Литературная газета» попала в очень сложную материальную ситуацию, то третье отделение, которое, как нас учили в школе, только тем и занималось, что губило свободомыслие, за подписью Бенкендорфа выделило 30 тысяч рублей (большие деньги по тем временам) на поддержку «Литературной газеты». Все было не так однозначно. Но в конце девятнадцатого века газета закрылась, уже после отмены крепостного права. Начался рынок, и культурологическое издание «Литературная газета» не выдержало. А открылась она снова в 1929 году, и выход «Литературной газеты» ознаменовал изменение как внешней, так и внутренней политики СССР. «Литературная газета» стала знаком того, что советская власть отказалась от интернациональных мечтаний о всемирной революции. Поняли, что заниматься надо своей страной. Всемирная революция будет или не будет — никто не знает, а страну надо развивать. Именно тогда было принято решение потихонечку возвращать традиции имперской России, и на фоне тогдашней революционной прессы (а назывались газеты «Красная новь», «Новый мир», «Прожектор», «Смена», «Красная звезда» и т.д.) появляется вдруг «Литературная газета». Интеллигенция сразу сообразила: «Вдруг возобновили пушкинское издание... Что-то там, в Кремле, они затеяли!» Так оно и оказалось. Случайно же ничего не делается в политике, и во внешней, и во внутренней. Действительно, с конца двадцатых — начала тридцатых годов началась линия на возвращение традиций, более взвешенное отношение к имперскому прошлому, крах исторической школы Покровского (что тоже немаловажно), возвращение русских историков, которых успели загнать в ссылку, ученых, пытавшихся сказать, что до революции тоже люди жили и даже делали что-то хорошее. И вот после 1929 года «Литературная газета» развивалась как советский проект. Существовало специальное закрытое решение Политбюро по поводу «Литературной газеты», о том, что это будет своего рода «клапан свободомыслия», потому что люди, руководившие страной, понимали: однопартийная система требует каких-то противовесов. И если невозможно создать в той цивилизации такого противовеса, как политические партии, то эту функцию может выполнять критически настроенная пресса. И «Литературная газета» была избрана как раз таким

полигоном, где разрешалось говорить гораздо больше, чем в других изданиях. И когда Симонова назначили главным редактором «Литературной газеты», то он был вызван к Сталину, который сказал: «Мы здесь посоветовались, и вам можно будет говорить то-то, то-то, то-то. Мы вас будем очень ругать, топать ногами. Вы не обращайте внимания. Все равно говорите. Это очень нужно». И в этом режиме газета работала много лет, расцвет ее произошел при А. Б. Чаковском. Вполне заслуженно несколько лет назад прямо напротив Моссовета на доме, где жил этот замечательный главный редактор, открыли мемориальную доску. На протяжении всего советского периода «Литературная газета» оставалась рупором интеллектуальной элиты. Но в девяностые годы руководить изданием стали люди с однозначно прозападным мировоззрением. Газета пришла в упадок. Это и понятно: в нашей стране либеральная идея (в нашей, русской, версии) крайне непопулярна. Если вы заметили, в той же передаче Соловьева, где я появляюсь, если у барьера стоят либерал и консерватор-патриот, обычно они еще рта не открыли, уже у патриота в двадцать раз больше голосов. Уже не надо проводить никаких плебисцитов и замеров. Все понятно. В конце девяностых с газетой была беда, ее тираж упал донельзя — с 6,5 миллиона экземпляров до 15—17 тысяч. И когда в 2001 году я пришел в газету, мы стали возвращать газете читателей, вернули ей пушкинский принцип полифоничности, потому что пресса не должна навязывать свою точку зрения, она не должна быть рупором какой-то очередной моноидеологии. Она должна предложить читателю разные версии разных взглядов. А уж читатель пусть решает, какой взгляд ему ближе и интереснее. В этом режиме мы и работаем уже шестнадцатый год. Не без трудностей, но нам удалось вернуть читателя. Бывали у нас, конечно, и проблемы, потому что мы газета смелая. Последняя наша серьезна проблема возникла после публикации очень критического материала по поводу открытия Центра Ельцина в Екатеринбурге. Большинство газет критически отнеслось к этой акции, но мы возмутили людей, которые симпатизируют линии Ельцина, своей шапкой: «Мумификация позора». Эта шапка страшно всех рассердила. Поштормило нас серьезно. Но у нас сейчас свобода слова. Наша газета не государственная, и поэтому... они на нас обиделись, а мы на них обиделись. И все. И разошлись. Газета развивается. Я думаю, она не закроется, поскольку это достояние нашей культуры, как Третьяковская галерея, как МХАТ (мы даже старше, чем Художественный театр, и старше, чем Третьяковская галерея). Я надеюсь, что будут и тридцать четвертый, и тридцать пятый редактора.

О свободе принятия решений главным редактором средства массовой информации:

— Если принуждение тебя устраивает, не мешает тебе жить — оно и есть свобода. Абсолютно ни от чего не зависеть, как справедливо говорил В. И. Ленин, невозможно. Во всяком случае, я за свою жизнь не встречал ни одного главного редактора, который ни от кого не зависит. Таких просто нет. Но зависеть надо от здоровых сил. Тогда это всем идет на пользу. Если же зависеть от мрачных, разрушительных сил, это идет во вред.

О том, почему, начав как поэт, стал прозаиком:

— Я развивался как литератор по той схеме, которая является классической. Практически все серьезные прозаики начинали как поэты. Одни не создали ничего значительного, поэтому мы просто не знаем об их поэтическом творчестве; другие, например, Бунин, были прекрасными поэтами. А. Н. Толстой очень был популярен как поэт, у него есть толстый том стихов. В. П. Катаев начинал как поэт, как представитель южнорусской поэтической школы, он тоже выпустил несколько книжек стихов. Совершенно нормально, если писатель начинает как поэт. Если прозаик начинает как поэт, то его проза всегда более насыщена, более богата по языку. Покажите

мне две странички прозы, и я сразу скажу: писал человек стихи или не писал. Это видно по структуре фразы, по словоупотреблению и т.д. Но настоящая поэзия обладает такой особенностью: поскольку это особое энергетическое состояние, как правило, оно быстро заканчивается. У того же Пушкина количество стихов по отношению к другим жанрам с возрастом стремительно убывает. И, если бы наш великий стихотворец остался жив, я думаю, он в основном перешел бы на прозу или на исторические труды. Хотя были и другие примеры, были поэты-долгожители. Например, А. Фет. Он долго жил, писал хорошие стихи до последнего момента. Тютчев до конца жизни писал блестящую философскую лирику. Но, как правило, поэт довольно быстро остывает. Рождение, развитие и умирание поэта я подробно описал в своем эссе «Как я был поэтом». Проза же — совершенно другой вид деятельности. Прозаик — это человек, который рассказывает истории.

О своем известном заявлении относительно того, что готов был бы писать «в стол», если бы это помогло сохранению Советского Союза:

— О том, что я был бы готов оставить свои острые первые вещи в столе, я стал говорить спустя довольно много лет. А в момент их написания я к такому готов не был! Меня страшно обижало, что их не печатали, что их запрещали. Это я потом понял, что самовыражение художника не может уравновешивать на исторических весах сохранение цивилизационной преемственности, сохранение государственной мощи. Любая стремительная перестройка и перемена всегда обрушивает то, что создавалось. Это потом, с возрастом начинаешь понимать. Но все тоже было не так просто. Я вам один пример приведу. Когда у меня не печатали повесть «Сто дней до приказа», которую я написал в 80-ом году, то мне никто не говорил (а меня вызывали в ЦК, в КГБ, в Союз писателей): «Ты клевещешь на советскую власть». Все же все понимали. Каждые полгода полмиллиона молодых людей в нашем бескрайнем Советском Союзе приходили из армии домой, увольняясь в запас. Они приходили и рассказывали, что в армии есть проблемы, в том числе и проблема неуставных отношений. Я-то считаю, что проблемы Советской армии, где воспитательная работа хромала, с проблемами армии ельцинской, когда просто жрать было нечего в казарме, близко нельзя ставить. Но мы тогда жили в стабильном обществе, поэтому любое отклонение от того образца, который нам объявляли, нас ранило. Чем отличалась советская власть? Она все время говорила о том, что в стране все должно быть хорошо, что страна стремится к тому, чтобы удовлетворить все потребности населения, что власть должна народу служить. Народ принимал это за чистую монету и говорил: «Чего же вы так плохо служите? Вы же нам обещали, а вот это не сделали, вот это не сделали». А после 91-ого вы слышали от власти, чтобы она говорила: «Мы вам что-то должны»? Сейчас говорят: «Нет, с какой стати? А кто вам говорил, что жизнь — это подарок? Это тяжелая борьба». Вспомните идеи социал-дарвинизма 90-ых годов, когда Хакамада говорила шахтерам: «Идите ягоды с грибами собирайте». Это же была действительно идеология. И что ты с такой власти спросишь? Советская литература все время критиковала власть за то, что та не достигает обещанного идеала. Мы искренне были уверены, что литература должна бороться со злом, что зло, которое поднято на свет, и о нем сказано вслух, оно уже наполовину побеждено. Я тоже как советский писатель был воспитан именно таким образом. Поэтому, когда я писал свои первые вещи, я же не скрывая их писал, я был искренне уверен, что, если я напишу о недостатках, то положение дел исправится: в комсомоле исправится, в школе исправится, в армии исправится. Абсолютно искренне был уверен. С этим и писал. И вот что случилось с повестью «Сто дней до приказа». Ее запретили. Мне, конечно, обидно было, но я стал писать другую книжку. Уже «ЧП районного масштаба» написал. Стал писать «Работу над ошибками». О фронтовых поэтах написал, сидел в архиве... И вдруг

мне звонят из ГлавПура, где генерал армии Епишев провел совещание, на котором сказал: «Хватит нам, как страусы, прятать голову в песок. Давайте опубликуем повесть «Сто дней до приказа» в журнале «Советский воин», надаем этому автору за то, в чем он неправ, но проведем дискуссию и на материале этой повести и этой дискуссии разработаем методичку для замполитов, как бороться с неуставными отношениями». Мне-то казалось, что это очень верная была позиция. Но один из генералов встал и сказал, что в случае такой публикации он напишет особое мнение в военный отдел ЦК. Кому хочется связываться с военным отделом ЦК? Повесть не прошла. А через несколько лет я узнал, что этот генерал вдруг стал убежденным противником коммунистической идеологии. Его фамилия Волкогонов. Кто постарше, помнит его. И вот теперь я думаю, что в советском обществе была определенная социальная страта, которая видела свою задачу в том, чтобы недостатки советской цивилизации не изживались, а накапливались, достигая критической концентрации. Ведь это странное поведение. Если ты такой либерал, то почему ты выступал против повести, в которой была правда? Значит, ты во что-то играл. А во что ты играл? Я думаю, что настоящие секреты мы узнаем довольно нескоро. Некоторые вещи, которые происходили в нашей литературно-политической жизни в 30—40 годы, до сих пор закрыты. В нашей редакции лет десять назад состоял тогдашний руководитель ФСБ, и мы стали ему жаловаться, что вы не пускаете литературоведов в фонд такого-то писателя, не подпускаете к следственным делам такого-то писателя. Он ответил так: «У вас и без того в литературе авторитетов мало. Вы хотите, чтобы вообще их не осталось? Ну, мы вас пустим. Но потом пеняйте на себя». Я не согласился с ним тогда. А недавно в интернет просочилась информация о том, что поэтов-обэриутов арестовали по доносу Ираклия Андроникова. А я занимался обэриутами: Заболоцким, Олейниковым, Введенским. Я даже одно время книжку о Заболоцком хотел написать, и знаю, что Андроников с обэриутами дружил. Я подумал: «Боже мой! Зачем мне это знать? Я так любил и Андроникова, я так любил обэриутов. И жил бы я дальше без этого знания». Я, конечно, понимаю, что это малодушная позиция, но иногда соглашаешься с Екклесиастом, что во многом знании много печали.

Об актуальных политических взглядах:

— На мой взгляд, сейчас идея либерального консерватизма в нашем Отечестве и во всем мире весьма актуальна. Эта формула была придумана Пушкиным, который на вопрос Жуковского о его взглядах ответил: «Я либеральный консерватор, а может быть консервативный либерал. Я еще не решил».

О том, станет ли вновь Россия литературоцентричной страной:

— Понимаете, это вопрос, я бы сказал, на кандидатскую диссертацию. Это очень сложный культурологический, если хотите, мировоззренческий и политический вопрос. В России традиционно литература оказывала огромное влияние на умы, в отличие от некоторых других цивилизаций. Русская литература была тем полигоном, где обкатывались новые и философские, и политические, и даже экономические идеи. Сначала была «деревенская проза», а потом программа «Нечерноземье». И то же самое было в литературе девятнадцатого века: сначала освободили крестьян в литературе, а потом уже политически и экономически это сделали. Так было традиционно, а в советскую эпоху еще больше усилилось, потому что государство было во многом идеократическое. В таком обществе литература была очень важна, тем более, что литература, как и журналистика, во многом восполняла отсутствие многопартийной системы. Литература была своего рода оппозицией. Поэтому влияние литературы было огромно. Вспомните: любое советское произведение, даже очень слабо написанное, если в нем была критика, нетрадиционный, не освященный предварительными разрешениями взгляд на действительность, сразу становилось популярным. Мно-

гие советские вещи, которые мы читали запоем, сейчас и открывать бы не стали, потому что в них ничего нет, кроме откровения о... комплексной бригаде. Вы сегодня пересмотрите пьесу Гельмана «Премия». Вы будете недоумевать: «Мы это смотрели?!» Да, мы это смотрели, потому что настолько были заражены процессами, происходящими в социуме, что нам это было интересно. Мы получали почти художественное удовольствие вот от этой, грубо говоря, производственной темы. И надо сказать, что именно писатели сыграли огромную роль в перестройке, в том, что случилось в стране, влияли на умы. Это у меня описано в романе «Любовь в эпоху перемен». Когда изменилась политическая система, когда пришли к власти представители контрэлиты (слава богу, что не антиэлиты), то они, естественно, сразу стали думать о том, кто может у них отобрать власть. Любые люди, взявшие власть, начинают об этом думать. А большинство писателей события 91-ого года не приняли. Был узкий круг либеральных писателей (многие уже были прикормлены на Западе: как это делалось, это отдельный разговор), но основная часть писателей была потрясена геополитической катастрофой, чудовищным социально-экономическим обманом с этими «ваучерами» и т.д., и т.д. Писатели были настроены оппозиционно. Тогда совершенно сознательно литературу начали маргинализировать. Стали совершенно искусственно убирать влияние нашей литературы на общество. Делалось это как? Во-первых, если вы помните, критически настроенный писатель практически исчез из телевизора. Если в 80-ые и даже 70-ые писатель из телевизора не вылезал (все мы с вами вечера из Останкино смотрели), то в 90-ые годы он практически исчез. Стал всячески навязываться другой тип писателя... Даже не писателя. Я придумал для этого вида деятельности аббревиатуру ПИП: персонифицированный издательский проект. Ведь многие книги, которые мы читаем (детективы, женские романы), их же пишет группа товарищей. Просто на фотографии одно лицо, а на самом деле там работает бригада. Они хоть и бред пишут, но его же нужно написать в таком количестве: каждый месяц новая книга. Так и сформировался ПИП, который, даже если попадал в телевизор, даже если встречался с читателями, говорил о мелких вещах. Писатель (не важно, либеральный или патриотический) начинал говорить о судьбах родной культуры, о судьбах народа. Если это национальный писатель в республиках СССР,— о судьбе языка, о недостатке культурных кадров, о проблемах территориальных, геополитических, связанных с тем, что членение Советского Союза было, скорее, административным, чем этно-историческим (из-за чего сейчас взрывается у нас то там, то здесь). То есть писатель говорил о главном, о суперпробемах. А ПИПы стали говорить о том, какая у них собачка, чем они ее кормят, где они отдыхают, какого цвета мебель они предпочитают в спальне и на кухне. Планка была обрушена. Обратите внимание: по телевизору нас несколько человек, которые бывают в политических ток-шоу, мы говорим на серьезные темы. А если вы увидите на экране ПИПа, то он говорит о чем угодно, только не о принципиальных вопросах. Затем в деле маргинализации литературы значительную роль сыграли литературные премии: «Букер», «Национальный бестселлер», «Большая кни-

га»... Сначала на премии выдвигали только развлекательную, аполитичную литературу, потом переключились на поддержание антисоветского тренда. В результате удалось писателя из властителя дум превратить в оказывателя развлекательных услуг, более-менее интеллектуальных: у Акунина чуть поинтеллектуальнее, у Донцовой совсем про собачек. Таким образом влияние литературы было искусственно опущено. Добились того, что литература перестала быть политическим фактором общественной жизни. Осталось несколько человек: Проханов, который иногда что-нибудь залепит, так что у всех уши торчком, Лимонов... Но это единицы. Как мощная интеллектуальная сила литература иссякла. На это наложился кризис союзов писателей, которые утратили функции министерства по делам литературы, а функции писательского профсоюза не обрели, потому что сегодня в перечне профессий Российской Федерации профессия писатель отсутствует. Профессия пескоструйщик есть, а профессии писатель нет. Это все звенья одной цепи. Инерционность данных культурных процессов очень опасна, потому что сейчас с точки зрения тех задач, которые перед собой поставило нынешнее политическое руководство России, нужна литература активная, формирующая мировоззрение, вернувшая себе воспитательные функции, от которых сознательно и декларативно отказались. Государство заинтересовано в том, чтобы литература снова находилась бы, как и церковь, в симфонических отношениях с властью. Общественную функцию литература утратила отчасти и сама, потому что неправильно себя позиционировала во времена национальной катастрофы 90-ых годов, но в основном это рукотворный политтехнологический процесс. Я даже знаю людей во власти, которые этим занимались в 90-ые годы, в «нулевые», которые пытаются заниматься этим и сейчас. К сожалению, есть люди, которые считают, что превращение нашей страны, как это было раньше, в страну литературоцентричную, в страну слова опасно для либеральных «общечеловеческих» ценностей. За возрождением русской литературы видят пробуждение русского национализма (почему-то во всех странах слово «национализм» — это абсолютно нейтральный политический термин, только у нас это бранное слово; почему — мне не понятно). «Литературная газета» в меру отпущенных нам возможностей постоянно подталкивает литературный процесс к возвращению на намоленную, традиционную стезю. Но такая государственная структура как Агентство по печати придерживается абсолютно противоположной точки зрения, либеральной. В Агентстве считают, что литератор должен заниматься мелкими вещами или писать о том, чего не разделяет большая часть населения. А встраивать литературу в систему государственных отношений в Агентстве считают неправильным. Это либеральная точка зрения, лично я ее не принимаю. Нормально, когда писатель болеет о судьбе своего Отечества, хочет, чтобы оно процветало, не хочет, чтобы в очередной раз все закончилось крахом. Но и у нас довольно много влиятельных людей, которые придерживаются другой точки зрения: писатель пусть занимается собачками, а государством Российским будем мы заниматься, политтехнологи. Одно время у нас целое министерство возглавляли люди, которые считали, что все искусство навсегда отделено от государства Российского, у них разные дорожки, и больше они никогда не сойдутся. Я думаю, что сойдутся. Время покажет. Это очень сложный вопрос. Он не решен.

О предложениях вынести тело Ленина из Мавзолея:

— Коммунистическая идея была позитивистской религией, и когда мне говорят, что надо выносить тело Ленина из Мавзолея, я спрашиваю: «А зачем? Вы же не выносите мощи наших святых из монастырей». Мне отвечают, что мощи — это святыня. Но тело Ленина — тоже мощи, мощи позитивистской религии, которая считала, что человеческий ум и наука настолько всесильны, что мы обойдемся без Господа Бога, сами построим рай на земле, все недуги одолеем, и даже мощи у нас будут не-

тленны благодаря науке, а не чуду Господню. Пусть это ошибочное суждение, но страна семьдесят лет в него верила. Пусть тело Ленина лежит на своем месте, как память, как символ вот этой позитивистской религии. Не мы заносили, не нам выносить.

О воспитательной роли литературы:

— Те, кто пытается игнорировать значение литературы в обществе, задаются вопросом: а почему литература должна воспитывать? С какой стати? Их оппоненты отвечают, что, начиная с христианской житийной, евангелической литературы, воспитательный потенциал произведений ценился чрезвычайно высоко. И этот спор ведется не только у нас. Совершенно неожиданно для меня недавно в Чехии перевели давнюю мою повесть «Работа над ошибками». Значит, их тоже волнуют вопросы воспитания, примера, который получает молодежь. Инволюционная тенденция наметилась очень явственно. Спустя, примерно, 20 лет после моей повести «Работа над ошибками» Алексей Иванов написал свой роман о школе — «Географ глобус пропил»,— практически полностью повторив мой сюжет. Сравните: и в том, и в другом произведении в школу приходит новый учитель, приходит ненадолго, у него непросто складываются отношения с классом — один в один. Я даже где-то при встрече спросил А. Иванова, читал ли он мою повесть. Тот ответил отрицательно. Но я думаю, что он читал, но забыл. Вот и решил, что это его сюжет. Так в литературе часто бывает, я не обижаюсь. Но у меня учитель на излете советской власти пытается объединить учеников идеей литературоцентрической — поиском романа гениального писателя, погибшего на фронте. Идея высокая, и дети объединяются. А в новом романе учитель прельщает детей походом. Поход тоже дело неплохое с точки зрения воспитания гражданина. Но поход с тайным распиванием портвейна это одно, а поиски пропавшей рукописи это все-таки другое. Вообще же говоря, нынешние учителя в смысле литературных источников, на которых они могут воспитывать, поставлены в очень тяжелое положение. Если бы я сейчас был учителем, я бы караул кричал. Прежде всего, таких книг, которые по-взрослому, без поддавков, говорили бы с юным читателем на серьезные темы и одновременно подходили бы для изучения в школе, всегда было немного. Я помню списки тех книг, которые нам давали в школе для внеклассного чтения, и не могу сказать, что это была плохая литература. Там были вещи получше, похуже, но это все была качественная литература, хорошо написанная, с проблематикой, понятной детям. Но большая часть литературы адресована людям постарше. Например, такие мои вещи как «Небо падших» или «Замыслил я побег» все-таки рановато в школе читать, хотя они посвящены чисто семейным отношениям. А та литература, которая сейчас отчасти даже навязывается, если ориентироваться на «Большую книгу», на «Нацбестселлер», на «Букер»... Про эти книги детям надо объяснять, что в них неправда. Есть хорошие книги, есть. Они, к сожалению, не получают премии. В настоящее время сложилась парадоксальная ситуация: книга позитивная, книга с любовью к своему Отечеству считается непремиальной. Премиальной она станет, если в ней есть какое-то скрытое раздражение, а то и откровенная нелюбовь к Родине. Большинство современных премиальных авторов без ГУЛАГа уже не могут написать, о чем бы ни шла речь! Сейчас вот нового раскручивают гения — Водолазкина. Начинает писать книжку Водолазкин. «Авиатор». Сюжет, конечно, безумно оригинальный: человека заморозили, потом разморозили. Я одних только кинокомедий видел десяток на эту тему. Ну, ладно. Не умеет человек сочинить сюжет — тут же начинается ГУЛАГ. Да подождите вы! Уже на эту тему писано-переписано. Для школ, для приобщения к литературе должна определенным образом подбираться литература. И она есть. Мы о ней пишем в «Литературной газете». Вот почему важно читать наши обзоры. Но такую литературу не пропагандируют. Я всегда привожу пример. Есть два современных историка, у которых практически полно-

стью написана история государства Российского — с современных позиций, достаточно живым языком. Одна серия книг либеральная, где как бы сквозь зубы говорится, что российская цивилизация — это тупиковая историческая ветвь, что-то в ней не так, что-то с самого начала неправильно. И славяне откуда-то неоткуда вышли, и княжили у них не те, да и потом все неправильно (кстати, такой взгляд всегда существовал в российской историографии). Это Акунин. Вторая версия патриотическая, гораздо более основательная в научном отношении, написана интереснее (я сам ее люблю читать). Это Валерий Шамбаров. Вот вы зайдете в Москве в любой магазин, и на видном месте увидите груды книг Акунина. А Шамбарова вы найдете с трудом — на верхней полке в дальнем углу магазина. И расскажите мне, что это случайно! Мы об этом пишем в «Литературной газете», но есть какие-то вещи, которые происходят помимо нас.

О современном крупном бизнесе:

— У меня был приятель, мы с ним познакомились в начале 90-ых годов, молодой, очень энергичный бизнесмен. Занимался, как и большинство наших бизнесменов, тем, что... как бы это поточнее сказать... использовал бюджет государства в личных целях. Это, кстати говоря, особенность нашего большого бизнеса (и чем больше бизнес, тем большую роль в нем играет бюджет). И пока у нас так будет, я думаю, что проблемы останутся.

О литературных юбилеях:

— Очень показательна была история с Солженицыным. Я здесь пал жертвой своего языка. Началось вот с чего. Мне прислали приглашение войти в юбилейный комитет по празднованию столетия со дня рождения Солженицына А. И. Я к нему отношусь с глубоким уважением, он был большой труженик, но он писатель не моего романа. Я считаю, что как художественный писатель он средний, как исторический писатель он устарел безнадежно, потому что уже все известно о каких-то эпизодах, а мы у него читаем, что 50 миллионов, 70 сидело. Какие 70 миллионов? А кто тогда строил? Кто воевал, кто детей растил, если 70 миллионов сидело, и еще 70 миллионов их охраняло? А все население составляло 170 миллионов. Я отказался входить в комитет, сказав, что, к сожалению, участие в нем в мои планы не входит. Мне бы на этом остановиться. Но вы же понимаете: «Остапа понесло». Я давал интервью где-то в четырнадцатом году, накануне моего юбилея. Меня спросили про юбилей Солженицына. Я говорю: «Конечно, юбилей Солженицына отмечать надо. Но нам в газету присылают письма из регионов, жалуются, что местное начальство спрашивает: какие мероприятия намечены в восемнадцатом году, как вы будете отмечать столетие Солженицына?» Так ведь еще четыре года! А про то, что у нас до этого будет столетие Константина Симонова, стопятидесятилетие Горького, двухсотлетие Тургенева — про это никто даже не помнит. Как же так можно?! Клином что ли свет сошелся на Солженицыне? Отметим, когда время придет. Так же нельзя тоже. Если у него жена активная, это не значит, что мы должны из-за этого забыть об остальных. К тому же мне совершенно не понятно, зачем в школе изучать «Архипелаг ГУЛАГ». Это сочинение называется «опыт художественного исследования». Это не научная вещь. Это его личная версия, которую, как и большинство его версий, наука не подтвердила. Он человек, обиженный на советскую власть, обиженный серьезно. Эта вещь должна, конечно, издаваться, ее надо читать, но не в школе, потому что она за счет искажения многих вещей прививает нелюбовь к своей Родине. Нужно изучать Солженицына в школе? Конечно, нужно. «Один день Ивана Денисовича». Вполне достаточно. И то с серьезными комментариями. Я своего интервьюера спросил: «За что Ивана Денисовича посадили?» — «Он колоски украл». — «Какие колоски?» — «Его ни за что, за анекдот посадили». — «Какой анекдот?» — «А за что его посадили?»

Его посадили за то, что он был дезертир. Он дезертировал во время войны из своей части. В любой армии мира его бы посадили, а в некоторых и расстреляли. Он не жертва. Он человек, который отбывает наказание (да, может быть, чрезмерно жестокое) за совершенное воинское преступление. Когда я служил в армии в группе советских войск в Германии, если бы я пошел пить пиво в гаштет и не вернулся бы к поверке, мне тоже дали бы штрафбат. А я после этого ходил бы и говорил: «Какая жуткая советская власть! Я всего-навсего пошел попить пива, а на меня навесили!» Солженицына надо изучать, но с комментариями. Вот такое мнение я высказал. Почему я не могу его высказать? Но что тут началось! На меня навалилась вся наша либеральная общественность во главе с Натальей Дмитриевной. Но! Даже в этой ситуации было нечто полезное: стали рассматривать вариант, что не нужно изучать в школе «Архипелаг ГУЛАГ». И что самое главное: вспомнили о других юбилеях. Но Наталья Дмитриевна на меня очень серьезно обиделась. Показательный случай: с Натальей Дмитриевной мы оказались рядом на вручении государственных наград. А на таких мероприятиях все приглашенные рассаживаются в соответствии с разложенными на креслах бумажками. У нас кресла рядом в первом ряду: «Поляков» и «Солженицына». Все уже сели, только место Солженицыной не занято. Она не идет. Подходит распорядитель, берет бумажку с ее фамилией и переносит на другое кресло, а со мной рядом сажают другого человека. Она даже сесть со мной рядом не захотела, настолько ее обидело мое выступление. Я считаю, что вдове человека, который столько горькой правды о нашем Отечестве высказал за рубежом (и еще больше горькой неправды!), к критике в адрес своего супруга надо относиться терпимее. Мы же терпели, когда критически высказывался Александр Исаевич покойный, царство ему, я надеюсь, небесное. Надо быть толерантнее. Но наши отечественные либералы никогда не отличались толерантностью. Это то, что великий Герцен называл либеральной жандармерией. Было у него такое высказывание еще аж в девятнадцатом веке.

О попытках ограничить вседозволенность на телевидении:

— Черт знает что иногда показывают по телевидению! Просто недопустимые вещи — они ниже плинтуса. Люди же не такие дебилы, чтобы с «Поля чудес» сразу попасть на другой канал в «Выиграй миллион». Передохнуть-то дайте! О жизни подумать чуть-чуть. Но видишь, как осторожно к этим вещам относятся наверху... Всегда лучше действует пример, чем дефиниции. Я помню, как однажды на Совете по правам человека (я одно время входил в Совет по правам человека при Президенте), мы встали, по-моему, четверо: Соловьев, Третьяков, я и еще кто-то из режиссеров, сейчас не помню. Мы предложили Президенту организовать Общественный совет по

телевидению. Этот совет мог бы состоять из представителей разных конфессий, разных направлений общественной мысли, специалистов по средствам массовой информации, видных деятелей культуры. Своего рода экспертная группа, которая будет решать, не слишком ли много на телевидении однотипных развлечений. Путин послушал нас и грустно-грустно говорит: «Вы же понимаете, что нас тут же все объявят полицейским государством». Мы пытались доказать, что Совет не будет проводить государственную линию, наоборот, если государство станет мешать деятелю культуры или ведущему передачи, то общественный совет за него заступится, выступит за свободу слова. Совет будет стоять на страже здравого смысла. Путин в ответ: «А кто будет с этим разбираться? Из любого нашего действия Запад сделает из этого очередную страшилку». Я в тот день передал Путину папку с материалами «Литературной газеты», с 17-ю специальными публикациями, в которых мы рассказали, как функционируют общественные советы по телевидению и радио во всех ведущих странах: в Америке, в Германии, в Израиле, во Франции — везде. Скажем, в Британии Общественный совет королева возглавляет, где-то премьер-министр, где-то уважаемый деятель культуры. Везде такие Советы действуют по-разному, но везде они есть. А если такой Совет возникнет в России, это сразу объявят наступлением на права человека. Почему? Непонятно... Так все и осталось, хотя мы несколько раз поднимали этот вопрос. Схожая ситуация и в литературе...

На этом закроем кавычки после прямой речи Ю. М. Полякова. Конечно, на диктофонной записи осталось еще несколько интересных суждений, случаев из жизни, писательских наблюдений. Но всего не передать, а сказанного довольно. В представленной читателю словесной мозаике содержится и обильная пища для размышлений, и, возможно, положения, которые ему захочется оспорить. И прекрасно! Давайте спорить. Давайте думать!

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

ДОЖДЕМСЯ ЛИ МЫ НОВОГО ДОСТОЕВСКОГО?
(О рассказах Федора Ошевнева и не только)

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Анализируя современный литературный процесс, большинство критиков, каждый на свой лад, «мусолят» шедевры (так и хочется это слово взять в кавычки) 25—30 литераторов, имена которых уже «набили оскомину».

В качестве весомых доказательств того, что современная русская литература переживает небывалый подъем, часто приводятся доводы, вызывающие, мягко говоря, недоумение.

Так, Марина Кравченко в статье «Современная российская литература: тенденции, проблемы, стили» пишет: «...современная российская литература существует и развивается». И далее: «И на это указывают многие признаки. Это и бурное развитие литературного премирования (сегодня в России существует более ста литературных премий). Это и достаточная активность российского книгоиздания. Это и проведение ежегодных литературных ярмарок. И, наконец, развитие литературного Интернета».

По логике М. Кравченко, если у нас будет не сто, а пятьсот литературных премий, если в пять раз возрастет активность российского книгоиздания и если литературные ярмарки будут проводиться не один, а пять раз в год, то и наша литература станет в пять раз лучше. Ну а если еще и раз в пять увеличить количество электронных литературных журналов, то читатели просто задохнутся от восторга, поглощая духовную пищу в виде прозы, поэзии и драматургии.

Иной читатель обвинит меня в ерничестве и посоветует обратить внимание на «громкие» имена писателей, о произведениях которых ведет речь М. Кравченко, пытаясь «кратко поразмышлять о некоторых тенденциях современной отечественной литературы». Сразу оговорюсь: читать заметки М. Кравченко достаточно интересно, есть над чем подумать. Но! Аргументы, подтверждающие успешное развитие современной русской литературы,— крайне неубедительны.

Как тут не вспомнить статью известного литературоведа Всеволода Сахарова «У нас была литературная критика». Рассуждая о современных «знаковых» писателях, автор пишет: «...а теперь вертятся вокруг новых хозяев жизни с тем же выражением «дай, дай...» От их цинизма немеет ум... Никакой подлинной литературы на этом пути не возникнет, будет лишь привычное чесание пяток новым господам в старой обкомовской сауне, усталый телевизионный театр, дешевые хохмочки дежурных остряков, в очередной раз ставших людьми свиты». И далее как вывод: «Прежде чем придет новая литература, нужно воспитать в умело взбаламученном, запуганном и ослепленном обществе новое, трезвое сознание, понимание происходящего, открыть людям, читателям глаза».

Есть сегодня у нас писатель Федор Михайлович Ошевнев, малая проза которого

«обжигает» души читателей свой беспощадной правдой, помогает открыть глаза и лучше понять происходящее в стране. Десятки рассказов этого автора опубликованы в бумажных и электронных литературных журналах, но, как ни странно, литературные критики не сказали о нем пока ни слова. Не жалуют его и «ведущие» литературные журналы. Впрочем, это не удивительно.

Иван Шипнигов в своей статье «Толстый и еще раз толстый. Литературный журнал сегодня», вдоволь поиздевавшись над бездарными публикациями в журналах «Новый мир», «Знамя» и им подобным, отмечает: «У них у всех может не быть ни таланта, ни ума, ни чутья, и это, поверьте, не страшно. Страшно же, когда у литератора нет вкуса, вкуса вообще... Хороший вкус помогает бездарному писателю выкинуть ужасное произведение. Хороший вкус помогает глухому редактору выбрать наименее пугающее произведение их тех ста, что ему прислали. Но вкуса ни у кого из них нет, и вот это очень страшно».

Но мы-то видим, как буржуазное государство вот уже четверть века активно и умело работает над всесторонней деградацией россиян,— в результате чего художественные вкусы основной части населения деформировались до «неузнаваемости». Исключением не стали ни читатели, ни «инженеры человеческих душ». И эти «инженеры» кто за поиском куска хлеба, а кто в погоне за мнимой славой стали «гнать брак». Не отстают от них и главные редакторы многих литературных журналов.

Примечателен в этой связи редакционный ответ Федору Ошевневу, предложившему одному из таких журналов рассказ для публикации.

Редактор Г. Петров пишет автору: «Федор Михайлович! Ваш «Билет на тот свет» заслуживает глубокого уважения. Написан добротным русским языком, есть в рассказе места хорошей, сочной прозы, все повествование держится на сквозном нерве личного, до болезненности напряженного, неутомимо дотошного стремления докопаться до самого первого слова правды. И вот ведь как бывает: дотошность непростого, нелегкого поиска оборачивается нелегкостью чтения вашего произведения. Той нелегкостью, которая требует особого, редкого — волевого читателя. И редактор, одолевший Ваш рассказ, оказывается в крайне неловкой ситуации: признавая все его достоинства — не может поместить его в своем издании, ориентированном на «увлекательную читабельность» достойных в художественном плане публикаций. Сожалею, что пришлось ответить Вам таким вот образом».

Иначе говоря, современным литературным журналам требуется «увлекательная читабельность», а новые Достоевские им не нужны. Журналы (за редким исключением) уже не формируют художественный вкус читателей и не воспитывают патриотов. Им нужно «вписаться в рыночные отношения». Вот и идут они на поводу у такого читателя, которого воспитало и сформировало «для своих нужд» буржуазное государство.

Многие повествования Федора Ошевнева перекликаются с произведениями классиков русской литературы. В рассказе «Штопор» явно просматриваются персонажи лермонтовского «Фаталиста». У М. Лермонтова они — офицеры, и Ф. Ошевнева — одеты в форму курсантов летного училища. Но действие и у «классика» и у «современника» начинается с жаркого спора, финалом которого становится пари. Тема в обоих случаях одна: предопределенность судьбы. Параллели сюжетных линий бросаются в глаза. Не буду даже кратко анализировать этот рассказ. Прочитайте его — и вы согласитесь с моей оценкой.

А вот другой рассказ Ф. Ошевнева — «Конверт без обратного адреса». Читается на одном дыхании, вызывает боль и за нашу армию в целом, и за человека-солдата; и отвращение к офицерам-человеконенавистникам, и бурю других чувств.

Такое читательское восприятие свидетельствует о мастерстве автора. СМИ периодически информируют нас о различных трагедиях солдат-срочников,— и это подтверждает, что рассказ «построен на фундаменте правды».

Что, впрочем, и не удивительно. Автор прослужил в армии почти двадцать лет. Приходилось ему не раз бывать в «горячих точках», где проявляются не только лучшие, но и худшие человеческие качества. Так что армейскую жизнь Ф. Ошевнев хорошо знает изнутри.

В повествовании живо «схвачены» характеры, сюжет «скроен» виртуозно. Читаешь и задыхаешься от «свинцовых мерзостей нашей жизни».

Да, тема «маленького человека» и «униженных и оскорбленных» еще жива в русской литературе.Вопрос о том, нужен ли нам новый Достоевский, будоражит многих. В Интернете можно прочитать разные мнения на сей счет,— и это естественно.

Неестественными выглядят высказывания некоторых государственных деятелей и руководителей образования. Например, Анатолий Чубайс, оценивая личность и творчество Ф. М. Достоевского, высказался весьма откровенно: «Я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку. Он, безусловно, гений, но его представление о русских как об избранном, святом народе, его культ страдания и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывает у меня желание разорвать его на куски». Ну, тут все понятно — клиника.

Не понятно выступление другого оратора. Людмила Вербицкая, Глава Российской академии образования, однажды заявила буквально следующее:

«Я, например, абсолютно убеждена, что из школьной программы «Войну и мир» Льва Толстого, а также некоторые романы Федора Достоевского нужно убрать. Это глубокие философские произведения, с серьезными рассуждениями на разные темы».

Оказывается старшеклассников, которым по 16—18 лет, надо оградить от «серьезных рассуждений на разные темы». С подобными руководителями наша страна так и будет топтаться на месте в любой области, будь то экономика или культура.

К счастью, существует и другое мнение. Статья «Для чего нужно сегодня читать Достоевского?» (авторы — Людмила Сараскина и Оксана Головко) заканчивается так: «Без него жить нельзя — если ты хочешь прикоснуться к тайнам бытия, понять, что происходит с тобой и с миром. Человек, который прошел «школу» Достоевского, прошел сквозь его романы — абсолютно вооружен, он понимает про эту жизнь очень многое».

А если читать Достоевского надо в обязательном порядке, значит, и новый Федор Михайлович нам крайне необходим. Вот эту свободную «нишу» в современной русской литературе и способен занять (видимо, сам того не осознавая) Федор Ошевнев.

Его рассказ «Впервые на посту» наполнен «литературным дыханием» и отличается глубоким психологизмом. Казалось бы, сюжет рассказа очень «скромен»: нет там завязки, действия, кульминации и развязки. Но читается с большим интересом.

Такое повествование литературоведы называют «точечная композиция». «Действие» протекает внутри героя и кульминации «следуют» одна за другой в его душе.

Ну чем может быть интересен рассказ, в котором часовой ходит туда-сюда по одной и той же дорожке? Однако, несмотря на кажущуюся простоту, этот тип композиции чрезвычайно сложен: от автора требуется сложить целую мозаику из мельчайших деталей подробностей, чтобы получить в итоге живую картину выбранного события. Другими словами, это момент жизни, рассмотренный через увеличительное стекло.

Автор умудрился найти большое в малом. Показал читателю, что для драматизма не нужна масштабность, что даже короткий эпизод может нести в себе огромный потенциал. Одна из функций художественной литературы, как известно, познавательная. И в данном рассказе эта функция представлена вполне добротно. Читатель, не побывавший в шкуре солдата-срочника, может приоткрыть для себя одну из страниц солдатского бытия. Оправданное неторопливое повествование, в котором сопряжены «мелочные» события и, как отголосок этого, изменения в психологическом состоянии молодого человека, впервые в жизни оказавшегося в роли часового, выполнено автором блестяще.

Иногда малую прозу Федора Ошевнева называют «жестоким реализмом». Полагаю, что эпитет «жестокий» здесь не совсем уместен, так как это слово имеет значение «не чувствующий жалости к другим людям». Герои рассказов, да, нередко жестоки. Но автор, показывая жестокость своих героев и выворачивая «наизнанку» низменность их душ, активно сострадает «маленькому человеку» из галереи «униженных и оскорбленных» в нашей сегодняшней жизни. При оценке малой прозы этого автора надо подобрать какой-то другой термин.

Есть у Ф. Ошевнева рассказы, которые, наверняка, произведут на читателей неоднозначное впечатление. Например, «Самосуд». Рассказ тяжелый, в каком-то смысле пессимистический, однако мастерски написанный и очень актуальный.

В этом повествовании до предела обнажены «болевые точки» нашего бытия. Фактически это — картина (хоть и малого формата) России после реставрации капитализма. Большие деньги решают все, или почти все. Противно и гадко это осознавать, но это так. Есть в рассказе и крошечный элемент воспитания. Прочитают прототипы всех этих гадов и гаденышей рассказ «Самосуд», и, может быть, кто-то из них задумается и в нужный момент инстинкт самосохранения у него сработает.

Кроме упомянутых рассказов заинтересованный читатель легко найдет в Интернете и множество других произведений Федора Ошевнева.

Я умышленно подробно не анализирую его тексты, не акцентирую внимания на художественно-изобразительных средствах языка. У меня другая задача: привлечь к малой прозе этого автора внимание читателей, литературных критиков и литературоведов. Многие рассказы Ф. Ошевнева стоят того, чтобы их читали, перечитывали, изучали в школе и на филологических факультетах; чтобы они стали объектом исследования специалистов.

Справедливости ради надо сказать, что иногда Федор Ошевнев, на мой взгляд, неоправданно увлекается очерковым стилем, и это обстоятельство несколько снижает художественную ценность его малой прозы. Вместе с тем, часто этот недостаток совсем не бросается в глаза: его «маскируют» яркие образы, глубокий психологизм и стремительный разворот событий.

Помню, когда мне было 18—20 лет и я мечтал стать писателем, издавались книжечки карманного формата серии «писатели о творчестве». В поисках этих брошюр я бегал по библиотекам, читальным залам и книжным магазинам. Разыскал около двух десятков таких книжек разных авторов и, стремясь овладеть писательским мастерством, вчитывался в наставления мэтров литературы. Некоторые из них категорически не рекомендовали тем, кто собирался стать писателем, идти в журналистику, чтобы не попасть в «капкан» очеркового стиля.

Федор Ошевнев, проработав военным корреспондентом полтора десятка лет, до конца не выбрался из этого «капкана». Но с учетом его упорства в изучении русского языка, беззаветной любви к русской литературе и немалого писательского опыта, нет сомнения в том, что он это сделает. И не зря же в свое время он окончил еще и Литературный институт им. А. М. Горького.

Федор Ошевнев продолжает активно совершенствовать свое писательское мастерство. В предисловии к его сборнику рассказов «У каждого — свое» Н. Атланова справедливо отмечает: «В последнее время Ошевнев все чаще стал выходить за рамки привычных тем, и его творчество приобрело недостававшее ему прежде разнообразие, широту охвата жизненных явлений; произошло расширение творческого пространства, что востребовало новые краски, способы и средства выражения».

Будем ждать от Федора Михайловича Ошевнева новых талантливых произведений. Уже нет сомнений в том, что он не подведет своего полного тезку — Федора Михайловича Достоевского.

Евгений Трещев
(г. Щекино)

ВСЕ ПРЕХОДЯЩЕ. НЕБО — ВЕЧНО...

Наш постоянный автор.

Из печати в издательстве «Аквариус» вышла новая книга Валерия Кулешова под названием «Память чувств. Избранное». В предисловии к этой книге автор пишет: «*Весть из инобытия, голос человека небесного, который, случается, дано принять человеку земному. Свет инобытия, открывающий безмерность пространства, дающий человеку возможность ощутить себя в целом во времени, ощутить его субъективность. Свет, в котором многозначие нашего мира и мироздания вообще. Это — поэзия. Она в любом из живущих. Поэзия есть то, что делает стихи заговором, а иногда — приближая их к молитве, не только определяет жизнь, но и, знаю, может спасти ее».*

Валерий Владимирович Кулешов — человек яркой индивидуальности, поэт интересный и одновременно сложный. Член Союза писателей России. Выпускник Литературного института имени Горького. Автор девяти книг, в том числе: «Зерна боли», «Мера времен», «Плоть песни», «Корни слова». Лауреат и дипломант литературных премий и конкурсов.

Первые впечатления о нем: высокий, подтянутый. Взгляд внимательный, изучающий. Но внутри у него все напряжено и может взорваться в любой момент.

Так мне показалось при первом знакомстве. Потом, читая его стихи, я увидел в них ту же напряженность на грани срыва, печаль, мечущуюся в поисках истины и любви душу поэта.

Я неоднократно слышал, что собственный поэтический мир для него является убежищем и источником, в котором он черпает силы. Творчество — смысл жизни поэта, не писать он попросту не может. *«Услышу ветер — вспомню песню, / что мне завещано сложить. / И обожгусь нежданной вестью, / и жить захочется, и жить...».*

В одном из интервью Валерий Владимирович сказал, что «поэзия не должна быть рассудочной, она есть то, что не из головы, а из сердца, не от разума, а от чувства, не столько от знания, сколько от интуиции».

Ярче всего представление о творчестве поэта дают сами его стихи. В них он старается заглянуть за грань реальности и открывает читателю удивительное по силе изображения метафизическое пространство, где «земное» контрастирует с ощущением «высшего смысла». Каждое стихотворение он пропускает через себя, поэтому строфы пропитаны его мироощущением. Не шаблонность самосознания определяет направление и особенности его творчества. У поэта особый почерк, особый строй художественных приемов. Его стихи — это поиск корней, сути происходящего вокруг него. Он одновременно сложен и прост, элитарен и доступен.

«Валерий Кулешов смотрит на мир как бы снизу вверх, чуть-чуть искоса. Это глаза раздумий. Вот почему детали в его стихах укрупнены, как бы поднесены близко к глазам... Он обращен в поиск. Но этот поиск — внутренний»,— утверждал известный поэт Владимир Цыбин.

Думается, кредо В. Кулешова запечатлено в стихотворениях: «*Из точки вышли все пути, / а в точку по судьбе / нам суждено один пройти / путь: от себя — к себе...», «Я лечу, я, сгорая, свечу, / освещая и грея родимые стылые души...».*

Его стихи нередко хранят в себе скрытые символы, помогающие почувствовать их особенность и раскрывающие новые грани лирического образа. Они оригинальны, таят в себе глубинный смысл. Автор просто видит мир по — другому, чем многие, и стремится сказать читателю свежее слово. Мы видим в его стихах необычное сплетение словосочетаний, образов, рифм, аллитераций. Многие его поэтические ассоциации необычны. Неисповедимы пути творчества!

Довольно часто неординарные взгляды Кулешова на жизнь, на отношения между людьми, на природу при беглом прочтении кажутся странными, не совсем понятными.

«Да, созданные им образы не каждый читатель сможет сходу расшифровать. Но, тот, кому все-таки удастся подобрать ключик к этому шифру, откроет для себя особый мир его творчества, глубину мыслей; и та глубина — бездонна! Глубина — космическая! Погружаясь в нее, открываешь для себя великую тайну, от которой становится страшно. Страшно от того, что прикоснулся к таинству Вселенной, таинству Мироздания, таинству человеческого бытия и нового познания самого себя» (Г. Маркин).

Поэтическая вселенная В. Кулешова не знает границ пространства и времени. Его лирика позволяет увидеть мир с необычной точки зрения: земная действительность — только отблеск, искаженное подобие запредельного мира. Это мир тончайших мимолетных наблюдений. *«И до меня доносит дрожь / вздох вечной тишины: / — Ты правды мертвых не поймешь, / боль не познав живых...»* (Зов).

Он признает религиозную подоплеку литературного творчества, привержен христианским ценностям и находится в постоянных поисках единства «пространства-времени», в его стихах они пересекаются и совмещаются, начинают звучать с оглушительной силой (*«Суть сущего ищу в зерне, / великому не тесно в малом...»*). Или автор говорит: *«Все преходяще. Небо — вечно, / Мой путь земной, / влекомый ввысь любовью встречной, / обратно в Путь вольется Млечный. / Господь со мной...».*

Над поэмой «Зов» Валерий Владимирович работал несколько лет. Она стала воплощением нравственных исканий поэта, его мыслей и идей. Круг переживаний поэта в ней широк и изменчив. Эпоха, описанная в ней, это смутное, тревожное безвременье. Как мне показалось, в ней звучат мотивы опустошенности, усталости, боли и чувствуются нотки обреченности. Но при этом автор утверждает: *«Когда сжигает душу боль, / яснее белый свет...».*

Писатель Геннадий Маркин об этой поэме написал: «Чем-то тревожным веет от этих строк, чем-то страшным. И хочется закрыть книгу, убрать ее в дальний ящик стола. Хочется, но что-то неведомое останавливает, какое-то магическое чувство вновь и вновь притягивает к поэме; заново раскрываешь книгу, и вчитываешься в эти философские, пророческие слова».

А литературный критик Сергей Норильский о поэме говорит так: «Зов» Кулешова — поэма о боли. О людской, неиссякаемой. Слово БОЛЬ доминирует в тексте. В двуустах пятидесяти строках оно равномерно, в разных сочетаниях и склонениях использовано четырнадцать раз. Не в арифметике, разумеется, соль, однако такая броская частота употребления слова много значит... Всеобщая боль каждого за всех — спасение людей, уверен автор «Зова». *«Боль правит каждою судьбой, / кладет для жизни след... /, «Не на пустом взошла она:/ на тех людских костях,/ что многое простят сполна, / забвенья не простят».* (Зов).

В отдельных случаях В. Кулешов экспериментирует в области ритмики, языка. Классическая четкость стихотворения перемешивается у автора со свободным стихотворным размером. Его стихи наполнены экспрессией. Стихи выигрывают от прочтения вслух. Это музыка слов, которая очаровывает. Каждый звук здесь имеет свое

значение. Родник его поэзии неисчерпаем: *«Слово идет от сердца, / что не устало гореть./ Будет чем мне согреться,/ да и других согреть...».*

Лирика поэта многообразна и несет в себе внутреннее напряжение. Воссозданные в его произведениях многообразные оттенки природы придают его стихам изящество и глубину. На вопрос: Какие стихотворения у Кулешова лучшие? Отвечу: для меня, несомненно, это: «Я вернусь сюда...», «Портрет», «Встреча», «Совесть», «Услышу ветер...», «Кладу я на ветер имя...», «Радости мало, много — печали...», «Раскрою двери — никого...», «Власть огня», «Няня», «Родник», «Память чувств», «Хитросплетение судеб...», «Сумеречная баллада», «Одиночество», поэма «Зов».

Жизнь — предмет его постоянного изучения. Поэзию он определяет через пронзительные проявления жизни во всей ее простоте и величии. Для него творчество и есть жизнь. *«И нам не уйти от судьбы. / Даются шаги все больнее. / И ясно, что жизнь — исполненье / объемлющей землю любви»,*— пишет он в стихотворении «Какое широкое поле...»

Поэзия В.Кулешова призывает вслушиваться в его стихи, всматриваться в мир, созданный им.

А по мнению писателя А. Коновалова: «Такие стихи нельзя читать в спешке, торопливо проглатывая слова и строчки, в противном случае ты не почувствуешь неповторимый творческий «вкус» каждого слова поэта. Мне, чаще всего, читая его стихи, хочется уединиться...».

Его поэзия лишена мелочности и суетности и при этом созвучна своему времени. Он пытается в стихах осмыслить бытие, узнать смысл человеческой жизни, в том числе и своей: *«Я и живу, / покуда выхаживаю / в слове посеянный свет...»,*— говорит автор.

Почти каждый поэт пишет стихи о любви и дружбе, о Родине и природе, затрагивает проблемы взаимоотношения с миром. Все это нашло отражение и в творчестве В.Кулешова. Истинное чувство отражено в них очень проникновенно: *«И голос незримой птицы / любовью моей дрожит... / Чтоб этому в мире сбыться, / на свете и надо жить...»* (Кладу я на ветер имя...), *«И пусть в конце, в том шорохе песчаном, / что долетит из дали голубой, / услышу перед вечными ночами: / «Все станет прахом... Но жива — Любовь».* (Сумеречная баллада).

В стихах Валерия Владимировича чувствуется медитативность, а отсюда и хрупкость. Ощущение одушевленности пространства рождает тишину и тайну, исходящую от поэтических строк: *«По краю земного причала / идем, разрывая сердца: / приходим, не помня начала, / уходим — не зная конца...» (*В. Кулешов). «Надо сильно чувствовать, чтобы другие чувствовали»,— говорил Н. Паганини. Главная трагедия человека в утрате любви и веры в нее. Многое должно пройти через сердце поэта: *«Даже если не станет меня, / ты живи еще долго на свете. / На какой-то счастливой планете / я тебя подожду после смерти, / недопетою песней маня».*

Читал книгу и вдруг изумился, дойдя до стихотворения «Мне снилось — умирает мать...»: *«Мне снилось — умирает мать, / в изломах света вспыхнув тонко, / в ее чертах черты ребенка / я зачарован узнавать. / Разверзлись небо и земля. / Она качнулась в мягком звуке, / исчезло все, остались — руки... / О, слава Богу: умер — я».* Действительно, самое страшное и тяжелое, что может пережить каждый из нас,— это потеря близкого человека. Земля словно уходит из-под ног. Даже спустя многие годы малейшее напоминание об утрате вызывает интенсивное переживание. Но стихотворение, написанное Кулешовым, как мне кажется, это не только реакция поэта на такую утрату. Это произведение имеет более глубокий философский смысл: человеку мало выстоять и пережить потерю, не разрушаясь. Своего рода перерождение — вот что, в лучшем случае, ждет его...

Валерий Владимирович Кулешов, как мы видим, достиг зрелой оригинальности поэтической мысли. Свидетельством нового, более высокого уровня развития поэта и является книга «Память чувств. Избранное».

Олег Сешко
(г. Витебск)

ВИТЕБСКИЙ ЛИСТОПАД — 2018

Член оргкомитета Открытого фестиваля авторской песни, поэзии и визуальных искусств «Витебский листопад — 2018». Капитан 2 ранга запаса. Лауреат международных литературных конкурсов и фестивалей в Беларуси, России, Украине, Финляндии, Германии. Живет в Витебске.

Отгремел концертами, отшумел конкурсами и творческими встречами, отзвенел гитарными струнами XXXII Открытый фестиваль авторской песни, поэзии и визуальных искусств «Витебский листопад». Один из самых фееричных фестивалей Республики Беларусь в данном направлении, старейший на постсоветском пространстве (проводится с 1987 года в городе Витебске ежегодно), в этот раз собрал около двухсот участников из девяти стран мира. Поэты, авторы-исполнители, художники, перформеры из Беларуси, Германии, Египта, Израиля, Казахстана, Латвии, России, Украины и Эстонии с 18-го по 21-е октября получили возможность знакомства, общения, обсуждения творчества друг друга и последних тенденций развития культуры представляемых ими стран.

Организатором фестиваля выступил Центр культуры «Витебск» при поддержке Витебского городского исполнительного комитета. Руководитель проекта — Владислава Цвики.

Что касается поэтической части, то в этот раз она была особенно насыщена и разнообразна.

Восемнадцатого октября, еще до начала основных конкурсных мероприятий и официального открытия фестиваля в выставочном зале «Духовской круглик» состоялся «Турнир поэтов». Участие в нем мог принять любой желающий из числа аккредитованных на фестивале, решивший представить на суд публике одно из своих стихотворений, а победитель определялся простым голосованием зрителей. Зрители отдали свое предпочтение Дмитрию Юртаеву — поэту из Минска, который и получил диплом фестиваля.

В этот же день в ложе «А» Концертного зала «Витебск» начало свою работу «Уличное кафе» с «Открытым микрофоном». Открытый микрофон — продолжение старой, доброй традиции фестиваля. К сожалению, температура наружного воздуха не располагала к настоящим уличным выступлениям, но импровизированная кофейня с горячим ароматным кофе, уютными скамеечками под фигуристыми фонарями, осенними букетами из кленовых листьев на аккуратных столиках, заводным ведущим — автором-исполнителем из Витебска Виктором Пахомчиком, было ничуть не хуже. Вот где каждый мог раскрыться по полной и познакомиться с творчеством окружающих. За все дни фестиваля «Уличное кафе» никогда не пустовало.

Девятнадцатого октября в здании Центра культуры «Витебск» прошли «Дни портала «Stihi.lv». Портал «Stihi.lv» является крупнейшей конкурсной интернет-площадкой, на которой проводятся такие масштабные конкурсы как «Кубок мира по русской поэзии» и «Открытый чемпионат Балтии по русской поэзии». Около тридцати участников из Беларуси, России, Украины, Латвии, Литвы, Эстонии, в числе которых победители и лауреаты названных конкурсов, смогли встретиться, познакомиться, поделиться своим творчеством с любителями поэзии и провести время вместе. Открыл мероприятие Евгений Орлов (Рига, Латвия) — организатор портала «Stihi.lv», бессменный ведущий и председатель оргкомитета «Кубка мира по русской поэзии» и «Открытого чемпионата Балтии по русской поэзии». Ведущими выступили постоянные обозреватели портала — Олег Смагин (Минск, Беларусь) и Владимир Гутковский (Киев, Украина).

Днем ранее состоялся финал Открытого конкурса авторской песни, поэзии и исполнительского мастерства «Витебский листопад-2018» в номинации «Поэзия».

Лауреаты конкурса во всех номинациях («Поэзия», «Авторская песня», «Исполнительское мастерство») выступили двадцатого октября в гала-концерте закрытия, там же и состоялась церемония награждения победителей. Кроме того, в рамках гала-концерта была вручена премия «За вклад в развитие фестиваля», которую получили кураторы поэтической части — Олег Сешко и Елена Крикливец.

Завершил поэтическую программу фестиваля концерт «Наречие рек». Он прошел в последний день фестиваля в круглом зале Концертного зала «Витебск», открылся удивительным представлением молодежного театра «Колесо» и объединил в своей программе участников «Дней портала «Stihi.lv», гостей фестиваля, известных витебских авторов-исполнителей, членов жюри и лауреатов открытого конкурса в номинации «Поэзия».

Пришла пора назвать лауреатов. Призовые места по итогам Открытого конкурса авторской песни, поэзии и исполнительского мастерства «Витебский листопад — 2018» распределились следующим образом.

Подноминация «Поэзия. Свободная тематика»:

Лауреат I степени — Марина КРУТОВА (Тверь, Россия)

Лауреат II степени — Павел СОЛОВЬЕВ (Гродно, Беларусь)

Лауреат III степени — Саша МОРОЗОВ (Смолевичи, Беларусь)

Подноминация «Поэзия. Юмор»:

Лауреат I степени — Павел СОЛОВЬЕВ (Гродно, Беларусь)

Лауреат II степени — Марина КРУТОВА (Тверь, Россия)

Лауреат III степени — Александр ДОРОЖИНСКИЙ (Сергиев Посад, Россия)

Кроме дипломов фестиваля, которыми наградили лауреатов конкурса, наиболее яркие его участники получили призы симпатий известных литературных изданий России, Беларуси, Украины, Франции, решивших оказать фестивалю информационную поддержку.

Всероссийский литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори» (г. Тула, Россия) публикует на своих страницах подборки победителей конкурса в номинации «Поэзия».

Приглашаем читателей журнала принять участие в Открытом фестивале авторской песни, поэзии и визуальных искусств «Витебский листопад — 2019»!

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издает на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к Барановой Елизавете Михайловне по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

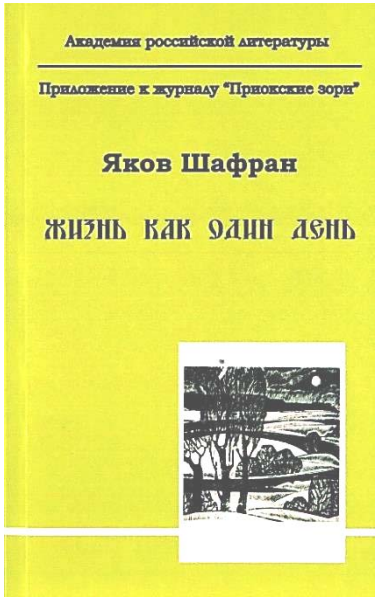
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., ***является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»***. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

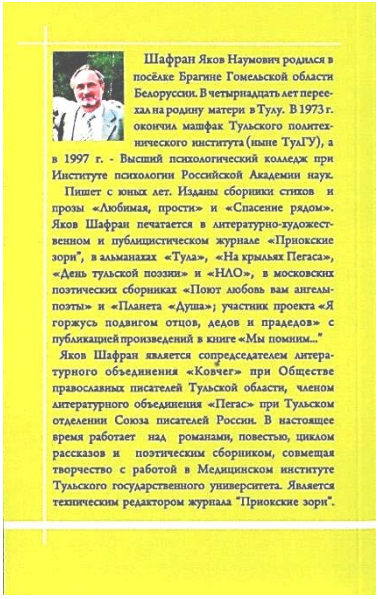
Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:





Шафран Яков Наумович родился в посёлке Брагине Гомельской области Белоруссии. В четырнадцать лет переехал на родину матери в Тулу. В 1973 г. окончил машфак Тульского политехнического института (ныне ТулГУ), а в 1997 г. - Высший психологический колледж при Институте психологии Российской Академии наук.

Пишет с юных лет. Изданы сборники стихов и прозы «Любимая, прости» и «Спасение рядом». Яков Шафран печатается в литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори", в альманахах «Тула», «На крыльях Пегаса», «День тульской поэзии» и «НЛО», в московских поэтических сборниках «Поют любовь вам ангелы-поэты» и «Планета «Душа»; участник проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов» с публикацией произведений в книге «Мы помним..."

Яков Шафран является сопредседателем литературного объединения «Ковчег» при Обществе православных писателей Тульской области, членом литературного объединения «Пегас» при Тульском отделении Союза писателей России. В настоящее время работает над романами, повестью, циклом рассказов и поэтическим сборником, совмещая творчество с работой в Медицинском институте Тульского государственного университета. Является техническим редактором журнала "Приокские зори".

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2019.— № 1 (опубликован материал Игоря Карлова).

2. *Общеписательская* литературная газета.— 2018.— № 10—12 (в № 10 — материал Алексея Яшина).

3. *Северо-Муйские огни:* Авторский литературный журнал.— 2018.— № 5, 6 (в обоих номерах опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).

4. *Московский Парнас:* Вестник Академии российской литературы.— 2018.— № 5—6.

5. *Новая Немига литературная* (Белоруссия).— 2018.— № 5 (опубликован материал Алексея Яшина).

6. *Иртышъ-Омь:* Литературно-художественный журнал.— 2018.— № 3—4 (опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).

7. *Тула:* Литературный альманах / Сост. С. Овчинников.— Тула: Аквариус, 2018.— 364 с. (опубликованы многие авторы «Приокских зорь»).

8. *Валерий Богушев.* Провинциальные записки: рассказы, повесть.— Тамбов: ООО «ТПС», 2018.— 180 с.

9. *Кулешов В. В.* Память чувств. Избранное.— Тула: Аквариус, 2018.— 256 с.

10. *Николай Макаров.* Они служили в штабе 106-ой гвардейской воздушно-десантной дивизии.— Тула: Изд-во ТулГУ, 2018.— 164 с.

11. *Николай Макаров.* Туляки 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка.— Тула: Изд-во ТулГУ, 2018.— 138 с.

12. *Николай Макаров.* Они воевали за Речкой.— Тула: Изд-во ТулГУ, 2019.— 291 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Яков Шафран*. Ностальгия: стихотворения / Предисл. Е. И. Трещева.— Тула: «Полиграфинвест», 2018.— 272 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

2. *На лирической волне:* Музыкально-литературный альманах журнала «Приокские зори». Вып. 3.— Тула: Аквариус, 2018.— 96 с., ноты (Библиотека журнала «Приокские зори»).

3. *Алексей Яшин*. Женщина в человейнике: Роман одного дня / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2018.— 395 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

4. *Николай Лесков.* Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе.— Тула: ООО «Аквариус», 2018.— 60 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— Подарочное нумерованное издание, вручаемое лауреатам всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

5. *Ковчег*: Альманах журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, произведения о детях и для детей. Вып. 8.— Тула: Изд-во «Полиграфинвест», 2018.— 330 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

6. *Тульская сторонка:* Региональный музыкально-литературный альманах. Песни и романсы, пьесы для фортепиано, стихи, статьи и рецензии. Вып. 3.— Тула: Изд-во Аквариус, 2018.— 96 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

7. *Николай Макаров.* Рядом с космическими полетами.— Тула: Изд-во Тул ГУ, 2018.— 51 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

— проза, включая драматургию;

— поэзия;

— публицистика, включая историко-политическую;

— литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звания лауреата — по номинациям — удостаиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс на 2019-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Евгений Скоблов с Ольгой Карагодиной и Борисом Рябухиным.
15 ноября 2018 г.

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

****

Уважаемые друзья, коллеги!

15 ноября 2018 года в Государственной думе Российской Федерации прошли парламентские слушания на тему «Судьба русского языка — судьба народа», посвященные 200-летию Ивана Сергеевича ТУРГЕНЕВА.

По инициативе заместителя председателя правления Академии российской литературы, известного московского литератора Михаила ЛАПШИНА, представители Академии РЛ приняли участие в мероприятии. На «Круглый стол» «Судьба русского языка — судьба народа» были приглашены президент Академии РЛ Борис РЯБУХИН и члены Академии — Михаил ЛАПШИН, Роман ТИШКОВСКИЙ, Ольга КАРАГОДИНА, Евгений СКОБЛОВ, Виктор КАШКИН, Иосиф РУХОВИЧ и Пресс-секретарь Союза писателей России Владимир ФЕДОРОВ.

Предлагаем вашему вниманию фоторепортаж, подготовленный по материалам, предоставленным Ольгой КАРАГОДИНОЙ и Владимиром ФЕДОРОВЫМ.

****

Информационный отдел Академии РЛ

<u>Евгений Скоблов</u> с Ольгой Карагодиной
8 ноября 2018 г.

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

****

Уважаемые друзья, коллеги!

7 ноября 2018 года в Доме Ростовых состоялась творческая встреча членов Академии, посвященная 77-летию со Дня рождения президента Академии российской литературы Бориса Константиновича РЯБУХИНА.

Евгений Скоблов
20 ноября 2018 г.

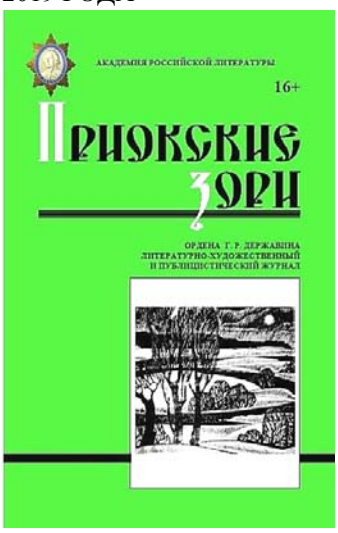
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

****

Уважаемые друзья, коллеги!

Предлагаем вашему вниманию информацию ВСЕРОССИЙСКОГО ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ» № 10 ОТ 20 НОЯБРЯ 2019 ГОДА



Уважаемые читатели и авторы «Приокских зорь», редакции литературных газет и журналов!

Подведены итоги открытого, в том числе в сети Интернет, обсуждения номинантов на всероссийскую литературную премию «Левша» им. Н. С. Лескова, присуждаемую ежегодно за лучшие публикации во всероссийском ордена Г. Р. Державина литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори». Названы лауреаты 2018-го года:

— Федор Ошевнев (г. Ростов-на-Дону) — в номинации художественной прозы;

— Владимир Корнилов (г. Братск) — в номинации поэзии;

— Валерий Румянцев (г. Сочи) — в номинации публицистики и литературной критики;

— Сергей Сенин (г. Тула) удостоен именной премии за большой вклад в творческое и организационное развитие инфраструктуры журнала «Приокские зори».

В номинации литературоведения премия в 2018-м году не присуждается.

С признательностью, редакция «Приокских зорь»

****

Информационный отдел Академии РЛ

Hatalia Kharina

5 декабря 2018 г.

Академия российской литературы в лице Президента Рябухина Б. К. и члена правления Ивановой Н. Е. приняли участие в юбилейном вечере в ЦДЛ по случаю 60-летия создания Союза писателей России. Председателю СПР Иванову Н. Ф. был передан поздравительный адрес от коллектива АРЛ и картина из галереи художницы Баженовой Н. А. «Зима».

Ольга Карагодина
10 декабря 2018 г.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ» № 11 ОТ 10 ДЕКАБРЯ 2018 ГОДА

Уважаемые читатели и авторы «Приокских зорь»!

№ 3, 2019 «ПЗ» будет посвящен 85-летию создания Союза писателей СССР. У кого из Вас есть материалы по этой тематике, просьба присылать до 01 июня 2019 года с пометкой «Юбилей СП СССР».

Редакция журнала

****

Информационный отдел Академии РЛ

Евгений Скоблов
13 декабря 2018 г.

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

****

Уважаемые друзья, коллеги!

В нашей рубрике «ТВОРЧЕСТВО АВТОРОВ АКАДЕМИИ» предлагаем вашему вниманию новую работу главного редактора всероссийского художественно-литературного и публицистического журнала «Приокские зори» (г. Тула) Алексея ЯШИНА «Французский синдром, или Новые луддиты».

****

Сергей Сенин
28 декабря 2018 г.

«ТУЛЬСКАЯ СТОРОНКА» — 3

Вышел в свет третий (внеочередной) номер регионального музыкально-литературного альманаха «ТУЛЬСКАЯ СТОРОНКА», в котором представлено музыкальное и литературное творчество авторов из Тулы, Алексина, Болохово, Донского, Каменского района, Новомосковска, Одоева, Черни, Москвы и Московской области. Все выпуски альманаха можно посмотреть и свободно скачать по ссылке:

https://yadi.sk/d/vJAs4RShUCeKvA

Издание четвертого номера по плану намечено на февраль 2019 года.

Евгений Скоблов

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИНФОРМИРУЕТ

****

Уважаемые друзья, коллеги!

14 декабря 2018 года в Бунинском зале библиотеки им. И. А. Бунина состоялось отчетное собрание Академии российской литературы по итогам творческой и организационной деятельности в 2018 году. Предлагаем вашему вниманию итоговый протокол собрания (подробный отчет и фоторепортаж о собрании были представлены в группе Академии РЛ ранее).

****

Информационный служба Академии РЛ

ЧЛЕНА АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПИСАТЕЛЯ ЛЕОНИДА ИВАНОВА ПРИЗНАЛИ ЧЕЛОВЕКОМ ГОДА

Ольга Катина
8 января 2019 года

Писателя признали человеком года

В Тюменской области, включая расположенные на ее территории Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, назвали лидеров общественного признания. Определяет их «Клуб 7», в который входят руководители крупнейших СМИ региона.

В числе лидеров общественного признания, а это политики, чиновники, бизнесмены, деятели науки, культуры, искусства и самые важные события в жизни региона, звание «Маэстро года», где отбор идет среди работников науки, культуры, искусства, получил Заслуженный работник культуры РФ, доктор наук, действительный член Академии российской литературы, Евразийской Академии телевидения и радио, Международной финно-угорской АН, руководитель Тюменского регионального отделения Союза писателей России, прозаик Леонид Иванов.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С НОВЫМ ГОДОМ И РОЖДЕСТВОМ ОТ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Союз писателей России. Официальная страница
https://www.facebook.com/groups/soyuzpisateleyros/

30 декабря 2018 г.

Дорогие друзья, соратники!

2018-й год оказался для нашего Союза достаточно насыщенным разного уровня событиями. В первую очередь, это проведение XV съезда, который подтвердил незыблемость нравственных и творческих критериев и позиций для нашего творческого Союза как Союза единомышленников. Это четыре Всероссийских совещания молодых писателей. Творческие поездки в Сирию и на Донбасс, в том числе и членов Совета молодых литераторов. Посадка сада Шолохова. Новые книги наших товарищей и новые имена лауреатов. Встречи с главами регионов. Это, наконец, наш отремонтированный дом на Комсомольском, 13. Пленум СП России, на котором принято решение об обмене членских билетов. 60-летие Союза писателей России, торжественно отмеченное 4 декабря в Центральном доме литераторов. К сожалению, это и новые утраты, в том числе уход из жизни нашего председателя В. Н. Ганичева. Пред памятью каждого ушедшего писателя склоняем головы.

2018-й год — это юбилеи многих региональных организаций, обновление руководства в части наших региональных отделений. Это наш прорыв на Красную площадь и ВВЦ в качестве полноправных участников книжных ярмарок-выставок. Уча-

стие в «Тавриде» и первый грант на издание альманаха «Заря». Это систематизация нашей организационно-творческой работы, собирание членов СП России в ближнем и дальнем зарубежье. Внимание к нашим литературным журналам и к их проблемам. Мы многое смогли, несмотря на скептицизм тех, кто не захотел оставаться с нами на стремнине литературного процесса. И потому благодарим каждого писателя России, внесшего свой посильный вклад в дело сохранения литературного пространства России, своими произведениями сберегающего русское и каждое иное национальное слово, сохраняющего высокие традиции отечественной классики и своим творческим поиском отвечающего на вызовы времени.

Наша организационно-творческая деятельность должна преследовать самую главную задачу: не оставить без внимания все наиболее значительное, что нашими коллегами будет создано.

Уходящий год дал нам существенный задел на будущее. Потому мы не вправе останавливаться, нас ждет активная совместная работа и одинокие бдения у своих письменных столов, нас ждет наш самый взыскательный читатель.

С наступающим Новым 2019 годом и Рождеством! Счастья всем нам, нашим родным и близким, всем нашим самым дорогим людям! Новых радостных и счастливых встреч, новых произведений, которые заставят волноваться сердца читателей!

С праздником!

Секретариат СП России

Поздравление от Владимира Корнилова

«ЗИМНИЕ МЕЛОДИИ»
Новогодние стихи

Будьте щедрыми, люди, по-русски
За своим новогодним столом,
Чтобы гости хвалили закуски,
Запивая игристым вином!..

Пусть весельем румянятся лица,
Добрый ангел хранит сыновей,
Чтоб всю ночь полыхали зарницы
В фейерверках бенгальских огней!

...Чтобы опыт духовный и зренье
Впредь забыли о распрях и зле,
Чтобы светлые эти мгновенья
Нам дарили добро на Земле...

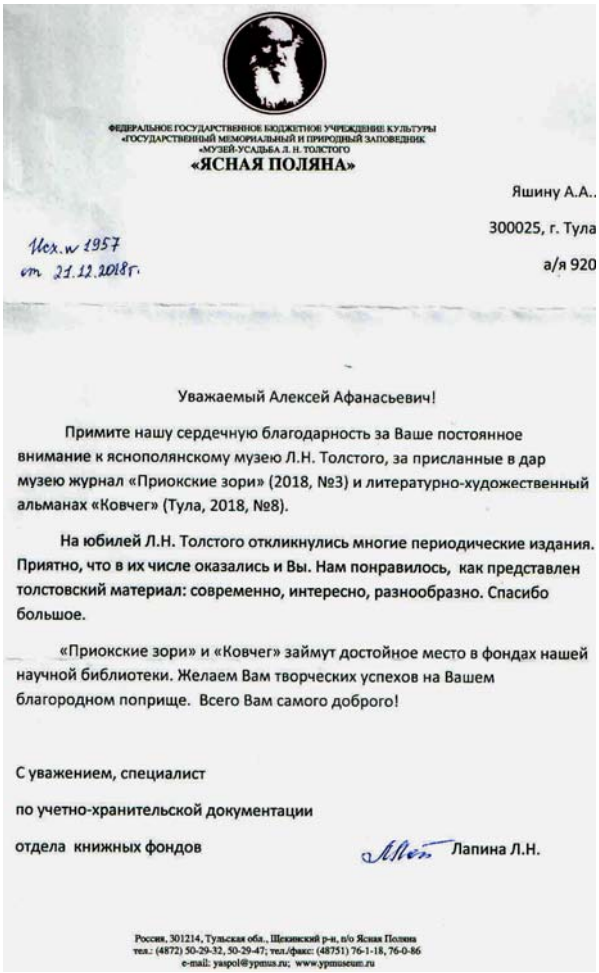
Чтобы радость в бокалах искрилась,
Все печали остались в былом.
Чтобы полночь, как Божия милость,
Нас с друзьями свела за столом!

...Будьте сча́стливы, люди, как дети,
Отодвинув невзгод череду,
Чтобы мир к нам пришел на планете
В наступающем Новом году!
С Новым годом, 2019 годом!!!

Поздравления с Новым годом и Рождеством прислали также:

Валерий Акимов (Нижневартовск), Татьяна Логинова и Виталий Кузнецов (Северо-Муйск), Олеся Янгол (Юрмала), Борис Рябухин (Москва), Игорь Егоров (Омск), Евгений Трещев (Щекино), Владимир Федоров (Москва), Олег Зайцев (Минск, Белоруссия), Владимир Герасимов (Тюмень), Ефим Гаммер (Иерусалим, Израиль), Людмила и Геннадий Авдеевы (Москва), Анна Барсова (Екатеринбург), Евгений Скоблов (Москва), Евгений Артюхов, Борис Зорькин (Валерий Румянцев) (Сочи), Надежда Николаева, Владимир Десятников, Сергей Сметанин, Юрий Клеванец (Осиповичи, Белоруссия), Тамара Булевич (Красноярск), Александр Сахаров (Белоозерский Московской области), Виктор Буланичев (Бийск), Евгений Асташкин (Омск).

О НАС ПИШУТ



ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ И ПРИРОДНЫЙ ЗАПОВЕДНИК
«МУЗЕЙ-УСАДЬБА Л. Н. ТОЛСТОГО
«ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

Яшину А.А..
300025, г. Тула
а/я 920

Исх. № 1957
от 21.12.2018 г.

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Примите нашу сердечную благодарность за Ваше постоянное внимание к яснополянскому музею Л.Н. Толстого, за присланные в дар музею журнал «Приокские зори» (2018, №3) и литературно-художественный альманах «Ковчег» (Тула, 2018, №8).

На юбилей Л.Н. Толстого откликнулись многие периодические издания. Приятно, что в их числе оказались и Вы. Нам понравилось, как представлен толстовский материал: современно, интересно, разнообразно. Спасибо большое.

«Приокские зори» и «Ковчег» займут достойное место в фондах нашей научной библиотеки. Желаем Вам творческих успехов на Вашем благородном поприще. Всего Вам самого доброго!

С уважением, специалист
по учетно-хранительской документации
отдела книжных фондов Лапина Л.Н.

Россия, 301214, Тульская обл., Щекинский р-н, п/о Ясная Поляна
тел.: (4872) 50-29-32, 50-29-47; тел./факс: (48751) 76-1-18, 76-0-86
e-mail: yaspol@yprnus.ru; www.yprnusem.ru

УРОЖАЙНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ОСЕНЬ

...Полный зал слушателей собирали и традиционные ежемесячные встречи ЛИТО с читателями. Последняя встреча была посвящена знакомству с произведениями журнала «Приокские зори» № 3. Встречу, как всегда, открыла руководитель ЛИТО Л. Е. Авдеева, сделавшая общий обзор журнала, посвященного юбилею яснополянского гения русской классики Л. Н. Толстого. Она остановилась на анализе очерка главного редактора А. А. Яшина «Последний евангелист христианской церкви», в котором раскрывается религиозно-философское мировоззрение писателя. При этом ведущая подчеркнула, что «Алексей Яшин — человек неординарного мышления, и его повествование о Толстом, как философе, мыслителе, моралисте, проповеднике, обличителе социального зла, человеке, стремящемся к самосовершенствованию, во многом отличается от общепринятых в литературоведении и тем особенно интересно для интересующихся творчеством Л. Толстого». Собравшиеся вспомнили такие произведения Л. Толстого, как «Исповедь», «Путь жизни», «В чем моя вера», отметив, что для Л. Толстого понятие церкви неоднозначно, что подтвердили и зачитанные отрывки из очерка Яшина, и приведенные им цитаты из произведений великого классика, и язвительные замечания очеркиста о современном мире. Л. Авдеева посоветовала прочитать опубликованные в «ПЗ» 3 главы из задуманного Толстым романа «Декабристы», который должен был стать продолжением «Войны и мира», а так же материал Г. Маркина о похоронах Л. Толстого и материал В.Чисникова «Шпион кается», основанный на подлинных фактах надзора за Толстым тайной полиции.

Остановилась она и на толстовском «Круге чтения», сборнике, в который вошли афоризмы, короткие рассказы писателей разных стран и эпох и самого Льва Николаевича, подчеркнув, что эта книга может и сегодня представлять интерес для тех, кто продолжает искать смысл жизни. Актер театра и кино, член ЛИТО Е. Кузнецов добавил, что его заинтересовал совместный материал А. Сахарова и Н. Суховой о периоде Крымской войны, в которой принял участие молодой офицер Л. Толстой. Так же он обратил внимание на информационный материал, представленный Тульской научной библиотекой, в которой хранится более 70 прижизненных изданий писателя, как в России, так и за рубежом.

Единодушно читателями был назван лучшим из прозаических произведений «ПЗ» рассказ автора из Израиля Ефима Гаммера, пронзительный, искренний, написанный «памятью сердца», когда матч по боксу между командами Израиля и Германии вызвал у героя повествования жгучие воспоминания о зверствах фашизма, о страданиях детства, гибели семьи. Обзор поэтического раздела сделала преподаватель, поэт и прозаик Н. Кругликова, отдав предпочтение коротким, ярким, образным, социально заостренным стихам И. Лукьянова из города Борисоглебска, подборке из пяти стихотворений Е. Грачева из Саратова, стихи которого привлекают гражданской направленностью, крепкими, тугими, живыми строками. Так же высокую оценку выступивших читателей получили цикл стихов «На Руси жить без добра устали» А. Давеева и поэма В. Свиридова из Луганской народной республики «Голгофа Николая Гоголя». Женская часть аудитории тепло высказалась о пейзажной, любовной и философской лирике И. Васильевой. В. Леонов, член Союза писателей России и Академии российской поэзии, в своем выступлении отметил, что для каждого пишущего важно ощущение востребованности его творчества, и такую возможность дает журнал «Приокские зори». Подробно остановился он на интервью Л. Е. Авдеевой «с самым заметным политиком современности» В. В. Жириновским «Пока жива совесть, жива Россия», отметив, что «собеседники подняли одну из актуальнейших тем осмысления прошлого, осмысления исторического процесса и при этом глубоко и всесторонне

раскрыли философию христианства». Далее музыковед, преподаватель Г. Назарова представила приложение к «ПЗ», музыкально-литературный альманах «Тульская сторонка», отметив его широкий жанровый диапазон, вобравший песни, романсы, пьесы для фортепиано, которые должны заинтересовать самодеятельных и профессиональных исполнителей, преподавателей и учащихся музыкальных школ и училищ. «То, что в альманахе представлены не только музыкальные произведения, но и рецензии, статьи и стихи, делает его более содержательным и интересным для широкого круга читателей»,— добавила музыкант-профессионал и исполнила написанное в темпе вальса В. Смирновым на слова Н. Дружкова произведение «Ясная Поляна». В заключение все члены ЛИТО и гости из других литературных объединений читали свои новые стихи, которые продолжали звучать и на традиционном чаепитии.

Людмила Авдеева,
член Союза писателей России,
Международной федерации журналистов,
руководитель ЛИТО «Вдохновение».

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ!

Анне Барсовой (Анне Ашотовне Барсегян)

Уважаемая Анна Ашотовна! Коллеги и друзья горячо поздравляют Вас, поэта, прозаика, переводчика, члена Академии российской литературы, Союза российских писателей и постоянного автора журнала «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» с юбилеем! Желают духовной молодости и неиссякаемого творческого вдохновения!

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

В изд-ве НВГУ г. Нижневартовска вышла книга ***постоянного автора «Приокских зорь» Валерия Акимова*** «40 лет в столице Самотлора (заметки колумниста)», в которой собраны его публикации в «Местном времени» и «Новостях Приобья» и не публиковавшиеся ранее стихи. Приводим библиографию книги:

А39 Акимов Валерий. 40 лет в столице Самотлора (заметки колумниста): Тип издания / В. Акимов.— Нижневартовск: НВГУ, 2018.— 94 с. (ISBN 978-5-00047-485-3)

«Пишу о том, что знаю и люблю» — с этих слов автора начинается книга, которая, несомненно, будет интересна и познавательна для читателей.

В газете «Тульские известия» (№ 170 от 20 ноября 2018 г.) напечатана статья о книге ***члена Союза писателей России Николая Макарова*** «Интернационалисты земли Тульской».

Тульский писатель-краевед, гвардии майор медицинской службы ВДВ, член Российского Союза ветеранов Афганистана Николай Макаров также выпустил книгу «Гвардейцы 51-го парашютно-десантного» (сайт газеты «Тульские известия», 24 ноября 2018 г., раздел «Общество»). Увидела свет и составленная совместно с Пановым Ю. И. книга «Трудовая доблесть и слава земли тульской» (издание 2-е, испр., доп.) о туляках: Героях Социалистического Труда, Героях России, Героях Труда, полных кавалерах ордена Трудовой Славы, лауреатах Сталинской и Ленинской премий. В канун годовщины ввода советских войск в Афганистан (декабрь 1979 г.) в Туле вышли еще две книги Николая Макарова: «Афганцы Тулы: книга вторая» и «Туляки 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка». А накануне 30-летия вывода советских войск из Афганистана (15 февраля 1989 г.) — его же книга «Они воевали за Речкой». Для слабовидящих и слепых изданы три аудиодиска: «Записки батальонного врача», «Сказки про лес», «Сказки о Паровозике» в исполнении автора, Макарова Н. А.

Редакция и редколлегия журнала «Приокские зори» поздравляет Николая Макарова с выходом книг и с награждением в год 70-летия 51-го гвардейского парашютно-десантного краснознаменного ордена Суворова 3-й степени полка имени Дмитрия Донского (28.09.2018) его, ветерана полка (1972—1981) и гвардии майора медицинской службы, медалью «70 лет 51-му парашютно-десантному полку».

НАМ ПИШУТ

Игорь Карлов
(г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт)

ПЕСЧИНКА К ПЕСЧИНКЕ
(Писательские юбилеи)

2018 год богат на писательские юбилеи. Настолько богат, что в нашем богоспасаемом отечестве началось даже вялотекущее противостояние, этакий бой без правил, во время которого представители различных общественно-политических лагерей натягивали вместо боксерских перчаток имена юбиляров. Хуком справа шарахнули по общественному мнению почитатели Солженицына, им ответили почвенники апперкотом под названием «Юбилей Тургенева»...

Нам же, подвизающимся вдали от родных осин беллетристам, не приходится привередничать. Любое внимание к художественному слову для нас, словно благосклонный взгляд вожделенной красавицы. Выдался повод отметить юбилеи Ч. Айтматова да Р. Гамзатова — и слава богу!

Девяностолетие Ч. Т. Айтматова и десятая годовщина со дня его смерти не прошли незамеченными широкой международной общественностью. Как известно, Айтматов был не только писателем. В последние годы жизни он занимал пост Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Кыргызстан в станах Бенилюкса. С уче-

том этого обстоятельства была проведена международная акция «Читаем Айтматова». По замыслу организаторов участники акции должны были разместить в Интернете видеоролики продолжительностью не более минуты с записью чтения любимого отрывка из айтматовского наследия. Автор этих строк и сам сказал на камеру несколько слов, предваряя выступления участников акции, и своих учеников подготовил к выступлению. Причем школьники читали не только художественную прозу. Прозвучали на нашем вечере и стихи, написанные в честь Ч. Айтматова собратьями по перу. Особое внимание при подготовке уделили публицистике выдающегося сына киргизского народа. На мой взгляд, именно прямое обращение Айтматова к читателю сегодня особенно важно. Например, вот эти строки: «Для меня русский язык в неменьшей степени родной, чем киргизский, родной с детства, родной на всю жизнь». Задумаемся: а будь иной позиция Айтматова, признали ли бы в Киргизии русский язык государственным наряду с языком титульной нации? Вступила бы республика в Евразийский союз? Пригласило бы правительство этой страны наших военных на свою территорию, отказав в гостеприимстве американским солдатам? Вот вам и цена писательского слова. Начинается с рассуждений о языке, а заканчивается вопросами экономики и обороны. Наше руководство об этом помнит? Понимает это?..

Но вернемся к юбилею автора «Буранного полустанка» и «Плахи». Ученики школы при Посольстве РФ в Кувейте подготовили и провели целый ряд мероприятий, посвященных творчеству знаменитого писателя: были оформлены информационные стенды, прошли беседы о литературе и языке, показаны презентации, устроены диспуты, организованы просмотры интервью с одним из самых маститых романистов XX века, прослушивания актерского чтения его произведений.

А где еще, кто поможет юным душам прочитать, услышать хотя бы несколько слов, которые обязано (обязано!) старшее поколение наставительно втолковать, или гневно крикнуть, или даже шепнуть при последнем издыхании младшим? Например, такой диалог из повести «Белый пароход»:

— Разве тебя не учили запоминать имена семерых предков? - спросил мальчик.

— Не учили. А зачем это? Я вот не знаю, и ничего. Живу нормально.

— Дед говорит, что если люди не будут помнить отцов, то они испортятся.

— Кто испортятся? Люди?

— Да.

— А почему?

— Дед говорит, что тогда никто не будет стыдиться плохих дел, потому что дети и дети детей о них не будут помнить. И никто не будет делать хорошие дела, потому что все равно дети об этом не будут знать...

Или вот этот отрывок из «Материнского поля»: «У каждой мамы есть улыбка, от которой голова идет кругом. Худо ли самой матери, хорошо ли ей, а на улыбку для своего ребенка у нее всегда сил хватит. И если даже мать прикрикнет построже, все равно в глазах у нее спрятана та же улыбка».

Или вот это: «И почему только люди становятся такими? Ты ему добро — он тебе зло. И не застыдится, и не одумается. Вроде бы так и должно быть. Всегда правым себя считает. Только бы ему было хорошо. Все вокруг должны угождать ему. А не захочешь — заставит. <...> И никуда ты от него не денешься. Везде он ждет тебя, сыщет тебя. И чтобы жилось ему вольно, душу из тебя вытрясет. И прав останется. Да, нет таким переводу...»

Если уж современные писатели стыдятся адресоваться к читателю так вот прямо, нелукаво, без фиги в кармане, то обратимся к наследию ушедших сочинителей, но слова важные, важнейшие до желторотиков наших доведем! И, конечно, постараемся, чтобы слова в их душах переплавились в дела.

В тетрадях моих старшеклассников появились интересные рассуждения о том, каковы особенности творчества Ч. Т. Айтматова. И рад я был тому, что ученики 10—11 классов попытались связать литературное наследие Айтматова с собственной жизнью, поскольку рассуждали о том, с чего начинается биография человека. Сам писатель считал, что его жизнеописание следует вести с постижения языков — родного, киргизского, и русского, открывшего мальчику из далекой горной страны богатства мировой культуры, а затем давшего ему, уже обретшему свой голос, свой стиль, возможность творить в унисон с проблемами целого человечества, злободневной современности, всего мироздания. А вот с чего начинается биография нашего юного соотечественника, входящего в жизнь? Их ответы обнадежили: молодые люди видят личностно значимые истоки своих будущих достижений и в приобщении к искусству, и в тесном взаимодействии со сверстниками, представителями разных народов и культур, и в осознании себя сыновьями, дочерями, внуками — продолжателями истории не только своего народа, но и своей семьи.

Большой путь проделали мои ученики навстречу другой знаменательной дате — юбилею народного поэта Дагестана, лауреата отечественных и зарубежных литературных премий, кавалера высших наград СССР и Российской Федерации Р. Г. Гамзатова. В школе прошел большой чтецкий концерт-лекция. В исполнении школьников прозвучали поэтические строки о дружбе, о юности, о любви к маме, к Родине, о стремлении к миру. Ведущие литературного праздника напомнили собравшимся некоторые факты биографии Р. Г. Гамзатова, указали на особенности его творчества. Эмоциональному восприятию происходящего на сцене способствовали подготовленные организаторами презентации, включавшие интересные фото- и видеокадры.

Поскольку Гамзатов — автор многочисленных лирических произведений, значительная часть которых положена на музыку, особое внимание мы уделили песенному наследию прошлого века. Поэтому поэтический концерт сопровождали песни, созданные советскими композиторами на стихи Р. Г. Гамзатова в разные годы. Отдельная страничка поэтического концерта была посвящена истории создания стихотворения и песни «Журавли», традиционно исполняемой в Кувейте (и, разумеется, не только здесь) во время акции «Бессмертный полк». Как только зазвучали знаменитые вступительные аккорды «Журавлей», весь зал настроился на задушевную, искреннюю волну и с чувством подпевал солистам.

Особый смысл празднику поэзии и песни придавало то обстоятельство, что в нашей школе обучаются правнуки Р. Г. Гамзатова, первоклассник Гаджи и ученик 8 класса Расул Гамзатовы, с особым чувством прочитавшие несколько стихотворений своего знаменитого предка.

Поэтическим девизом прошедшего литературного концерта могут стать строки Р. Гамзатова:

Люди, я прошу вас, ради Бога,
Не стесняйтесь доброты своей.
На земле друзей не так уж много:
Опасайтесь потерять друзей.

Очень бы мне хотелось, чтобы эти слова стали и жизненным девизом каждого школьника!

Не могу не отметить, что 95-летие Расула Гамзатова получило в мире гораздо более широкий резонанс. Так, в турецкой Анталье был проведен международный конкурс «Всенародно признанный поэт». Проект был организован «Россотрудничеством», Посольством России в Кувейте, Координационным советом организаций российских соотечественников в Турции, Московской международной школой в Анта-

лье, Музеем социалистического быта, Культурно-просветительским обществом «Столица».

Участниками проекта в очном формате стали учащиеся Московской школы в Анталье, дистанционно к ним присоединились школьники из казанской МДОУ СОШ № 171 и ученики школы при Посольстве РФ в Кувейте.

В целом проект строился на синтезе двух видов творчества — литературы и изобразительного искусства. Ценители художественного слова соревновались в чтецком мастерстве в рамках конкурса «Читаем Расула Гамзатова», а конкурс рисунков получил название «Я Дагестана пес сторожевой...» В турецком курортном городе прошла выставка рисунков «Я Дагестана пес сторожевой...», фотовыставка «Из жизни Расула Гамзатова», состоялся творческий вечер, посвященный всенародно признанному поэту, на котором прозвучали любимые многими поколениями поэтические строки, была исполнена ставшая легендой песня «Журавли». Гостям праздника показали документальный фильм о жизни и творчестве Р. Г. Гамзатова, видеозаписи с декламацией его стихов.

Ну а малыши из школы при Посольстве России в Кувейте с удовольствием отметили 110 лет со дня рождения любимого многими поколениями детей писателя Н. Н. Носова. Учителя постарались! Учеников 1—4 классов ждали и в литературной гостиной «Веселые произведения Н. Н. Носова», и на интеллектуальной игре «В гостях у Знайки», и на занятии по робототехнике «В гостях у Винтика и Шпунтика», и на викторине «Осень — любимое время года Пилюлькина», и в творческой мастерской «Рисуем, сочиняем, поем», где ребятишек встретили герои произведений Носова. Младшие школьники познакомились с фактами из жизни замечательного детского писателя, вспомнили его произведения, ответили на вопросы викторины, вместе со Знайкой подбирали рифмы, рисовали иллюстрации к своим любимым произведениям Н. Н. Носова, смотрели мультфильмы по его рассказам. В школе работала выставка творческих работ учащихся, на которой ребята представили свои поделки, рисунки, аппликации. Была организована выставка книг Н. Носова — дети могли почитать их, рассмотреть иллюстрации.

г. Эль-Кувейт, Кувейт. Стенд к юбилею Н. Н. Носова в школе при Посольстве России

г. Эль-Кувейт, Кувейт. Ученики начальной школы вместе с Незнайкой

г. Анталья, Турция. Ученики русской школы после творческого вечера, посвященного Р. Гамзатову

г. Анталья, Турция. Творческий вечер, посвященный юбилею Р. Гамзатова

г. Эль-Кувейт, Кувейт.
Расул Гамзатов читает стихи прадеда

г. Эль-Кувейт, Кувейт.
Звучит отрывок из повести
Ч. Айтматова «Первый учитель»

Уважаемый Алексей Афанасьевич! Прочитав ряд номеров журнала «Приокские зори», хочу поделиться впечатлениями. Также с интересом изучил Ваш Манифест по поводу метода соцреализма. Это мне близко. Убедился, что и мое отношение к Солженицыну идентично, а книга упоминаемого мыслителя современности Александра Зиновьева «Иди на Голгофу», в которой он устами героя-бомжа, хоть и в гротескной форме, предлагает «иванианство», является для меня настольной. Пытался написать и о творчестве вашего автора Ф. Ошевнева, но получалось слишком дежурно. Извиняюсь. С наступающим Новым годом и спасибо за поздравления!

С уважением, Евгений Асташкин,
зам. редактора альманаха «Тарские ворота».

Людмила Авдеева
Член Союза писателей России, член редколлегии «ПЗ».

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Осень для московского ЛИТО «Вдохновение» оказалась на удивление урожайной на многочисленные выступления, презентации, встречи с читателями. В сентябре в День знаний прошли встречи со школьниками. Надолго запомнился вечер памяти детей-жертв теракта в Беслане, где студийцы читали стихи военной тематики, а под пронзительные кадры документального фильма «Город Ангелов» руководитель ЛИТО, член СПР Л. Авдеева прочитала свою поэму «Реквием». Активно участвовали студийцы и в мероприятиях ЦАО Москвы, посвященных памяти павших ополченцев-защитников столицы. Состоялись поездки в Вязьму и Смоленск, города, где шли кровопролитные бои. Литературные выступления прошли на открытых площадках и в кафе. В День старшего поколения студийцы выступали в советах ветеранов, в центрах досуга. Поэты В. Леонов, В. Фомичев и Л. Авдеева приняли участие в круглых столах и конференциях Дома Национальностей по темам «Геноцид фашизма на оккупированных территориях РФ», «Дети войны», «Народная дипломатия», где высту-

пили с докладами и циклами своих стихов. Участвовали члены ЛИТО и в праздновании 5-ой годовщины Дня Басманного района, выступая вместе с другими творческими коллективами в библиотеках и музеях. Торжественно прошел заключительный вечер в трапезных палатах Елоховского собора, где среди награжденных дипломами и ценными подарками активистов ЦАО была отмечена и деятельность руководителя студии «Вдохновение» Л. Е. Авдеевой. Состоялись и осенние презентации новых книг студийцев. Свою шестую книгу «Вещий зов России» издал даровитый поэт, член СПР Василий Леонов. На презентации, состоявшейся в ЦДЛ, выступили известные поэты В. Сорокин, И. Голубничий, А. Парпара, члены ЛИТО, представители общественности. Предисловие к новой книге, как и к предыдущей, написала Л. Авдеева, она же представила коллективный 22-ой сборник ЛИТО и свою книгу о Тайване «Страна, согретая солнцем», отдельная презентация которой состоится до конца года в представительстве Тайваня в Москве. Так же в ЦДЛ прошла презентация коллективного сборника переводов непальских поэтов по подстрочникам известного журналиста Кришны Прокаша Шрехты российскими поэтами, а в посольстве КНДР в связи с 70-летием установления дипотношений с Россией состоялась презентация другого коллективного сборника — «Навстречу солнцу», которую представил один из авторов, прозаик и публицист Лаврентий Гурджиев.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ВСТРЕЧИ
(Россия, Тайвань, Пакистан, Непал, Палестина, Афганистан, Туркменистан)

В ноябре и декабре 2018 года состоялись знаменательные встречи российских поэтов с коллегами из Тайваня, Непала, Палестины, Пакистана, Афганистана, Туркменистана, в которых приняла участие член Союза писателей России, Людмила Евгеньевна Авдеева, член редколлегии журнала «Приокские зори».

ПЕРЕКЛИЧКА ТАЙВАНЬСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ПОЭЗИИ
(В программе презентация книги Л. Е. Авдеевой «Страна, согретая любовью»)

Представительство Тайваньско-Московской комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству во главе с г-ном Кэн Чжун Юном, находящимся в Москве в ранге посла, провело 3 литературно-музыкальных российско-тайваньских встречи, приуроченных к 25-летию Представительства. Первая прошла в отеле «Мариотт», где состоялось награждение тайваньских лауреатов Международной премии благотворительного российского фонда «Филантроп», о деятельности которого рассказал президент фонда Геннадий Аничкин. Член Союза писателей России, член редколлегии «ПЗ» Людмила Авдеева рассказала о литературном диалоге наших стран и прочитала цикл своих стихов, посвященных «неувядающей силе искусства». О сотрудничестве тайваньских и российских деятелей культуры говорили члены тайваньской делегации и победители конкурса, подготовившие концертную программу.

Это знаменательное событие было продолжено в центре ТЦСО Басманный, где прошла Международная встреча «Перекличка тайваньской и российской поэзии», в которой приняли участие представители посольств и диаспор из Китайской народной республики, Непала, Афганистана, Туркменистана, Казахстана, делегация деятелей культуры из Тайваня, представители общественности, студенты, жители района. В зале не было ни одного свободного места, и люди сидели даже на ступеньках и подоконниках. Вели программу руководитель ЛИТО «Вдохновение», культуролог Людмила Евгеньевна Авдеева и ответственный секретарь Представительства, переводчи-

ца Лай И Чунь. В своем приветственном слове посол г-н Кэн Чжун Юн познакомил собравшихся с историей образования Тайваня, острова в северо-западной Азии, открытого португальскими моряками в 16 в. и назвавшими его Формозой (Прекрасный). Посол рассказал о современном состоянии страны, отметив, что 20 % бюджета расходуется на образование и культуру и 59 стран, в том числе Россия, имеют право на безвизовое посещение. Зрителям был показан красочный документальный фильм о стране, а затем Лай И Чунь представила новую книгу Л. Авдеевой «Страна, согретая солнцем», изданную при содействии главы Китайского общества инноваций и изобретений д-ра Ву Ку Чена. Своими впечатлениями о книге Л. Авдеевой поделились член-корреспондент Академии поэзии В. И. Леонов, Председатель Некрасовского комитета В. Т. Фомичев, Советник глобальной федерации непальской литературы, журналист, переводчик Кришна Шрехта Прокаш, начальник отдела культуры Общества единства и солидарности народов Афганистана, поэт и переводчик Рахматулла Раванд и другие. Выступавшие отметили разносторонность дарования автора, вносящего своим творчеством, поэзией, переводами, научными статьями ощутимый вклад в развитие культурного диалога между Россией и зарубежными странами. Переводчик Лай И Чунь напомнила, что Тайваню и ранее автор посвящала стихи в своей книге «Листая жизни календарь», в коллективных сборниках и альманахах, неоднократно читала свои стихи на «Русском радио» Тайваня. В новую книгу вошло около 100 стихотворений, посвященных обычаям страны, многочисленным достопримечательностям, фестивалям, деятелям культуры, очарованию природы. В сборнике также рассказы, среди которых интересная и запутанная история семьи основателя государства Чан Кай-ши, рассказ о появлении на острове издательства «Вишневый сад» и любви тайваньцев к А. П. Чехову, повествование о появлении на столах обычных жителей рисового пирога по рецепту личного повара Чан Кай-ши и другие истории. В своем выступлении Л. Авдеева поделилась своими впечатлениями о стране, изучением культуры которой она занимается уже долгие годы, и прочитала стихи из новой книги, чтение которых сопровождалось видеорядом.

Во втором отделении выступил А. Матвеев, зам. председателя Ассоциации потомков летчиков-добровольцев, который рассказал о тех, кто воевал в Китае в 1937—40 гг., и прочитал свои стихи, им посвященные. Несколько своих произведений исполнил рок-вокалист С. Гарифуллин. Прочитали свои стихи и члены ЛИТО «Вдохновение» Т. Минаева, В. Медведев, Н. Орлова, И. Антонова. А затем студенты и аспиранты из Тайваня, обучающиеся в российских вузах, читали стихи китайских поэтов-классиков и современников на родном языке и в переводах на русский. В конце вечера все выступавшие вместе с залом пели «Катюшу» и «Подмосковные вечера». Глава представительства Кэн Чжун Юн вручил памятные подарки и цветы всем участникам встречи и организовал фуршет, на котором присутствовавшие смогли познакомиться с национальной кухней Тайваня.

Заключительное мероприятие Представительства Тайваня в Москве состоялось 25 ноября в концертном зале им. И. Архиповой, на котором присутствовали члены Международного Союза музыкальных деятелей, а основное время для выступлений было отдано тайваньским студентам, обучающимся в гуманитарных вузах Москвы. В их исполнении прозвучали произведения Чайковского, Рахманинова, Листа, Баха, Шопена, национальная музыка. В заключение все присутствовавшие пели тайваньскую песню «Детство» под аккомпанемент гитары С. Гарифуллина.

По окончанию серии мероприятий г-н Кэн Чжун Юн выразил уверенность, что в новом 2019 году Представительство Тайваня организует в Москве такие же знаменательные музыкально-литературные встречи, которые будут способствовать дальнейшему культурному сотрудничеству наших стран.

КОНОВАЛОВ АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

С чувством глубокой скорби сообщаем, что 24 декабря 2018 года на 73-м году ушел из жизни давний автор и друг нашего журнала Коновалов Анатолий Васильевич. Прекрасный, яркий, доброй души человек, замечательный журналист и прозаик.

Анатолий Васильевич свою трудовую деятельность начал корреспондентом становлянской районной газеты «Звезда», работал в газетах города Ельца Липецкой области. В это время делает первые шаги в художественной прозе, в газетах области появляются его ранние рассказы, но серьезно заняться литературным творчеством не дают повседневные дела и заботы. Он трудится на различных должностях в администрации города Ельца, а затем в Елецком государственном университете имени И. А. Бунина. Будучи помощником ректора университета по связям с общественностью и СМИ, затем доцентом кафедры журналистики и заведующим кабинетом истории университета, Анатолий Васильевич, кроме своих функциональных обязанностей, находит время и для научной работы — в начале 2000-х годов выходят в свет его учебные пособия, в это же время публикуются и его первые книги художественной прозы. В сентябре 2015 года он вышел на пенсию.

Находясь на заслуженном отдыхе, Анатолий Васильевич целиком отдается литературному творчеству, начинает плодотворно сотрудничать с журналом «Приокские зори». Он лауреат международных конкурсов «Белая скрижаль-2011», «Белая скрижаль-2012», «Новые писатели-2012», «Большой финал 2013—2014», Всероссийского литературного конкурса «ЧуДетство» 2017 года, а также Липецких областных премий: литературной — имени Е. И. Замятина, журналистской — имени А. А. Вермишева. Лауреат Международного эко-просветительского фестиваля «Бунинские Озерки» 2018 года, в конкурсе короткого рассказа.

Анатолий Васильевич — член Союза российских писателей, член Союза журналистов РФ, Литературного фонда России, Международной ассоциации писателей и публицистов. В марте 2012 года избран действительным членом Петровской Академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург). Он автор 27 книг художественной прозы, публицистики и учебных пособий.

За писательский труд награжден медалью «Во славу Липецкой области». Является Почетным гражданином Становлянского района Липецкой области.

Работая как писатель и публицист, Анатолий Васильевич занимается и общественной деятельностью. По его инициативе был установлен памятный знак на месте бывшей усадьбы отца М. Ю. Лермонтова в селе Кропотово-Лермонтово Становлянского района Липецкой области, начали проводиться ежегодные Лермонтовские чтения и памятные мероприятия, посвященные И. А. Бунину в Становлянском районе Липецкой области, деревне Озерки, селе Становом и в городе Ельце.

Анатолий Васильевич Коновалов прожил яркую жизнь, всегда имел активную позицию, его отличали глубокая человечность, подлинная интеллигентность и высокий профессионализм. Начав свою трудовую деятельность журналистом районной газеты, он окончил ее писателем большого таланта и блестящего мастерства.

Похоронен Анатолий Васильевич Коновалов на родине в селе Становое Становлянского района Липецкой области. Память о нем навсегда сохранится в наших сердцах.

Редакция и редколлегия журнала «Приокские зори» выражают глубокое соболезнование родным и близким покойного.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен содержать:

1) фотографию автора поместить справа (формат рисунка: положение — за текстом);

2) имя и фамилию автора (шрифт размер 14 — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 —— полужирный.

4) ниже под фотографией шрифтом 14, курсивом — краткую биографию автора (с указанием места жительства автора, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;

5) для стихотворений заголовки (названия) выравнивать по центру, шрифт — полужирный. Сам текст выравнивать по ширине с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный.

6) общий объем представленного материала — не более 5 стандартных страниц формата А4 (шрифт Times New Roman, междустрочный интервал — единичный). Для поэм объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

2. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле и в файле с фотографией. Текстовый файл должен содержать:

1) фотографию автора поместить справа (формат рисунка: положение — за текстом); Размер фотографии — 4×5 см.

2) имя и фамилию автора (шрифт размер 14 — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт: размер 16 — полужирный.

4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую биографию автора (с указанием места жительства автора — выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5. Поля страницы — слева 2 см, справа 2 см. Таких параметров абзаца и страницы — шрифтом обычным придерживаться и далее.

5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии, представленной и отдельно.

1. Фотографию выслать отдельным файлом (кроме той, что помещена рядом с текстом).

2. Пропорции должны быть в соотношении 5:4.

3. Фотография по пояс, изображение лица занимает не менее 30 % площади рисунка.

4. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

5. Фотография должна быть резкая, выполненная с хорошим разрешением, фотоаппаратом не менее 5 МПс.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: markingennady@yandex.ru — зав. отделом прозы Геннадию Николаевичу Маркину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал

Редакторы: А. А. Яшин, В. В. Резцов, Я. Н. Шафран, В. Г. Демидов
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерный набор: авторы
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

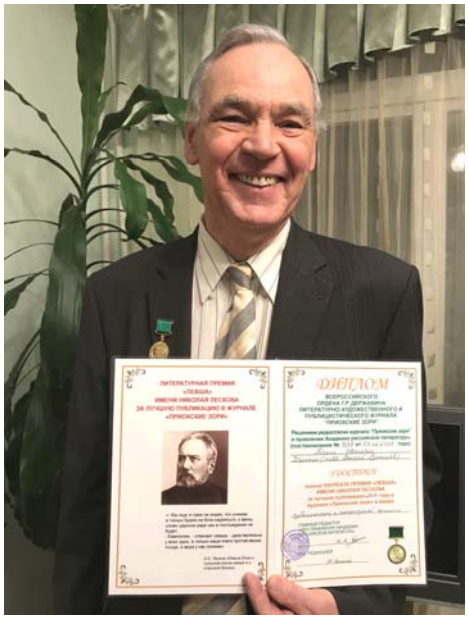
Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 31.03.2019
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

ВРУЧЕНИЕ ЗНАКОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЛАУРЕАТАМ 2018-ГО ГОДА

В новогодний вечер в «каминной» обстановке знаки премии вручает Федору Ошевневу председатель ростовского отделения Союза российских писателей Екатерина Гонзалес-Гальего



Литературный критик и поэт из Сочи Валерий Румянцев «примеривает» медаль и диплом лауреата

Композитору Сергею Сенину на его творческом вечере в Тульской центральной городской библиотеке им. Л. Н. Толстого знаки лауреата вручает член редколлегии «ПЗ» профессор Владимир Сапожников

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» ЗА 2018 ГОД

Федор Михайлович Ошевнев — в номинации художественной прозы. Удостоен звания лауреата за публикацию рассказов в №№ 1—3, 2018 «ПЗ» и за активное участие во всероссийском литературном процессе. Член Союза российских писателей, выпускник Литературного института им. А. М. Горького. Автор 12 книг, публиковался в 120 изданиях России и за рубежом. Яркий представитель жанра «жестокого» реализма. Четверть века служил в армии и милиции. Участник боевых действий, имеет государственные и ведомственные награды. Майор внутренней службы в отставке. Живет и работает в Ростове-на-Дону.

Владимир Васильевич Корнилов — в номинации поэзии. Удостоен звания лауреата за опубликованный в № 2, 2018 «ПЗ» цикл стихов «Personalia» («Берег детства») и активное участие во всероссийском литературном процессе. Член Союза писателей России, выпускник Литературного института им. А. М. Горького. Лауреат многих литературных премий и дипломант поэтических конкурсов. Воспитывает поколение молодых поэтов. Живет и работает в Братске Иркутской области.

Борис Иванович Зорькин (псевд. Валерий Румянцев) — в номинации публицистики и литературной критики. Удостоен звания лауреата за опубликованные в № 1, 2018 «ПЗ» материалы «Тиражи и виражи литературных журналов» и «Литературные премии в роли бижутерии» и активное участие во всероссийском литературном процессе. Автор 12 книг, публиковался в 180 изданиях России и за рубежом. Тридцать лет служил в органах госбезопасности. Имеет награды. Полковник ФСБ в отставке. Живет и работает в Сочи.

Сергей Владимирович Сенин удостоен звания лауреата по именной номинации за активную популяризацию музыкально-поэтического творчества и за создание альманаха «На лирической волне» журнала «Приокские зори» и альманаха «Тульская сторонка», выходящего в серии «Библиотека журнала «Приокские зори» (периодичность издания альманахов 2—3 выпуска в год). Композитор, музыкальный педагог, пианист. Живет и работает в Туле.